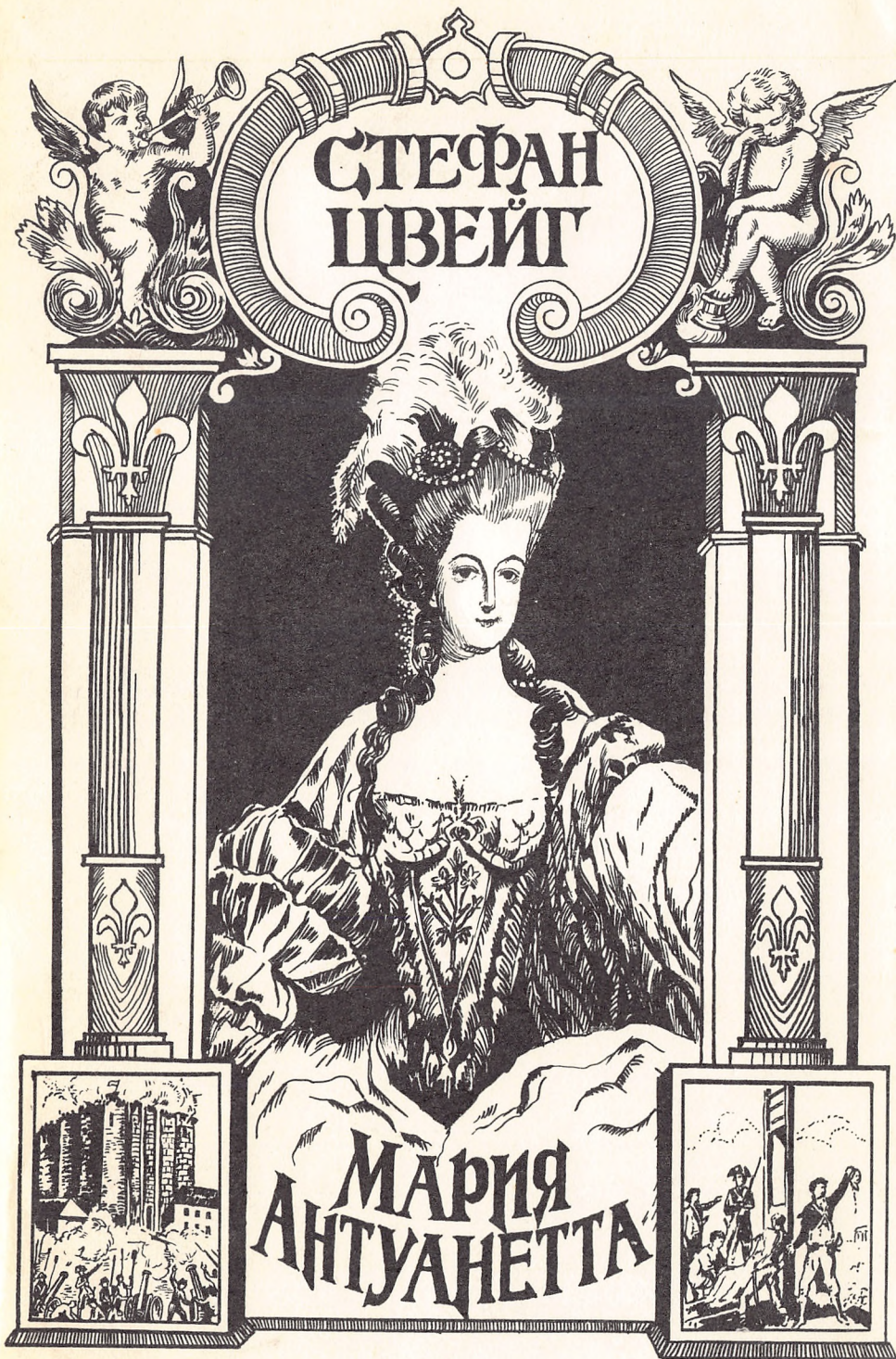

Стефан Цвейг

МАРІЯ АНТУАНЕТТА

Стефанъ Цвейгъ

МАРІЯ АНТУАНЕТТА

Перевель и обработаль
для русскаго изданія
В. Златогорскій

Выдаютъ замужъ дитя

Столѣтіями сражались Габсбурги съ Бурбонами на десяткахъ итальянскихъ, нѣмецкихъ, фландрскихъ полей битвъ за гегемонію въ Европѣ, наконецъ, обѣ династіи устали. Старые соперники поняли, что ихъ неустанное соревнованіе только открыло путь новымъ претендентамъ на власть. Еретики съ англійскаго острова уже стремятся къ владычеству надъ міромъ, протестантскій Бранденбургъ уже превращается въ мощное королевство, полуязыческая Россія уже готовится распространить сферу своей власти до безпредѣльности. Не лучше ли намъ, начинаютъ задумываться (какъ всегда, слишкомъ поздно) дипломаты обоихъ лагерей, жить другъ съ другомъ въ мирѣ, вмѣсто того, чтобы каждый разъ сызнова начинать роковыя войны, которыя идутъ на пользу только невѣрующимъ выскочкамъ? Шуазель при дворѣ Людовика XV и Кауницъ въ качествѣ совѣтчика Маріи-Терезіи замышляютъ союзъ, и для того, чтобы онъ оказался длительнымъ, а не только являлся передышкой между двумя войнами, они предлагаютъ, чтобы династіи Бурбоновъ и Габсбурговъ породнились. Династія Габсбурговъ всегда обладала достаточнымъ запасомъ принцессъ-невѣстъ, и сейчасъ недостатка въ выборѣ нѣтъ. Сначала министры подумываютъ сочетать бракомъ съ одной изъ Габсбургскихъ принцессъ самого Людовика XV, несмотря на то, что онъ уже дѣдушка и не отличается примѣрной нравственностью. Но христіанинѣйшій король бѣжить изъ постели маркизы Помпадуръ и укрывается въ постели другой фаворитки — Дюбарри. Овдовѣвшій во второй разъ императоръ Іосифъ не проявляетъ склонности быть сосватаннымъ съ одной изъ трехъ старѣющихъ дочерей Людовика XV. Остается только третья

естественная комбинація — обручить подростяущаго дофина, внука Людовика XV и будущаго носителя французской короны, съ одной изъ дочерей Маріи-Терезіи.

Въ 1766 году начинается официальное дипломатическое сватовство одиннадцатилѣтней Маріи-Антуанеты. Но дипломаты перестали-бы быть дипломатами, если бы не усложняли самыхъ простыхъ вещей и не затягивали искусственно всякое важное дѣло. Чѣмъ настойчивѣе становится Марія-Терезія, тѣмъ сдержаннѣе становится умудренный опытомъ Людовикъ XV. Въ продолженіе трехъ лѣтъ онъ заставляетъ посылать себѣ портреты и доклады о маленькой эрцгерцогинѣ и изъявляетъ свое принципиальное согласіе на бракъ, но не произноситъ рѣшительнаго слова.

Невинный объектъ намѣчающейся важной государственной сдѣлки, одиннадцатилѣтняя, двѣнадцатилѣтняя, тринадцатилѣтняя Туанетта, нѣжный, пріятный, стройный и безспорно красивый ребенокъ. шалитъ и забавляется въ это время со своими сестрами, братьями и подругами въ залахъ и садахъ Шенбрунскаго дворца. Ученію, книгамъ, образованію она посвящаетъ очень мало времени. Съ присущей ей отъ природы любезностью и живостью она такъ ловко водить за носъ воспитывающихъ ее гувернантокъ и аббатовъ, что умудряется увиливать отъ всѣхъ уроковъ. Съ ужасомъ замѣчаетъ въ одинъ прекрасный день перегруженная государственными дѣлами Марія-Терезія, что будущая королева Франціи въ тринадцать лѣтъ не умѣетъ правильно писать ни по нѣмецки, ни по французски и не обладаетъ даже самыми поверхностными знаніями въ области исторіи и другихъ предметовъ общаго образованія. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и въ области музыки, хотя самъ Глюкъ обучаетъ ее игрѣ на клавесинѣ. Необходимо во что бы то ни стало нагнать упущенное, превратить лѣнивую рѣзвуху Туанетту въ образованную даму.

Будущая королева Франціи должна, прежде всего, хорошо танцовать и говорить по французски съ хорошимъ акцентомъ. Для этой цѣли Марія-Терезія спѣшно приглашаетъ знаменитаго танцмейстера Новерра и двухъ

артистовъ гастролирующей въ Вѣнѣ французской группы — одного для обученія произношенію, другого — для обученія пѣнію. Едва только французскій посланникъ сообщаетъ объ этомъ двору Бурбоновъ, какъ изъ Версаля приходитъ возмущенное указаніе: будущая королева Франціи не должна обучаться у комедіантовъ. Торопливо ведутся новые дипломатическіе переговоры — Версаль считаетъ воспитаніе сватаемой дофину невѣсты своимъ дѣломъ, и послѣ долгихъ перипетій въ Вѣну командировается въ качествѣ воспитателя рекомендованный епископомъ Орлеанскимъ аббатъ Вермонъ.

Онъ находитъ тринадцатилѣтнюю эрцгерцогиню очаровательной и чрезвычайно симпатичной. «Съ прелестнымъ личикомъ она соединяетъ предѣльную грацію движеній, и если она, какъ это можно надѣяться, еще немножко подрастетъ, она будетъ обладать всѣми прелестями, которыхъ можно требовать отъ высокородной принцессы. Ея характеръ и душевный укладъ превосходны». Значительно осторожнѣе высказывается любезный аббатъ въ своихъ докладахъ о познаніяхъ и прилежаніи своей ученицы. Всецѣло ушедшая въ забавы, невнимательная, непослушная, чрезвычайно живая, маленькая Марія-Антуанетта не обнаруживаетъ, несмотря на блестящія способности, ни малѣйшей склонности заняться какимъ-нибудь серьезнымъ предметомъ. «Она обладаетъ гораздо большимъ умомъ, чѣмъ можно было предположить, но умъ этотъ, къ сожалѣнію, не былъ до двѣнадцатилѣтняго возраста приученъ ни къ какой концентраціи. Немножко лѣни и много легкомыслія еще больше затрудняютъ мнѣ преподаваніе. Я убѣдился, что ее можно воспитывать, лишь одновременно развлекаая ее».

Уже въ тринадцатилѣтнемъ возрастѣ сказываются полностью всѣ опасныя черты этого характера, который могъ бы всего добиться, однако, ничего не хочетъ по настоящему.

Но при французскомъ дворѣ, со времени хозяйничанія метрессъ, больше цѣнятъ въ женщинѣ ея умѣнье держать себя, чѣмъ ея содержательность. Марія-Анту-

анетта хороша собой, представительна, обладает приятным характером — этого достаточно, и в 1769 году Людовик XV отправляет, наконец, Марии-Терезии долгожданное письмо, в котором торжественно просит руки молодой принцессы для своего внука, будущего Людовика XVI, и предлагает устроить свадьбу на Пасху будущего года. Счастливая Мария-Терезия изъявляет свое согласие. Старый лозунг Габсбургской династии „*Bella gerant alii, tu, felix Austria, nube*“ еще раз оправдывается.

Задача дипломатов благополучно завершена. Но теперь лишь начинается выясняться, что выполнена только более легкая часть работы. Привести к соглашению Габсбургов и Бурбонов, примирить Людовика XV с Марией-Терезией — да ведь это дѣтская забава по сравнению с необходимостью согласовать австрийской и французской придворные церемоніалы. Блюстители священных традицій и обычаев при Версальском и Шенбрунском дворцах день и ночь ломают себѣ головы надъ китайскими тонкостями этикета. День и ночь совѣщаются посланники по поводу каждаго отдѣльнаго приглашенія, курьеры съ предложеніями и контръ-предложеніями летятъ взадъ и впередъ, — вѣдь жутко даже и подумать, какая невѣроятная катастрофа (похуже, чѣмъ семь войнъ) можетъ стрястись, если окажется задѣтымъ чванство одной изъ высокихъ сторонъ! Въ безконечномъ количествѣ совѣщаній обсуждаются щекотливые вопросы, вродѣ того, напимѣръ, чье имя должно быть поставлено первымъ въ брачномъ контрактѣ — австрийской императрицы или французскаго короля, кто долженъ первымъ подписать, какіе должны быть поднесены подарки, изъ чего должно состоять приданое, кто долженъ сопровождать невѣсту, кто ее долженъ встрѣтить, сколько кавалеровъ, фрейлинъ, верховыхъ, парикмахеровъ, исповѣдниковъ, врачей, писцовъ, секретарей, прачекъ должно входить въ составъ свиты, провожающей ее до границы, и сколько въ составъ свиты, провожающей наследницу французскаго престола отъ границы до Вер-

саля. А въ то время, какъ ученые парики по обѣ стороны границы бьются надъ разрѣшеніемъ этихъ тончайшихъ проблемъ, придворныя дамы и кавалеры, аргументируя пергаментными фоліантами, оспариваютъ другъ у друга право на занятіе тѣхъ или иныхъ почетныхъ должностей. Церемоніймейстеры работаютъ, какъ каторжники, но на протяженіи цѣлаго года не могутъ окончательно справиться со всѣми этими міровыми вопросами придворнаго мѣстничества. И если бы не то обстоятельство, что точная дата церемоніи зафиксирована королевскимъ приказомъ, блюстители австрійскихъ и французскихъ придворныхъ традицій до сихъ поръ не столковались бы относительно «правильной» формы вѣнчанія и не существовало бы ни королевы Маріи-Антуанетты, ни, быть можетъ, великой французской революціи.

Обѣ стороны — хоть и Австрія и Франція не мѣшало бы проявить возможно больше бережливости — рѣшили обставить свадьбу со всей возможной пышностью и блескомъ. Габсбурги ни за что не хотятъ отстать отъ Бурбоновъ, а Бурбоны отъ Габсбурговъ. Дворецъ французскаго посольства въ Вѣнѣ оказывается черезчуръ малъ для тысячи пятисотъ приглашенныхъ. Сотни рабочихъ торопливо возводятъ пристройки. А въ то же время въ Версалѣ сооружается спеціальный оперный залъ для свадебнаго торжества. Для придворныхъ поставщиковъ, портныхъ, ювелировъ, каретниковъ наступаютъ золотые дни.

Въ качествѣ официальнаго свата прибываетъ въ Вѣну посоль Дюфоръ, и блестящее зрѣлище представляется взорамъ падкихъ на развлеченія вѣнцевъ: сорокъ восемь запряженныхъ шестерками роскошныхъ каретъ медленно и величественно катятся по украшеннымъ гирляндами улицамъ къ Гофбургу. Во сто семь тысячъ пукатовъ обошлись однѣ только новыя ливреи ста семнадцати стражниковъ и лакеевъ, сопровождающихъ свата. Самый вѣздъ обошелся въ триста пятьдесятъ тысячъ. Съ этого момента празднества не перестаютъ слѣдовать одно за другимъ: официальная просьба руки, торжественное отреченіе Маріи-Антуанетты отъ ея правъ на австрій-

скій престоль, поздравленія двора, университетъ, парадъ войскъ, парадный спектакль, балъ на три тысячи гостей въ Бельведеръ, приемъ и ужинъ на тысячу пятьсотъ персонъ въ Лихтенштейнскомъ дворцѣ, наконецъ, 19 апрѣля брачная церемонія «по довѣренности» въ Августинской церкви, при которой эрцгерцогъ Фердинандъ замѣщаетъ дофина. Затѣмъ еще интимный семейный ужинъ, а 21 апрѣля — торжественное прощаніе, послѣднія объятія. И сквозь почтительно разступающіяся шпалеры ѣдетъ въ каретѣ французскаго короля бывшая австрійская эрцгерцогиня Марія-Антуанетта навстрѣчу своей роковой судьбѣ.

Въ то время какъ исполинская кавалькада — триста сорокъ лошадей, которыхъ приходится смѣнять на каждой почтовой станціи, — медленно тянется черезъ верхнюю Австрію и Баварію и послѣ безчисленнаго количества празднествъ и приемовъ приближается къ границѣ, плотники и обойщики возводятъ на Рейнскомъ островѣ между Келемъ и Страсбургомъ странное сооруженіе. Это главный козырь Шенбрунскихъ и Версальскихъ оберцеремоніймейстеровъ. Послѣ безконечныхъ совѣщаній о томъ, должна ли восплѣдовать торжественная передача невѣсты на австрійской или французской территоріи, какая-то мудрая голова придумала Соломоново рѣшеніе: на одномъ изъ маленькихъ, необитаемыхъ песчаныхъ островковъ Рейна, между Франціей и Германіей, такъ сказать на ничьей землѣ будетъ выстроено специальное деревянное павильонъ для этой торжественной церемоніи. Чудо нейтральности — двѣ комнаты, выходящія на правый берегъ Рейна, въ которыя Марія-Антуанетта вступитъ уже въ качествѣ дофинши Франціи, а посрединѣ большой залъ для торжественной передачи, въ которомъ эрцгерцогиня окончательно превратится въ наследницу французскаго престола. Роскошные ковры и драпировка изъ архіепископскаго дворца украшаютъ наскоро сколоченныя деревянные стѣны. Страсбургскій университетъ ссужаетъ балдахинъ, богатая страсбургская буржуазія — свою лучшую мебель.

Церемонія передачи Маріи-Антуанетты должна символизировать ея прощаніе со всѣмъ тѣмъ, что связываетъ ее съ австрійской династіей. И тутъ церемоніймейстеры придумали особый трюкъ: не только ни одинъ чело­вѣкъ изъ состава ея родной свиты не долженъ перешагнуть съ невѣстой черезъ воображаемую линію границы, но ни одной нитки родного производства, ни сорочки, ни чулокъ, ни туфель, ни ленточки не должно остаться на ея тѣлѣ. Съ того мгновенія, какъ Марія-Антуанетта становится дофиншей Франціи, лишь ткани французскаго производства могутъ окутывать ея тѣло. Въ австрійскихъ переднихъ комнатахъ должна четырнадцатилѣтняя принцесса раздѣться до-нага въ присутствіи всей ея австрійской свиты. На мгновеніе сверкаетъ обнаженное нѣжное, еще не расцвѣтшее дѣвичье тѣло въ темномъ помѣщеніи, затѣмъ на него набрасываютъ сорочку изъ французскаго шелка, юбки изъ Парижа, чулки изъ Ліона, туфли придворнаго версальскаго сапожника, кружева и воланы. Она не вправѣ сохранить на себѣ на память ни одного предмета, ни колечка, ни креста, отнынѣ ей нельзя видѣть подлѣ себя ни одного изъ тѣхъ родныхъ лицъ, къ которымъ она за всѣ эти годы привыкла.

Удивительно-ли, если охваченная чувствомъ внезапной выброшенности на чужбину маленькая, напуганная всѣмъ этимъ шумомъ и суетой дѣвочка раздражается слезами? Но она немедленно овладѣваетъ собой, — проявленія чувства неумѣстны на политической свадьбѣ, тамъ, въ слѣдующей комнатѣ, ждетъ уже французская свита и стыдно предстать предъ ней съ заплаканными глазами. Графъ Старенбергъ подаетъ ей руку и во французскомъ туалетѣ, сопутствуемая въ послѣдній разъ своей австрійской свитой, вступаетъ Марія-Антуанетта въ залъ передачи, гдѣ ее дожидается разряженная бурбонская делегация. Сватъ Людовика XV произноситъ торжественную привѣтственную рѣчь, оглашается протоколъ и затѣмъ — всѣ сдерживаютъ дыханіе — начинается великая церемонія. Она рассчитана шагъ за шагомъ, подобно мемуэту, неоднократно прорепетирована, заучена до мело-

чей. Стоящій посреди зала столъ символизируетъ границу. Передъ столомъ стоятъ австрійцы, за нимъ французы. Сначала графъ Старенбергъ отпускаетъ руку Маріи-Антуанетты, французскій шаферъ подхватываетъ ее и медленно обводитъ дрожащую дѣвушку торжественнымъ шагомъ вокругъ стола. На протяжении этихъ точно исчисленныхъ минутъ австрійская свита медленно пятится назадъ ко входнымъ дверямъ, а французская свита въ томъ же тактѣ движется навстрѣчу будущей королевѣ, такъ что въ тотъ самый моментъ, когда Марія-Антуанетта оказывается посреди своего новаго французскаго двора, австрійскій дворъ оказывается за пределами зала.

Безшумно, образцово, призрачно-величественно свершается эта оргія этикета. Лишь въ самое послѣднее мгновенье маленькая запуганная дѣвочка не выдерживаетъ холодной торжественности и вмѣсто того, чтобы съ высококомѣрной снисходительностью отвѣтить реверансомъ на почтительный низкій реверансъ ея новой фрейдины графини де Ноайль, она всхлипывая бросается въ ея объятія. Великіе мандарины этикета обѣихъ сторонъ забыли предписать этотъ красивый и трогательный жестъ, подсказанный сознаниемъ покинутости. Но чувство не калькулируется логарифмами придворнаго церемоніала. снаружи уже дожидается стеклянная карета. уже звонять колокола Страсбургскаго собора, уже гремятъ салюты артиллерійскихъ орудій, и привѣтствуемая восторженными кликами, Марія-Антуанетта покидаетъ навсегда беззаботныя поля своего дѣтства. Начинается ея женская судьба.

Вѣздъ Маріи Антуанетты явился необычайно торжественнымъ событіемъ для неизбалованнаго за послѣднее время празднествами французскаго народа. Уже много десятилѣтій Страсбургъ не видалъ грядущихъ королевъ Франціи и никогда, должно быть, такой очаровательной, какъ эта молодая дѣвушка. Свѣтловолосое стройное дитя съ голубыми капризными глазами улыбается изъ стеклянной кареты безчисленнымъ толпамъ на-

рода, разрядившагося въ живописные національные эльзасскіе костюмы и сошедшагося изъ всѣхъ окрестныхъ деревень и городовъ, чтобы привѣтствовать восторженными кликами пышную процессію. Сотни дѣтей въ бѣлыхъ одеждахъ идутъ впереди, разсыпая цвѣты. Воздвигнута триумфальная арка, ворота города украшены гирляндами, и на городской площади льется вино изъ фонтана, цѣлые быки жарятся на вертелахъ, изъ исполинскихъ корзинъ одѣляютъ хлѣбомъ бѣдняковъ. Вечеромъ всѣ дома ярко иллюминированы. огненные змѣи вьются вверхъ по крутымъ стѣнамъ соборной колокольни, пламенѣтъ прозрачное каменное кружево божественнаго собора. По Рейну скользятъ украшенные похожими на пылающіе апельсины лампіонами безчисленныя лодки и барки съ цвѣтными факелами, въ чащѣ деревьевъ сверкаютъ озаренные огнями пестрые стеклянные шары и съ острова сіяетъ въ качествѣ заключительнаго аккорда грандіознаго фейерверка окруженная мифологическими фигурами монограмма дофина и дофинши. До глубокой ночи толпятся по набережнымъ и улицамъ жадныя до зрѣлищъ массы народа, поетъ и гремитъ музыка, повсюду кружатся въ танцѣ веселыя пары. Съ прибытіемъ изъ Австріи этой златокудрой вѣстницы счастья словно насталъ рай на землѣ, и сердца озлобленнаго обездоленнаго французскаго народа еще разъ исполняются надеждъ.

Недолго можетъ Марія-Антуанетта оставаться въ Страсбургѣ, въ полу-родномъ ей Эльзасѣ: всякое промедленіе преступно, когда ждетъ король Франціи. Черезъ триумфальныя арки, сквозь увѣнчанныя гирляндами ворота, среди восторженныхъ кликовъ толпы движется свадебная процессія къ своей цѣли — Компъенскому лѣсу, гдѣ королевская семья поджидаетъ своего новаго сочлена. Едва фанфары возвѣщаютъ приближеніе кортежа, Людовикъ XV покидаетъ свою карету, чтобы привѣтствовать жену своего внука. Но Марія-Антуанетта спѣшитъ ему навстрѣчу вызывающими своей легкостью всеобщее восхищеніе шагами и присѣдаетъ въ очаровательномъ реверансѣ — недаромъ она ученица знаменитаго танц-

мейстера Новерра — передъ дѣдомъ своего будущаго супруга. Король, большой знатокъ и цѣнитель свѣжаго дѣвичьяго тѣла, весьма воспримчивый къ граціи и красотѣ, склоняется съ нѣжно-довольной улыбкой къ аппетитному свѣтлокудрому существу, поднимаетъ невѣсту своего внука и цѣлуетъ ее въ обѣ щеки. Затѣмъ лишь представляетъ онъ ей ея будущаго мужа, который, съ глуповато-смущеннымъ и натянутымъ видомъ стоя подлѣ дѣда теперь только вскидываетъ, наконецъ, на свою невѣсту свои заспаные близорукіе глаза и, согласно требованіямъ этикета запечатлѣваетъ на ея щекѣ безстрастный поцѣлуй. Въ каретѣ Марія-Антуанетта возсѣдаетъ между дѣдомъ и внукомъ, между Людовикомъ XV и будущимъ Людовикомъ XVI. Старикъ-король больше похожъ на жениха, чѣмъ его внукъ, возбужденно болтаетъ, даже слегка ухаживаетъ за очаровательной внучкой, между тѣмъ, какъ будущій ея супругъ со скучающимъ видомъ забивается въ уголь кареты. Вечеромъ, когда обрученные и «по довѣренности» уже даже повѣнчанные молодые люди отправляются въ свои еще отдѣльныя опочивальни, печальный любовникъ не обмѣнялся еще ни однимъ ласковымъ словомъ съ этимъ восхитительнымъ подросткомъ и въ свой дневникъ онъ въ качествѣ резюме этого рѣшительнаго для его жизни дня вписываетъ лишь одну сухую строчку: «Встрѣча съ госпожей дофиншей».

Второе, настоящее торжество вѣнчанія происходитъ 16 мая въ Версалѣ, въ часовнѣ Людовика XIV. Такой важный дворцовый и государственный актъ христіаннѣйшей династіи является слишкомъ интимнымъ, семейнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ высокимъ и сувереннымъ дѣломъ, чтобы народу дозволено было присутствовать при немъ въ качествѣ зрителей или даже стоять шпалерами у дверей. Только дворянская кровь — по меньшей мѣрѣ родословное дерево съ сотней развѣтвленій — даетъ право на присутствіе въ церкви. Архіепископъ Реймскій совершаетъ обрядъ вѣнчанія. Онъ благословляетъ тринадцать золотыхъ монетъ и обручальное

кольцо. Дофинъ надѣваетъ Маріи-Антуанеттѣ кольцо на четвертый палецъ, вручаетъ ей золотыя монеты. затѣмъ оба опускаются на колѣни, чтобы получить благословеніе. Органными аккордами начинается обѣдня, при провозглашеніи «Отче нашъ» надъ головами молодой пары расprostируютъ серебряный балдахинъ. затѣмъ король и въ строгомъ порядкѣ ранговъ всѣ кровные родственники подписываютъ брачный договоръ. На этомъ длинномъ поблѣднѣвшемъ пергаментномъ свиткѣ и по сей день видны нѣсколько неуклюже написанныя четыре слова «Марія-Антуанетта-Іозефа-Іоанна», старательно начертанныя неувѣренной пятнадцатилѣтней рукой, и подлѣ нихъ — о, злое предзнаменованіе! — большое чернильное пятно. По окончаніи церемоніи народу дается милостивое разрѣшеніе принять участіе въ празднествѣ монарха. Неисчислимыя толпы — Парижъ на половину опустѣлъ — разсыпаются по Версальскимъ садамъ. Главной приманкой является вечерній фейерверкъ, грандіознѣйшій изъ когда-либо устраиваемыхъ при дворѣ. Но небеса организуютъ собственный фейерверкъ. Во второй половинѣ дня начинаютъ гроздить на небѣ мрачныя, предвѣщающія бѣду тучи, раздражается гроза, хлещетъ проливной дождь и въ дикомъ безпорядкѣ спѣшитъ обманутый въ своихъ ожиданіяхъ народъ обратно въ Парижъ.

Въ то время, какъ многотысячныя толпы, содрогаясь подъ холодными потоками ливня, бѣгутъ въ паникѣ по улицамъ, подгоняемые порывами холоднаго вѣтра, а содрогаясь грозой деревья парка гнутся съ печальнымъ скрипомъ, за освѣщенными тысячами свѣчей окнами вновь выстроенной „salle de spectacle“ начинается въ образцовомъ, не поддающемся ни урагану, ни даже землетрясенію порядкѣ, церемоніаль большой свадебной трапезы. Въ первый и послѣдній разъ Людовикъ XV пытается перешеголять блескъ своего великаго предшественника Людовика XIV. Шестъ тысячъ избраннѣйшихъ представителей дворянства съ величайшимъ трудомъ раздобыли себѣ пригласительные билеты, правда не для того, чтобы самимъ поѣсть, а единственно лишь для

того, чтобы имѣть возможность благоговѣнно взирать съ галлерей, какъ двадцать два члена королевскаго дома работаютъ ножами и вилами. Всѣ шесть тысячъ затаили дыханіе, чтобы не нарушать возвышеннаго величія этого ни съ чѣмъ не сравнимаго зрѣлища. Лишь нѣжные приглушенные звуки играющаго за мраморными аркадами оркестра изъ восьмидесяти музыкантовъ сопровождаютъ королевскую трапезу. Затѣмъ, салютуемая французской гвардіей, шествуетъ сквозь шпалеры подобострастно склоняющейся знати вся королевская семья.

Официально празднованіе закончено и царственному жониху остается теперь лишь приступить къ выполнению своихъ супружескихъ обязанностей. Держа правой рукой дофиншу, а лѣвой рукой дофина, король ведетъ юную пару (имъ обоимъ вмѣстѣ едва тридцать лѣтъ) въ ихъ опочивальню. Въ самую брачную спальню проникаетъ этикетъ, ибо кто же иной помимо короля Франціи можетъ подать наслѣднику престола ночную рубашку и кто иной можетъ выполнить ту же роль по отношенію къ дофиншѣ, какъ не самая юная замужняя дама королевской семьи, въ данномъ случаѣ герцогиня Шартрская. Къ самой же постели новобрачныхъ имѣетъ право приблизиться только одно лицо: архіепископъ Реймскій, который благословляетъ и кропитъ святой водой брачное ложе.

Наконецъ, Людовикъ и Марія-Антуанетта впервые остаются одни, и надъ ними съ шелестомъ опускаются драпировки балдахина, парчевый занавѣсъ незримой трагедіи.

Тайна алькова

Въ брачной постели ничего не происходитъ. Краткая запись „rien“ которую новобрачный заноситъ на другое утро въ свой дневникъ, производитъ роковое двусмысленное впечатлѣніе. Ни сложныя придворныя церемоніи, ни архіепископское благословеніе брачнаго ложа не оказались въ силахъ побороть природный дефектъ

дофина. *Matrimonium non consummatum est* — бракъ въ естественномъ значеніи этого слова не свершился, ни сегодня, ни завтра, ни на протяженіи ближайшихъ послѣдующихъ лѣтъ. Марія-Антуанетта получила „*un mari nonchalant*“ — супруга, пренебрегающаго исполненіемъ своихъ обязанностей. Сначала все думаютъ, что дѣло объясняется робостью, неопытностью или т. н. „*nature tardive*“ (теперь мы сказали-бы: инфантильной отсталостью), подъ вліяніемъ коихъ шестнадцатилѣтній юноша оказался неспособнымъ предъ лицомъ этой очаровательной молодой дѣвушки. «Только не настаивать и не приводить этого психически заторможеннаго юношу въ состояніе тревоги.» — думаетъ опытная мамаша и убѣждаетъ Антуанетту не принимать слишкомъ близко къ сердцу брачнаго разочарованія. „*Point d’humeur là-dessus*“ — пишетъ она въ маѣ 1771 г. и рекомендуетъ дочери „*caresses, cajolis*“ — ласки, нѣжности, но съ другой стороны, опять-таки не въ слишкомъ большомъ изобиліи: „*Trop d’empressement gêterait le tout*“.

Но это положеніе продолжается годъ, два года, и императрицей начинаетъ овладѣвать безпокойство по поводу столь страннаго поведенія — „*conduite si étrange*“ — молодого супруга. Насчетъ его доброй воли сомнѣваться не приходится, такъ какъ дофинъ съ каждымъ мѣсяцемъ проявляетъ все больше нѣжности по отношенію къ своей прелестной женѣ, каждый разъ возобновляетъ свои ночныя посѣщенія, свои бесплодныя попытки, но какое-то таинственное роковое препятствіе мѣшаетъ свершиться послѣдней нѣжности. Не умудренная опытомъ Антуанетта полагаетъ, что все дѣло въ „*maladresse et jeunesse*“ — неловкости и молодости. Въ своей пассивности она, бѣдняжка, даже сама рѣшительно опровергаетъ «распространяемая здѣсь сплетни насчетъ его неспособности».

Наконецъ, матушка рѣшается вмѣшаться и выяснить, въ чемъ дѣло. Она приглашаетъ своего придворнаго врача Свитена и совѣтуется съ нимъ по поводу «ненормальной холодности дофина». Тотъ пожмаетъ плеч-

чами. Если такой очаровательной юной дѣвицѣ не удастся воспламенить дофина, то всякія медицинскія средства безсильны. Марія-Терезія шлетъ въ Парижъ письмо за письмомъ.

Наконецъ, Людовикъ XV, большой спеціалистъ на этомъ поприщѣ, объясняется со своимъ внукомъ. Приглашаютъ французскаго лейбъ-медика Лассона, и онъ подвергаетъ печальнаго героя освидѣтельствованію. И тутъ-то выясняется, что импотенція дофина отнюдь не психическаго характера, а происходитъ вслѣдствіе органическаго дефекта (фимозъ).

Консиліумъ слѣдуетъ за консиліумомъ. Не слѣдуетъ ли прибѣгнуть къ хирургической помощи, чтобы «вернуть дофину голосъ»? — цинично шепчутъ придворные.

Просвѣщенная своими опытными подругами Марія-Антуанетта сама дѣлаетъ все отъ нея зависящее, чтобы побудить своего супруга прибѣгнуть къ хирургическому вмѣшательству.

Но Людовикъ XVI — дофинъ сталъ за это время уже королемъ, еще въ теченіе пяти лѣтъ не становится настоящимъ супругомъ — не можетъ, въ соотвѣтствіи со своимъ перѣшительнымъ характеромъ, прибѣгнуть къ энергичнымъ мѣрамъ. Онъ колеблется и оттягиваетъ, каждый разъ наново пытается добиться результата, и это отвратительное, смѣшное положеніе, эти вѣчныя безплодныя попытки продолжаются къ стыду Маріи-Антуанетты, при издѣвательствѣ всего двора, вызывая злобу Маріи-Терезіи, создавая унижительное положеніе для самого Людовика XVI, еще два дальнѣйшихъ года, въ общемъ, значитъ, цѣлыхъ семь ужасныхъ лѣтъ, пока, наконецъ, императоръ Іосифъ не отправляется собственпой персоной въ Парижъ, чтобы убѣдить своего не особенно мужественнаго „beau-frère'a“ сдѣлать себѣ операцію. Теперь только этому печальному Цезарю любви удастся, наконецъ, благополучно перейти Рубиконъ. Но та психическая область, которую онъ, наконецъ, завоевываетъ, уже опустошена семью годами смѣшной борьбы, тѣми двумя тысячами ночей, на протяженіи которыхъ Марія Антуанетта испытывала въ качествѣ женщины и жены

наибольшее униженіе, какому можетъ подвергнуться представительница ея пола.

Все это являлось-бы трагедіей чисто личнаго характера, неудачей, ежедневно разыгрывающейя и теперь за закрытыми дверьми но въ данномъ случаѣ роковыя послѣдствія супружескаго несовершенства выходятъ далеко за предѣлы частной жизни. Мужъ и жена въ данномъ случаѣ — король и королева, они неизбѣжно стоятъ въ фокусѣ кривого зеркала общественнаго вниманія. То, что у другихъ является потаеннымъ, даетъ у нихъ пищу для сплетенъ и критики. Такой насмѣшливый дворъ, какъ французскій, разумѣется, не удовлетворяется констатированіемъ прискорбной неудачи, а неустанно стараегся пронюхать, какимъ способомъ Марія-Антуанетта вознаграждаетъ себя за немощность своего супруга. Именно потому, что никакихъ реальныхъ оспованій къ этому нѣтъ, честь королевы становится предметомъ фривольной болтовни. Стоитъ ей выѣхать верхомъ въ обществѣ какого-нибудь кавалера, какого-нибудь Лозена или Куаньи, какъ праздные сплетники уже возводятъ его въ званіе ея любовника. Невинная утренняя прогулка въ паркѣ съ придворными дамами и кавалерами даетъ поводъ для разговоровъ о грандіозныхъ оргіяхъ. Любовная жизнь обманувшейся въ своихъ ожиданіяхъ королевы неустанно занимаетъ умы всего двора. Изъ сплетенъ вырастаютъ пѣсенки памфлеты и порнографическіе стишки. Сначала придворныя дамы исподтишка, скрываясь за своими вѣерами передаютъ другъ другу эти произведенія затѣмъ они выскальзываютъ за предѣлы дворца попадаютъ въ печать, распространяются въ народѣ. И когда начинается революціонная пропаганда якобинскимъ журналистамъ не приходится ходить далеко за аргументами, чтобы выставить Марію-Антуанетту исчадіемъ распущенности, безстыдной преступницей, а общественному обвинителю достаточно запустить руку въ ящикъ Пандоры всѣхъ этихъ галантныхъ клеветническихъ измышленій, чтобы пригнуть эту строптивую головку подъ ножъ гильотины.

Послѣдствія супружеской неурядицы выходятъ здѣсь за предѣлы личной судьбы, неудачи, драмы и получаютъ міровое историческое значеніе. Паденіе королевскаго авторитета началось въ дѣйствительности не у Бастиліи, а въ Версалѣ. То обстоятельство, что вѣсти о безсиліи короля и половой ненасытности королевы распространялись такъ быстро и такъ далеко за предѣлами дворца и дошли до свѣдѣнія всей націи, объясняется не простой случайностью, а имѣетъ тайныя фамильно-политическія причины. Дѣло въ томъ, что въ этомъ же дворцѣ живутъ нѣсколько человѣкъ, ближайшихъ родственниковъ, которые лично заинтересованы въ супружескомъ разочарованіи Маріи-Антуанетты. Это, прежде всего, оба брата короля, которымъ чрезвычайно на руку, что, благодаря смѣшному фізіологическому дефекту Людовика XVI и его страху передъ операціей, нарушается не только нормальная супружеская жизнь, но и нормальный порядокъ престолонаслѣдія. Они усматриваютъ здѣсь шансъ къ тому, чтобы самимъ взойти на престолъ. Ближайшій по возрасту младшій братъ Людовика XVI, графъ Прованскій, впоследствии дѣйствительно Людовикъ XVIII — онъ одинъ достигъ своей цѣли, одинъ Господь вѣдаетъ, какими кривыми путями, — никогда не могъ примириться съ тѣмъ, чтобы всю жизнь занимать второе мѣсто за трономъ, вмѣсто того, чтобы самому держать скипетръ. Отсутствіе наслѣдника неизбѣжно превратитъ его въ регента, если не въ преемники королевской власти, и онъ едва сдерживаетъ свое нетерпѣніе. Но такъ какъ и графъ Прованскій весьма сомнительный супругъ и бездѣтенъ, второму брату — графу Артуа — также выгоденъ дефектъ старшаго брата, ибо онъ превращаетъ его собственныхъ дѣтей въ законныхъ наслѣдниковъ престола. Вотъ почему оба они смотрятъ на несчастье Маріи-Антуанетты, какъ на счастливый случай, и чѣмъ дольше продолжается это мучительное положеніе, тѣмъ увѣреннѣе чувствуютъ они себя въ роли преждевременныхъ претендентовъ. Отсюда ихъ безграничная, неудержная ненависть, когда Маріи-Антуанеттѣ на седьмомъ году брачной жизни удастся совершить чудо возвращенія му-

жественности своему супругу, и супружескія отношенія между королемъ и королевой пріобрѣтають нормальный характеръ. Графъ Прованскій никогда не могъ простить Маріи-Антуанеттѣ этого ужаснаго удара, разрушившаго всѣ его чаянія. Онъ начинаетъ кривыми путями стремиться къ достиженію той цѣли, которая оказалась для него недосыгаемой на прямомъ пути. Съ той поры, какъ Людовикъ XVI сталъ отцомъ, его братья и родственники послѣдняго, стали его опаснѣйшими противниками. Революція имѣла хорошихъ сообщниковъ при дворѣ, царственные руки открывали передъ нею двери и снабдили ее наилучшимъ оружіемъ. Альковный эпизодъ больше способствовалъ разложенію королевскаго авторитета изнутри и паденію этого авторитета, чѣмъ всѣ внѣшнія событія

Но грозныя тучи клубятся пока еще въ необозримой дали. Всѣ роковыя послѣдствія и сплетенія обстоятельствъ еще безконечно далеки отъ ребяческихъ помысловъ пятнадцатилѣтней дѣвушки, которая беззаботно забавляется со своимъ неловкимъ компаньономъ. Бодро бьется ея маленькое сердечко и, улыбаясь своими свѣтлыми, полными любопытства глазами, взбирается она по ступенямъ трона — къ стоящему за нимъ эшафоту.

Версальскій дебугъ

Еще и нынѣ Версаль производитъ впечатлѣніе самаго величественнаго и самаго вызывающаго жеста автократіи. Въ сторонѣ отъ столицы высится посреди полей на искусственно насыпанномъ холмѣ исполинскій дворецъ и взираетъ сотнями оконъ поверхъ искусственно прорѣзанныхъ каналовъ съ искусственно подрѣзанныхъ садовъ въ пустоту. Нѣтъ здѣсь ни протекающей мимо судходной рѣки, ни скрещивающихся проѣзжихъ дорогъ. Совершенно нарочито, случайно, какъ окаменѣлый капризъ важнаго барина, выставляетъ этотъ дворецъ свое

безмысленно-исполинское великолѣпіе напоказъ удивленнымъ взорамъ.

Этою именно я добивалась кесарская воля Людовика XIV: воздвигнуть блещущій красками алтарь своему собственному величію, своей гордости, своей склонности къ самообожествленію.

На эту грандіозную сцену выходитъ теперь впервые робкими шагами дебютантки пятнадцатилѣтняя дѣвочка. Она исполняетъ спачала маленькую пробную роль: дофинши, наследницы престола. Но зрители, принадлежащіе къ высшимъ кругамъ дворянства, знаютъ, что этой маленькой свѣтлокудрой австрійской эрцгерцогинѣ предназначена въ будущемъ главная роль въ Версалѣ, роль королевы, а потому съ момента ея появленія на нее устремляются съ любопытствомъ всѣ взоры.

Первое впечатлѣніе превосходно. Давно уже не приходилось видѣть здѣсь такой очаровательной дебютантки: стройная фигурка словно изъ севрскаго фарфора, цвѣтъ лица словно раскрашенный бисквитъ. задорные голубые глаза, капризно изогнутый ротикъ, умѣющій такъ по дѣтски смѣяться и такъ мило дуться, граціозная походка и вмѣстѣ съ тѣмъ поистинѣ царственныя манеры. Съ плохо скрываемой досадой дамы, претендовавшія до сихъ поръ въ виду отсутствія примадонны, на исполненіе первой роли. узнаютъ въ этой еще не вполне сформировавшейся дѣвочкѣ съ узкими плечиками побѣдопосную соперницу. Лишь одинъ недостатокъ поведенія единогласно отмѣчаетъ строгое придворное общество: это пятнадцатилѣтнее дитя проявляетъ удивительную склонность двигаться въ этихъ священныхъ покояхъ не съ натянутой напыщенностью, а съ дѣтской непринужденностью. Сорванецъ по природѣ, порхаетъ маленькая Марія-Антуанетта взадъ и впередъ съ развѣвающимися юбками забавляясь всякими играми съ братьями своего мужа. Она никакъ не можетъ привыкнуть къ скучной размѣренности, къ замерзшей сдержанности, которой требуютъ здѣсь отъ супруги принца королевскаго дома.

Отъ природы своенравная, упрямая и несдержанно откровенная, Марія-Антуанетта ненавидитъ всякія тѣсныя

рамки, какъ истая австріячка она хочетъ жить во-всю, а не оставаться вѣчно съ этими невыносимыми предписаніями напыщенной важности и высокомѣрія. Подобно тому, какъ дома она увивалась отъ школьныхъ занятій, она и здѣсь при каждомъ удобномъ случаѣ пытается улизнуть отъ своей строгой придворной дамы госпожи де-Ноайль, которую она насмѣшливо называетъ «мадамъ этикетъ». Безсознательно стремится этотъ ребенокъ, слишкомъ рано ставшій объектомъ политики, къ тому единственному, что ей посреди всей этой роскоши заказано: къ нѣсколькимъ годамъ настоящаго дѣтства. Но супруга наслѣдника престола не можетъ и не должна больше быть ребенкомъ, и всѣ объединяются въ союзъ, чтобы неустанно напоминать ей объ ея обязанности непоколебимо хранить свое достоинство. Главную заботу объ ея воспитаніи берутъ на себя наряду со склонной къ ханжеству оберъ-гофмейстериной — три ея повья тетки, дочери Людовика XV, три зловныя старыя дѣвы, въ добродѣтели коихъ не посмѣетъ усомниться самый отъявленный сплетникъ. Мадамъ Аделаида, мадамъ Софи, мадамъ Виктуаръ — эти три парки берутъ подъ свое крылышко недостаточно цѣнную супругомъ Марію-Антуанетту и пытаются посвятить ее во всѣ тонкости придворной стратегіи. Но, руководимая своимъ здоровымъ инстинктомъ, она скоро освобождается изъ подъ опеки тетушекъ: все безчестное, всякія интриги претятъ ея прямой, откровенной натурѣ.

Столь же мало удачи выпадаетъ и на долю графини де-Ноайль: несдержанный темпераментъ пятнадцатилѣтней, шестнадцатилѣтней ученицы безпрестанно возстаетъ противъ строгихъ предписаній ея воспитательницы, противъ скованнаго параграфами распредѣленія дня. Вотъ какъ она сама его описываетъ: «Я встаю въ половинѣ десятаго или въ десять часовъ, одѣваюсь и произношу свою утреннюю молитву. Затѣмъ я завтракаю, отправляюсь къ тетушкамъ, гдѣ обычно встрѣчаюсь съ королемъ. Это продолжается до половины одиннадцатаго. Потомъ, въ одиннадцать часовъ, я иду причесываться.

Къ половинѣ двѣнадцатаго приглашается моя свита, и тутъ разрѣшается войти всѣмъ, кромѣ лицъ, не имѣющихъ титула или званія. Я накладываю румяна и мою себѣ въ присутствіи собравшихся руки, потомъ мужчины удаляются, а дамы остаются. и я въ ихъ присутствіи одѣваюсь. Въ двѣнадцать надо отправляться въ церковь. Если король въ Версалѣ, то я иду съ нимъ, съ моимъ мужемъ и съ тетками къ обѣднѣ. Если короля нѣтъ, то я иду съ однимъ господиномъ дефиномъ, но всегда въ одно и то же время. Послѣ богослуженія мы публично обѣдаемъ, но въ половинѣ второго обѣдъ уже заканчивается, такъ какъ мы оба ѣдимъ очень быстро. Затѣмъ я отправляюсь къ господину дофину, и если онъ занятъ, возвращаюсь въ свою комнату, читаю, пишу или шью, такъ какъ я изготовляю камзолъ для короля, и хотя работа подвигается очень медленно, но я надѣюсь, что съ Божьей помощью онъ черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ готовъ. Въ три часа я снова иду къ тетушкамъ, у которыхъ въ это время находится король. Въ четыре часа ко мнѣ приходитъ аббатъ, въ пять часовъ учитель музыки или пѣнія до шести часовъ. Въ половинѣ седьмого я иду почти всегда къ тетушкамъ, если не отправляюсь гулять. Ты должна знать, что мой супругъ почти всегда идетъ вмѣстѣ со мною къ тетушкамъ. Отъ семи до девяти играютъ, но если погода хорошая, то я иду гулять, и тогда игра происходитъ не у меня, а у тетокъ. Въ девять часовъ мы ужинаемъ, и если короля нѣтъ, то тетушки ѣдятъ у насъ. Но если король здѣсь, то мы идемъ послѣ ужина къ нему. Мы ожидаемъ короля, который обычно приходитъ въ три четверти одиннадцатаго. Я пока ложусь на большой диванъ и дремлю до прихода короля, но если его нѣтъ, мы отправляемся въ одиннадцать часовъ спать. Таково распредѣленіе моего дня».

Въ этомъ расписаніи остается мало мѣста для развлеченій, но именно къ нимъ-то и тянется ея нетерпѣливое сердечко. Ея юношески бурлящая кровь ищетъ выхода, она хотѣла-бы забавляться, смѣяться, шалить, но «мадамъ этикетъ» сейчасъ же поднимаетъ строгій палецъ и поясняетъ, что въ сущности почти всѣ желанія

Маріа-Антуанетты несовмѣстимы съ положеніемъ дофинши. Еще хуже обстоитъ дѣло съ аббатомъ Вермонь, ея прежнимъ учителемъ, а нынѣ духовникомъ и чтецомъ. Собственно говоря, Маріа-Антуанеттѣ надо бы еще очень многому поучиться, такъ какъ уровень ея образованія значительно ниже средняго: къ пятнадцати годамъ она уже изрядно позабыла нѣмецкій языкъ, а французскаго еще вполнѣ не усвоила, почеркъ ея необычайно беспомощенъ, ея стиль невозможенъ и полонъ орфографическихъ ошибокъ, она все еще принуждена просить аббата составлять ей черновики писемъ. Кромѣ того аббатъ долженъ ей ежедневно читать одинъ часъ вслухъ и понуждать ее самое къ чтенію, такъ какъ Маріа-Терезія почти въ каждомъ своемъ письмѣ освѣдомляется у дочери, что она читаетъ.

По званію замужняя женщина, въ дѣйствительности еще дитя, Маріа-Антуанетта принуждена одновременно и величественно блюсти высокое достоинство первой придворной дамы и играть роль школьницы, которой приходится наверстывать пробѣлы начального образованія. Съ ней обращаются то какъ съ высокопоставленной особой, то какъ съ маленькимъ напроказившимъ ребенкомъ. Оберъ-гофмейстерина требуетъ отъ нея представительства, тетушки — интригъ, мать — образованія, а ея юное сердце не требуетъ ничего, кромѣ молодости и жизни. Подъ вліяніемъ этихъ противорѣчій возраста и положенія, собственной воли и воли окружающихъ, въ этомъ по природѣ столь прямомъ характерѣ развивается то неукротимое безпокойство, то стремленіе къ свободѣ, которое вполнѣ роковымъ образомъ повліяло на судьбу Маріа-Антуанетты.

Добродушное, сердечное и лѣнивое дитя, Маріа-Антуанетта не питаетъ антипатіи ни къ кому изъ окружающихъ ее. Она очень любитъ своего новаго дѣдушку Людовика XV, который очень съ ней ласковъ, она мирно уживается съ старыми дѣвами-тетушками и съ «мадамъ этикетъ», она питаетъ полное довѣріе къ своему добродушному духовнику Вермону и дѣтски-почтительную склонность къ спокойному, уравновѣшенному другу своей ма-

тери, посланнику Мерси. Но все это старые люди, серьезные, размышленные, горжественные, величественные. а 15-лѣтняя дѣвочка такъ хотѣла-бы завести съ кѣмъ-нибудь непринужденную дружбу, быть веселой и доврчивой. Ей хочется имѣть пріятелей для забавъ, а не только учителей, наставниковъ воспитателей. Ея юность жаждетъ юности. Но съ кѣмъ можно непринужденно веселиться въ этомъ ужасающе-торжественномъ дворцѣ изъ холоднаго мрамора, съ кѣмъ позабавиться? Наиболее подходящимъ компаньономъ для забавъ могъ-бы, въ сущности, явиться ея собственный супругъ, лишь на одинъ годъ старше ея. Но этотъ робкій, смущающійся и отъ смущенности подчасъ грубый, неуклюжій спутникъ гшательно избѣгаетъ всякой интимности съ молодой супругой. Онъ никогда не выражалъ ни малѣйшаго желанія такъ рано жениться и должно пройти не мало времени до тѣхъ поръ, пока онъ вообще пріучится обходиться мало-мальски вѣжливо съ этой чуждой ему дѣвочкой. Остаются, такимъ образомъ, только младшіе братья мужа — графы Артуа и Прованскій. Съ этими 14-ти и 13-лѣтними мальчиками заводитъ Марія-Антуанетта подчасъ всякія дѣтскія забавы, они достаютъ себѣ костюмы и гайкомъ играютъ въ театръ, но лишь только приближается «мадамъ этикетъ», приходится быстро все прятать: такія игры недостойны дофипши! Однако, этому неугомонному ребенку нуженъ какой-нибудь товарищъ для забавъ, для ласки. Однажды она обращается къ посланнику Мерси съ просьбой выписать ей изъ Вѣны собачку, *un chien Mops*. Въ другой разъ строгая ея гувернантка замѣчаетъ, что жена наслѣдника французскаго престола — о ужасъ! — притащила въ свою комнату двухъ дѣтишекъ приврагницы и, не считаясь со своимъ роскошнымъ туалетомъ, ползаетъ съ ними по полу и шалить. Съ перваго момента и до послѣдняго свободная, естественная натура Марія-Антуанетты ведетъ борьбу съ неестественностью міра, созданнаго бракомъ, съ претенціозно-патетическими проявленіями этого міра зашнурованныхъ фижмъ и кринолиновъ. Эта веселая вѣнка всегда чувствовала себя чуждой въ тысячеконномъ торжественномъ Версальскомъ дворцѣ.

Борьба за одно слово

«Не вмѣшивайся въ политику, не интересуйся дѣлами окружающихъ,» — безпрестанно внушаетъ съ самаго перваго дня своей дочери Марія-Терезія. Это, въ сущности, излишнее безпокойство, такъ какъ юная Марія-Антуанетта ничемъ кромѣ развлеченій вообще не интересуется. Все, требующее основательнаго соображенія, все, надъ чѣмъ приходится систематически подумать, представляется невыразимо скучнымъ этой молодой, влюбленной въ самое себя женщинѣ и совершенно помимо своей воли она уже въ первые годы своей Версальской жизни попадаетъ въ центръ тѣхъ безконечныхъ интригъ, которыя при дворѣ Людовика XV замѣняютъ собою великодержавную государственную политику его предшественника. Въ моментъ своего прибытія она застаётъ въ Версалѣ двѣ партіи. Такъ какъ королева давно умерла, то высшее положеніе въ женскомъ мірѣ, высшій авторитетъ принадлежитъ по праву тремъ дочерямъ короля. Но эти неловкія, недалекія и мелочныя дамы, склонныя къ интригамъ и ханжеству, не стремятся извлечь никакихъ иныхъ выгодъ изъ своего положенія, кромѣ права сидѣть въ первомъ ряду во время обѣдни и выступать впереди всѣхъ на придворныхъ пріемахъ. Скучныя, надутыя старыя дѣвы эти не имѣютъ никакого вліянія на своего отца, который стремится исключительно къ удовольствіямъ самаго чувственнаго, самаго грубаго характера. Такъ какъ дочери короля не обладаютъ никакой властью, никакимъ вліяніемъ, не могутъ выхлопотать никакого мѣстечка, никто изъ придворныхъ не ждетъ ихъ милости, и весь блескъ, вся честь выпадаетъ на долю той, кто имѣетъ очень мало общаго съ честью: на долю послѣдней метрессы короля, мадамъ Дюбарри. Лучи королевской милости льются широкими снопами на эту незаконную властительницу постели, вся лесть и весь почетъ концентрируются вокругъ этой женщины, которая держитъ себя въ Версалѣ самоувѣреннѣй всякой королевы. А въ заднихъ покояхъ сидятъ раздосадованныя дочери короля и возмущаются поведеніемъ этой нахальной дѣвки, которая

покрываетъ срамомъ весь дворъ, дѣлаетъ посмѣшищемъ ихъ отца, обезсиливаетъ правительство и разстраиваетъ христіанскую семейную жизнь. Со всей силой ненависти, присущей ихъ невольному дѣвичеству возмущаются эти три дочери вавилонской блудницей, пользующейся королевскимъ почетомъ вмѣсто ихъ матери. и съ утра до вечера онѣ помышляютъ лишь объ одномъ: какъ-бы высмѣять ее, поиздѣваться надъ нею, выказать ей свое презрѣніе, причинить вредъ.

И вдругъ при дворѣ появляется — о счастливый случай! — эта чужестранная принцесса, Марія-Антуанетта, правда, всего пятнадцати лѣтъ роду, но въ силу своего ранга будущей королевы по праву первая дама при дворѣ. Вотъ желанный козырь въ игрѣ противъ Дюбарри, соображаютъ старыя дѣвы, и съ перваго же момента стараются науськать эту ничего не подозрѣвающую дѣвушку на своего врага. Онѣ будутъ оставаться въ тѣни, а она должна выступить на авансцену и помочь затравить эту нечистую дичь. Съ притворной нѣжностью онѣ увлекаютъ маленькую принцессу въ свой лагерь, и уже черезъ нѣсколько недѣль Марія-Антуанетта, сама того не сознавая, оказывается въ центрѣ ожесточенной борьбы.

При прибытіи своемъ въ Версаль, Марія-Антуанетта не знаетъ ничего ни о существованіи, ни о положеніи, занимаемомъ мадамъ Дюбарри. При строго нравственномъ дворѣ Маріи-Терезіи о метрессахъ не имѣютъ ни малѣйшаго представленія. Во время перваго же ужина Марія-Антуанетта замѣчаетъ среди придворныхъ дамъ полногрудую, разряженную особу, увѣшанную роскошными драгоценностями, которая бросаетъ на нее любопытные взоры и которую титулуютъ графиней Дюбарри. Тетушки сейчасъ же ласково берутъ подъ свое крылышко неопытную племянницу и умышленно просвѣщаютъ ее основательнѣйшимъ образомъ, такъ что уже недѣли двѣ спустя Марія-Антуанетта пишетъ своей матери объ этой „*soite et impertinente créature*“. Громко и необдуманно повторяетъ она всѣ злобныя замѣчанія и словечки милыхъ

тетушекъ. и скучающій, падкій на подобныя сенсаціи, дворъ развлекается во-всю. Марія-Антуанетта вбила себѣ въ голову — или, вѣрнѣе, тетушки вбили ей это въ голову — хорошенько проучить эту наглуую втирушу. эту кичливо пыжающуюся при дворѣ паву.

По незыблемымъ законамъ этикета, дама, низшая по рангу, не имѣетъ при Версальскомъ дворѣ права заговорить съ дамой высшей по рангу, а должна шоттительно ждать, пока та съ нею заговоритъ. Въ виду отсутствія королевы, дофинша, разумѣется, является высшей по рангу дамой и широко пользуется своимъ правомъ перваго слова. Холодно улыбаясь, заставляетъ она съ вызывающимъ видомъ ждать графиню Дюбарри своего обращенія: недѣлями, мѣсяцами заставляетъ она петерпѣливую метрессу жаждасть хотя бы одного слова. Всѣ окружающіе, разумѣется, сразу это замѣчаютъ, эта дуэль невѣроятно ихъ потѣшаетъ, весь дворъ съ удовольствіемъ грѣется подлѣ раздутаго тетушками пламени. Съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ всѣ за Дюбарри, которая съ плохо скрываеомой злобой сидитъ въ кругу придворныхъ дамъ и вынуждена видѣть, какъ эта маленькая 15-лѣтняя блондинка оживленно, быть можетъ, умышленно оживленно, болтаетъ и болтаетъ со всѣми дамами, и, только обращаясь въ ея сторону, Марія-Антуанетта строго подтягиваетъ свою нѣсколько выдающуюся габсбургскую губу, не произноситъ ни слова и смотритъ на сверкающую брилліантами графиню, какъ на пустое мѣсто.

Въ этой гомерической борьбѣ формальное право, несомнѣнно, на сторонѣ Маріи-Антуанетты. Она выше рангомъ, ей незачѣмъ разговаривать съ этой «дамой», которая, будучи только графиней, стоитъ безконечно ниже наслѣдницы престола, хотя на ней и навѣшано брилліантовъ на семь милліоновъ франковъ. Но за Дюбарри стоитъ подлинная сила: король у нея въ полномъ подчиненіи. Докатившійся уже до низшей ступени своего моральнаго паденія, абсолютно безразлично относящійся къ государству, къ семьѣ, къ подданнымъ и къ свѣту,

высокомѣрный циникъ — *après moi le déluge* — Людовикъ XV жаждетъ только развлеченій и покоя. Онъ предоставляетъ вещи ихъ теченію, онъ не заботится о дисциплинѣ и нравахъ своего двора, ибо хорошо знаетъ, что ему пришлось бы начинать съ самого себя. Довольно царствовалъ онъ, остающіеся нѣсколько лѣтъ онъ хочетъ только жить, жить только для себя, пусть все окружающее погибаетъ. Эта внезапно возникшая женская война нарушаетъ его покой. Въ соответствии со своими эпикурейскими принципами онъ охотнѣе всего не вмѣшивался бы въ эту распрю. Но Дюбарри ежедневно пилитъ его, она-де не позволитъ этой дѣвчѣ унижать себя, выставять на посмѣшище всего двора, онъ долженъ ее защитить, охранить ея честь и вмѣстѣ съ тѣмъ свою.

Въ концѣ концовъ королю надоѣдаютъ всѣ эти сцены и слезы, онъ приглашаетъ оберъ-гофмейстерину Марію-Антуанетты графиню де-Ноайль, чтобы разузнать у нея, въ чемъ дѣло. Сначала онъ только расточаетъ всякіе комплименты по адресу супруги своего впука. Но мало-по-малу онъ начинаетъ вставлять разныя замѣчанія: по его мнѣнію, дофинша позволяетъ себѣ черезчуръ свободно говорить о томъ, что она видитъ, и не мѣшало бы обратить ея вниманіе на то, что такое поведеніе можетъ произвести плохое впечатлѣніе въ интимномъ кругу семьи. Графиня де-Ноайль (этого и хотѣлъ король) сейчасъ же предостерегаетъ Марію-Антуанетту, та рассказываетъ тетушкамъ и Вермону, послѣдній австрійскому посланнику Мерси, который, разумѣется, возмущенъ, — союзъ! союзъ! — и черезъ курьера посылаетъ письмо своей императрицѣ въ Вѣну.

Щекотливое положеніе для строго-нравственной, набожной Маріи-Терезин! Неужели же ей, безжалостно подвергающей въ Вѣнѣ дамъ такого рода тѣлесному наказанію и заточенію въ исправительныя заведенія, придется приказать собственной дочери быть вѣжливой съ подобной особой? Но можетъ ли она, съ другой стороны, выступить противъ короля? Въ ней борются мать, строгая католичка и осторожный политикъ. Въ концѣ кон-

цовъ она съ опытностью стараго дипломата увиливаетъ и перекладываетъ все дѣло на плечи государственной канцеляріи. Она лично ничего не пишетъ дочери но поручаетъ своему министру Кауницу составить рескриптъ на имя Мерси, въ которомъ излагается, какъ подлежитъ держать себя Марію-Антуанеттѣ. Но Марія-Антуанетта всецѣло подъ влияніемъ тетушекъ. Когда ей прочитываютъ рескриптъ, она снисходительно поддакиваетъ Мерси, но про себя думаетъ, что старый Кауницъ можетъ сколько угодно болтать, а въ ея личныя дѣла никакой канцлеръ вмѣшиваться не смѣетъ. Съ той поры, какъ она замѣтила, до чего «эта глупая особа» злится, вся эта исторія начинается по настоящему забавлять маленькую, высококомѣрную дѣвочку. Она продолжаетъ упорно и демонстративно молчать, какъ будто ничего не произошло. Ежедневно встрѣчается она съ фавориткой на балахъ, празднествахъ, за игорнымъ столомъ, даже за парадными обѣдами у самого короля и наблюдаетъ какъ та ждетъ, косить глазами, дрожитъ отъ возбужденія при ея приближенія. Можешь ждать до страшнаго суда! Она презрительно морщитъ губку, когда взглядъ ея случайно скользитъ въ направленіи Дюбарри, и холодно проходитъ мимо. То слово, котораго такъ жално ждутъ и сама Дюбарри, и король, и Кауницъ, и Мерси и, въ сущности, втихомолку сама Марія-Терезія, остается произнесеннымъ.

Война начинается вестись въ открытую. Придворные группируются, какъ на пѣтушиныхъ бояхъ, вокругъ обѣихъ вызывающе молчащихъ женщинъ, изъ коихъ одна чуть не плачетъ отъ безсильной злобы, а другая презрительно улыбається. Всѣ хотятъ сами вилѣть, знать, быются объ закладъ, кто поставитъ на своемъ, — законная или незаконная властительница Франціи. Болѣе занятнаго зрѣлища Версаль не запомнить. Тутъ уже король начинаетъ злиться. Привыкшій къ тому, что въ этомъ дворцѣ всѣ съ византійскимъ раболѣпствомъ подчиняются его едва замѣтному жесту, что всѣ бѣгутъ навстрѣчу его желаніямъ даже раньше, чѣмъ онъ ихъ высказалъ, христіаннѣйшій король Франціи впервые на-

талкивается на противодействие: какой-то подросток осмеливается открыто не выполнять его воли. Проще всего было бы, конечно, позвать эту строптивую девочку к себе и задать ей хорошую головомойку. Но даже в этом аморальном и циничном человеке шевелится какой-то остаток стыда, ему все же как-то неловко приказать жене своего внука, чтобы она завела беседу с метрессой своего дядушки. И вот Людовик XV, по примеру Марии-Терезии, придает этому частному вопросу государственный характер. В покоях Дюбарри и в ее присутствии он просит нарочно туда приглашенного австрийского посланника Мерси повлиять на Марию-Антуанетту. Мерси сейчас же понимает, что дело принимает политический характер: король требует полной капитуляции. Он немедленно посылает донесение в Вѣну и, кроме того, является с визитом к Марии-Антуанетте, убеждает ее, страшает, упоминает вскользь о яде, при помощи коего уже неоднократно устранялись при французском дворе нежелательные высокопоставленные особы, с особым красноречием рисует ту распрю, которая может возникнуть между Бурбонами и Габсбургами. Последний довод является сильным козырем: на Марию-Антуанетту, и только на нее, падет вина, если «союз», заключение которого явилось делом всей жизни ее матери, окажется расторгнутым.

Тяжелая артиллерия начинает оказывать действие: Мария-Антуанетта робеет. Со слезами злости общается она посланнику в определенный день за игорным столом говорить с Дюбарри. Мерси облегченно вздыхает. Слава Тебе, Господи, «союз» спасен!

Интимных придворных ожидает гала-представление. Из уст в уста передается, что сегодня вечером дофинша заговорит с Дюбарри. Заботливо возводятся кулисы и заготавливается вся мизансцена. Вечером, по окончании карточной игры, Мерси должен подойти к Дюбарри и завести с ней беседу. Затѣм, как будто случайно, должна пройти мимо Мария-Антуанетта, при-

близиться къ посланнику, поздороваться съ нимъ и при этой okazji сказать нѣсколько словъ фавориткѣ. Превосходный планъ. Но, къ сожалѣнію, вечернее представленіе не удастся, такъ какъ тетушки не могутъ допустить побѣды ненавистой соперницы. Онѣ сговариваются между собой о томъ, какъ спустить желѣзный занавѣсъ до начала примирительнаго дуэта. Съ наилучшими намѣреніями отправляется Марія-Антуанетта вечеромъ въ игорный залъ, и сцена начинается разыгрываться, какъ по нотамъ. Какъ бы невзначай подходитъ Мерси къ Дюбарри и заводитъ съ нею разговоръ. Въ то же время Марія-Антуанетта, согласно уговору, начнетъ свой обходъ помѣщенія. Она болтаетъ съ одной дамой, со второй, съ третьей, отъ страха, злости и волненія нѣсколько затягиваетъ послѣдній разговоръ. Вотъ уже между нею и Дюбарри остается только одна дама. . . Еще двѣ минуты, еще минута, и она окажется подлѣ Мерси и фаворитки. Въ этотъ рѣшительный моментъ мадамъ Аделаида, главная зачинщица изъ тетушекъ, наноситъ свой ударъ. Она рѣзко приближается къ Маріи-Антуанеттѣ и произноситъ повелительнымъ голосомъ:

— Намъ пора идти, пойдемъ! Мы должны подождать короля у сестры Викторіи.

Марія-Антуанетта захвачена врасплохъ, изумлена, испугана, не рѣшается сказать «нѣтъ» и, съ другой стороны, не сохраняетъ достаточно присутствія духа, чтобы второпяхъ сказать хоть нѣсколько ничего не значущихъ словъ напряженно ожидающей Дюбарри. Она краснѣетъ, смущается и скорѣе убѣгаетъ, чѣмъ уходитъ, и долгожданное, заказанное, дипломатически подготовленное, обусловленное слово остается несказаннымъ. Всѣ какъ громомъ поражены. Вся сцена разыграна понапрасну. вмѣсто примиренія получилось новое издѣвательство. Придворные интриганы и сплетники потираютъ руки, всюду, вплоть до людскихъ, шушукуются хихикая о томъ, какъ понапрасну дожидалась Дюбарри. Сама Дюбарри пылаетъ негодованіемъ и, что гораздо неприятнѣе, самъ Людовикъ XV приходитъ въ ярость.

— Я вижу, господинъ Мерси, — говоритъ онъ злымъ тономъ посланнику, — что ваши совѣты не имѣютъ, къ сожалѣнію, никакого вліянія. Необходимо будетъ мнѣ лично вмѣшаться въ это дѣло.

Король Франціи злобствуетъ и угрожаетъ, мадамъ Дюбарри неистовствуетъ въ своихъ покояхъ, весь австро-французскій союзъ трещитъ, европейскому миру грозитъ опасность. Посланникъ немедленно доводитъ обо всемъ до свѣдѣнія Вѣны. Теперь Марія-Терезія должна сама вмѣшаться, она только одна можетъ воздѣйствовать на эту упрямую и легкомысленную дѣвочку. Марія-Терезія очень испугана тѣмъ оборотомъ, который приняло дѣло. У нея теперь какъ разъ не мало серьезныхъ политическихъ заботъ. Слишкомъ многое зависитъ теперь — и въ частности, осуществленіе темныхъ плановъ раздѣла Польши — отъ настроенія Людовика XV. Марія-Терезія сама пишетъ энергичное письмо, чтобы сломить упорство дочери. Въ письмѣ этомъ нѣтъ, разумѣется, ни слова о раздѣлѣ Польши, ни слова о государственныхъ соображеніяхъ. Канонада материнскихъ (не совѣмъ чистосердечныхъ) аргументовъ производитъ желанное воздѣйствіе на Марію - Антуанетту. При всемъ своемъ упрямствѣ и своенравіи, она никогда не рѣшалась возставать противъ авторитета своей матери. Габсбургская семейная дисциплина оказывается въ данномъ случаѣ, какъ всегда, побѣдоносной.

Новогодній пріемъ 1772 года является, наконецъ, завершеніемъ этой трагикомической женской войны, заканчивающейся триумфомъ Дюбарри и пораженіемъ Маріи-Антуанетты. Снова разыгрывается театральная сцена, снова торжественно приглашается въ качествѣ свидѣтелей и публики весь дворъ. Передъ дофиншей дефилируютъ въ порядкѣ ихъ ранга всѣ придворныя дамы и среди нихъ супруга министра герцогиня д'Эгюйонъ въ парѣ съ графиней Дюбарри. Дофинша обращается съ нѣсколькими ласковыми словами къ герцогинѣ, затѣмъ поворачиваетъ голову приблизительно въ направленіи Дю-

барри, — не совсѣмъ, но все-же такъ, что при желаніи можно считать, что она обращается къ ней. — и при напряженномъ вниманіи двора, старающагося не упустить ни одного произнесеннаго слога и затаившаго дыханіе, говорить:

— Сегодня въ Версалѣ собралось много народу.

Шесть словъ, шесть считанныхъ словъ заставила себя вымолвить Марія-Антуанетта, но это является грандіознымъ событіемъ при дворѣ, важнѣе, чѣмъ завоеваніе провинціи, важнѣе всѣхъ давно ожидаемыхъ реформъ, — наконецъ-то, наконецъ, дофинша заговорила съ фавориткой! Марія-Антуанетта капитулировала, Дюбарри побѣдила. Теперь все опять въ порядкѣ и въ Версалѣ царитъ полное благополучіе. Король принимаетъ съ распростертыми руками дофиншу, нѣжно обнимаетъ ее какъ вновь обрѣтенное заблудшее дитя. Мерси трогательно благодаритъ ее, какъ пава гордо плыветъ по заламъ Дюбарри, озлобленныя тетушки неистовствуютъ, весь дворъ возбужденъ и все это только потому, что Марія-Антуанетта сказала Дюбарри шесть словъ: «сегодня въ Версалѣ собралось много народу».

Марія-Антуанетта сознаетъ свое пораженіе, ея юная еще по дѣтски необузданная гордость получила жестокий ударъ. Въ первый разъ ей пришлось нагнуть голову — и больше это не повторится . . . до гильотины. Этотъ эпизодъ обнаружилъ, что мягкосердечная и легкомысленная Марія-Антуанетта проявляетъ непоколебимое мужество въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло касается ея чести. Съ горечью говоритъ она Мерси:

— Одинъ разъ я обратилась къ ней съ рѣчью, но я твердо рѣшила никогда этого больше не дѣлать, эта женщина не услышитъ больше моего голоса.

Узкія Габсбургскія губы Маріи-Антуанетты, открывшіяся противъ воли только одинъ разъ, остаются отпныи замкнутыми. Ни угрозы, ни обольщенія не въ силахъ больше сломать печати ея молчанія. Шесть словъ сказала она Дюбарри, и никогда эта ненавистная ей женщина не услышала отъ нея седьмого слова.

Дюбарри старается подсластить свою желчь, сдерживает свою гордость, снова и снова появляется на приемах дофинши, и хотя та не удостоивает ее ни единым словом, не только старается не обнаружить ничьей своей досады, но при всяком удобном случае доводит до свѣдѣнія Маріи-Антуанетты о томъ, какъ сердечно она къ ней расположена. На тысячу ладовъ старается она угодить своему бывшему врагу и въ заключеніе прибѣгаетъ даже къ довольно рискованному средству: такъ какъ ей не удастся списать расположенія Маріи-Антуанетты любезностью и вниманіемъ, она пытается купить это расположеніе. При дворѣ знаютъ — къ сожалѣнію, какъ это обнаружить впоследствии пресловутая исторія съ ожерельемъ — знаютъ слишкомъ хорошо, что Марія-Антуанетта до безумія любитъ драгоценности. И вотъ Дюбарри приходитъ въ голову — характерно, что таковъ же ходъ мыслей у кардинала Рогана десятилѣтіе спустя — нельзя-ли прельстить ее подарками? Одинъ крупный ювелиръ, тотъ же Бемеръ, который фигурируетъ затѣмъ въ дѣлѣ съ ожерельемъ, имѣетъ брилліантовыя серьги оцѣниваемая въ семьсотъ тысячъ ливровъ. Должно быть Марія-Антуанетта выражала втихомолку или открыто свой восторгъ по поводу этихъ серегъ, и Дюбарри узнала о страстномъ желаніи дофинши. Въ одинъ прекрасный день Дюбарри доводитъ до свѣдѣнія черезъ одну изъ придворныхъ дамъ Маріи-Антуанетты, что, если той дѣйствительно хочется имѣть эти серьги, то она съ радостью готова уговорить Людовика XV, чтобы онъ ихъ ей подарилъ. Но Марія-Антуанетта не отвѣчаетъ ни однимъ словомъ на это постыдное предложеніе, презрительно отворачивается и попрежнему продолжаетъ холодно смотрѣть мимо своей противницы. Нѣтъ, даже за всѣ сокровища міра эта однажды ее унижившая Дюбарри не услышитъ седьмого слова изъ ея устъ. Новая гордость, новая увѣренность зашевелились въ душѣ этой семнадцатилѣтней дѣвушки. Ей не пужны больше драгоценности по чужой милости, она уже ощущаетъ на челѣ королевскую діадему.

Завоеваніе Парижа

Темными вечерами съ вершины Версальскаго холма ясно виднѣется сіяющій въ небесахъ свѣтовой вѣнецъ Парижа. Этотъ городъ такъ недалекъ отъ дворца: въ легкомъ кабріолетѣ до него можно домчаться въ какихъ-нибудь два часа, пѣшкомъ же за шесть часовъ. Что было-бы естественнѣе того, чтобы новая престолонаслѣдница на второй же, третій, четвертый день послѣ вѣнчанія сдѣлала визитъ столицѣ своего будущаго королевства? Но истинный смыслъ или, вѣрнѣе, истинная безсмыслица церемоніала въ томъ-то и заключается, чтобы подавить или исказить естественное во всѣхъ проявленіяхъ жизни. Между Версалемъ и Парижемъ для Маріи-Антуанетты стоитъ незримая стѣна этикета. Лишь въ торжественномъ порядкѣ, послѣ спеціального предувѣдомленія и съ разрѣшенія короля, имѣютъ право наслѣдникъ престола со своей супругой посѣтить въ первый разъ свою столицу. Но милая родня старается по возможности оттянуть этотъ торжественный вѣздъ, эту „*joyeuse entrée*“ Маріи-Антуанетты. Имъ не хочется предоставить ей возможность триумфа, который выявитъ со слишкомъ большей очевидностью ея будущее званіе. Каждую недѣлю, каждый мѣсяцъ камарилья изобрѣтаетъ новыя препятствія, новые предлоги, и такъ проходятъ шесть мѣсяцевъ, двѣнадцать мѣсяцевъ, двадцать четыре мѣсяца, тридцать шесть мѣсяцевъ, одинъ годъ, два года, три года, А Марія-Антуанетта все остается взаперти за золотыми рѣшгками Версаля. Наконецъ, въ маѣ 1773 года она теряетъ терпѣніе и переходитъ въ открытое нападеніе. Такъ какъ церемоніймейстеры неизмѣнно покачиваютъ напудренными париками въ отвѣтъ на выражаемое ею желаніе посѣтить Парижъ, она обращается непосредственно къ Людовику XV. Тотъ не находитъ въ ея просьбѣ ничего необычнаго и, будучи вообще склоненъ уступать красивымъ женщинамъ, даетъ, къ досадѣ всей придворной клики, очаровательной супругѣ своего внука просимое разрѣшеніе. Онъ даже предоставляетъ самой ей назначить день для торжественнаго вѣзда.

Марія-Антуанетта избираетъ восьмое іюня. Но теперь, когда король изъявилъ свое окончательное согласіе, этой капризной шалуньѣ хочется пошутить надъ ненавистнымъ дворцовымъ регламентомъ, вотъ уже три года удерживающимъ ее вдали отъ Парижа. Подобно тому, какъ влюбленные женихъ и невѣста, иногда тайкомъ отъ своихъ родныхъ предвосхищаютъ брачную ночь чуть ли не наканунѣ религіознаго благословенія, чтобы прибавить къ наслажденію прелесть запретнаго, такъ и Марія-Антуанетта уговариваетъ своего супруга и его брата незадолго до официальнаго вѣзда въ Парижъ навѣстить этотъ городъ тайкомъ. Недѣли за двѣ до дня назначеннаго для вѣзда, они велятъ какъ-то вечеромъ заложить коляски и переодѣтые, въ маскахъ, отправляются на оперный балъ въ запретную Мекку — Парижъ. Такъ какъ на слѣдующее утро они во-время являются къ ранней обѣднѣ, ихъ недозволенное приключеніе остается скрытымъ отъ всѣхъ. Все сходитъ гладко и Марія-Антуанеттѣ удается отомстить ненавистному ей этикету.

Послѣ того, какъ они уже полакомились тайкомъ запретнымъ плодомъ Парижа, официальный торжественный вѣздъ производитъ еще болѣе сильное впечатлѣніе. Вслѣдъ за королемъ Франціи изъявляетъ свое благосклонное согласіе и Король небесъ: восьмое іюня — чудный, безоблачный лѣтній день, погода привлекаетъ несмѣтные толпы зрителей. Вся дорога отъ Версаля до Парижа превращается въ одну сплошную живую шпалеру ликующихъ людей, машущихъ шляпами, перевитыхъ яркими флагами и гирляндами. У городскихъ воротъ поджидаетъ парадную коляску парижскій губернаторъ маршалъ де-Бриссакъ, чтобы почтительно вручить мирнымъ завоевателямъ на серебряномъ подносѣ городскіе ключи. Затѣмъ появляются разряженные торговки съ центральнаго рынка (впослѣдствіи онѣ будутъ иначе привѣтствовать Марію-Антуанетту!) и подносятъ фрукты и цвѣты, произнося при этомъ приличествующіе случаю вѣрноподанные стихи. Пушки дворца инвалидовъ, городской ратуши и Бастиліи грохочутъ. Медленно ѣдетъ придворная карета черезъ весь городъ по набережной.

Тюльерійскаго дворца къ собору Парижской Богоматери Повсюду — Въ соборѣ, въ монастыряхъ, въ университетѣ произносятся привѣтственные рѣчи. Высокіе гости проѣзжаютъ подъ спеціально въ ихъ честь возведенными триумфальными арками, мимо лѣса флаговъ и знаменъ, восторженно привѣтствуемые народомъ. Десятками, сотнями тысячъ столпились люди на всѣхъ улицахъ испанскаго города, чтобы увидѣть юную пару, и видъ этой неожиданно столь очаровательной молодой женщины, очарованной оказаннымъ ей приѣмомъ, вызываетъ безпредѣльный энтузіазмъ. Толпа апплодируетъ, машетъ платками и шляпами, дѣти и женщины протискиваются впередъ, и когда Марія-Антуанетта смотритъ съ Тюльерійскаго балкона на необозримыя волны ликующаго народа, она почти пугается.

— Господи, сколько людей!

Стоящій подлѣ нея маршалъ де-Бриссакъ наклоняется и говоритъ съ истинно французскою галантною:

— Мадамъ, да не взыщеть его высочество дофинъ, но вы видите здѣсь двѣсти тысячъ человѣкъ, которые влюблены въ васъ.

Эта первая встрѣча съ народомъ производитъ на Марію-Антуанетту чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Мало вдумчивая по природѣ, но одаренная способностью легко все схватывать, она постигаетъ явленія только подъ угломъ непосредственныхъ личныхъ впечатлѣній, воспринимаетъ ихъ съ чувственной, очевидной стороны. Теперь только Марія-Антуанетта ощущаетъ и понимаетъ чувствомъ огромное значеніе и гордый смыслъ своего титула «супруга престолонаслѣдника Франціи». Ея подвижная натура легко поддается непосредственнымъ впечатлѣніямъ, и трогательное волненіе, вызванное ничѣмъ еще не заслуженными бурными проявленіями народной любви, порождаетъ въ ней великодушное чувство благодарности. Однако Марія-Антуанетта не только легко ображается, но и столь же легко забываетъ. После нѣсколь-

кихъ посѣщеній Парижа она уже относится къ этому ликованію народа, какъ къ само собой разумѣвающемуся явленію, какъ къ чему-то естественно соотвѣтствующему ея рангу и положенію и воспринимаетъ его съ той же навивной дѣтской радостью, какъ и всѣ вообще дары жизни. Отнынѣ она наслаждается любовью этихъ двадцати милліоновъ подданныхъ какъ своимъ правомъ, не задумываясь о томъ, что право налагаетъ и обязанности, и что самая чистая любовь остываетъ, если не получаетъ ничего взамѣнъ.

Съ момента своего перваго посѣщенія Марія-Антуанетта побѣждаетъ Парижъ. Но и Парижъ въ свою очередь побѣждаетъ, завоевываетъ Марію-Антуанетту. Она всецѣло подпадаетъ подъ власть этого города. Часто, слишкомъ часто начинаегь она посѣщать этотъ чарующій, манящій неисчислимыми развлеченіями городъ. Она ѣздитъ туда то днемъ, торжественно, со всѣми своими придворными дамами, то ночью, въ сопровожденіи небольшой интимной свиты, чтобы посѣщать театры, балы и приватнымъ образомъ повеселиться на болѣе или менѣе невинный ладъ. У нея такое ощущеніе, словно она вырвалась изъ душныхъ парниковъ на свѣжій воздухъ. Здѣсь, въ пучинѣ этого исполинскаго города, можно исчезнуть, незамѣтно нырнуть въ глубину, скрыться отъ безжалостной часовой стрѣлки дворцоваго распорядка. здѣсь можно изжить себя и наслаждаться, тогда какъ тамъ, въ Версаль, приходится жить передъ зеркаломъ. Отнынѣ регулярно два-три раза въ недѣлю карета съ веселыми разряженными дамами отправляется по вечерамъ въ Парижъ и возвращается въ Версаль только съ разсвѣтомъ.

Но что видитъ Марія-Антуанетта въ Парижѣ? Въ первые разы она осматриваетъ изъ любопытства нѣкоторыя достопримѣчательности, музеи, большіе магазины, посѣщаетъ какъ-то народное гулянье, однажды даже выставку картинъ. Но этимъ исчерпываются на ближайшіе двадцать лѣтъ ея культурныя потребности въ отношеніи Парижа. Ея интересъ сосредоточивается исключительно на мѣстахъ развлеченій, она регулярно посѣщаетъ оперу,

французскую комедію, итальянскую комедію, балы, маскарады, игорныя залы. словомъ то, что посѣщаютъ въ наши дни богатыя американки, ѣздящія въ Парижъ. этотъ „city of pleasure“. Больше всего ее соблазняютъ оперные балы, такъ какъ свобода маскированнаго бала есть единственныи видъ свободы, доступный женщинамъ ея положенія. Съ маской на лицѣ она можетъ позволить себѣ шалости и шутки, которыя въ другихъ условіяхъ недопустимы для „Madame la Dauphine“. Можно оживленно поболтать нѣсколько минутъ съ чужими кавалерами, — скучный, неспособный супругъ спитъ дома — можно заговорить съ очаровательнымъ юнымъ шведскимъ графомъ Ферзенемъ и подъ покровомъ маски спокойно бесѣдовать съ нимъ до тѣхъ поръ, пока придворныя дамы не заставятъ вернуться въ ложу. можно потанцевать, довести пылающее, гибкое тѣло до утомленія, можно беззаботно посмѣяться. Но ни разу за всѣ эти годы Марія-Антуанетта не заходитъ въ чей-нибудь частный домъ, ни разу не присутствуетъ на засѣданіи парламента или академіи, не посѣщаетъ какого-нибудь госпиталя или рынка, ни разу не дѣлаетъ даже малѣйшей попытки познакомиться съ будничной жизнью своего народа.

Во время своихъ парижскихъ эскападъ она неизмѣнно остается въ тѣсномъ, блестящемъ кругу свѣтскихъ развлеченій и думаетъ, что дѣлаетъ вполне достаточно для своего „bon peuple“, если отвѣчаетъ спиходительной улыбкой на его восторженныя привѣтствія. А народъ этотъ все такъ же выстраивается восхищенными шпалерами на ея пути, знать же и богатая буржуазія все такъ же встрѣчаютъ ее ликованиемъ. когда она показывается вечеромъ въ театрѣ у барьера своей ложи. Всюду и всегда эта молодая женщина чувствуетъ одобреніе своей праздности — вечеромъ, когда она ѣдетъ въ городъ, въ то время, какъ усталые люди возвращаются съ работы, и въ шесть часовъ утра, когда «народъ» уже снова отправляется на работу. Да и что можетъ быть плохого въ ея шалостяхъ, въ ея веселыхъ развлеченіяхъ? Охваченной безумствомъ юности Маріи-

Антуанеттѣ кажется, что весь свѣтъ такъ же веселъ и беззаботенъ, какъ беззаботна и счастлива она. Но въ то время, какъ она въ своей пильности думаетъ, что своими парижскими поѣздками пріобрѣтаетъ популярностъ въ народѣ, она въ дѣйствительности въ теченіе ряда лѣтъ пробъживаетъ въ своей пышной каретѣ далеко въ сторонѣ отъ настоящаго народа и долиннаго Парижа.

Огромное впечатлѣніе отъ парижскаго пріема не осталось безъ вліянія на душу и характеръ Маріи-Антуанетты. Чужое восхищеніе всегда повышаетъ сознаніе собственнаго достоинства: молодая женщина, которой тысячи людей сказали, что она хороша собой, становится еще красивѣе отъ сознанія своей красоты. То же произошло и съ запуганной, робкой Маріей-Антуанеттой, которая доселѣ чувствовала себя въ Версалѣ какой-то чужой и лишней. Молодая сама себѣ изумляющаяся, гордость окончательнo вытравляетъ въ ея душѣ всякіе слѣды неувѣренности и робости. Все въ ней мѣняется. женщина, личность начинаетъ проступать отчетливѣе. Даже почеркъ ея какъ-то сразу измѣняется: доселѣ неуклюжій, дѣтски-беспомощный, онъ превращается въ перво-граціозный, характерно-женственный. Теперь эта пылкая молодая дѣвушка, преисполненная пульсирующаго чувства юности, созрѣла для личной жизни, для любви. Но политическія соображенія сковали ее съ этимъ неуклюжимъ супругомъ, который вовсе не мужчина, и такъ какъ Марія-Антуанетта еще не открыла въ себѣ присутствіе сердца и не знаетъ никого, достойнаго ея любви, то эта восемнадцатилѣтняя красотка влюбляется въ самое себя. Сладкій ядъ лести горячимъ огнемъ струится по ея жиламъ. Чѣмъ больше ею восхищаются, тѣмъ больше она хочетъ вызывать восхищеніе. И прежде, чѣмъ сдѣлаться законной повелительницей, она желаетъ превратить весь дворъ, Парижъ, всю страну въ своихъ подданныхъ силою своего женскаго очарованія.

Какъ только какая-нибудь сила начинаетъ себя осознавать, она ощущаетъ потребность испытать себя. Первая проба силъ, первое испытаніе способности подчинить своей волѣ весь дворъ и Парижъ происходитъ, къ сча-

стью, — счастливое исключеніе? — по благому поводу. Композиторъ Глюкъ закончилъ свою «Ифигенію» и желалъ бы, чтобы ее поставили въ Парижѣ. Для чрезвычайно музыкальнаго вѣнскаго двора успѣхъ Глюка является вопросомъ чести, и Марія-Терезія, Кауницъ, Иосифъ II ожидаютъ, что дофинша облегчитъ имъ задачу. Въ вопросахъ искусства Марія-Антуанетта никогда не отличалась особой чуткостью, ни въ музыкѣ, ни въ живописи, ни въ литературѣ. Она обладала нѣкоторымъ природнымъ вкусомъ, но не самостоятельно расцѣнивающимъ, а лишь тѣмъ инертно-любопытнымъ, который безропотно подчиняется всякой новой модѣ и съ быстро вспыхивающимъ и столь же быстро угасающимъ восхищеніемъ интересуется всѣмъ тѣмъ, что удостоилось общественнаго признанія. Искусство являлось для нея всегда только украшеніемъ жизни, однимъ изъ удовольствій среди ряда другихъ, ей вѣдомо было не подлинное наслажденіе искусствомъ, а то, которое не требуетъ усилий. Музыкой она занималась, какъ и всѣмъ прочимъ, лишь спустя рукава, вѣнскіе уроки Глюка оказались не слишкомъ плодотворны, она такъ же диллетантски играла на клавесинѣ, какъ пѣла въ интимномъ кругу или выступала въ качествѣ драматической актрисы на сценѣ. Постигнуть новизну и грандіозность «Ифигеніи» она, проглядѣвшая присутствіе въ Парижѣ своего земляка Моцарта, была, разумѣется, не въ состояніи. Но Марія-Терезія горячо рекомендовала ей Глюка, и сама она испытываетъ какую-то курьезную симпатію къ этому ворчливому, добродушному, широкому человѣку, а кромѣ того ей хочется, именно потому, что и французская и итальянская оперы въ Парижѣ всякими правдами и неправдами отбояриваются отъ этого «варвара», использовать случай, чтобы доказать свою силу. Она добивается того, что «Ифигенія», которую господа придворные музыкусы провозгласили «неподдающейся исполненію», принимается къ постановкѣ, и репетиціи начинаются. Надо сознаться, что протезировать этому непокорному, вспылчивому человѣку, одержимому фанатической непокладистостью великаго художника, дѣло нелегкое.

На репетиціяхъ онъ осыпаетъ избалованныхъ пѣвицъ такими злобными замѣчаніями, что онѣ съ плачемъ бѣгутъ жаловаться на него своимъ высокопоставленнымъ любовникамъ. Онъ изводитъ своей требовательностью музыкантовъ, совершенно непривыкшихъ къ такой точности исполненія, и распоряжается въ оперномъ театрѣ, какъ тиранъ. Сквозь запертыя двери доносятся громовые раскаты его мощнаго голоса, десятки разъ грозитъ онъ все бросить и уѣхать въ Вѣну, и только страхъ перелъ высокой покровительницей предотвращаетъ скандалъ. Наконецъ, на 13 апрѣля 1774 г. назначается первое представленіе «Ифигеніи», дворъ заказываетъ билеты, коляски. Но тутъ внезапно заболѣваетъ одинъ изъ пѣвцовъ, и его приходится замѣнить новымъ. Нѣтъ. — противится Глюкъ, — первое представленіе должно быть отложено. Его заклинають, умоляютъ — что ему взбрело въ голову! Вѣдь дворъ уже распредѣлил свое время, какъ это возможно, чтобы композиторъ, да къ тому еще иностранный, осмѣлился изъ-за болѣзни того или иного исполнителя пойти наперекоръ распоряженіямъ двора, спутать диспозиціи высочайшихъ особъ! Все это ему абсолютно безразлично, — кричитъ упрямецъ — онъ скорѣе броситъ свою партитуру въ огонь, чѣмъ допустить несовершенное исполненіе оперы.

Преисполненный ярости, бѣжитъ онъ къ своей покровительницѣ Маріи - Антуанеттѣ, которую этотъ необузданный, дикій человекъ забавляетъ. Она становится на сторону «милаго Глюка», придворныя коляски къ досадѣ принцевъ распрягаются, и премьера переносится на девятнадцатое. Кромѣ того Марія-Антуанетта заставляетъ полицмейстера театра принять надлежащія мѣры къ тому, чтобы высокіе посѣтители не дали выхода своему возмущенію негалантнымъ музыкантомъ въ свисткахъ. Настойчиво и открыто отождествляетъ она свои интересы съ интересами своего гениальнаго земляка.

Первое представленіе Ифигеніи поситъ характеръ триумфа, по скорѣе триумфа Маріи-Антуанетты, чѣмъ Глюка. Газеты и публика весьма холодны и сдержан-

ны. По ихъ мнѣнію, въ этой оперѣ «наряду съ нѣкоторыми хорошими мѣстами, попадаются и очень плоскія». Какъ и всегда, величавое и смѣлое въ искусствѣ постигается малопросвѣщенной аудиторіей не съ перваго раза. Но Марія-Антуанетта увлекла на премьеру весь дворъ. Даже ея супругъ, который въ обычныхъ условіяхъ не пожертвовалъ бы своей охотой, хотя бы ради музыки сферъ, и для котораго подстрѣленный олень важнѣе всѣхъ девяти музъ, принужденъ на этотъ разъ отправиться въ театръ. Такъ какъ надлежащее настроеніе не можетъ сразу создаться, Марія-Антуанетта демонстративно аплодируетъ изъ своей ложи послѣ каждой аріи. Изъ простаго чувства приличія всѣ родственники и весь дворъ усердно присоединяются къ ея аплодисментамъ... и, такимъ образомъ, вопреки всѣмъ интригамъ, этотъ вечеръ становится событіемъ въ исторіи музыки. Глюкъ побѣждаетъ Парижъ, Марія-Антуанетта впервые открыто проводитъ свою волю наперекоръ городу и двору. Эта первая побѣда ея личности, первая манифестація этой молодой женщины предъ лицомъ всей Франціи. Еще нѣсколько недѣль — и титулъ королевы утвердитъ ту власть, которой она добилась собственными усиліями.

Король умеръ, да здравствуетъ король!

27-го апрѣля 1774 года королемъ Людовикомъ XV овладѣваетъ вдругъ на охотѣ странная усталость. Съ сильной головной болью возвращается онъ въ свой любимый замокъ Трианонъ. Ночью врачи констатируютъ очень повышенную температуру и посылаютъ за Дюбарри. На утро они, чрезвычайно встревоженные, предписываютъ перевезти больного въ Версаль. Даже безпощадная смерть должна подчиниться еще болѣе безпощаднымъ законамъ этикета: король Франціи не имѣетъ права серьезно хворать или умереть ни въ какомъ иномъ мѣстѣ, кромѣ королевской парадной постели. „C'est à Versailles, Sire, qu'il faut être malade“.

Шесть врачей, пять хирурговъ, три аптекаря, въ общей сложности четырнадцать человѣкъ, собираются немедленно въ Версаль у постели больного монарха, шесть разъ въ часъ каждый изъ нихъ щупаетъ ему пульсъ. Но только случай помогаетъ поставить діагнозъ: вечеромъ поднимаютъ канделябръ выше обычнаго, и кто-то изъ присутствующихъ замѣчаетъ на лицѣ больного красныя пятна. Весь дворъ, весь дворецъ отъ подваловъ до чердака сразу понимаетъ въ чемъ дѣло. Оспа!

Вихрь ужаса пронесется по всему исполинскому зданію. Говорить страхъ передъ заразой, жертвами которой дѣйствительно становятся въ ближайшіе дни нѣсколько человѣкъ, и еще большая, быть можетъ, боязнь придворныхъ потерять свое положеніе въ случаѣ смерти короля. Дочери Людовика XV обнаруживаютъ мужество религіозныхъ женщинъ, цѣлый день проводятъ онѣ подлѣ больного, а ночью у его постели дежурить Дюбарри. Дофиню и его женѣ домашніе законы запрещаютъ, въ виду возможности зараженія, переступить порогъ комнаты больного: вотъ три дня, какъ жизнь ихъ стала значительно драгоцѣннѣй.

Весь дворъ распадается на двѣ части: у ложа больного дежурятъ и дрожатъ старое поколѣніе, вчерашніе владыки. тетушки и Дюбарри, прекрасно сознающіе, что съ послѣднимъ вздохомъ этихъ лихорадящихъ губъ придетъ конецъ ихъ господству. Въ другой комнатѣ собирается грядущее поколѣніе, будущій король Людовикъ XVI, будущая королева Марія-Антуанетта, и графъ Прованскій, который до тѣхъ поръ, пока братъ его не можетъ рѣшиться зачать ребенка, втайнѣ чувствуетъ себя будущимъ претендентомъ на престоль. Между этими двумя комнатами стоитъ рокъ. Никто не смѣетъ войти въ комнату больного, гдѣ заходитъ солнце старой власти, никто не смѣетъ войти въ другую комнату, гдѣ восходитъ солнце новой власти. Въ раздѣляющемъ эти покои большомъ залѣ ожидаетъ въ боязливомъ колебаніи толпа царедворцевъ, не зная, куда направить свои помыслы — въ сторону умирающаго или нарождающагося короля, въ сторону заката или восхода солнца.

А въ это время болѣзнь бороздитъ со смертопосной силой отжившее утомленное и истощенное тѣло короля. Отвратительно распухшее, покрытое гнойниками, но все еще живое, ни на минуту не теряющее сознанія, тѣло это постепенно переходитъ въ стадію ужасающаго разложенія. Дочерямъ и Дюбарри приходится проявить не мало мужества, чтобы оставагься у постели больного, такъ какъ спальня исполнена несмотря на настежь открытыя окна, чумнаго зловонія.

Вскорѣ врачи отходятъ въ сторону, они потеряли надежду спасти это тѣло, и начинается другая борьба, бой за грѣшную душу. Но, о ужасъ: священники отказываются подойти къ ложу больного, дать ему отпущеніе грѣховъ. Пусть умирающій король предававшійся столь долгое время далекому отъ набожности образу жизни, всецѣло преисполненному грѣховныхъ наслажденій сначала на дѣлѣ докажетъ свое раскаяніе. Сначала должны быть убраны камень преткновенія, эта блудница, которая въ отчаяніи дежуритъ у того ложа, которое она такъ долго, въ нарушеніе предписаній христіанской религіи, незаконно раздѣляла. Съ трудомъ рѣшается король, именно теперь, въ этотъ страшный часъ послѣдняго одиночества, отослать отъ себя единственнаго человѣка, къ которому онъ по настоящему привязанъ. Но все безпошаднѣе сжимаетъ ему горло страхъ адскаго пламени. Задыхающимся голосомъ прощается онъ съ Дюбарри и ее сейчасъ же незамѣтно увозятъ въ расположенный неподалеку маленькій Гюельскій замокъ. Тамъ она должна ждать, чтобы въ случаѣ, если король все же поправится, снова вернуться къ нему.

Лишь теперь, послѣ этого очевиднаго проявленія раскаянія, могутъ послѣдовать исповѣдь и отпущеніе грѣховъ. Лишь теперь переступаетъ порогъ королевской опочивальни человѣкъ, наименѣе обремененный дѣломъ при дворѣ въ теченіе послѣднихъ тридцати восьми лѣтъ: духовникъ его величества. Дверь за нимъ закрывается, и любопытные царедворцы лишены, къ величайшему ихъ огорченію, возможности подслушать грѣховный реестръ галантнаго короля (а какъ бы это было интересно!). Но

съ часами въ рукахъ они старательно считаютъ минуты, чтобы по крайней мѣрѣ прослѣдить, сколько времени понадобится Людовику XV, чтобы перечислить всѣ свои грѣхи и заблужденія. Наконецъ, спустя въ точности шестнадцать минутъ, дверь снова отворяется, и духовникъ выходитъ обратно. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, Людовикъ XV еще не получилъ отпущенія грѣховъ, церковь, очевидно, требуетъ отъ этого монарха, тридцать восемь лѣтъ не облегчавшаго своего сердца и ведшаго на глазахъ своихъ дѣтей преисполненную грѣха жизнь, еще большаго униженія. Именно потому, что онъ стоялъ выше всѣхъ на землѣ и легкомысленно предполагалъ, что законы церкви не для него писаны, церковь теперь требуетъ отъ него, чтобы онъ склонился особенно низко передъ Всевышнимъ. Открыто, на глазахъ у всѣхъ и передъ всѣми, долженъ грѣшный король покаяться въ своемъ недостойномъ образѣ жизни. Лишь тогда послѣдуетъ причащеніе.

На слѣдующее утро происходитъ потрясающая сцена: могущественнѣйшій самодержецъ христіанскаго міра долженъ принести христіанское покаяніе передъ толпой своихъ собственныхъ подданныхъ. Вдоль всей лѣстницы дворца стоятъ вооруженные гвардейцы, швейцарцы выстроились шпалерами отъ часовни до комнаты умирающаго, и подъ глухой грохотъ барабановъ выступаетъ торжественная процессія высшаго духовенства, неся подъ балдахинномъ сосудъ съ св. Дарами. Позади архіепископа и его свиты шествуютъ, каждый со свѣчой въ рукахъ, дофинъ, оба его брата, принцы и принцессы, чтобы проводить святыню до дверей опочивальни короля. У порога они останавливаются и опускаются на колѣни. Дочери короля и принцы, не имѣющіе правъ на престолонаслѣдіе, входятъ вмѣстѣ съ высшимъ духовенствомъ въ комнату умирающаго.

Всѣ затаили дыханіе, и въ тишинѣ звучатъ слова кардинала, обращающагося къ королю съ краткой рѣчью, а въ открытыя двери видно, какъ умирающій причащается. Затѣмъ — мгновеніе, повергающее всѣхъ присутствующихъ въ благоговѣйный трепетъ, — кардиналъ

показывается на порогъ и говорить, обращаясь ко всему двору:

— Господа, король уполномочилъ меня передать вамъ, что онъ просить у Господа прощенія за всѣ нанесенныя Ему обиды и за тотъ дурной примѣръ, который онъ подавалъ своимъ образомъ жизни своему народу. Если Господь вернетъ ему здоровье, король обѣщаетъ покаяться, оказывать поддержку религіи и облегчить участь своего народа.

Съ постели доносится невнятный стонъ. Стоящіе по близости различаютъ, что умирающій произноситъ слѣдующія слова:

— Я хотѣлъ бы, чтобы у меня хватило силъ сказать все это самому.

Дальше — сплошной ужасъ. Не человекъ умираетъ, а разлагается на составныя части черный вздувшійся трупъ. Съ исполинской энергіей, словно въ немъ сосредоточилась бурбонская сила всѣхъ его предковъ, сопротивляется тѣло Людовика XV уничтоженію. Эти дни являются кошмаромъ для всѣхъ. Слуги падаютъ въ обморокъ отъ страшнаго зловонія, дочери едва въ силахъ продолжать свое дежурство, врачи давно утратили всякую надежду, все съ большимъ нетерпѣніемъ дожидается дворъ завершенія этой отвратительной трагедіи.

У подъезда дворца уже нѣсколько дней стоятъ наготовѣ запряженныя кареты, такъ какъ немедленно послѣ того, какъ Людовикъ XV испуститъ послѣдній вздохъ, Людовикъ XVI долженъ, не теряя ни одной минуты, во избѣжаніе заразы, переѣхать со всей свитой въ Шуази. Всадники осѣдлали копей, сундуки упакованы, съ часу на часъ ждутъ слуги и кучера приказа. Всѣ глаза устремлены на огонекъ небольшой свѣчи, прикрѣпленной въ окнѣ комнаты умирающаго: это условный знакъ, въ моментъ кончины огонекъ будетъ погашенъ. Но исполинское тѣло стараго Бурбона сопротивляется еще нѣ-
лгый день. Наконецъ, во вторникъ 10 мая, въ половинѣ четвертаго пополудни, свѣча гаснетъ. Шопоть смѣ-

няется гуломъ. Изъ комнаты въ комнату несется, подобно нарастающей волнѣ, извѣстіе, кличь, ураганъ:

— Король умеръ, да здравствуетъ король!

Марія-Антуанетта ждетъ со своимъ супругомъ въ маленькой боковой комнатѣ. Вдругъ до нихъ доносится этотъ таинственный шумъ, все ближе и ближе изъ комнаты въ комнату раздается гулъ непонятныхъ словъ. Будто распахнутая порывомъ вѣтра, раскрывается дверь, входитъ госпожа де Ноайль, опускается на колѣни и первая привѣтствуетъ королеву. За ней тѣснятся другіе, ихъ все больше и больше, весь дворъ, каждый торопится войти, показаться, засвидѣтельствовать свои вѣрноподданническія чувства, обратить на себя вниманіе, оказаться въ числѣ первыхъ, принесшихъ поздравленія. Гремятъ барабаны, офицеры обнажаютъ шпаги, и изъ сотенъ устъ несется кличь:

— Король умеръ, да здравствуетъ король!

Въ качествѣ королевы покидаетъ Марія-Антуанетта ту комнату, въ которую она вошла дофиншей. И въ то время, какъ въ опустѣломъ дворцѣ съ чувствомъ облегченія торопливо укладываютъ въ гробъ изсиня-черный измѣнившійся до неузнаваемости трупъ Людовика XV, чтобы съ возможно меньшимъ шумомъ предать его землѣ, роскошная карета увозитъ новаго короля и новую королеву за позолоченную ограду Версаля. А на улицахъ народъ привѣтствуетъ ихъ ликующими криками, словно со смертью стараго короля пришелъ конецъ и старымъ невздадамъ, словно съ новыми властителями начинается новая жизнь.

Старая болтунья госпожа Кампанъ рассказываетъ въ своихъ то медоточивыхъ, то слезоточивыхъ мемуарахъ, будто Людовикъ XVI и Марія-Антуанетта, когда имъ сообщили о кончинѣ Людовика XV, опустились на колѣни и воскликнули рыдая:

— Господи, защити и охрани насъ, мы слишкомъ молоды для того, чтобы царствовать.

Это чрезвычайно трогательный анекдотъ, весьма подходящий для букваря, жаль только, что онъ, какъ и большинство анекдотовъ о Маріи-Антуанеттѣ, отлича-

ется тѣмъ большимъ дефектомъ, что онъ весьма неудачно и психологически неправоподобно выдуманъ.

Этотъ религіозный трепетъ ужасно мало подходитъ къ рыбьей крови Людовика XVI, не имѣваго ни малѣйшаго основанія быть потрясеннымъ событіемъ, наступленія котораго съ часами въ рукахъ ждали во дворцѣ съ минуты на минуту на протяженіи восьми дней, и еще меньше подходитъ онъ къ Маріи-Антуанеттѣ, которая съ беззаботнымъ сердцемъ приняла этотъ даръ судьбы, какъ и всѣ другіе, выпадавшіе на ея долю. Не потому, чтобы она была властолюбива или съ нетерпѣніемъ дожидалась момента, когда, наконецъ, сможетъ взять въ свои руки бразды правленія. Марія-Антуанетта никогда не мечтала стать Елизаветой, Екатериной, Маріей-Терезіей, для этого душевная энергія ей была черезчуръ слаба, напряженность духа слишкомъ мала, характеръ слишкомъ инертенъ. Ея желанія, какъ желанія всякой средней натуры, выходили очень недалеко за предѣлы ея собственной персоны. У этой молодой женщины не было никакихъ политическихъ идей, которыя ей хотѣлось бы пронести въ міръ, ни малѣйшей склонности подчинить себя или унижить другихъ. Ей съ юности присущъ лишь упрямый подчасъ дѣтскій инстинктъ независимости, она не стремится господствовать, а только не хочетъ подчиняться чужому господству.

Быть властительницей означаетъ для нея голько быть свободной. Лишь теперь, послѣ трехъ съ лишнимъ лѣтъ состоянія подъ надзоромъ и опекой она впервые ощущаетъ отсутствіе препонъ. Поднявшись на одну рѣшающую ступень отъ супруги дѣфина къ королевѣ, она, наконецъ, стоитъ надъ всѣми не обязанная подчиняться никому и ничему кромѣ своихъ капризныхъ настроеній. Она чувствуетъ только величіе своего положенія, а не своей отвѣтственности, и вступаетъ на престолъ беззаботно и съ высоко поднятой головой.

Едва лишь вступаетъ Марія-Антуанетта на престолъ, какъ изъ глубины народной ей навстрѣчу несетъ ликованіе. Молодые властители еще ничего не сдѣлали, ничего не обѣщали, ничего не сдержали, а ихъ уже при-

вѣтствуютъ съ энтузіазмомъ. Склонный вѣрить въ чудеса, народъ мечтаетъ о томъ, что быть можетъ теперь, когда высасывавшая изъ него соки метресса отправлена въ изгнаніе, старый ко всему безразличный сластолюбецъ Людовикъ XV опущенъ въ могилу, и Франціей стануть править молодой, простой, бережливый, скромный, набожный король и очаровательная, юная и добрая королева, — настанетъ золотой вѣкъ. Во всѣхъ окнахъ красуются портреты новыхъ, любимыхъ еще не разочарованной любовью властителей. Каждый ихъ поступокъ встрѣчается воодушевленіемъ и даже застывшій было въ испугъ дворъ начинаетъ радоваться: теперь пойдутъ снова балы и парады, веселье и радость, наступаетъ царство молодости и свободы. Вздохъ облегченія привѣтствуетъ смерть стараго короля и погребальныя колокола на всѣхъ башняхъ Франціи звучать такъ свѣжо и радостно, какъ будто они звонятъ къ какому-нибудь празднеству.

Во всей Европѣ лишь одинъ человѣкъ потрясенъ и напуганъ смертью Людовика XV. Это императрица Марія-Терезія. Какъ царица, она по тридцатилѣтнему опыту знаетъ, сколь велико бремя короны. Какъ мать, она знаетъ слабости и недостатки своей дочери. Всей душой желала бы она, чтобы моментъ восшествія мужа ея дочери на престолъ наступилъ попозже, когда она, это легкомысленное и несдержанное существо, немного созрѣла бы и оказалась бы способной противостоятъ искушеніямъ своей расточительности. Сердце старой женщины сжимается, мрачныя предчувствія гнетутъ ее.

Издаലെка, съ высоты своего молчаливаго опыта, старая правительница взоромъ Кассандры видитъ гораздо лучше своей дочери и ея молодого супруга, какъ непрочно положеніе Франціи, и закликаетъ обоихъ прежде всего охранять дружбу съ Австріей, а такимъ образомъ и европейскій миръ. Особенно настойчиво предостерегаетъ она свою дочь отъ собственнаго легкомыслія, отъ погони за развлеченіями.

Тронутая заботами матери Марія-Антуанетта не скупится на обѣщанія. Она сознается въ отсутствіи склонности ко всякой серьезной дѣятельности и клянется, что исправится. Но озабоченность не сходитъ съ чела старой, исполненной пророческаго предчувствія императрицы. Она не вѣритъ ни въ счастье французской короны, ни въ счастье своей дочери. И въ то время, когда весь міръ съ ликованіемъ привѣтствуетъ Марію-Антуанетту и завидуетъ ей, она пишетъ своему довѣренному посланнику съ материнскимъ вздохомъ: «Я думаю, что самые счастливые дни у нея позади».

Королева Рококо

Въ моментъ, когда дочь его старой соперницы Маріи-Терезіи становится королевой Франціи, Фридрихомъ Великимъ, наслѣдственнымъ врагомъ Австріи, овладѣваетъ безпокойство. Письмо за письмомъ шлетъ онъ прусскому посланнику съ порученіями проникнуть въ политическіе планы Маріи-Антуанетты. Опасность для него дѣйствительно велика. Маріи-Антуанеттѣ стоило только захотѣть, приложить хоть немного усилій, и всѣ нити французской дипломатіи сосредоточились бы въ ея рукахъ, — Европой правили бы три женщины: Марія-Терезія, Марія-Антуанетта и Екатерина II. Но къ счастью для Пруссіи и къ собственному несчастью, Марію-Антуанетту нисколько не привлекаетъ великая историческая задача: она помышляетъ не о томъ, чтобы постичь, а лишь о томъ, какъ бы убить свое время. Безпечно хватается она своей ручкой за корону, какъ за игрушку. Вмѣсто того, чтобы использовать свою власть, она желаетъ только ею наслаждаться.

Роковая ошибка Маріи-Антуанетты заключалась сперваго мгновенія въ томъ, что она мечтала не о побѣдахъ королевы, а о побѣдахъ женщины. Быть королевой означало для нея на протяженіи пятнадцати легкомысленныхъ лѣтъ исключительно считаться самой эlegant-

ной, самой кокетливой, наилучше одѣтой, самой избалованной и, прежде всего, самой веселой женщиной Франціи, вызывать всеобщіе восторги двора. быть задающей тонъ свѣтской дамой тѣхъ великосвѣтскихъ сферъ, которыя считаютъ себя средоточіемъ міра. Въ теченіе двадцати лѣтъ она самовлюбленно исполняетъ на интимной Версальской сценѣ, возведенной подобно японскому мостику надъ пропастью, роль примадонны, очаровательно и стильно играетъ роль совершеннѣйшей королевы Рококо. вмѣсто того, чтобы стать образцомъ человѣческаго величія для всѣхъ временъ, она стала характернымъ воплощеніемъ своего времени. Въ ней находятъ свое завершеніе и съ нею отходитъ навѣки въ прошлое восемнадцатый вѣкъ.

Чему посвящаетъ свои первыя заботы королева эпохи Рококо, когда она просыпается утромъ въ своемъ Версальскомъ дворцѣ? Докладамъ изъ столицы или изъ государства? Донесеніямъ пословъ о военныхъ дѣйствіяхъ, о томъ, не объявлена ли война Англии? Ничего подобного. Марія-Антуанетта вернулась домой, какъ обычно, лишь въ четыре или пять утра, — она спитъ только нѣсколько часовъ, ея безпокойной натурѣ мало нуженъ покой. День начинается важной церемоніей. Старшая камеристка, въ вѣдѣніи которой находится гардеробъ, входитъ въ опочивальню съ коллекціей рубашекъ, носовыхъ платковъ и полотенецъ. Рядомъ съ ней первая камеръ-гофрейлина. Съ низкимъ поклономъ подаетъ она фоліантъ, въ которомъ булавочками прикрѣплены маленькіе образчики матерій, изъ коихъ сшиты имѣющіяся въ гардеробѣ платья.

Марія-Антуанеттѣ предстоитъ рѣшить, какія платья она сегодня надѣнетъ. Какой тяжелый и отвѣтственный выборъ! Вѣдь для каждаго сезона предписано двѣнадцать новыхъ парадныхъ платьевъ, двѣнадцать платьевъ-фантази, двѣнадцать платьевъ для церемоній, не считая сотни другихъ, ежегодно вновь приобретаемыхъ (мыслимъ ли такой позоръ, чтобы королева моды нѣсколько разъ

надѣла то же самое платье!). Къ этому присоединяются утренніе капоты, лифчики, кружевные накидки и фишю, чепцы, манто, пояса, перчатки, чулки и дессу изъ необозримаго арсенала, за которыми наблюдаетъ цѣлая армія портнихъ и гардеробщицъ. На выборъ уходитъ обычно немало времени. Наконецъ, отмѣчаются булавками образцы тѣхъ туалетовъ, которые Марія-Антуанетта рѣшила сегодня надѣть: парадное платье для торжественнаго приѣма, послѣобѣденное и вечернее. Первая забота позади, фоліантъ съ образчиками матерій уносится, и вносятся оригиналы выбранныхъ платьевъ.

Неудивительно, что при томъ огромномъ значеніи, которое придается туалетному вопросу, главная портниха, божественная мадемуазель Бертенъ, пріобрѣтаетъ надъ Маріей-Антуанеттой большую власть, чѣмъ всѣ министры: послѣдніе замѣнимы, а она единственная, несравненная. Эта вышедшая изъ низшихъ слоевъ народа, грубоватая, преисполненная самолюбія мастерица „haute couture“ держитъ королеву крѣпко въ рукахъ. Изъ-за нея въ Версалѣ происходитъ за восемнадцать лѣтъ до настоящей революціи своеобразная дворцовая революція: мадемуазель Бертенъ опрокидываетъ правило этикета, запрещающее женщинѣ не дворянскаго происхожденія доступъ въ „petits cabinets“ королевы. Эта художница своего ремесла добивается того, чего не удалось добиться ни Вольтеру, ни кому бы то ни было изъ поэтовъ и живописцевъ того времени: она остается съ королевой наединѣ. Когда она, два раза въ недѣлю регулярно, появляется при дворѣ со своими новыми рисунками туалетовъ, Марія-Антуанетта покидаетъ свою свиту и отправляется совѣщаться съ этой глубоко чтимой ею портнихой въ свои личные покои, чтобы затѣмъ пустить въ ходъ какую-нибудь ошеломительную новую моду.

Само собою разумѣется, что весьма дѣловая мадемуазель Бертенъ извлекаетъ изъ своего триумфа и немалыя матеріальныя выгоды. Надъ своей мастерской на улицѣ Сентъ-Онорэ она вѣшаетъ исполинскую вывѣску «Поставщица ея королевскаго величества» и пренебрежи-

тельно сообщает своимъ кліенткамъ, которыхъ заставляетъ изрядно дожидаться приѣма: «я только что работала вмѣстѣ съ ея величествомъ». Вскорѣ подъ ея началомъ работаетъ цѣлая армія портнихъ и вышивальщицъ, потому что, чѣмъ элегантнѣе одѣвается королева, тѣмъ больше тянутся за ней придворныя дамы, не желающія отстать въ роскоши своихъ нарядовъ. Нѣкоторыя изъ нихъ предлагаютъ кудесницѣ-портнихѣ груды золота, чтобы убѣдить ее создать для нихъ новую модель, какой нѣтъ у самой королевы.

Погоня за роскошными туалетами принимаетъ характеръ эпидеміи. Беспорядки въ странѣ, пререканія съ парламентомъ, война съ Англіей далеко не такъ волнуютъ это тщеславное придворное общество, какъ новый блошинокоричневый цвѣтъ, который вводитъ въ моду мадемуазель Бертенъ, или новая смѣлая форма кринолина, или новый, созданный въ Ліонѣ оттѣнокъ шелка. Каждая мало-мальски себя уважающая женщина считаетъ себя обязанной не отставать ни на шагъ въ этой обезьяньей погонѣ за крайностями, и со вздохомъ жалуется одинъ супругъ: «никогда еще французскія женщины не тратили столько денегъ, чтобы стать смѣшными».

Быть королевой въ этой сферѣ Марія-Антуанетта считаетъ своей священнѣйшей обязанностью. Черезъ четверть года послѣ вступленія на престолъ маленькая принцесса стала законодательницей модъ великосвѣтскаго общества, моделью всѣхъ туалетовъ и причесокъ. Всѣ салоны міра, всѣ королевскіе дворы преисполнены ея триумфомъ. Слава ея доносится, разумѣется, и до Вѣны и вызываетъ тамъ нерадостное эхо. Марія-Терезія, которая желаетъ для своей дочери иныхъ успѣховъ, возвращаетъ своему посланнику портретъ, на которомъ Марія-Антуанетта изображена въ особенно роскошномъ вычурномъ нарядѣ, съ замѣчаніемъ, что это портретъ актрисы, а не королевы Франціи.

Второй заботой является каждое утро прическа. По счастью и тутъ имѣется высокій мастеръ своего дѣла, неисчерпаемый въ своей изобрѣтательности и несравнен-

ный фигаро эпохи Рококо — господинъ Леонаръ. Каждое утро онъ отправляется, словно важный баринъ, въ коляскѣ, запряженной шестеркой лошадей, изъ Парижа въ Версаль, чтобы при помощи гребешка, туалетныхъ водъ, щипцовъ и помадъ продемонстрировать на головѣ королевы свое вѣчно новое искусство. Подобно знамени-тому архитектору Мансару, возводящему надъ домами названныя его именемъ причудливыя надстройки, господинъ Леонаръ возводитъ надъ челомъ каждой мало-мальски уважающей себя знатной дамы цѣлыя башни изъ волосъ и лѣпитъ изъ нихъ символическія фигуры.

Сначала при помощи исполинскихъ головныхъ шпилекъ и крѣпкой помады онъ взгромождаетъ волосы вертикально надо лбомъ приблизительно вдвое выше прусскаго гренадерскаго кивера и лишь тамъ, въ воздушномъ пространствѣ, на высотѣ полуметра надъ уровнемъ глазъ, начинается истинное пластическое творчество этого художника. Не только цѣлые пейзажи и панорамы съ фруктами, садами, домами и кораблями вылѣпливаетъ онъ при помощи гребня на этихъ „Poufs“, или „Quâsacos“, но также символическія изображенія злобы дня. Все, чѣмъ заняты эти птичьи мозги, все, что наполняетъ эти по большей части пустыя жепскія головы, должно быть продемонстрировано надъ головой. Стоитъ оперѣ Глюка имѣть успѣхъ, и Леонаръ немедленно изобрѣтаетъ прическу „à la Iphigénie“ съ черными траурными бантами и полумѣсяцемъ Діаны. Королю дѣлають прививку оспы, и это событіе дня сейчасъ же находитъ свое отображеніе въ „Poufs de l'inoculation“. Лишь только входитъ въ моду американская война за независимость, модной прической становится прическа свободы. И даже — что еще подлѣе и глупѣе — когда голодная парижская толпа начинаетъ громить булочныя, фривольное придворное общество не можетъ придумать ничего болѣе умнаго, какъ отмѣтить это событіе новой прической „bonnets de la révolte“.

Искусныя сооруженія надъ пустыми головами становятся все причудливѣе и причудливѣе. Постепенно эти башни изъ волосъ достигаютъ такой вышины, что дамы

больше не могут сидѣть въ каретахъ и вынуждены стоять на колѣняхъ съ приподнятыми юбками, ибо въ противномъ случаѣ драгоценныя прически измялись бы о крышу кареты. Въ дворцовыхъ дверяхъ дѣлаются болѣе высокіе вырѣзы, чтобы дамы въ нарядныхъ туалетахъ не принуждены были нагибаться, проходя сквозь нихъ. Въ театральныхъ ложахъ дѣлаютъ сводчатые потолки. О тѣхъ неудобствахъ и неприятностяхъ, которыя эти сверхъестественныя прически причиняютъ любовникамъ, можно прочесть не мало занимательнаго въ сатирахъ той эпохи. Но разъ дѣло идетъ о модѣ, то женщины, какъ извѣстно, готовы на всякія жертвы, и королева держится того мнѣнія, что она не была бы королевой, если-бы не являлась зачинщицей всѣхъ этихъ безумствъ и не перещеголяла всѣхъ другихъ дамъ.

И снова несется изъ Вѣны эхо: «Я не могу не затронуть одного обстоятельства, о которомъ часто читаю въ газетахъ, а именно твоихъ причесокъ! Говорятъ, что онѣ достигаютъ, считая отъ корней волосъ, высоты въ тридцать шесть дюймовъ, а надъ ними еще красуются перья и ленты». Марія-Антуанетта уклончиво отвѣчаетъ своей „*chère Maman*“, что въ Версалѣ глазъ уже къ этому настолько привыкъ, что весь свѣтъ — подъ свѣтомъ она всегда подразумѣваетъ только сотню придворныхъ дамъ — не видитъ въ этихъ прическахъ ничего особеннаго. И мастеръ Леонаръ строитъ да строитъ, до тѣхъ поръ, какъ по волѣ Господней мода мѣняется, и въ слѣдующемъ году башни сносятся, правда, лишь для того, чтобы уступить мѣсто еще болѣе разорительной модѣ — страусовымъ перьямъ.

Третья забота — развѣ можно мѣнять туалеты, не мѣняя въ соотвѣтствіи съ ними и драгоценностей? Королева должна непременно обладать самыми большими брилліантами, самыми крупными жемчугами. Ей необходимо имѣть больше колецъ, браслетовъ, діадемъ, брошей, цѣпочекъ, драгоценныхъ камней, пряжекъ для ботинокъ и раскрашенныхъ вѣровъ, чѣмъ ихъ имѣютъ жены младшихъ братьевъ короля и всѣ остальные придворныя дамы. Правда, она привезла съ собою немало

бриллиантовъ изъ Вѣны, да и Людовикъ XV подарилъ ей къ свадьбѣ цѣлую шкатулку фамильныхъ драгоценностей. Но для чего же и быть королевой, какъ не для того, чтобы постоянно покупать все новыя, все болѣе красивые драгоценныя камни?

Марія-Антуанетта, какъ это извѣстно всѣмъ въ Версалѣ, — скоро выяснится, что вовсе не хорошо, что объ этомъ всѣ говорятъ, — обожаетъ драгоценности. Она никогда не можетъ противостоять соблазну, если эти ловкіе, услужливые ювелиры, эти переселившіеся изъ Германіи въ Парижъ еврей Бомеръ и Бассанжъ демонстрируютъ ей на бархатныхъ подставкахъ свои новыя произведенія искусства, волшебныя серьги, кольца и запястья. Къ тому же эти славные ребята никогда не ставятъ ей тяжелыхъ условій при продажѣ. Они умѣютъ чтить королеву Франціи и хоть пазначаютъ ей двойныя цѣны, но зато предоставляютъ кредитъ и принимаютъ въ уплату старыя драгоценности по половиннымъ цѣнамъ. Не сознавая унижительнаго характера такихъ ростовщическихъ сдѣлокъ, Марія-Антуанетта дѣлаетъ во всю долги — она знаетъ, что въ случаѣ нужды бережливый супругъ ее выручитъ.

Предостереженія изъ Вѣны принимаютъ все болѣе настойчивый характеръ: «Согласно полученнымъ мною изъ Парижа извѣстіямъ, ты снова купила себѣ браслетовъ на двѣсти пятьдесятъ тысячъ ливровъ и тѣмъ привела въ безпорядокъ свои доходы и надѣлала долговъ, и даже, чтобы поправить свои дѣла, продаешь за гроши свои бриллианты... Подобныя извѣстія терзаютъ мое сердце, особенно, когда я подумаю о твоёмъ будущемъ. Когда же ты возьмешь себя въ руки? — пишетъ ей въ отчаяніи мать. — Королева унижаетъ себя, наряжаясь до такой степени, и еще больше унижаетъ себя, расходуя такія суммы въ такое время. Мнѣ хорошо знакомъ этотъ духъ расточительности, и я не въ состояніи молчать, потому, что я люблю тебя ради тебя самой и не намѣрена тебѣ льстить. Берегись, какъ бы не утратить благодаря такому легкомысленному поведенію той любви и того уваженія, которыя тебѣ удалось снискать въ началѣ

твоего правленія. Всѣ хорошо знаютъ, что король очень бережливъ и скромнѣе въ своихъ вкусахъ, и вся вина падеть только на тебя. Я не хотѣла бы дожить до такой перемены, до такого переворота.»

Бриллианты стоятъ денегъ, туалеты стоятъ денегъ, и хотя добродушный супругъ немедленно же по вступленіи на престолъ удвоилъ содержаніе своей жены, ея доверху наполненная денежная шкатулка, должно быть, имѣеть гдѣ-то дыру, потому что она постоянно зялетъ пустотой.

Какъ раздобыть деньги? Къ счастью дьяволъ избрѣлъ для легкомысленныхъ людей удивительное средство: карточную игру. До Маріи-Антуанетты игра пошла при королевскомъ дворѣ характеръ невиннаго вечерняго развлечения вродѣ билліарда или танцевъ: играли въ безобидный ландскнехтъ и по самой маленькой. Марія-Антуанетта вводитъ пресловутую игру «фарао», которая намъ извѣстна изъ мемуаровъ Казановы, какъ излюбленное поприще всѣхъ шарлатановъ и мошенниковъ. То обстоятельство, что, согласно ясно выраженному приказу короля, всякая азартная игра воспрещена подъ страхомъ наказанія, не имѣеть для ея компаньоновъ по игрѣ никакого значенія: въ салоны королевы полиція доступа не имѣеть. Тотъ же фактъ, что король терпѣть не можетъ вида этихъ покрытыхъ горами золота игорныхъ столовъ, не беспокоитъ эту легкомысленную компанію ни въ малѣйшей степени: они играютъ за спиной короля, безъ его вѣдома, и поручаютъ караульному, специально поставленному для этой цѣли у дверей, при приближеніи короля немедленно поднимать тревогу. Въ этомъ случаѣ карты словно по волшебству исчезаютъ, общество мирно болтаетъ, всѣ добродушно посмѣиваются надъ наивнымъ королемъ и послѣ его ухода игра продолжается.

Желая оживить игру и увеличить ея обороты, королева предоставляетъ доступъ къ зеленому столу всякому, кто принесетъ съ собою много денегъ. Появляются спеціальные заманиватели, всякаго рода авантюристы, и

вскорѣ въ Парижѣ распространяется позорная вѣсть о томъ, что въ обществѣ королевы играютъ шулера. Лишь одинъ человекъ не знаетъ ничего о происходящемъ, потому, что въ ослѣпленіи своего удовольствія не хочетъ ничего знать. — это сама Марія-Антуанетта. Когда она разойдется, ее ничѣмъ нельзя сдержать. Ежедневно играетъ она до трехъ, до четырехъ, до пяти утра, а однажды, къ ужасу всего двора наканунѣ праздника Всѣхъ Святыхъ, даже цѣлую ночь напролетъ.

И снова доносится изъ Вѣны предостерегающій голосъ: «Карточная игра является несомнѣнно однимъ изъ опаснѣйшихъ развлеченій, ты попадаешь благодаря ей въ дурное общество и даешь обильный матеріалъ для сплетень . . . Я умоляю тебя, моя любимая, не поддавайся этой пагубной страсти, отдѣлайся отъ нея сразу усиленнымъ воли.»

Но наряды, драгоценности, игра — все это занимаетъ лишь половину дня, половину ночи. Какъ развлечься? — вотъ еще четвертая, самая главная забота. Марія-Антуанетта ѣздитъ верхомъ, охотится — исключное времяпрепровожденіе власть имущихъ — рѣже всего въ обществѣ своего супруга, вѣдь онъ такой скучный, а по большей части въ обществѣ своего веселаго шурина графа д'Артуа и другихъ кавалеровъ. Иногда шутки ради она катается верхомъ на ослѣ, это, правда, не особенно представительно, но даетъ зато возможность, въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ сѣрый пріятель заупрямится, забавнѣйшимъ манеромъ свалиться съ него и показать всему двору свои очаровательныя кружевыя лессу и не менѣе очаровательныя ножки.

Зимой катаются, тепло укутавшись, на саняхъ, лѣтомъ развлекаются по вечерамъ фейерверками, сельскими балами, небольшими концертами въ паркѣ. Стоитъ удалиться на нѣсколько шаговъ отъ террасы — и находишься въ небольшомъ избранномъ обществѣ поть кровомъ темноты, можешь свободно болтать и шалить — разумѣется, въ предѣлахъ приличія — можешь играть опасностью, какъ всѣмъ вообще въ жизни. Если даже

какой-нибудь злобный царедворец выпуститъ потомъ стихотворный памфлетъ о ночныхъ приключеніяхъ королевы подъ названіемъ „Le lever de 'aurore“, какое это имѣетъ значеніе? Король, снисходительный супругъ, совершенно равнодушенъ къ такимъ булавочнымъ уколамъ, а зато удалось позабавиться. Только бы не оставаться ни одного вечера одной дома съ книжкой съ мужемъ, только бы непрерывно развлекаться и дурачиться.

Стоять появиться какой бы то ни было новой модѣ, и Марія-Антуанетта первая ею увлекается. Едва лишь графъ д'Артуа — его единственная заслуга передъ Франціей — перенимаетъ отъ Англіи скачки сейчасъ же на скаксовой трибунѣ появляется королева, окруженная толпой юныхъ англоманствующихъ пшютовъ, держитъ пари, играетъ и страстно увлекается этимъ новымъ способомъ шекотанія нервовъ. Обычно, впрочемъ, увлеченія ея недолговременны, по большей части то, что восхищаетъ ее сегодня, завтра уже навѣваетъ скуку. Только безпрестанная смѣна развлеченій можетъ утихомирить ея нервное безпокойство являющееся несомнѣнно, результатомъ ея альковной тайпы. Ея любимымъ и единственнымъ развлеченіемъ, которому она остается вѣрна, является наиболѣе опасное для ея репутаціи: маскарадныя балы. Маскарадныя балы даютъ страстно ихъ любящей Маріи-Антуанеттѣ возможность испытывать двойное наслажденіе. Во-первыхъ — отъ сознанія своего королевскаго достоинства, во-вторыхъ — оттого что при помощи темной бархагной маски она можетъ скрыть свое королевское званіе и пуститься въ опасныя галантныя авантюры, т. е. рисковать не только деньгами, какъ при карточной игрѣ, но и самой собой, какъ женщиной. Въ костюмѣ Артемиды или въ кокетливомъ домино она можетъ спуститься съ ледяныхъ высотъ этикета въ чуждый теплый людской водоворотъ, можетъ, трепеща до мозга костей, ощущать близость искушенія и вотъ-вотъ уже надвигающуюся опасность соблазна, можетъ подъ покровомъ маски погулять полчаса объ руку съ элегантнымъ юнымъ англійскимъ джентльменомъ или показать очаровательному шведскому кавалеру Гапсу Акселю фовъ

Ферзену нѣсколькими смѣлыми словами. до чего онъ правится той женщиной. которая увы. въ качествѣ королевы насильственно вынуждена быть добродѣтельной.

Марія-Антуанетта не знаетъ или не желаетъ знать о томъ. что сплетня раздуваетъ эти невинныя забавы. придавая имъ грубо-эротическій характеръ что во всѣхъ свѣтскихъ салонахъ перешептываются объ ея «любивныхъ приключеніяхъ». что когда ей какъ-то однажды вслѣдствіе поломки колеса придворной кареты приходится взять наемный фіакръ чтобы доѣхать до Оперы. тайныя допесенія превращаютъ этотъ эпизодъ въ фривольную авантюру.

Тщетно предостерегаетъ ее мать: «Если-бы это все происходило въ обществѣ короля я бы молчала. но постоянно безъ него. постоянно въ сопровожденіи самой испорченной и самой юной парижской молодежи. среди которой очаровательная королева оказывается старшей по возрасту.» Но никакія предостереженія не дѣйствуютъ болѣе на эту неразумную молодую жепшину которая зашла такъ далеко. что уже не понимаетъ. что ее не понимаютъ. Почему не наслаждаться жизнью въдѣ никакого другого смысла она вообще не имѣетъ. И съ потрясающей откровенностью говоритъ она посланнику Мерси. передающему ей материнскія наставленія:

— Чего она хочетъ? Я боюсь скуки.

«Я боюсь скуки» — этими словами Марія-Антуанетта выражаетъ лозунгъ своей эпохи и всего своего общества. Восемнадцатый вѣкъ подходит къ концу, онъ выполнилъ свое назначеніе. Государство основано. Версаль выстроенъ этикетъ завершенъ двору болѣе нечего дѣлать. Маршалы. въ виду отсутствія войнъ. превратились въ наряженныхъ въ парадную форму мапекеповъ, епископы. въ виду безвѣрія современнаго поколѣнія — въ галантныхъ кавалеровъ въ фіолетовыхъ сутапахъ. королева. въ виду того. что рядомъ съ нею не стоитъ настоящій король. и ей не приходится воспитывать наследника престола. — въ очаровательную свѣтскую бездѣльницу. Со скупающимъ видомъ и безъ пониманія

того, что происходит, взираютъ они всѣ на мощный потокъ надвигающихся событій. иногда они опускаютъ въ этотъ потокъ свои любопытныя руки и вылавливаютъ изъ него нѣсколько блестящихъ камешковъ. Смѣясь, какъ дѣти, играютъ они такъ ласково струящейся вокругъ ихъ пальцевъ грозной стихіей. Никто изъ нихъ не ощущаетъ все увеличивающагося и ускоряющагося подъема воды, а когда они, наконецъ, постигаютъ опасность, бѣгство уже невозможно, игра проиграна и жизнь загублена.

Трианонъ

Марія-Антуанетта хватается своей легкой, шаловливой ручкой за корону, какъ за неожиданный подарокъ. Она еще слишкомъ молода для того, чтобы знать, что въ жизни ничто не дается даромъ и что все преподносимое судьбою имѣетъ свою тайную цѣну. Марія-Антуанетта и не думаетъ платить эту цѣну. Она хочетъ пользоваться лишь прерогативами королевскаго званія и совершенно забываетъ о связанныхъ съ нимъ обязанностяхъ. Она желала бы соединить двѣ несоединимыя вещи: владствовать и свободно наслаждаться жизнью.

Но въ Версалѣ свобода недоступна. Въ этихъ свѣтлыхъ зеркальныхъ галлерейхъ не укрыть ни единого движенія. Каждый шагъ регламентированъ, каждое слово уносится предательскимъ вѣтеркомъ. Но Марія-Антуанетта ненавидитъ всякій контроль, а потому, едва взоидя на тронъ, требуетъ отъ своего покладистаго супруга предоставленія ей какого-нибудь потайного уголка, въ которомъ она не должна была бы вести себя какъ королева. И Людовикъ XVI не то по слабохарактерности, не то изъ галантности подноситъ ей въ даръ лѣтній дворецъ Трианонъ.

Это, въ сущности, не такой уже грандіозный подарокъ, скорѣе игрушка, котóрой на протяженіи десяти съ лишнимъ лѣтъ суждено быть притягательной приманкой для праздныхъ восторговъ Маріи-Антуанетты. Строи-

тель этого маленькаго дворца никогда не смотрѣлъ на него, какъ на настоящую резиденцію для королевской семьи, а лишь какъ на „*maison de plaisir*“, какъ на „*bien retiro*“, и въ этомъ качествѣ Трианонъ былъ всю использованъ Людовикомъ XV для встрѣчъ съ мадамъ Дюбарри и другими многочисленными случайными фаворитками. Какой-то хитроумный механикъ изобрѣлъ для галантныхъ ужиновъ особый опускающійся столъ, который поднимался съ полной сервировкой прямо изъ подвального кухоннаго помѣщенія и дѣлалъ излишнимъ присутствіе нескромныхъ лакеевъ. За это способствующее эротическому уюту изобрѣтеніе услужливый Лопорелло получилъ, сверхъ семисотъ тридцати шести тысячъ ливровъ, уплаченныхъ государственной казной за постройку самаго дворца, особое вознагражденіе въ размѣрѣ двѣнадцати тысячъ ливровъ.

Этотъ маленькій дворецъ, лежащій въ отдаленномъ углу Версальскаго парка и еще не остывшій отъ размыгивавшихся въ немъ нѣжныхъ сценъ, переходитъ въ собственность Маріи-Антуанетты. Теперь у нея есть своя игрушка и къ тому же одно изъ очаровательнѣйшихъ произведеній французскаго архитектурнаго вкуса. совершенное по своимъ пропорціямъ, волшебное по нѣжности своихъ линий, удивительно подходящій для элегантной молодой королевы ларецъ для драгоценностей.

Этотъ Трианонъ являетъ собою какой-то воистину миниатюрный, игрушечный мірокъ. Изъ оконъ его — это символично — не видно ничего живого, ни города, ни Парижа, ни полей. Въ какихъ-нибудь десять минутъ можно обойти всю его территорію, и все же этотъ небольшой участокъ земли былъ для Маріи-Антуанетты важнѣе и значительнѣе, чѣмъ вся территорія Франція съ ея двадцатью милліонами подданныхъ. Здѣсь она не чувствовала себя ни передъ кѣмъ обязанной, здѣсь она могла не считаться ни съ церемоніаломъ, ни съ этикетомъ, ни даже съ приличіями. Для того, чтобы подчеркнуть, что на этомъ маленькомъ участкѣ земли повелѣваетъ только

она одна, и не кто иной, Марія-Антуанетта къ вѣщшему огорченію двора, свято соблюдающаго салической законъ, издаеть здѣсь всѣ декреты не отъ имени своего супруга, а отъ собственнаго имени „de par la reine“.

Прислуга носить здѣсь не красно-бѣло-синія королевскія ливреи, а одѣта въ розово-серебряные цвѣта королевы. Даже собственный супругъ появляется здѣсь только въ качествѣ гостя — чрезвычайно тактичнаго и удобнаго гостя, никогда не приходящаго безъ приглашенія или въ неурочное время, и всегда строго чтущаго хозяйскія права своей жены. Но этотъ простодушный человекъ приходитъ сюда охотно, потому что здѣсь значительно уютнѣе, чѣмъ въ большомъ версальскомъ дворцѣ: — „par ordre de la reine“ здѣсь отмѣнены всякая строгость и напыщенность, здѣсь сидятъ въ зелени безъ шляпъ, въ легкихъ туалетахъ, здѣсь не соблюдается табель о рангахъ, здѣсь въ веселомъ, непринужденномъ общеніи забываются всякая напряженность, натянутость, иногда даже достоинство. Здѣсь королева чувствуетъ себя хорошо, привольно и скоро настолько привыкаетъ къ этому непринужденному образу жизни, что по вечерамъ лишь съ большимъ трудомъ рѣшается возвращаться въ Версаль.

Послѣ того, какъ она испробовала сельскую свободу, дворъ становится ей все болѣе чуждымъ, обязанности представительства и брачной жизни кажутся все скучнѣе. все чаще укрывается она на цѣлые дни въ свою веселую голубятню. Охотнѣе всего она осталась бы навсегда въ Трианонѣ. И такъ какъ Марія-Антуанетта всегда дѣлаетъ то, что ей хочется, она и въ самомъ дѣлѣ переселяется окончательно въ свой лѣтній дворецъ. Тамъ устраивается для нея спальня съ узкой постелью, въ которой объемистый король не могъ бы вообще уместиться. Подобно всему прочему отнынѣ и супружеская интимность зависитъ уже не отъ воли короля.

Трианонъ становится для праздной Маріи-Антуанетты предметомъ неустанныхъ попеченій, вѣчно новой игрушкой. Подобно тому, какъ она заказываетъ все но-

выя платья портнихъ и все новыя драгоценности ювелиру, такъ теперъ придумываетъ она все новыя украшенія для своего уголка. Наряду съ портнихой, съ ювелиромъ, съ балетмейстеромъ, съ учителемъ музыки. этими министрами ея миниатюрнаго королевства, отнынѣ также архитекторы, садовники, декораторы и художники помогаютъ ей заполнить такъ безконечно тянущееся время, а вмѣстѣ съ тѣмъ опустошать существеннѣйшимъ образомъ казну. Главной заботой Маріи-Антуанетты является ея садъ, который, разумѣется, не долженъ ничѣмъ походить на историческій паркъ Версаля, долженъ быть самымъ моднымъ, самымъ своеобразнымъ, самымъ кокетливымъ садомъ того времени, настоящимъ садомъ въ стилѣ Рококо.

На маленькомъ холмѣ возводится посвященный богу той эпохи храмъ любви. Въ скалѣ искусно выдалбливается гротъ — гротъ любви, устроенный такимъ образомъ, что воркующая въ немъ нѣжная парочка можетъ своевременно замѣтить приближеніе постороннихъ. Въ лѣсточкѣ прокладываются извилистыя дорожки, лужайки украшаются рѣдкими сортами цвѣтовъ, вскорѣ сквозь покровъ зелени начинаетъ просвѣчивать бѣлый восьмиугольный музыкальный павильонъ. Все это размѣщается и переплетается съ такимъ вкусомъ, что перестаешь даже ощущать нарочитость, искусственность созданнаго пейзажа.

Но мода требуетъ больше естественности, подлинности. Для того, чтобы сдѣлать природу еще естественнѣе, придать кулисамъ рафинированное подобіе жизни, въ эту изысканную пастораль вводятся подлинныя фигуранты: живые крестьяне и крестьянки, живыя коровницы съ живыми коровами, телятами, свиньями, кроликами и овцами, живые жнецы, косари, пастухи, охотники, сыровары, чтобы они воистину косили, удобряли и доили, чтобы театръ маріонетокъ дѣйствовалъ во-всю. По приказу Маріи-Антуанетты для этихъ актеровъ возводится неподалеку отъ Трианона кукольный театръ въ натуральную величину, съ сараями и овинами, съ голубятнями и курятниками — знаменитое *Théâtre*.

Извѣстный архитекторъ Микъ и художникъ Робертъ набрасываютъ, рисуютъ, строятъ восемь въ точности скопированныхъ съ натуры крестьянскихъ дворовъ съ крытыми соломою домиками, съ курятниками, коровниками и навозными кучами. Для того, чтобы эти съ иглолки новыя декораціи не производили, Боже упаси, впечатлѣнія неестественности, имъ даже придаютъ внѣшне видъ заброшенныхъ, бѣдныхъ хижинъ. Молотками пробиваютъ дыры въ стѣнахъ, штукатурку заставляютъ романтически осыпаться, отрываютъ пару досокъ. Робертъ изображаетъ краской трещины на деревѣ, трубы искусственно закапчиваются до-черна. Зато внутри пѣ-которые изъ этихъ якобы полуразвалившихся домиковъ обставляются со всѣмъ комфортомъ — зеркалами, печами, билліардами и удобными кушетками. Вѣдь если королевѣ отъ скуки взбредетъ въ голову играть въ Жанъ-Жака Руссо и, на примѣръ, вмѣстѣ со своими придворными дамами сбивать собственноручно масло, то никакъ нельзя допустить, чтобы она себѣ испачкала при этомъ пальцы. Когда она посѣщаетъ своихъ коровъ Брюнетту и Бланшетту въ ихъ сараѣ, то полъ сарая, разумѣется, предварительно натирается невидимой рукой, какъ паркетъ, шкура коровъ полируется до атласнаго блеска, а парное молоко цѣдится не въ грубыя деревенскія ведра, а въ специально для этой цѣли изготовленныя на Севрской мануфактурѣ фарфоровыя вазы, снабженныя королевскими монограммами.

Это Натееи являлось для Маріи-Антуанетты театромъ среди бѣлаго дня, легкой, почти возбуждающей своимъ легкомысліемъ „*comédie champêtre*“. Въ то время, какъ по всей Франціи уже начинается броженіе въ средѣ крестьянъ, въ то время, какъ подлинное изнемогающее подъ бременемъ налоговъ сельское населеніе въ необыкновенномъ возбужденіи открыто требуетъ, наконецъ, улучшенія своего нестерпимаго положенія, въ этой потемкинской деревушкѣ царитъ лживое и пошлое благополучіе. На голубыхъ ленточкахъ выводятъ на пастбище овечекъ и, укрывшись подъ тѣнью несомаго придворной

дамой зонтика, королева любитъся, какъ прачки полощуть бѣлье въ журчащемъ ручейкѣ.

Ахъ, эта простота такъ очаровательна, такъ нравственна и удобна, такъ все чисто и пріятно въ этомъ райскомъ мірѣ, жизнь здѣсь такъ же свѣтла и чиста какъ молоко, брызжущее изъ вымени коровъ. Надѣваютъ платья изъ тонкаго тюля, сельски-простыя платья (и за пару тысячъ ливровъ заказываютъ художнику свой портретъ въ этомъ скромномъ туалетѣ). предаются невиннымъ деревенскимъ развлечениямъ, со всей фривольностью перенасыщенности воспринимаютъ «вкусъ природы». Удять рыбу, срываютъ цвѣты, гуляютъ (рѣдко въ одиночку) по извилистымъ тропинкамъ. рѣзвятся на лужайкахъ, смотрятъ, какъ работаютъ эти славные крестьяне-статисты, играютъ въ мячъ, танцуютъ гавотъ и менуэтъ на травѣ вмѣсто паркета, вѣшаютъ качели между деревьями. встрѣчаютъ и теряютъ другъ друга между хижинами и въ тѣнистыхъ аллеяхъ, ѣздятъ верхомъ, забавляются, заставляютъ разыгрывать театральныя представленія среди этого естественнаго театра и сами принимаютъ въ нихъ участіе.

Это — послѣднее увлеченіе Марія-Антуанетты. Сначала она строитъ себѣ маленькій, еще и понынѣ сохранившійся очаровательный театрикъ (этотъ ея капризъ обошелся всего въ 141 000 ливровъ) для выступленій итальянскихъ и французскихъ комедіантовъ, а затѣмъ внезапно принимаетъ смѣлое рѣшеніе и самой выступить на сценѣ. Окружающее ее веселое общество тоже поддается этому увлеченію, графъ Артуа, мадамъ Полиньякъ съ ея поклонниками также начинаютъ участвовать въ спектакляхъ. Нѣсколько разъ посѣщаетъ эти любительскія представленія даже самъ король, чтобы полюбоваться своей женой въ качествѣ актрисы. и на протяженіи всего года въ Трианонѣ идетъ веселый карнавалъ. Празднества устраиваются то въ честь супруга, то въ честь брата, то въ честь иностранныхъ владѣтельныхъ гостей, которымъ Марія-Антуанетта желаетъ продемонстрировать свое волшебное царство.

На этихъ празднествахъ тысячи маленькихъ отражаемыхъ цвѣтными стеклами огоньковъ сверкаютъ во тьмѣ подобно аметистамъ, рубинамъ и топазамъ. а огненныя ракеты бороздятъ небо, и изъ таинственнаго недалеко доносятся сладкіе звуки музыки. Устраиваются пышные банкеты на согни кувертовъ, возводятся шутки ради ярмарочные балаганы и платформы для танцевъ и невинный ландшафтъ является рафинированнымъ фономъ для всѣхъ этихъ затѣй роскоши. Марія-Антуанетта укрылась въ Трианонъ не для уединенныхъ размышлений, а для того, чтобы лучше и безпрепятственнѣе веселиться.

Заключительные счета по устройству Трианона были представлены только 31 августа 1791 г. и составляли 1 649 529 ливровъ, въ дѣйствительности же вмѣстѣ съ нѣкоторыми скрытыми статьями расхода превысили два милліона. Эта сумма сама по себѣ является, конечно, только каплей въ бочкѣ Данаидъ королевскаго хозяйничанія, но въ виду распатанности государственныхъ финансовъ и всеобщей нужды расходъ этотъ долженъ быть признанъ недопустимымъ. Предъ революціоннымъ трибуналомъ «вдова Капетъ» сама вынуждена признать:

— Возможно, что Трианонъ обошелся въ огромныя деньги, большія, чѣмъ мнѣ бы самой хотѣлось. Я невольно постепенно втягивалась во все большіе расходы.

Но и съ политической точки зрѣнія капризь этотъ обошелся Маріи-Антуанеттѣ очень дорого, потому что, оставивъ всю придворную камарилью безъ всякихъ занятій въ Версалѣ, она лишила дворъ жизненнаго смысла. Что теперь оставалось дѣлать той фрейлинѣ, обязанность которой состояла въ подачѣ королевѣ перчатокъ, или той, которая обязана была подавать ей ночной сосудъ, что было дѣлать всѣмъ этимъ придворнымъ дамамъ, почетнымъ кавалерамъ, лакеямъ, стражникамъ, тѣлохранителямъ, фурьерамъ и т. п.? Безъ всякой работы сидятъ они цѣлые дни въ Версальскихъ парадныхъ залахъ и подобно тому, какъ не работающая машина начинаетъ ржавѣть, такъ и этотъ равнодушно покинутый дворъ

начинаетъ все больше пропитываться ядомъ и желчью недовольства. Скоро дѣло доходитъ до того, что высокопоставленное общество начинаетъ, словно по какому-то тайному уговору, избѣгать дворцовыхъ празднествъ: пусть, молъ, высокомѣрная австріячка одна развлекается въ своемъ «маленькомъ Шенбруннѣ», въ своей „petite Vienne“.

— Эта старая знать, не менѣе родовитая, чѣмъ сами Габсбурги, не желаетъ удовлетворяться бѣгло-прохладнымъ кивкомъ головы на официальныхъ приемахъ. Съ тѣхъ поръ, какъ королева покинула Версаль, высшая придворная аристократія Франціи начинаетъ все больше противъ нея фрондировать. Если бы Марія-Антуанетта оставалась въ Версаль, въ средѣ французской знати и традиционныхъ обычаевъ, она бы имѣла въ моментъ опасности на своей сторонѣ всѣхъ принцевъ, князей, всю армію высшаго дворянства. Если бы она, по примѣру своего брата Іосифа, попыталась сблизиться съ народомъ, сотни тысячъ парижскихъ жителей, миллионы французскаго населенія стали бы ее боготворить. Но яркая индивидуалистка Марія-Антуанетта не старается угодить ни аристократіи, ни народу, она думаетъ только о себѣ и вслѣдствіе своего тріанонскаго каприза утрачиваетъ одновременно любовь и благоволеніе перваго, втораго и третьяго сословія.

Она слишкомъ долго хотѣла оставаться одна въ счастливыя минуты, а потому окажется одинокой въ несчастѣ и заплатитъ короной и жизнью за свою дѣтскую забаву.

Новое общество

Едва только Марія-Антуанетта поселяется въ своемъ собственномъ дворцѣ, какъ начинаетъ энергично дѣйствовать новая метла. Долой прежде всего людей пожилыхъ — старые люди скучны и некрасивы. Они не танцуютъ, не умѣютъ веселиться, вѣчно проповѣдуютъ.

осторожность и осмотрительность. Это постоянное одергиваніе, эти наставленія достаточно надоѣли Маріи-Антуанеттѣ, когда она была еще женой дофина.

Итакъ, долой въ первую очередь строгую воспитательницу, «госпожу этикетъ», графиню де-Ноайль: королева не нуждается въ томъ, чтобы ее воспитывали, она можетъ дѣлать все, что ей угодно. Затѣмъ подальше отъ навязаннаго ей матерью духовника и совѣтника аббата Вермона, подальше вообще отъ всѣхъ тѣхъ лицъ, общеніе съ которыми требуетъ извѣстнаго духовнаго напряженія. Дорогу молодости, одной лишь молодости, юному поколѣнію, которое не портитъ веселья излишне строгимъ подходомъ къ жизни! Принадлежатъ ли эти компаньоны по развлеченіямъ къ высшей родовитой знати, отличаются ли они высокими нравственными качествами, не имѣетъ особаго значенія. Они не должны также обладать особеннымъ умомъ или образованіемъ — образованные люди въ большинствѣ педанты, а умные злы — довольно, если окружающіе проявляютъ блестящее остроуміе, умѣютъ рассказывать пикантные анекдоты и производятъ импозантное впечатлѣніе своей элегантною внѣшностію и манерами. Главное и въ сущности единственное требованіе, которое предъявляетъ Марія-Антуанетта къ людямъ своего ближайшаго окруженія, это занимательность, занимательность и занимательность.

Одинъ только скучный господинъ нарушаетъ отъ поры до времени своими мимолетными посѣщеніями гармонію этого веселаго общества. Но его никакъ нельзя удалить, такъ какъ онъ — объ этомъ почти позабыли — супругъ этой очаровательной хозяйки и къ тому же повелитель Франціи. Будучи, поскольку сіе полагается, влюбленъ въ свою оболъстительную супругу, Людовикъ Снисходительный, запасшись предварительно надлежащимъ разрѣшеніемъ, посѣщаетъ изрѣдка Трианонъ, смотритъ, какъ молодые люди тамъ забавляются, и робко пытается иногда дѣлать замѣчанія въ тѣхъ случаяхъ, когда слишкомъ беззаботно нарушаются приличія, или расходы достигаютъ слишкомъ большихъ размѣровъ. Но

королева раздражается веселымъ смѣхомъ и этимъ смѣхомъ все дѣло исчерпывается.

Веселые компаньоны королевы относятся со снисходительной симпатіей къ этому королю, послушно скрѣпляющему своей красивой подписью всѣ декреты, коими королева назначаетъ ихъ на выгодныя должности. Этотъ добрякъ вѣдь лишь недолго мѣшаетъ имъ своими посѣщеніями, остается часокъ-другой, а затѣмъ убирается во свояси въ Версаль къ своимъ книгамъ или своему слесарному станку. Однажды, когда король засиживается дольше обычнаго, и королева нетерпѣливо порывается со своей веселой компаніей въ Парижъ, она тайкомъ переставляетъ часы на часъ впередъ, и не замѣчающій обмана Людовикъ отправляется съ покорностью овечки спать въ десять часовъ вмѣсто одиннадцати, а вся компанія элегантныхъ тунеядцевъ издѣвается надъ королемъ.

Подобныя шутки мало способствуютъ, конечно, возвышенію королевскаго престижа. Но что прикажете Трианону дѣлать съ такимъ неуклюжимъ, глуповатымъ человѣкомъ? Онъ не умѣетъ рассказывать двусмысленные анекдоты, не умѣетъ смѣяться. Съ какимъ-то запуганнымъ и робкимъ видомъ, словно у него болитъ голова, сидитъ онъ среди этого веселаго общества и зѣваетъ, тогда какъ остальные только къ полуночи начинаютъ чувствовать себя хорошо. Онъ не любитъ маскарадовъ, баловъ, не играетъ въ азартныя игры, не ухаживаетъ за женщинами. Нѣтъ, этотъ добродушный, скучный толстякъ воистину здѣсь ни на что непригоденъ: въ трианонскомъ обществѣ, въ царствѣ рококо, въ Елисейскихъ Поляхъ легкомыслія и капризовъ онъ рѣшительно не къ мѣсту.

Итакъ, король въ этомъ новомъ обществѣ въ качествѣ сочлена въ счетъ не идетъ. Старшій изъ его братьевъ, графъ Прованскій, скрывающій свое честолюбіе за притворнымъ безразличіемъ, считаетъ болѣе разумнымъ не ронять своего престижа общеніемъ съ этими юными бездѣльниками. Но такъ какъ какой-нибудь мужской

представитель королевскаго дома долженъ сопровождать королеву въ ея забавахъ. то роль святого патрона принимаетъ на себя младшій братъ Людовика XVI, графъ Артуа. Этотъ легкомысленный, нахальный, фривольный, но ловкій и сообразительный принцъ страдаетъ той же болѣзью, что и Марія-Антуанетта — боязнию скуки и страхомъ передъ серьезными дѣлами. Большой бабникъ, мастеръ дѣлать долги, забавный щеголь, хвастунъ, не столь смѣлый, сколь наглый, не столь страстный, сколь увлекающійся, онъ является коноводомъ всей этой веселой компаніи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о новомъ спортѣ, новой модѣ, новомъ развлеченіи и скоро имѣетъ больше долговъ, чѣмъ король, королева и весь дворъ вмѣстѣ взяты. Но именно въ такомъ видѣ онъ и подходитъ Маріи-Антуанеттѣ. Она не слишкомъ-то его уважаетъ и еще менѣе того любитъ (хоть злые языки сейчасъ начинаютъ сплетничать на эту тему), но онъ служитъ ей хорошимъ прикрытіемъ. Братъ и сестра въ отношеніи неутолимой жажды наслажденій, они скоро становятся неразлучной парой.

Ни одинъ изъ трианонскихъ кавалеровъ, ни баронъ Безенваль, ни герцогъ Куаньи, ни герцогъ Гюинь, ни графы Эстергази, де-Водрейль и Аденаръ, ни красавецъ Дилонъ, ни смѣльчакъ герцогъ де-Лозенъ, ни даже самый умный изъ нихъ — принцъ де-Линъ не сдѣлались героями исторіи. Ни одного изъ нихъ Марія-Антуанетта и не уважала по настоящему. Съ иными изъ нихъ молодая кокетливая женщина позволяла себѣ быть болѣе интимной, чѣмъ то полагалось ей по званію королевы, но ни одному изъ нихъ, и это имѣетъ рѣшающее значеніе, она не отдала ни души своей, ни тѣла. Тотъ единственный, которому удастся навсегда и полностью завладѣть ея сердцемъ, стоитъ еще пока въ тѣни. И пестрая суета голпы статистовъ, быть можетъ, лишь способствуетъ тому, чтобы лучше скрыть приближеніе и существованіе этого единственнаго.

Опаснѣе этихъ легкомысленныхъ и смѣняющихся кавалеровъ оказываются для королевы ея подруги. Здѣсь

приобрѣтають роковое значеніе таинственно сплетающіяся силы чувствъ. По характеру своему Марія-Антуанетта совершенно естественная, чрезвычайно женственная и мягкая женщина, съ страстной потребностью нѣжности и подчиненія, потребностью, которую въ первые годы брака ея супругъ оставлялъ абсолютно неудовлетворенной. Будучи откровенной по природѣ, она хотѣла бы подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими душевными переживаніями, и такъ какъ по нравамъ того времени и дворцовому этикету такимъ наперсникомъ Маріи-Антуанетты не могъ быть мужчина, то она съ самаго начала инстинктивно тоскуетъ по подругѣ.

То обстоятельство, что въ дружескихъ связяхъ Маріи-Антуанетты съ женщинами замѣчается нѣкоторая чрезмѣрная нѣжность, является совершенно естественнымъ. Шестнадцатилѣтняя, семнадцатилѣтняя, восемнадцатилѣтняя Марія-Антуанетта, хоть она и замужемъ или, вѣрнѣе, якобы замужемъ, находится въ возрастѣ, обычномъ для пансіонскихъ дружбъ. Будучи еще ребенкомъ оторвана отъ своей матери и своей искренне любимой воспитательницы, поставленная рядомъ съ неуклюжимъ, неласковымъ мужемъ, она лишена возможности радостно-довѣрчиво открыть кому-нибудь свою душу, а эта потребность столь-же свойственна природѣ молодой дѣвушки, какъ ароматъ цвѣтку. Всѣ наивные симптомы «пробужденія весны», всѣ эти ребяческія объятія, хожденія подъ ручку, шушуканія въ уголкахъ, летанія вихремъ по комнатамъ еще не изжиты ея дѣтскимъ тѣломъ.

Въ шестнадцать, семнадцать, восемнадцать, девятнадцать, двадцать лѣтъ она не смѣла по юношески честно влюбиться — въ такихъ бурныхъ увлеченіяхъ сказывается и изживается вовсе не половое чувство, а лишь его робкое предвкушеніе, мечтательные порывы женской души. Естественно поэтому, что отношенія Маріи-Антуанетты къ ея подругамъ должны были быть проникнуты особой нѣжностью, и это нѣсколько необычное для королевы поведеніе было сейчасъ же истолковано дворомъ въ дурномъ смыслѣ. Утонченный и извращенный дворъ

не въ состояніи понять естественное, и скоро начинаются сплетни о лесбійскихъ склонностяхъ королевы. «Мнѣ усиленно приписываютъ особую склонность къ женщинамъ и любовникамъ», — пишетъ откровенно и весело, въ полпомъ сознаніи своей невинности, Марія-Антуанетта своей матери. Ея высокоумѣнная откровенность отпосится съ презрѣніемъ ко двору, къ общественному мнѣнію, къ свѣту. Ей еще невѣдома стоустая мощь клеветы, она еще предается безъ удержу неожиданной радости имѣть, наконецъ, право любить и дарить кому-нибудь свое довѣріе. она жертвуетъ всякой осторожностью, чтобы только доказать своимъ подругамъ, какъ беззавѣтно она умѣетъ любить.

Первый выборъ Маріи-Антуанетты палъ довольно счастливо на мадамъ де-Ламбаль. Эта женщина, принадлежавшая къ одной изъ самыхъ родовитыхъ семей Франціи, а потому не корыстолюбивая и не честолюбивая. отъ природы нѣжная и сентиментальная, не слишкомъ умная. но зато не склонная къ интригамъ и въ общемъ незначительная, отвѣчаетъ на привязанность королевы истинной дружбой. Ея поведеніе считается безупречнымъ, ея вліяніе ограничивается частной жизнью королевы, она не кланчигъ о протекціяхъ для своихъ друзей или членовъ своей семьи, не вмѣшивается въ государственныя дѣла или политику. Она не содержитъ игорнаго зала и не увлекаетъ Марію-Антуанетту въ вихрь развлеченій, а тихо и не на показъ предана ей и, въ концѣ концовъ, запечатлѣваетъ свою дружбу геройской смертью.

Но въ одинъ прекрасный вечеръ вліяніе мадамъ де-Ламбаль внезапно испаряется безъ слѣда. Въ 1775 году королева замѣчаетъ на придворномъ балу какую-то еще неизвѣстную ей молодую женщину, трогательную въ ея скромной прелести, съ ангельски-чистымъ взоромъ голубыхъ глазъ, съ дѣвически нѣжной фигурой. На ея вопросъ ей сообщаютъ, что это графиня де-Поляньякъ.

Марія-Антуанетта подходит къ незнакомкѣ и спрашиваетъ ее, почему она такъ рѣдко бываетъ при дворѣ. Графиня Полиньякъ честно сознается, что у нея нѣтъ для этого достаточныхъ средствъ, и ея откровенность приводитъ королеву въ восхищеніе: какая чистая душа у этой очаровательной женщины, разъ она съ перваго же слова трогательно-наивно признается въ наибольшемъ по тогдашнимъ понятіямъ позорѣ, отсутствіи денегъ! Не долгожданная ли это идеальная подруга? Маріей-Антуанеттой овладѣваетъ страстный интересъ къ графинѣ де-Полиньякъ, родъ пламенной влюбленности, она приближаетъ ее ко двору, осыпаетъ ее такими знаками вниманія, что та возбуждаетъ всеобщую зависть: открыто ходитъ съ нею подъ руку, поселяетъ ее въ Версаль, повсюду беретъ ее съ собой, а однажды даже переѣзжать со всѣмъ дворомъ въ Марли, для того только, чтобы быть поближе къ своей обожаемой подругѣ во время ея родовъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обѣднѣвшая дворяночка превращается въ повелительницу Маріи-Антуанетты и всего двора.

Къ сожалѣнію, этотъ нѣжный невинный ангелъ явился не съ небесъ, а изъ нѣдръ обремененной долгами семьи, жаждущей использовать неожиданную милость, и министръ финансовъ скорѣ начинаетъ ощущать тяжесть этой дружбы. Прежде всего уплачиваются долги Полиньяковъ въ размѣрѣ 400 000 ливровъ, затѣмъ дочь получаетъ 800 000 ливровъ приданаго, зять — постъ капитана, а годомъ позже — помѣстье, приносящее 70 000 дукатовъ ренты, отцу дается пенсія, снисходительный же супругъ, въ дѣйствительности давно уступившій мѣсто любовнику, герцогскій титулъ и одинъ изъ доходнѣйшихъ откуповъ Франціи — почту. Вся семья купается въ золотѣ и почестяхъ, а кромѣ того осыпаетъ какъ изъ рога изобилія всяческими привилегіями своихъ друзей. Въ концѣ концовъ этотъ капризь королевы обходится казнѣ ежегодно въ полмилліона ливровъ. Даже Ментенонъ и Помпадуръ стояли не больше,

чѣмъ эта фаворитка съ опущеннымъ долу ангельскимъ взоромъ, чѣмъ эта скромная и добродушная графиня Полиньякъ.

Сплотившійся около Маріи-Антуанетты кругъ приближенныхъ къ ней лицъ образуетъ собою недоступную ограду. Остальные придворные скоро это замѣчаютъ, они знаютъ, что позади этой стѣны лежитъ земной рай. Тамъ расцвѣтаютъ мѣста и должности, оттуда изливаются пенсіи, тамъ можно посредствомъ удачной шутки или ловкаго комплимента снискать милость, которой тщетно добиваются другіе десятилѣтіями упорной работы. Въ этомъ блаженномъ потустороннемъ міркѣ царятъ вѣчное веселье, беззаботность и радость, и для тѣхъ, кто проникъ въ эти Елисейскія Поля королевскаго благоволенія, уготованы всѣ земныя милости.

Неудивительно, что всѣ, оставшіеся по сю сторону ограды все больше и больше озлобляются, и всѣ эти принадлежащія къ старой родовитой части, заслуженныя, но не имѣющія доступа въ Трианонъ семьи проникаются все большимъ негодованіемъ по поводу того, что ихъ жадныя руки никогда не орошаются золотымъ дождемъ. Развѣ мы ниже этихъ обѣднѣвшихъ Полиньяковъ? — ропщутъ Орлеаны, Роганы, де-Ноайли, Марсаны. Для того ли мы, наконецъ, дождались молодого, честнаго, скромнаго короля, такого, который не является игрушкой въ рукахъ своихъ метрессъ, чтобы послѣ Помпадуръ и Дюбарри снова выключивать у какой-то случайной фаворитки то, что намъ принадлежитъ по праву? Можно ли сносить поведеніе этой молодой австріячки, нагло отодвигающей насъ въ сторону и не обращающей на насъ никакого вниманія, окружающей себя чужими молодыми людьми и женщинами сомнительнаго поведенія, а не представителями старой родовитой знати?

Все тѣснѣе и тѣснѣе сплачиваются остающіеся за оградой, каждый день, каждый годъ растутъ ихъ ряды. И скоро изъ опустѣлыхъ оконъ Версаля стоглазая ненависть начинаетъ взирать на беззаботный игрушечный мірокъ королевы.

Братъ навѣщаетъ сестру

Въ 1776 г. и на масленицу 1777 г. погоня Маріа-Антуанетты за развлеченіями достигаетъ кульминаціоннаго пункта. Свѣтская королева посѣщаетъ неукословно всѣ скачки, всѣ оперные балы, всѣ маскарады, она никогда не возвращается домой раньше разсвѣта и старательно избѣгаетъ супружескаго ложа. До четырехъ часовъ утра просиживаетъ она за карточнымъ столомъ и ея проигрыши и долги становятся притчей во языцѣхъ. Словно демонъ какой-то овладѣлъ этой молодой женщиной: никогда ея безпокойство, ея метанія не достигали такого размѣра, какъ въ этомъ рѣшающемъ году.

Къ этому прибавляется впервые новая опасность. Маріа-Антуанетта уже больше не та наивная пятнадцатилѣтняя дѣвочка, какой она пріѣхала во Францію, она превратилась въ двадцатидвухлѣтнюю, расцвѣтшую пышной красой, обольстительную женщину. Было-бы совершенно неестественно, если бы она оставалась абсолютно холодна и безучастна посреди эротической, напряженно-чувственной атмосферы Версальскаго двора. Всѣ ея сверстницы, всѣ ея подруги уже давно имѣютъ дѣтей, каждая изъ нихъ имѣетъ настоящаго мужа или, по крайней мѣрѣ, любовника. Лишь она одна является въ виду неловкости ея неудачнаго супруга исключеніемъ изъ общаго правила, лишь она, самая прекрасная и самая желанная изъ всѣхъ женщинъ ея круга, никому еще не отдала своего сердца.

Тщегно пытается она отвлечь свою сильную потребность въ ласкѣ въ сторону своихъ подругъ, тщетно старается заполнить внутреннюю пустоту свѣтскими обязанностями — ничто не помогаетъ, природа предъявляетъ къ ней, какъ и къ всякой нормальной женщинѣ, свои права. Маріа-Антуанетта постепенно все болѣе утрачиваетъ свою прежнюю беззаботную непринужденность въ общеніи со своими юными кавалерами. Она, правда, все еще страшится послѣдствія шага, но не перестаетъ играть съ опасностью и при этомъ не въ состояніи больше вполне владѣть собой. Она краснѣетъ,

блѣднѣетъ, начинаетъ дрожать въ присутствіи этихъ молодыхъ людей, къ которымъ ее безсознательно влечетъ, она смущается, чуть не плачетъ, и все же безпрепятственно вызываетъ ихъ на новые галантные комплименты.

Отъ настоящаго нарушенія супружеской вѣрности Марію-Антуанетту спасаетъ пока только боязливая осторожность ея кавалеровъ (два самыхъ нѣжныхъ ея поклонника, Лозенъ и Ферзенъ, покидаютъ дворъ, лишь только замѣчаютъ слишкомъ очевидный интересъ, внушаемый ими королевѣ), но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если бы хоть у одного изъ тѣхъ ея юныхъ любимцевъ, съ которыми она кокетливо заигрываетъ, хватило въ надлежащій моментъ достаточной рѣшимости, то онъ могъ бы легко овладѣть ея плохо охраняемой добродѣтелью.

Приставленный Маріей-Терезіей стражъ, опытный Мерси, понимаетъ, какая страшная катастрофа произойдетъ въ томъ случаѣ, если королева, еще не подаривъ своему супругу законнаго наслѣдника, станетъ добычей какого-нибудь любовника. Эта опасность должна быть предупреждена и какой бы то ни было цѣной. И онъ шлетъ въ Вѣну письмо за письмомъ и умоляетъ императора Іосифа пріѣхать и навести порядокъ. Этотъ тихій и спокойный наблюдатель Мерси сознаетъ, что наступилъ крайній моментъ для спасенія королевы отъ нея самой.

Поѣздка Іосифа II въ Парижъ преслѣдуетъ тройную цѣль. Прежде всего, онъ долженъ будетъ серьезно переговорить, какъ мужчина съ женщиной, съ мужемъ своей сестры на щекотливую тему о невыполненіи тѣмъ своихъ супружескихъ обязанностей. Затѣмъ онъ долженъ поддержать авторитетъ старшаго брата и задать хорошую головоломку своей обезумѣвшей въ погонѣ за удовольствіями сестрицѣ и показать ей, какими общечеловѣческими и политическими опасностями чревата эта погоня за наслажденіями. Въ третьихъ, онъ долженъ

закрѣпить государственный союзъ между французскимъ и австрійскимъ царствующимъ домами.

Императоръ Іосифъ отправляется въ Парижъ не въ качествѣ императора. Не желая возбуждать ничего вниманія, онъ ѣдетъ подъ именемъ графа Фалькенштейна и прилагаетъ всѣ старанія къ тому, чтобы его инкогнито осталось нераскрытымъ. Въ Парижъ онъ выѣзжаетъ на обыкновенномъ извозчикѣ и остаивается въ отелѣ де Тревиль (нынѣшнемъ отелѣ Фуайо), гдѣ снимаетъ комнату на имя графа Фалькенштейна. Въ Версаль онъ также поселяется въ незамѣтномъ частномъ домѣ и спитъ тамъ, словно на бивуакѣ, на обыкновенной походной постели, укрываясь плащомъ.

Разсчетъ его былъ совершенно правиленъ. Для населенія Парижа, привыкшаго видѣть своихъ королей только въ роскоши, такой повелитель является невѣроятной сенсацией. Императоръ, пробующій въ госпиталяхъ супъ, который варится для больныхъ бѣдняковъ, присутствующій на засѣданіяхъ Академіи и парламента, посѣщающій купцовъ, судовладельцевъ, ремесленниковъ, пріютъ для глухонѣмыхъ, ботанической садъ, мыловаренный заводъ — это что-то небывалое, выходящее изъ ряду вонъ.

Іосифъ многое видитъ въ Парижѣ и радуется возможности себя показать. Онъ восхищается всѣхъ своей простотой и добродушіемъ, и самъ еще болѣе восхищенъ тѣмъ восторженнымъ приемомъ, который ему оказываютъ. Но помимо личнаго успѣха, Іосифъ достигаетъ и намѣченныхъ имъ политическихъ цѣлей. Интимное объясненіе съ зятемъ на извѣстную щекотливую тему проходитъ удивительно легко. Честный и добродушный Людовикъ относится къ Іосифу съ полнымъ довѣріемъ, и послѣднему удается уже черезъ нѣсколько дней, безъ особаго труда, убѣдить своего зятя прибѣгнуть къ необходимой хирургической операціи.

Гораздо затруднительнѣе и отвѣтственнѣе позиція Іосифа II въ отношеніи Маріи-Антуанетты. Со смѣшан-

ными чувствами дожидалась она прїѣзда своего брата. Съ одной стороны, она счастлива возможности поговорить, наконецъ, по душамъ съ кровнымъ и къ тому еще наиболѣе ей близкимъ родственникомъ, но, съ другой стороны, она боится того рѣзкаго наставническаго тона, котораго императоръ любитъ придерживаться по отношенію къ своей младшей сестрѣ. Еще недавно въ одномъ изъ писемъ къ ней онъ читалъ ей нотации, какъ школьницѣ.

Но все сходитъ гораздо лучше, чѣмъ она ожидала. Іосифъ II достаточно опытный дипломатъ, чтобы не понимать, что нельзя съ мѣста въ карьерѣ метать громъ и молнію. Онъ начинаетъ съ того, что рассыпается въ комплиментахъ по поводу очаровательной внѣшности Маріи-Антуанетты, убѣждаетъ ее, что если бы ему пришлось вновь жениться, онъ искалъ бы жепцину похожую на нее, словомъ, разыгрываетъ роль галантнаго кавалера.

Да и въ самомъ дѣлѣ любезность его обольстительной сестры, ея искренняя радость при встрѣчѣ съ братомъ, уваженіе, съ которымъ она прислушивается къ его рѣчамъ, производятъ на педанта Іосифа огромное впечатлѣніе, а рѣдкое добродушіе шурина и парижскіе триумфы сковываютъ его уста. Присматриваясь къ поведенію своей сестры, Іосифъ облегченно вздыхаетъ — онъ, должно быть, готовился къ гораздо худшему — ибо замѣчаетъ, что несмотря на постоянное кокетничанье съ кавалерами, добродѣтель Маріи-Антуанетты «по крайней мѣрѣ до сихъ поръ» (осторожно отмѣчаетъ онъ въ своихъ письмахъ) еще не пострадала, и ея поведеніе въ этой средѣ, отличающейся весьма невысокимъ уровнемъ морали, гораздо лучше ея репутаціи.

Все, что онъ видѣлъ и слышалъ въ этомъ направленіи не преисполняетъ его, однако, увѣренности насчетъ будущаго, и онъ считаетъ нелишнимъ прочесть своей сестрѣ нѣсколько репримандовъ. Нѣсколько разъ онъ дѣлаетъ ей замѣчанія по нѣкоторымъ поводамъ, между ними происходятъ даже довольно рѣзкія столкновенія, но настаивающаго объясненія на чистоту братъ съ сестрой, пови-

димому, не имѣли. Правда, въ одномъ изъ своихъ послѣдующихъ писемъ Юсифъ II напоминаетъ Маріи-Антуанеттѣ о какомъ-то разговорѣ, имѣвшемъ мѣсто на коленной скамьѣ въ паркѣ, но самыхъ важныхъ и существенныхъ вопросовъ онъ, очевидно, не хочетъ касаться въ случайныхъ разговорахъ.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія во Франціи Юсифъ II больше знаетъ объ этой странѣ, чѣмъ ея король, и больше знаетъ объ опасностяхъ, грозящихъ сестрѣ, чѣмъ она сама. Но онъ понялъ также, что каждое сказанное слово проходитъ мимо ушей этой легкомысленной женщины, что уже черезъ какой-нибудь часъ она все забываетъ, особенно же то, что ей хочется забыть. И онъ составляетъ тайкомъ инструкцію, являющуюся плодомъ всѣхъ его наблюденій и опасеній, и вручаетъ Маріи-Антуанеттѣ этотъ, состоящій изъ тридцати страницъ документъ умышленно въ самую послѣднюю минуту съ просьбой прочесть его лишь по его отъѣздѣ. „*Scripta manent*“ — это писаное предостереженіе должно послужить ея опорой въ его отсутствіе.

Въ этой по стилю своему нѣсколько выспренней и на нашъ вкусъ нѣсколько преувеличенно-патетической инструкціи Юсифъ II искусно затрагиваетъ въ формѣ вопросовъ весь реестръ упущеній и грѣховъ Маріи-Антуанетты и преподаетъ ей наставленія относительно того, какъ ей надлежало бы себя вести. Настойчиво повторяетъ Юсифъ, между прочимъ, старыя внушенія матери насчетъ необходимости хоть немного взяться за чтеніе. И вдругъ въ этой длинной проповѣди проскальзываетъ вѣщее слово, котораго нельзя прочесть безъ содраганія. Если сестра не будетъ слѣдовать его совѣтамъ, — пишетъ Юсифъ, — то онъ опасается наихудшихъ послѣдствій... «Я трепещу за тебя, потому, что такъ больше продолжаться не можетъ: *la révolution sera cruelle, si vous ne la préparez*“.

Революція приметъ грозный характеръ — въ первый разъ начертано это роковое слово. Правда, оно упо-

треблено здѣсь въ другомъ смыслѣ, но все же высказано съ пророческой прозорливостью. Лишь десятилѣтіе спустя пойметъ Марія-Антуанетта истинный смыслъ этого слова.

Материнство

Визитъ императора Іосифа II кажется съ исторической точки зрѣнія незначительнымъ эпизодомъ въ жизни Маріи-Антуанетты. Въ дѣйствительности же онъ является поворотнымъ пунктомъ. Уже нѣсколько недѣль спустя начинаютъ сказываться результаты интимной бесѣды Іосифа II съ Людовикомъ XVI на щекотливыя альковныя темы. Съ обновленнымъ мужествомъ приступаетъ окрѣпшій Людовикъ къ исполненію своихъ супружескихъ обязанностей. Еще 19 августа 1777 г. Марія-Антуанетта пишетъ въ Вѣну только, что дѣло идетъ „*un petit mieux*“ — немножко лучше, но что ея «дѣвическое состояніе остается безъ измѣненія», и главный штурмъ еще не удался. «Я не сомнѣваюсь, однако, въ его успѣхъ, потому что не могу не отмѣтить нѣкотораго улучшенія, выражающагося въ томъ, что король становится гораздо болѣе ласковъ, а это для него очень много значить».

30 августа раздается, наконецъ, фанфара побѣды: впервые послѣ безчисленныхъ пораженій въ этой семилѣтней войнѣ Эроса, небрежному супругу, „*nonchajant mari*“, удалось, наконецъ, взять штурмомъ совсѣмъ незащищавшуюся крѣпость. «Я испытываю величайшее счастье моей жизни, — торопится сообщить своей матери Марія-Антуанетта. — Вотъ уже недѣля, какъ мой бракъ окончательно завершенъ, попытка была возобновлена и прошла вчера еще съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ въ первый разъ. Сначала я предполагала немедленно отправить курьера къ моей дорогой мамѣ, но затѣмъ я испугалась, что это будетъ слишкомъ демонстративно и вызоветъ чересчуръ много толковъ, да къ тому же я хо-

тѣла сперва получить полную увѣренность. Я не думаю, чтобы я уже забеременѣла, но теперь у меня, по крайней мѣрѣ, есть надежда на то, что я съ минуты на минуту могу забеременѣть».

Этотъ славный поворотъ въ сторону побѣды не долго остается тайной: испанскій посолъ, информированный лучше всѣхъ остальныхъ дипломатовъ, умудряется даже сообщить своему правительству дату знаменательнаго событія — 25 августа — и добавляетъ: «Такъ какъ это событіе чрезвычайно интересно и имѣетъ большое общественное значеніе, я говорилъ о немъ въ отдѣльности съ министрами Морепа и Верженномъ и оба подтвердили мнѣ происшедшее. Впрочемъ, король самъ сообщилъ о происшедшемъ одной изъ своихъ тетокъ и съ присущей ему откровенностью сказалъ:

— Мнѣ очень нравится этотъ видъ удовольствія, и я сожалею, что такъ долго не зналъ его.

Его величество теперь значительное бодрѣе, чѣмъ прежде, а у королевы теперь гораздо чаще, чѣмъ прежде, круги подъ глазами».

Восторги молодой женщины по поводу талантовъ ея супруга оказываются, однако, преждевременными, потому, что Людовикъ XVI предается этому «новому удовольствію» съ значительно меньшимъ рвеніемъ, чѣмъ своей излюбленной охотѣ, и уже десять дней спустя Марія-Антуанетта вынуждена жаловаться своей матери: «Король не любитъ спать вдвоемъ. Я пытаюсь убѣдить его по крайней мѣрѣ не совсѣмъ отказываться отъ этого. Иногда онъ проводитъ ночь у меня, и я думаю, что я не должна мучить его и заставлять дѣлать это чаще.»

Матери это сообщеніе доставляетъ мало радости, ибо она считаетъ этотъ вопросъ весьма „essentiell“, но она соглашается со своей тактичной дочерью, что на супруга не слѣдуетъ слишкомъ налегать. Пусть только и она, съ своей стороны, больше приноравливается къ тѣмъ часамъ, когда мужъ ея привыкъ отходить ко сну.

Ожидаемая въ Вѣнѣ съ пламеннымъ нетерпѣніемъ вѣсть о беременности Маріи-Антуанетты все не приходитъ, результатъ этого безстрастнаго брака заставляетъ

себя долго ждать. Только въ апрѣлѣ нетерпѣливой женщины начинаетъ казаться, что ея завѣтное желаніе исполнилось. Уже при первыхъ симптомахъ Марія-Антуанетта порывается отправить къ матери курьера, но придворный врачъ, хоть онъ и готовъ частнымъ образомъ поставить тысячу ливровъ за то, что Марія-Антуанетта права, все же совѣтуетъ ей пока не дѣлать этого. Осторожный Мерси доноситъ 5 мая, что королева несомнѣнно зачала, а 4 августа, послѣ того, какъ Марія-Антуанетта 31 іюля въ половинѣ одиннадцатаго вечера впервые ощутила движеніе плода, дворецъ официально оповѣщается о беременности королевы. «Съ той поры, — пишетъ Марія-Антуанетта матери, — онъ часто двигается, и это доставляетъ мнѣ большую радость.» Марія-Антуанеттѣ доставляетъ особое удовольствіе сообщить столь поздно себя проявившему супругу объ его отцовствѣ въ шутливой формѣ. Она подходитъ къ Людовику XVI съ пасмурнымъ лицомъ и, разыгрывая изъ себя обиженную, говоритъ:

— Сирь, я должна вамъ пожаловаться на одного изъ вашихъ подданныхъ, который осмѣлился толкнуть меня ногами въ животъ.

Король не сразу соображаетъ въ чемъ дѣло, затѣмъ раздражается гордо-самодовольнымъ смѣхомъ и, совершенно потрясенный собственнымъ молодечествомъ, нѣжно обнимаетъ жену.

Немедленно начинаются всякія официальные церемоніи. Въ церквахъ служатъ молебны, парламентъ шлетъ поздравленія, архіепископъ Парижскій предписываетъ возносить особыя моленія за счастливый исходъ беременности, идутъ тщательные розыски подходящей кормилицы для будущаго ребенка, ассигнуются сто тысячъ ливровъ въ пользу бѣдныхъ, весь свѣтъ напряженно дожидается великаго событія, особенно же придворный акушеръ, для котораго эти роды являются своеобразной азартной игрой, потому что въ томъ случаѣ, если родится мальчикъ, онъ получитъ пенсію въ размѣрѣ сорока тысячъ ливровъ, а если родится дѣвочка, — только въ размѣрѣ десяти тысячъ ливровъ. Съ особен-

ныиъ волненіемъ дворъ ждетъ давно невиданнаго зрѣлища, такъ какъ, согласно освященному вѣками обычаю, разрѣшеніе королевы отъ бремени отнюдь не является лишь семейнымъ событіемъ.

Роды должны, по старой традиціи, происходить въ присутствіи всѣхъ принцевъ и принцессъ королевскаго дома и подъ контролемъ всего двора. Каждый членъ королевской фамиліи и рядъ высшихъ сановниковъ королевства пользуются привилегіей присутствовать въ комнатѣ роженицы во время акта родовъ, и никто не помышляетъ, конечно, отказаться отъ этой варварской и антигигіеничной привилегіи. Изъ отдаленнѣйшихъ провинцій, изъ самыхъ дальнихъ замковъ съѣзжаются любопытные, самыя маленькія мансарды крошечнаго Версаля заселены, и подъ вліяніемъ громаднаго притока людей цѣны на съѣстные припасы вырастаютъ втрое.

Но королева заставляетъ непрошенныхъ гостей долго дожидаться желаннаго зрѣлища. Наконецъ, 18 декабря, раздается по всему дворцу звонъ колокола, означающаго, что родовыя схватки начались. Первой въ комнату роженицы влетаетъ мадамъ де Ламбаль, за нею всѣ взволнованныя почетныя фрейлины. Въ три часа почи будятъ короля, принцевъ и принцессъ, пажи и лейбъ-гвардейцы садятся на коней и скачутъ бѣшенымъ галопомъ въ Парижъ и Санъ-Клу, чтобы обезпечить заблаговременное прибытіе всѣхъ свидѣтелей королевской крови. Не хватаетъ только, чтобы стали бить въ набатъ или палить изъ пушекъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ лейбъ-медикъ громкимъ голосомъ провозглашаетъ, что тяжкій часъ королевы начался, вся родовитая компанія вваливается въ комнату, тѣсными рядами усаживаются зрители, соотвѣтственно ихъ рангу, въ креслахъ, разставленныхъ вокругъ постели роженицы. Тѣ, кому не хватило мѣстъ въ переднихъ рядахъ, влѣзаютъ даже на скамьи и стулья, чтобы, не дай Богъ, не упустить ни одного движенія, ни одного стона страдальцы.

Воздухъ въ запертой комнатѣ становится все тяжелѣе и удушливѣе отъ дыханія этихъ пятидесяти чело-

вѣкъ, отъ остраго запаха уксуса и различныхъ эссенцій. И никто не открываетъ окна, никто не покидаетъ своего мѣста. Семь часовъ длится эта сцена публичной пытки, пока, наконецъ, въ половинѣ двѣнадцатаго дня у Маріи-Антуанетты не рождается — увы — дочка.

Новорожденнаго члена королевской семьи почтительно уносятъ въ сосѣдній кабинетъ, чтобы его тамъ выкупать и немедленно передать на попеченіе воспитательницы. Преисполненный гордости король шествуетъ позади процессіи, чтобы полюбоваться своимъ запоздалымъ произведеніемъ, а за нимъ тѣснится любопытной толпой весь дворъ. Вдругъ раздается рѣзкій окрикъ акушера:

— Воздуха и горячей воды! Необходимо сдѣлать кровопусканіе.

Королевѣ внезапно бросилась кровь въ голову, она потеряла сознаніе, полузадохнувшись отъ испорченнаго воздуха, а, можетъ быть, и отъ нечеловѣческаго напряженія, которое ей приходилось дѣлать для того, чтобы не обнаруживать своихъ страданій передъ этими пятидесятью любопытными зрителями.

Она лежитъ неподвижно и хрипитъ. Возникаетъ всеобщая паника, король собственноручно распахиваетъ окна, всѣ безъ толку суетятся и бѣгаютъ взадъ и впередъ. Но горячей воды нѣтъ какъ нѣтъ, о всѣхъ возможныхъ средневѣковыхъ церемоніяхъ подумали при этихъ родахъ распорядители, лишь объ одномъ самомъ естественномъ въ такихъ случаяхъ мѣропріятіи они не позаботились — не заготовили горячей воды.

И хирургъ рѣшается приступить къ кровопусканію безъ надлежащихъ подготовительныхъ дѣйствій. Струя крови брызжетъ изъ вскрытой въ ногѣ вены и — королева открываетъ глаза, она спасена. Теперь только начинается ничѣмъ не сдерживаемое ликованіе, всѣ обнимаютъ другъ друга, поздравляютъ, плачутъ отъ радости, и колокола разносятъ радостную вѣсть по всей странѣ.

Муки женщины окончены, начинается счастье матери. Хоть радость не полна — вѣдь раздался только двадцать одинъ орудіиный залпъ въ честь новорожденной принцессы, а не сто одинъ въ честь новорожденного наследника престола, — Парижъ и Версаль ликуютъ. Во всѣ европейскія государства летятъ курьеры, по всей странѣ раздается милостыня, узниковъ выпускаютъ изъ тюремъ и долговыхъ отдѣленій, сто новобрачныхъ паръ снабжаютъ за счетъ короля платьемъ и приданымъ. Когда подымавшаяся съ постели королева отправляется въ соборъ Парижской Богоматери, эти новобрачные поджидаютъ ее тамъ (начальникъ полиціи подобралъ нарочно самыя красивыя пары) и восторженно привѣтствуютъ свою благодѣтельницу. Для парижскаго населенія устраивается фейерверкъ, иллюминація, изъ фонтановъ льется вино, раздается угощеніе изъ хлѣба и колбасы. въ Комеди Франсезъ идетъ бесплатный спектакль для народа (угольщикамъ предоставляется ложа короля, а торговкамъ рыбою ложа королевы) — пусть и бѣдняки разокъ поспразднуютъ.

Все идетъ отлично. все закончилось къ общему благополучію, Людовикъ XVI могъ бы стать теперь, послѣ того, какъ онъ сдѣлался отцомъ, веселымъ и увѣреннымъ мужчиной, а Марія-Антуанетта, съ тѣхъ поръ, какъ она сдѣлалась матерью, серьезной. сознающей свою отвѣтственность женщиной. Основное препятствіе устранено, бракъ закрѣпленъ. Родители, дворъ, вся страна могутъ радоваться и дѣйствительно даютъ исходъ своей радости въ многочисленныхъ празднествахъ и развлеченияхъ.

Лишь одинъ человекъ не вполне доволенъ — Марія-Терезія. Рожденіемъ внучки положеніе ея любимицы, правда, улучшено, но еще не совсѣмъ, по ея мнѣнію, закрѣплено. Какъ императрица и политическая дѣятельница, она непрестанно глядитъ за предѣлы семейнаго счастья и думаетъ, прежде всего, о сохраненіи династіи. «Намъ необходимъ дофинъ, наследникъ престола». Она безпрестанно предостерегаетъ свою дочь, чтобы та только не вздумала теперь завести „lit à part“, не вела себя легкомысленно. Когда проходятъ мѣсяць за мѣсяцемъ,

а Марія-Антуанетта не беременѣетъ вновь. Марія-Терезія приходитъ прямо въ ярость отъ неумѣнія дочери использовать брачныя ночи: «Король рано ложится спать и рано встаетъ, а королева поступаетъ какъ разъ противоположнымъ образомъ, какой же тутъ можетъ получиться толкъ. Когда супруги ограничиваются только миномлетными встрѣчами, нечего рассчитывать на настоящій успѣхъ». Все настойчивѣе становится она: «До сихъ поръ я была сдержанна, но теперь стану пазойливой, было бы преступленіемъ, если бъ этотъ бракъ не далъ дальнѣйшаго потомства». Только до этой радости хотѣлось бы дожить Маріи-Терезіи: «Я нетерпѣлива, въ моемъ возрастѣ нельзя уже долго ждать».

Но эта послѣдняя радость, — видѣть наследника французскаго престола ея, габсбургской, крови — не суждена ей. Слѣдующая беременность Маріи-Антуанетты безрезультатна: рѣзкое движеніе съ цѣлью закрыть окно кареты вызвало выкидышъ, а 29 ноября 1780 года Марія-Терезія умираетъ отъ воспаленія легкихъ, такъ и не дождавшись рожденія желаннаго внука. Эта старая, давно разочарованная жизнью женщина имѣла еще только два горячихъ желанія. Перваго изъ нихъ — видѣть на французскомъ престолѣ рожденнаго ея дочерью внука — судьба не осуществила. Второе желаніе этой религіозной женщины — не дожить до того, чтобы увидѣть, какъ ея любимая дочь, вслѣдствіе собственнаго неблагодарія, попадетъ въ бѣду, — Господь исполнилъ.

Годъ спустя послѣ смерти Маріи-Терезіи Марія-Антуанетта рождаетъ долгожданнаго сына. Въ виду тѣхъ волнующихъ событій, которыя разыгрались при первыхъ родахъ, въ комнату роженицы были допущены только ближайшіе члены семьи, парадное зрѣлище родовъ отменяется. На этотъ разъ роды проходятъ легко. Когда новорожденнаго младенца выносятъ въ другую комнату, у матери не хватаетъ силъ спросить, мальчикъ это или дѣвочка. Но вотъ къ ея постели подходитъ король, слезы текутъ по щекамъ этого обычно столь не склоннаго

къ волненію челоѣка и своимъ громкимъ, звонкимъ голосомъ онъ докладываетъ:

— Наслѣдникъ престола проситъ разрѣшенія войти.

Тутъ начинается всеобщее ликованіе, обѣ створки двери торжественно открываются и подъ восторженные клики всего собравшагося двора счастливой матери подносятъ вымытаго и запеленутаго ребенка — герцога Нормандскаго.

Теперь-то, наконецъ, можетъ быть разыгранъ весь мощный и сложный церемоніаль, связанный съ появленіемъ на свѣтъ наслѣдника французскаго престола. Самъ кардиналъ де-Роганъ (тотъ самый, которому суждено сыграть столь роковую роль въ жизни Маріи-Антуанетты), совершаетъ обрядъ крестить. Раздобываютъ замѣчательную кормилицу, которая, по странному курьезу, носить фамилію „Poitrine“. Гремятъ пушки. И снова начинается рядъ празднествъ, только гораздо болѣе пышныхъ, чѣмъ при рожденіи принцессы.

Всѣ цехи отправляютъ въ Версаль депутаціи съ музыкой, девять дней продолжается ярко-расцвѣченное шествіе гильдій — такъ какъ каждое сословіе хочетъ привѣтствовать будущаго короля на свой особый ладъ. Трубочисты притаскиваютъ съ триумфомъ огромную дымовую трубу, на верхушкѣ которой возсѣдаютъ маленькіе трубочисты и поютъ веселыя пѣсни. Мясники пригоняютъ огромнаго быка. Носильщики тащатъ пышные золоченныя носилки, въ которыхъ сидятъ куклы, изображающія кормилицу и маленькаго дофина. Сапожники приносятъ крошечные дѣтскіе башмачки, портные — миניатюрный мундиръ будущаго полка престолонаслѣдника, кузнецы — наковальню, на которой выстукиваютъ въ тактъ веселую мелодію. Особенно постарались слесаря, которые знаютъ, что король — любитель слесарнаго искусства: они подносятъ секретный замокъ, и, когда Людовикъ XVI съ любопытствомъ спеціалиста его открываетъ, изъ него выскакиваетъ удивительно сработанный изъ стали маленькій дофинъ. Рыночныя торговки, тѣ самыя, которыя нѣсколько лѣтъ спустя будутъ осыпать королеву непристойными насмѣшками, на-

ряжаются въ черныя шелковыя платья и декламируютъ стихи. Въ церквахъ совершаются богослуженія, въ парижской ратушѣ купцы устраиваютъ парадный банкетъ.

Война съ Англіей, нужда, всѣ непріятности и невзгоды забыты. На одно мгновеніе безслѣдно исчезаютъ недовольство и недовольные, даже будущіе революціонеры и республиканцы предаются шумному архи-роялистическому ликованію. Колле д'Эрбуа, впослѣдствіи президентъ якобинскаго клуба, въ то время еще маленькій ліонскій актеръ, сочиняетъ оду въ честь «высокой властительницы, добродѣтели коей побѣдили всѣ сердца». Народъ еще привязанъ къ своимъ монархамъ, этотъ ребенокъ родился еще на радость всему населенію Франціи, и его появленіе привѣтствуется всѣми. На всѣхъ перекресткахъ улицы появляются скрипачи и трубачи, во всѣхъ городахъ и деревушкахъ играютъ, дудятъ, пиликаютъ, барабаняютъ, поютъ и танцуютъ. Всѣ преисполнены любви къ королю и королевѣ и осыпаютъ ихъ похвалами за то, что они, наконецъ, такимъ молодецкимъ манеромъ выполнили свой долгъ. Роковыя чары окончательно разсѣяны.

Еще дважды становится Марія-Антуанетта матерью. Въ 1785 году она рождаетъ второго сына, будущаго Людовика XVII, здороваго крѣпышѣ «настоящаго мужичка», а въ 1786 году своего послѣдняго ребенка — Софію-Беатрису, которая, однако, достигаетъ только одиннадцатимѣсячнаго возраста. Съ материнствомъ начинается первое превращеніе Маріи-Антуанетты, еще нерѣшающее, но являющееся началомъ рѣшительнаго поворота. Бременность, какъ таковая, заставляетъ ее воздерживаться на протяженіе многихъ мѣсяцевъ отъ ея безсмысленныхъ развлеченій, нѣжныя игры съ дѣтьми становятся для нея вскорѣ соблазнительнѣе игры за зеленымъ столомъ, ея сильная потребность нѣжности и ласки, доселѣ бесплодно расточавшаяся на пустяки, получаетъ, наконецъ, нормальный исходъ. Еще нѣсколько тихихъ счастливыхъ лѣтъ, и эта красавица съ нѣжнымъ взоромъ сама станетъ спокойной и тихой. Отвер-

нувшись отъ тщеславной и пустой суеты она станетъ съ удовлетворенностью слѣдить за тѣмъ, какъ медленно подрастають ея дѣти. Но судьба не даруетъ ей этихъ тихихъ счастливыхъ лѣтъ, этой передышки, на протяженіи которой она могла бы опомниться. Какъ разъ тогда, когда стихаетъ безпокойство въ Маріи-Антуанеттѣ, оно вспыхиваетъ въ мірѣ.

Королева утрачиваетъ симпатіи

Рожденіе дофина является кульминаціоннымъ пунктомъ власти Маріи-Антуанетты. Подаривъ государству престолонаслѣдника, она какъ-бы наново стала королевой. Ликованіе толпы еще разъ показало ей, какой неисчерпаемый запасъ любви и довѣрія сохранился во французскомъ народѣ по отношенію къ королевскому дому, несмотря на всѣ разочарованія, и сколь малыхъ усилій стоило бы монарху закрѣпить свою связь съ націей. Достаточно было бы Маріи-Антуанеттѣ сдѣлать одинъ рѣшительный шагъ, вернуться изъ Трианона въ Версаль, въ Парижъ, изъ міра рококо въ дѣйствительный міръ, отъ своего легкомысленнаго окруженія къ истинной знати, къ народу, — и все было бы спасено, игра была бы выиграна. Но послѣ тяжелыхъ испытаній она снова беззаботно возвращается къ своимъ легкомысленнымъ забавамъ, послѣ народныхъ празднествъ снова начинаютъ роковыя, столь дорого обходящіяся, трианонскія развлеченія. Тутъ уже терпѣніе лопається, водораздѣль счастья достигнуто. Отнынѣ вода начинается течъ въ обратную сторону, по направленію къ пропасти.

Сначала не происходитъ ничего бросающагося въ глаза, только въ Версалѣ становится все тише и тише, все меньше народу появляется на парадныхъ дворцовыхъ приемахъ, и эти немногочисленные посѣтители проявляютъ нѣкоторый холодокъ въ своихъ привѣтствіяхъ. Они еще соблюдаютъ форму, но ради нея самой, а не ради королевы. Они еще склоняютъ колѣно, еще вѣжливо

цѣлуютъ королевскую руку, но больше не оспариваютъ другъ у друга чести бесѣды съ королевой. Взоры ихъ мрачны и чужды. Когда Марія-Антуанетта появляется въ театрѣ, публика партера и ложь не поднимается по прежнему радостно со своихъ мѣстъ. На улицахъ при ея проѣздѣ не раздается больше столь привычное „Vive la Reine!“ Открытой враждебности пока еще не замѣчается, но уже исчезла та теплота, которой были прежде проникнуты оказываемыя королевѣ почести: повелительницѣ еще подчиняются, но передъ женщиной больше не преклоняются. Почтительно прислуживаютъ еще супругъ короля, но не заботятся больше о ней. Ея пожеланіямъ не прогивоставляютъ открытыхъ возраженій, но молчатъ. Это злое, затаенное молчаніе заговорщиковъ.

Штабъ-квартирой этого тайнаго заговора являются нѣсколько дворцовъ королевской семьи: Люксембургскій, Пале-Рояль, Бельвю и даже Версаль. Всѣ эти дворцы объединились противъ Трианона, резиденціи королевы. Запѣвалами этого хора ненавистниковъ являются три старыя тетушки. Онѣ никакъ не могутъ забыть того, что молодая женщина улизнула изъ ихъ школы интригъ и въ качествѣ королевы возвысилась надъ ними.

Х Въ досадѣ на то, что имъ не приходится больше играть никакой роли, онѣ уединились во дворцѣ Бельвю. Тамъ онѣ сидятъ всѣми покинутыя и скучая въ своихъ комнатахъ, и въ первые годы триумфовъ Марія-Антуанетты никто ими не интересуется. Но по мѣрѣ того, какъ Марія-Антуанетта начинаетъ утрачивать симпатіи, во дворецъ Бельвю все чаще заглядываютъ посѣтители. Покой тетусекъ превращаются постепенно въ адскую кухню, въ которой изготовляются всѣ дворцовыя злобныя сплетни, въ которой пропускаются сквозь сито всѣ послѣднія выходки «австріячи». Здѣсь арсеналъ ядовитыхъ клеветническихъ измышленій, здѣсь сочиняются и декламируются тѣ злобныя куплеты, которые напѣваютъ въ Версаль, здѣсь собираются всѣ тѣ, кто хотѣли бы повернуть вспять колесо времени, всѣ живые

трупы, разочаровавшіеся въ своихъ ожиданіяхъ, развѣнчаннныя, все старое поколѣніе, желающее отомстить за свою старость и ненужность.

Вся накопившаяся здѣсь ненависть направлена, однако, не противъ «бѣднаго добраго короля», котораго притворно жалѣютъ, а единственно противъ молодой, сіяющей, счастливой королевы Маріи-Антуанетты.

Опаснѣе этихъ беззубыхъ представителей вчерашняго дня, неумѣющихъ больше жалить и только брызжущихъ ядовитой слюной, является новое поколѣніе тѣхъ, кто еще не былъ у власти и не желаетъ больше оставаться въ неизвѣстности. Во Франціи проснулась интеллигентная буржуазія, которая узнала изъ твореній Жанъ-Жака Гуссо о своихъ правахъ и восхищается демократическимъ строемъ сосѣдней Англіи. Возвратившіеся изъ Америки участники войны за независимость приносятъ этой буржуазіи вѣсть о чужой странѣ, въ которой сословныя и кастовыя перегородки сметены идеей равенства и свободы. Съ все возрастающей горечью замѣчаетъ просвѣщенная буржуазія, какъ Франція утрачиваетъ свою политическую мощь, какъ растетъ ея задолженность, какъ обезсилены армія и флотъ, какъ утрачиваются колоніи, между гѣмъ, какъ другія страны расцвѣтаютъ. И желаніе положить предѣлъ этому неумѣлому хозяйничанью захватываетъ все большіе круги.

Сконцентрированное педовольство этихъ искреннихъ и національно мыслящихъ патріотовъ обращается, и не безъ основаній, въ сторону Маріи-Антуанетты. Неспособный и нерѣшительный король не принимается вовсе въ расчетъ въ качествѣ правителя, всѣ знаютъ, что вліяніе на него королевы всеильно.

Еслибы Маріи-Антуанетта абсолютно не вмѣшивалась въ политику, держалась совершенно въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, то ей, по крайней мѣрѣ, нельзя было бы ничего поставить въ вину. Но подъ воздѣйствіемъ полиньяковского кружка она вмѣшивается въ дѣла каждый разъ, когда рѣчь идетъ о замѣщеніи министерскаго поста, о назначеніи на интересную долж-

ность. Она дѣлаетъ то, что въ политикѣ всего опаснѣе, — говоритъ обо всемъ томъ, о чемъ не имѣетъ ни малѣйшаго представленія, диллетантствуетъ и рѣшаетъ съ плеча важнѣйшіе вопросы. Она расточаетъ свое огромное вліяніе на короля исключительно въ интересахъ своихъ любимцевъ. Такъ какъ въ глазахъ буржуазіи она занимается государственными дѣлами, такъ какъ всѣ назначенные ею генералы, министры и посланники оказываются негодными, система самодержавной автократіи терпитъ крушеніе, и Франція со все большей стремительностью несется къ банкротству.

И вся отвѣтственность за эту неудачную политику возлагается на ничего не подозрѣвающую Марію-Антуанетту (ахъ, Господи, она вѣдь голько помогла нѣсколькимъ очаровательнымъ людямъ получить хорошія должности!). Всѣ тѣ, кто стремится во Франціи къ прогрессу, къ установленію новыхъ порядковъ, къ справедливости, къ творческой дѣятельности, ропщутъ и негодуютъ противъ этой расточительной и беззаботной властительницы Трианона, которая легкомысленно приноситъ любовь и благосостояніе двадцати милліоновъ людей въ жертву двадцати своимъ пріятельницамъ и пріятелямъ.

Подобно тому, какъ центромъ реакціоннаго движенія является дворецъ тетушекъ — Бельвю, такъ центромъ революціоннаго движенія постепенно становится дворецъ герцога Орлеанскаго — Пале - Рояль. Борьба противъ Маріи-Антуанетты ведется одновременно съ двухъ противоположныхъ фронтовъ. Невѣроятно тщеславный герцогъ Орлеанскій не можетъ простить Маріи-Антуанеттѣ ея шуточекъ насчетъ его воинскихъ лавровъ и того, что она помѣшала ему въ свое время стать оберъ-адмираломъ французскаго флота. Въ его лицѣ недовольные обрѣтаютъ долгожданнаго вождя. Въ Пале - Рояль, этомъ первомъ, находящемся еще подъ покровительствомъ принца, революціонномъ клубѣ собираются всѣ реформаторы, либералы, конституціоналисты, вольтеріанцы, филантропы, массоны. Къ нимъ присоединяются всѣ недовольные элементы, задолжавшіе и лишеныя вліянія ари-

стократы, не могущіе добиться должностей буржуа, адвокаты безъ практики, демагоги и журналисты всѣ тѣ силы, которыя впослѣдствіи образуютъ ударный отрядъ революціи. Подъ началомъ слабаго и тщеславнаго вождя стоитъ сплоченными рядами вся та мощная армія духа, при помощи которой Франція завоюетъ себѣ впослѣдствіи свободу. Сигналъ къ нападенію еще не поданъ. Но всѣ знаютъ, въ какомъ направленіи поведется атака, и знаютъ, что лозунгомъ будетъ: «противъ короля!» и, въ первую очередь, «противъ королевы!».

Между этихъ двухъ группъ противниковъ Маріа-Антуанетты, реакціонной и революціонной, стоитъ одинъ, человѣкъ, быть можетъ, самый опасный и роковой врагъ королевы, родной братъ ея мужа, „Monsieur“, Францъ-Ксавье графъ Прованскій, впослѣдствіи Людовикъ XVIII. Осторожный интриганъ, человѣкъ, предпочитающій оставаться въ тѣни, онъ, не желая себя преждевременно скомпрометировать, не примыкаетъ ни къ одной изъ двухъ группъ, качается словно маятникъ направо и налево и выжидаетъ подходящаго момента. Не безъ удовольствія отмѣчаетъ онъ громоздящіяся на пути его брата трудности, но воздерживается отъ ихъ открытой критики. Какъ мрачный нѣмой кротъ, роетъ онъ подземныя минныя галереи и ждетъ, пока положеніе его брата окажется окончательно поколебленнымъ. Ибо только послѣ того, какъ будутъ устранены Людовикъ XVI и Людовикъ XVII, сможетъ графъ Прованскій, наконецъ, стать королемъ Людовикомъ XVIII — осуществить затаенныя честолюбивыя мечты своихъ дѣтскихъ лѣтъ.

Вражда графа Прованскаго не похожа на открытое пламя ненависти герцога Орлеанскаго, это тлѣющій подъ золою притворства огонекъ зависти. До тѣхъ поръ, пока Маріа-Антуанетта и Людовикъ XVI твердо держатъ власть въ своихъ рукахъ, тайный претендентъ на престолъ ведетъ себя тихо и мирно, ничѣмъ не обнаруживая своихъ притязаній. Лишь съ началомъ революціи совпадаютъ его подозрительные происки, странныя совѣщанія въ Люксембургскомъ дворцѣ. Перебравшись благополучно

черезъ границу онъ смѣло начинаетъ рыть своими вызывающими прокламаціями могилу своему брату невѣсткѣ и племяннику въ надеждѣ — въ послѣдствіи оправдавшейся — на то, что благодаря ихъ гибели онъ обрѣтетъ желанную корону.

Послѣ десяти лѣтъ, легкомысленно проведенныхъ въ забавахъ и развлеченіяхъ, Марія-Антуанетта оказывается окруженной со всѣхъ сторонъ врагами, и въ 1785 году ненависть къ ней горитъ яркимъ пламенемъ. Всѣ враждебныя королевѣ группы — онѣ охватываютъ почти все дворянство и половину буржуазіи — заняли уже свои позиціи и только ждутъ сигнала къ атакѣ. Но авторитетъ наслѣдственной власти еще слишкомъ великъ, рѣшительный планъ нападенія еще не выработанъ. Летучіе, частью рукописныя, частью печатныя листки гуляютъ подъ Версальскими столами, переходя изъ рукъ въ руки, и скрываются подъ кринолинами, какъ только слышатся чьи-нибудь чужіе шаги. Въ книжныхъ лавкахъ Поле-Рояля знатные представители дворянства, украшенные крестомъ Св. Людовика и брилліантовыми пряжками, удаляются въ заднюю комнатку и тамъ продавецъ, тщательно заперевъ дверь, достаетъ изъ какого-нибудь пыльного потаеннаго уголка новѣйшій памфлетъ противъ королевы. Памфлетъ этотъ якобы доставленъ контрабандой изъ Амстердама или Лондона, но печать его необычайно свѣжа, даже полусырая, быть можетъ, онъ только что вышелъ изъ-подъ станка, помѣшающагося въ этомъ же принадлежащемъ герцогу Орлеанскому домѣ или въ Люксембургскомъ дворцѣ.

Знатные покупатели уплачиваютъ безъ колебаній за эти брошюрки больше золотыхъ монетъ, чѣмъ въ нихъ содержится страницъ. Эти памфлеты состоятъ подчасъ изъ какихъ-нибудь десяти-двадцати страничекъ, но зато они обильно украшены непристойными гравюрами и содержатъ немало перцу. Такой сочный пасквиль является излюбленнымъ подношеніемъ для высокопоставленной любовницы, любой изъ тѣхъ дамъ, которымъ Марія-Антуанетта не оказала чести быть приглашенными въ Триа-

лонъ. Подобный коварный подарокъ доставляе́тъ больше радости, чѣмъ драгоценное кольцо или вѣреть.

Эти червящїе честь королевы неизвѣстно кѣмъ сочиненныя, неизвѣстно кѣмъ отпечатанныя и неизвѣстно кѣмъ распространяемыя пасквили проникають подобно летучимъ мышамъ черезъ ворота Версальскаго парка въ будуары дамъ и въ провинціальныя замки. Если начальникъ полиціи пытается погнаться за ними, онъ неожиданно чувствуетъ, что какія-то тайныя силы возводятъ препятствія на пути его розысковъ. Эти листки проникають повсюду, — королева находитъ ихъ на обѣденномъ столѣ подъ салфеткой, король на письменномъ столѣ среди дѣловыхъ бумагъ, въ ложѣ королевы прикрѣплено булавкой къ бархату ея кресла злобное стихотвореніе, а когда она ночью выглядываетъ изъ окна, до ея ушей доносится насмѣшливая пѣсенка.

Первоначально эти памфлеты и т. н. „*polissonneries*“, по сравненію съ такими-же произведеніями позднѣйшаго времени, еще нѣсколько сдержанны, носятъ скорѣе злобный, чѣмъ злостный характеръ. Наконечники стрѣлъ пропитаны еще щелочью, а не ядомъ, по формѣ своей предназначены для нанесенія уколовъ, а не смертельныхъ ранъ. Лишь съ того момента, какъ королева беременѣетъ, и это неожиданное событіе глубочайшимъ образомъ задѣваетъ придворныхъ тайныхъ претендентовъ на престолъ, тонъ этихъ пасквилей становится особенно рѣзкимъ.

Именно въ этотъ моментъ, т. е., когда, казалось-бы, доказано противное, всѣ начинаютъ громко издѣваться надъ мужскою немощностью короля и нарушающею супружескую вѣрность королевы, чтобы такимъ образомъ заранѣе — понятно, въ чьихъ интересахъ — набросить тѣнь незаконнаго рожденія на имѣющаго родиться ребенка. Съ момента появленія на свѣтъ дофина, безспорнаго законнаго наслѣдника престола, Марія-Антуанетта осыпается градомъ особенно ядовитыхъ стрѣлъ. Ея подруги Ламбаль и Полиньякъ приковываются къ позорному столбу, какъ особенныя мастерицы лесбійской любви, са-

ма Марія-Антуанетта выставляется ненасытной и извращенной эротоманкой, король — жалкимъ роконосцемъ, дофинъ — незаконнорожденнымъ.

Въ 1785 г. клеветнической концертъ въ полномъ разгарѣ тактъ данъ, текстъ готовъ. Революціи остается затѣмъ только повторять во всю глотку на улицѣ то, что измышлено въ салонахъ, чтобы потащить Марію-Антуанетту на скамью подсудимыхъ. Основные пункты обвинительнаго акта просуфлированы дворомъ. Тонкія, изпѣженные, разукрашенные кольцами аристократическія руки вложили въ руки палача то лезвіе ненависти, которое опустилось въ послѣдствіи на шею королевы.

Марія-Антуанетта явно ощущаетъ злые происки за своей спиной, она знаетъ о распространяемыхъ на ея счетъ пасквиляхъ и даже подозрѣваетъ, кто является ихъ авторомъ. Но ея прирожденная неисправимая габсбургская гордость считаетъ болѣе достойнымъ презирать опасность, чѣмъ осторожно и мудро идти ей навстрѣчу.

Она съ презрѣніемъ смахиваетъ со своего платья брызги грязи. «Мы живемъ въ эпоху сатирическихъ пѣсенокъ, — пишетъ она наскоро своей матери, — ихъ сочиняютъ про всѣхъ придворныхъ, мужчинъ и женщинъ, и французское легкомысліе не останавливается даже передъ особою короля. Что касается меня лично, то и меня не пощадили.» Это все, этимъ, повидимому, исчерпаны ея злость, ея негодованіе. Какое значеніе можетъ имѣть для нея, если на ея платьѣ усядутся нѣсколько навозныхъ мухъ! Въ брѣнь своего королевскаго достоинства она считаетъ себя недосыгаемой для бумажныхъ стрѣлъ. Но она забываетъ, что одна капля дьявольскаго яда клеветы, попавшая въ кровообращеніе общественнаго мнѣнія, можетъ вызвать лихорадку, съ которой въ послѣдствіи оказываются безсильны справиться мудрѣйшіе врачи. Съ пренебрежительной улыбкой проходитъ Марія-Антуанетта легкими шагами мимо опасности. Слова для нея только развѣваемая вѣтромъ труха. Чтобы ее разбудить, нужна буря.

Молнія ударяетъ въ театръ Рококо

Въ началѣ августа 1785 г. Марія-Антуанетта необычайно озабочена и занята, но вовсе не потому, что политическое положеніе чрезвычайно осложнилось и нидерландское возстаніе подвергаетъ австро-французскій союзъ опасному испытанію: ея театрикъ-рококо въ Трианонѣ все еще кажется Маріи-Антуанеттѣ важнѣе драматическихъ событій, разыгрывающихся на міровой сценѣ. Ея волненія и озабоченность вызваны исключительно предстоящей премьерой.

Всѣ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидаютъ перваго представленія комедіи Бомарше «Севильскій цирюльникъ» на сценѣ дворцоваго театра. Какой блестящій составъ исполнителей! Графъ Артуа собственной персоной выступаетъ въ роли Фигаро, Водрейль играетъ Альмавиву, а королева изображаетъ шаловливую проказницу Розину. День и ночь занята Марія-Антуанетта въ своемъ очаровательномъ бѣломъ съ золотомъ театрикѣ постановкой этой комедіи, не подозревая даже, что вотъ-вотъ поднимется завѣсъ трагедіи, въ которой ей, противъ воли, придется исполнять главную роль.

Репетиціи «Севильскаго цирюльника» подходятъ къ концу Марія-Антуанетта чрезвычайно взволнована. Будетъ ли она выглядѣть достаточно молодой и достаточно хорошенькой въ роли обворожительной Розины, не станетъ ли ее упрекать избалованный партеръ изъ приглашенныхъ друзей въ томъ, что она недостаточно развязна и непринужденна, больше дилетантка, чѣмъ актриса? Она воистину озабочена этимъ. Странныя заботы для королевы! Отчего это все не приходитъ госпожа Кампанъ, съ которой она должна еще разъ прорепетировать свою роль? Наконецъ-то, наконецъ, та появляется. Но что съ ней? Она, повидимому, необычайно взволнована. Вчера се посѣтилъ совершенно потерявшій голову придворный ювелиръ Бемеръ. — сообщаетъ она заикаясь, — и умолялъ, о немедленной аудіенціи у королевы. Этотъ саксонскій еврей рассказалъ совершенно невѣроятную и сум-

бурную исторію. будто нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ королева заказала у него тайкомъ знаменитое бриллиантовое ожерелье и уговорила, что будетъ выплачивать за него въ разсрочку. Но срокъ перваго платежа давно прошелъ, а ему не уплачено ни гроша. Кредиторы тѣснятъ его, ему необходимы немедленно деньги.

Какъ? Что? Какіе бриллианты? Что за ожерелье? Какія деньги? Что за срочные платежи? Королева сначала абсолютно ничего не понимаетъ. Не то ли большое драгоценное кольцо которое съ такимъ искусствомъ работали ювелиры Бемеръ и Бассанжъ. Конечно, она знаетъ его. Эти ювелиры не разъ предлагали ей его купить за миллионъ шестьсотъ тысячъ ливровъ. Ей-бы. разумѣется очень хотѣлось пріобрѣсти это чудо ювелирнаго искусства но министры не даютъ денегъ, они безпрепятственно жалуются на дефицитъ.

Но какъ осмѣливаются эти мошенники утверждать, будто она его купила и къ тому еще тайкомъ и въ разсрочку. и должна имъ за него деньги? Тутъ какая-то совершенно нелѣпая путаница. Ахъ. кстати она теперь припоминаетъ . . . Не было ли приблизительно недѣлю тому назадъ получено отъ этихъ-же ювелировъ какое-то странное письмо. въ которомъ они разсыпались въ благодарностяхъ за что-то и упоминали о какомъ-то драгоценномъ украшеніи? Гдѣ это письмо? Ахъ, да, она его сожгла. Она вѣдь никогда не читаетъ писемъ какъ слѣдуетъ и въ этотъ разъ тоже сейчасъ-же уничтожила это болтливое непонятное посланіе. Но чего-же все-таки отъ нея хотятъ?

Марія-Антуанетта немедленно поручаетъ своему секретарю написать записку Бемеру. Она назначаетъ ему придти къ ней 9 августа, не завтра, вѣдь, въ концѣ концовъ, вся эта идиотская исторія не носитъ столь спѣшнаго характера, а ей необходимо спокойно прорепетировать роль Розины.

9-го августа появляется блѣдный и взволнованный Бемеръ. То, что онъ рассказываетъ, совершенно непонятно. Королева сначала думаетъ, что имѣетъ дѣло съ сумасшедшимъ. Какая-то графиня Валуа, интимная прі-

ительница королевы — «какъ? моя пріятельница? но я вовсе не знаю, никогда не видѣла такой дамы!» — осмотрѣла де у него ожерелье и сообщила, что королева желаетъ его тайно купить. А его преосвященство кардиналь де-Роганъ — «что? Этотъ противный господинъ, съ которымъ я никогда еще ни словомъ не обмѣнялась?» — принялъ по порученію королевы это ожерелье на хранение.

Какъ ни дико все это звучитъ, какой ни кажется нелѣпостью, какая-то доля правды должна быть въ этой исторіи, потому что потъ выступилъ на лбу этого блѣднаго человѣка, онъ весь дрожить, руки и ноги у него трясутся. Но и королева дрожить отъ злости оттого, что какіе-то чужіе плуты позволили себѣ злоупотребить ея именемъ. Она приказываетъ ювелиру немедленно изложить все это дѣло подробнѣйшимъ образомъ въ письмѣ.

12-го августа этотъ и понынѣ еще хранящійся въ архивахъ фантастическій документъ въ ея рукахъ. Маріи-Антуанеттѣ кажется, что она бредитъ, видитъ нелѣпый сонъ. Она читаетъ и перечитываетъ ея злость, ея ярость возрастаютъ отъ строчки къ строчкѣ: какой безпримѣрный обманъ. Сначала она не доводитъ объ этомъ случаѣ до свѣдѣнія министровъ, не совѣщается ни съ кѣмъ изъ своихъ друзей. Только королю рассказываетъ она 14-го августа о всемъ происшедшемъ и требуетъ отъ него, чтобы онъ вступился за ея честь.

Впослѣдствіи Марія-Антуанетта сообразить, что поступила бы гораздо благоразумнѣе, если бы предварительно хорошенько обдумала всю эту запутанную и темную исторію. Но склонность къ основательному обдумыванію и тщательному обсужденію никогда не принадлежала къ числу качествъ этой нетерпѣливой и властной натуры. мѣлѣе же всего въ такихъ случаяхъ, когда затронуть основной нервъ всего ея существа: ея импульсивная гордость. Возмущенная, не умѣющая владѣть собою королева видитъ во врученномъ ей обвинительномъ актѣ главнымъ образомъ только одно имя, имя кардинала Луи де-Рогана, котораго она уже долгіе годы ненавидитъ со

всѣмъ пыломъ своего несдержаннаго сердца и который, по ея мнѣнію, способенъ на всякую легкомысленную гадость, на всякую низость. Этотъ аристократъ-священнослужитель, въ сущности, никогда не причинилъ ей ни малѣйшаго зла. Онъ крестилъ ея дѣтей и неизмѣнно искалъ случая подружиться съ нею. Характеры ихъ въ основѣ своей отнюдь не противоположны, наоборотъ, этотъ кардиналъ де-Роганъ, въ сущности, похожъ на Марію-Антуанетту, онъ такъ же легкомысленъ, такъ же поверхностенъ, такъ же расточителенъ и такъ же пренебрежительно относится къ своимъ священническимъ обязанностямъ, какъ она къ своимъ королевскимъ. Свѣтскій священнослужитель, подобно тому, какъ она свѣтская повелительница, епископъ въ стилѣ рококо, подобно тому, какъ она королева въ стилѣ рококо. Онъ прекрасно подошелъ бы къ Трианону со своими выложенными манерами, своей остроумной скучающей небрежностью, своей не знающей границъ расточительностью, и они, вѣроятно, отлично поняли бы другъ друга — этотъ красивый, элегантный, легкомысленный, пріятно-фривольный кардиналъ и эта бабка до развлеченій, красивая, любящая играть, веселая королева. Но какъ часто именно люди, въ основѣ своей схожіе, становятся злѣйшими врагами!

Первый кливъ между Роганомъ и Маріей-Антуанеттой вбила Марія-Терезія, ненависть къ де-Рогану унаслѣдована ею отъ матери. Это внутренняя ненависть. Луи де-Роганъ, прежде чѣмъ стать кардиналомъ Страсбургскимъ, былъ посломъ въ Вѣнѣ и тамъ сумѣлъ навлечь на себя безпредѣльный гнѣвъ старой императрицы. Она ожидала увидѣть дипломата, а вышла тщеславнаго болтуна. Съ его духовнымъ убожествомъ Марія-Терезія охотно бы примирилась: глуповатый посолъ чужой державы — это счастливый случай для собственной политики. Его роскошь она бы ему тоже еще кое-какъ простила, хоть ее и возмутило, что этотъ служитель Христа въѣхалъ въ Вѣну въ двухъ парадныхъ каретахъ каждая стоимостью въ сорокъ тысячъ дукатовъ, съ цѣлой конюшнею лошадей, съ камеръ-юнкеромъ, гайдуками, камердинерами, гофмей-

стерами, въ сопровожденіи цѣлаго пестраго лѣса султановъ изъ перьевъ и цѣлой арміи наряженныхъ въ зеленныя шелковыя ливреи слугъ.

Но въ двухъ вопросахъ старая императрица была непреклонна: тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о религіи и о нравственности, съ нею шутки плохи... Видѣлъ служителя Господня, который сбрасываетъ съ себя рясу и, окруженный очаровательными дамами, въ охотничьемъ костюмѣ въ одинъ день подстрѣливаетъ 130 штукъ дичи, возбуждаетъ безграничное возмущеніе этой набожной женщины. Это возмущеніе переходитъ въ ярость, когда она замѣчаетъ, какъ свободный, расточительный, фривольный образъ жизни де Рогана вмѣсто того, чтобы вызывать негодованіе вѣнцевъ, встрѣчаетъ одобреніе всей Вѣны, ея Вѣны іезуитовъ и комиссій нравовъ. Огорченная до глубины души императрица слышитъ, какъ ея вѣрный, преданный Кауницъ называетъ Рогана своимъ другомъ, видитъ, какъ ея собственный сынъ Іосифъ (которому всегда доставляетъ удовольствіе сказать «да» въ тѣхъ случаяхъ, когда его мать говоритъ «нѣтъ»), дружить съ этимъ епископомъ, разыгрывающимъ изъ себя кавалера. Эта чума не должна заразить ея строго-католическую Вѣну. Роганъ долженъ уѣхать.

Письмо за письмомъ шлетъ Марія Терезія своей дочери съ мольбой сдѣлать все возможное, чтобы убрали этого «недопустимаго индивидуума», этого «неисправимаго человѣка». И какъ только Марія-Антуанетта становится королевой, она, послушная своей матери, настаиваетъ на томъ, чтобы Роганъ былъ отозванъ со своего поста. Но Роганы, если ужъ они летятъ, то летятъ только вверхъ. Вмѣсто посла онъ назначается главнымъ духовникомъ, занимаетъ высшую должность при дворѣ, черезъ его руки проходятъ всѣ королевскія пожертвованія на благотворительныя дѣла. Доходы его неисчислимы, ибо онъ возводится въ санъ епископа Страсбургскаго, получаетъ званіе ландграфа Эльзасскаго, становится пріоромъ весьма доходнаго Сенъ-Ваастскаго аббатства, верховнымъ блюстителемъ королевскаго госпи-

таля. попечителемъ Сорбонны и, кромѣ того — неизвѣстно за какія заслуги — членомъ французской Академіи.

Но какъ ни велики его доходы, они не могутъ угнаться за его расходами. такъ какъ легкомысленный добродушный и расточительный Роганъ буквально пивыряетъ деньгами. Онъ тратитъ милліоны на постройку новаго епископскаго дворца въ Страсбургѣ, задаетъ великолѣпнѣйшіе пиры, не жалѣетъ денегъ на женщинъ, а еще меньше на опыты господина Каліостро, обходящагося ему дороже семи метрессъ вмѣстѣ взятыхъ. Скоро становится секретомъ полишинеля, что финансы Рогана въ чрезвычайно печальномъ состояніи, этого служителя Христа встрѣчаютъ чаще у еврейскихъ ростовщиковъ, чѣмъ въ Храмъ Господнемъ, чаще въ обществѣ легкомысленныхъ дамъ, чѣмъ ученыхъ теологовъ.

Лишь недавно парламентъ производилъ разслѣдованіе по поводу своеобразнаго хозяйничанья въ управляемомъ Роганомъ госпиталѣ. Неудивительно поэтому, если королева сразу же приходитъ къ убѣжденію, что вся эта исторія съ ожерельемъ дѣло рукъ легкомысленнаго Рогана, желающаго обманнымъ путемъ раздобыть себѣ кредитъ, прикрываясь ея именемъ. «Кардиналъ злоупотребилъ моимъ именемъ — пишетъ она подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ своему брату, — какъ низкій, неловкій фальшивомонетчикъ. Настоятельно нуждаясь въ деньгахъ онъ, должно быть, надѣялся, что ему удастся расплатиться съ ювелирами до того, какъ все дѣло выйдеть наружу.»

Понятнымъ становится озлобленіе, съ которымъ она ни за что не соглашается простить именно этому человеку, къ которому она, вѣрная приказаніямъ своей матери, не обратилась ни съ однимъ словомъ на протяженіи пятнадцати лѣтъ и не переставала относиться съ пренебреженіемъ на глазахъ всего двора. То обстоятельство, что какъ разъ этотъ человекъ запуталъ ея имя въ грязную аферу, воспринимается Маріей-Антуанеттой какъ актъ мести съ его стороны. Это покушеніе на ея честь кажется ей самымъ наглымъ и коварнымъ изъ всѣхъ попытокъ французской знати набросить на нее тѣнь. Въ страстныхъ словахъ, со слезами на глазахъ закликаетъ

она короля безжалостно и примѣрно наказать этого обманщика — она не знаетъ, что самъ де Роганъ обмануть — наказать его публично, передъ всѣмъ обществомъ.

Безвольный король не размышляетъ, когда Марія-Антуанетта предъявляетъ ему настойчивыя требованія, а сама она никогда не взвѣшиваетъ возможныхъ послѣдствій своихъ желаній и поступковъ. Не провѣривъ обвиненія, не затребовавъ никакихъ документовъ, не спросивъ ни ювелира, ни кардинала, рабски послушный Людовикъ становится исполнителемъ необдуманнаго женскаго гнѣва.

15 августа онъ, къ величайшему изумленію совѣта министровъ, сообщаетъ ему о своемъ намѣреніи немедленно арестовать кардинала. Кардинала? Кардинала де Рогана? Министры недоумѣваютъ, пугаются, съ недоумѣніемъ озираются другъ на друга. Наконецъ, одинъ изъ нихъ осмѣливается осторожно спросить, не произведетъ ли тягостнаго впечатлѣнія, если такой высокопоставленный сановникъ и къ тому же еще служитель церкви будетъ подвергнутъ аресту, какъ обыкновенный преступникъ. Но именно этого, именно общественнаго позора требуетъ Марія-Антуанетта, какъ примѣрнаго наказанія. Она неуклонно настаиваетъ на томъ, чтобы, на страхъ всѣмъ возможнымъ посягателямъ на ея доброе имя, дѣло это разбиралось въ порядкѣ публичнаго процесса.

Съ большою неохотой и тревогой министры, наконецъ, уступаютъ желанію короля. Нѣсколько часовъ спустя разыгрывается неожиданное зрѣлище. Такъ какъ 15 августа какъ разъ именины Маріи-Антуанетты, весь дворъ является въ Версаль для парадной поздравительной церемоніи, большой залъ „Oeil-de-Boeuf“, и галереи биткомъ набиты царедворцами и высшими сановниками. Самъ ничего не подозревающій главный актеръ Роганъ, на обязанности котораго лежитъ отслужить въ этотъ праздничный день молебенъ, ожидаетъ въ ярко красной сутанѣ и кружевномъ облаченіи въ специально предназначенной для этой цѣли комнатѣ, недалеко отъ королев-

скихъ покоевъ. выхода высочайшей паствы. Но вмѣсто Людовика XVI къ кардиналу неожиданно подходит камердинеръ и сообщаетъ, что король требуетъ его въ свои личные покои. Тамъ стоитъ, закусивъ губы, отвернувъ глаза въ сторону и не отвѣчая на его привѣтствіе, королева, и рядомъ съ нею — злѣйшій врагъ Рогана, министръ баронъ Бретейль, отъ котораго также вѣетъ ледянымъ холодомъ. Прежде, чѣмъ Роганъ успѣваетъ сообразить, чего отъ него хотятъ король грубо обращается къ нему безъ всякихъ околичностей со слѣдующими словами:

— Любезный кузень, что это за бриллиантовое ожерелье вы купили отъ имени королевы?

Роганъ блѣднѣетъ. Этого онъ не ожидалъ.

— Сирь, — бормочетъ онъ, — я вижу, что я былъ обманутъ, но самъ я не обманывалъ.

— Если дѣло обстоитъ такъ, любезный кузень, то вамъ не о чемъ беспокоиться. Но, пожалуйста, разъясните всю эту исторію.

Роганъ не находитъ, что отвѣтить. Прямо противъ него молча стоитъ, грозно сверкая глазами Марія-Антуанетта. Слова застреваютъ у него въ горлѣ. Его растерянность вызываетъ у короля состраданіе, онъ ищетъ выхода.

— Изложите въ письмѣ все, что вы хотѣли бы мнѣ рассказать. — говоритъ Людовикъ и покидаетъ комнату вмѣстѣ съ Маріей-Антуанеттой и Бретейлемъ.

Кардиналъ, оставшись одинъ, набрасываетъ торопливо пятнадцать-двадцать строкъ и по возвращеніи короля подаетъ ему написанное. Приобрѣсти ожерелье для королевы убѣдила его нѣкая госпожа Валуа. Онъ теперь видитъ, что былъ обманутъ.

— Гдѣ эта женщина? — спрашиваетъ король.

— Сирь, я этого не знаю.

— У васъ ожерелье?

— Оно въ рукахъ этой женщины.

Король приказываетъ позвать королеву. Бретейля и великаго хранителя печати и велитъ послѣднему огла-

силь заявленіе ювелировъ. Онъ разспрашиваетъ Рогана, гдѣ якобы писанныя рукой королевы полномочія.

Совершенно подавленный кардиналь вынужденъ сознаться:

— Сирь, эти полномочія находятся у меня. Они, очевидно, поддѣланы.

— Это-то несомнѣнно, — отвѣчаетъ король.

И хотя кардиналь теперь предлагаетъ уплатить за ожерелье, король строгимъ тономъ говоритъ:

— Милостивый государь, при создавшемся положеніи я не могу не отдать распоряженія о наложеніи печатей на вашъ домъ и о вашемъ арестѣ. Имя королевы мнѣ безконечно дорого. Оно скомпрометировано, и я не хочу, чтобы меня могли упрекнуть въ томъ, что я дѣйствовалъ недостаточно быстро и энергично.

Роганъ умоляетъ, чтобы его не подвергали такому позору, особенно же въ данный моментъ, когда ему предстоитъ предъ лицомъ Господнимъ отслужить торжественный молебенъ для двора. Мягкій и добродушный король при видѣ столь откровеннаго отчаянія обманутаго чловѣка, начинаетъ колебаться. Но тутъ ужъ Марія-Антуанетта не можетъ себя больше сдерживать, со слезами злости на глазахъ она набрасывается на Рогана: какъ онъ посмѣлъ повѣрить, что она, не обращавшая къ нему на протяженіи многихъ лѣтъ ни съ однимъ словомъ, избретъ его въ посредники для того, чтобы совершать за спиной короля тайныя сдѣлки.

На этотъ упрекъ кардиналь не находитъ выраженій: онъ и самъ теперь не понимаетъ, какимъ образомъ онъ далъ себя бессмысленно вовлечь въ эту дурацкую авантюру. Король очень сожалѣетъ, что все такъ случилось, но заявляетъ:

— Я желаю, чтобы вамъ удалось оправдаться! Но я, какъ король и супругъ, долженъ сдѣлать то, что сказалъ.

Обьясненіе закончено. Снаружи, въ переполненныхъ пріемныхъ покояхъ, нетерпѣливо ждетъ любопытная толпа знати. Обѣдня должна-бы уже давно начаться. поче-

му такъ долго медлять, что тамъ происходитъ? Они чувствуютъ, что въ воздухѣ собирается какая-то гроза.

Вдругъ двери комнаты короля распахиваются. Первымъ выходитъ кардиналъ де Роганъ съ своей пурпурной сутанѣ, блѣдный, закусивъ губы, за нимъ Бретейль, старый солдатъ. Его мужицкое лицо покраснѣло, глаза сверкаютъ отъ волненія. Дойдя до середины приѣмной залы, онъ нарочито громкимъ голосомъ отдаетъ начальнику дворцовой стражи приказъ:

— Арестуйте господина кардинала!

Всѣ вздрагиваютъ. Всѣ застыли отъ ужаса. Кардинала, высшаго служителя церкви, подвергаютъ аресту! Арестовываютъ Рогана! И еще чуть-ли не въ передней короля! Не пьянъ ли этотъ старый вояка Бретейль? Но нѣтъ, Роганъ не защищается, не возмущается, съ опущенными глазами покорно отправляется онъ павстрѣчу стражѣ. Содрогаясь, разступаются придворные, и сквозь строй испытующихъ, пристыжающихъ, озлобленныхъ взоровъ шествуетъ изъ зала въ залъ до лѣстницы принцъ де Роганъ, великій духовникъ короля кардиналъ единоспасительной церкви, князь Эльзасскій, членъ Академіи и носитель неисчислимаго количества титуловъ, а за нимъ, какъ за каторжникомъ, маршируютъ солдаты.

Въ то время, какъ Рогана отводятъ въ одну изъ боковыхъ комнатъ для передачи въ руки дворцовой охраны, онъ пользуется охватившимъ всѣхъ смятеніемъ, чтобы набросать карандашомъ своему секретарю-аббату записку съ порученіемъ, поскорѣе сжечь всѣ документы, хранящіеся въ бумажникѣ изъ красной кожи. Какъ выясняется впоследствии на судебномъ процессѣ, — это поддѣльные письма королевы. Внизу одинъ изъ гайдуковъ де Рогана вскакиваетъ на лошадь и мчится съ этой запиской во дворецъ кардинала, куда добирался раньше прибытія медлительныхъ полицейскихъ, отправившихся туда для наложенія печатей, и раньше, чѣмъ — о безпримѣрный позоръ! — великаго духовника Франціи заточаютъ въ Бастилію.

Въ этотъ день въ Версалѣ уже не служатъ обѣды, да и къ чему бы это было. Ни у кого не хватило бы

благоговѣйнаго настроенія выслушать ее. Весь дворъ, весь городъ, вся страна оглушены невѣроятной новостью, ошеломившей ихъ, какъ молнія изъ яснаго неба.

Взволнованная королева остается за запертой дверью. она еще вся дрожить отъ гнѣва. Эга сцена ее самое чрезвычайно потрясла. — но наконецъ-то уличенъ хоть одинъ изъ клеветниковъ, одинъ изъ тѣхъ, кто покушался изъ засады на ея честь. Не поспѣвать ли теперь къ ней всѣ благожелательно къ ней настроенные люди, чтобы поздравить ее по поводу поимки этого негодяя? Не станетъ ли теперь весь дворъ восхвалять энергію столь долго почитаемаго слабовольнымъ короля который твердой рукой арестовалъ этого недостойнѣйшаго изъ служителей церкви?

Но, какъ это ни странно, никто не является. Даже ея ближайшія подруги со`смущенными взглядами какъ-то избѣгаютъ ее. Въ Трианонѣ, какъ и въ Версалѣ, стоитъ полная тишина. Знать, не пытаются скрывать свое возмущеніе по поводу того, что одного изъ ихъ привилегированной среды подвергли такому позорящему честь обращенію. Самъ кардиналъ де-Роганъ, къ которому король обѣщаетъ быть снисходительнымъ, если тотъ согласится подчиниться его единоличному приговору, оправившись отъ первоначальнаго испуга, холодно отклоняетъ милостивое предложеніе и избираетъ въ судьи парламентъ. Марія-Антуанетта сама не рада больше своему успѣху, и вечеромъ камеръ-фрейлины застаютъ ее въ слезахъ.

Но скоро старое легкомысліе одерживаетъ верхъ. «Что касается меня, — пишетъ она въ слѣпомъ заблужденіи своему брату Юсифу, — то я въ восхищеніи, что мы ничего больше не услышимъ объ этой отвратительной исторіи.» Вѣдь теперь только августъ мѣсяць, а процессъ передъ парламентомъ будетъ слушаться никакъ не раньше декабря можетъ быть даже только въ будущемъ году. — зачѣмъ же продолжать обременять свою голову этимъ балластомъ? Пусть лю-

ди болтають или ропшуть, что за бѣда! И такъ, подавайте скорѣе баночку съ румянами и новыя костюмы. ноужели же отмѣнить эту очаровательную комедію изъ-за такихъ пустяковъ!

Репетиціи продолжаются, и королева штудируетъ (вмѣсто слѣдственныхъ актовъ того важнаго процесса, который, быть можетъ, удалось бы еще отмѣнить) роль шустрой Розины въ «Севильскомъ цирюльникѣ». Но, кажется, даже эту роль она репетировала спустя рукава. Въ противномъ случаѣ она должна была бы призадуматься надъ словами своего партнера дона Базиліо, столь пророчески обрисовывающаго яркими красками всесильную мощь клеветы. Марія-Антуанетта, какъ и всегда, плохо прислушивается къ словамъ своихъ партнеровъ, иначе она должна была бы понять, что въ этой какъ будто легкой и веселой пьескѣ содержатся намеки на ея собственную судьбу. Театральнымъ представленіемъ 19 августа 1785 года окончательно завершается комедія въ стилѣ рококо.

Начинается трагедія...

Дѣло объ ожерельѣ

Что произошло въ дѣйствительности? Нелегко это изобразить правдоподобно, ибо въ томъ видѣ, какъ эта исторія съ ожерельемъ дѣйствительно разыгралась, она является несуразнѣйшей невѣроятностью, которой не повѣрили бы и въ романѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣйствительность въ ударѣ и поэтически настроена, она при помощи своей фантазіи и способности создавать запутанныя положенія заткнетъ за поясъ самаго изобрѣтательнаго поэта.

Въ центрѣ настоящей, подлинной комедіи должна всегда стоять женщина. Та женщина, которая играетъ главную роль въ трагикомедіи съ ожерельемъ, провела свое дѣтство въ качествѣ дочери разорившагося дворянина и какой-то жалкой служанки, какъ заброшенная ни-

щенка, разгуливающая босикомъ и крадущая картофель на огородахъ или пасущая за кусокъ хлѣба коровъ со-сѣднихъ крестьянъ. Послѣ смерти отца мать дѣвочки стала проституткой, а сама она жила попрошайничествомъ. Семилѣтній ребенокъ окончательно бы погибъ, если бы по счастливой случайности не поразилъ вниманія повстрѣчавшейся ему на большой дорогѣ маркизы де-Буленвилле своимъ жалобнымъ воплемъ: «Сжальтесь надъ несчастной сироткой изъ рода Валуа!» Что? Это овшивѣвшее, умирающее съ голода дитя потомокъ королевской крови? Священной крови Людовика Святого? Это невозможно, — думаетъ маркиза. Но она все же велитъ каретѣ остановиться и спрашиваетъ маленькую нищенку.

Во всей этой исторіи съ ожерельемъ необходимо разъ навсегда привыкнуть къ тому, чтобы принимать самое невѣроятное и неправдоподобное за правду. Эта маленькая Жанна дѣйствительно законная дочь Жака де-Санъ-Реми, по профессіи браконьера, пьяницы и грозы крестьянъ, но тѣмъ не менѣе прямого потомка Валуа, не уступающихъ по знатности и старинѣ рода самимъ Бурбонамъ. Маркиза де Буленвилле, тронутая фантастическимъ паденіемъ потомка королей въ такую пучину нищеты, забираетъ дѣвочку и ея младшую сестренку съ собой и воспитываетъ обѣихъ на свой счетъ въ одномъ пансіонатѣ.

Четырнадцать лѣтъ отъ роду Жанна попадаетъ въ ученье къ портнихѣ, затѣмъ становится прачкой, гладильщицей и, наконецъ, попадаетъ въ монастырь, гдѣ воспитываются дѣвицы изъ дворянскихъ семей.

Но скоро выясняется, что маленькая Жанна не обладаетъ необходимыми для монахини талантами. Въ ея жилахъ бурлитъ кровь ея бродяги-отца и, достигнувъ 22-лѣтняго возраста, она вмѣстѣ со своей сестрой убѣгаетъ изъ-за монастырской ограды. Безъ гроша въ карманѣ и съ головой, наполненной мечтами о приключеніяхъ, онѣ попадаютъ въ Баръ-сюръ-Объ. Тамъ прехорошенькая Жанна встрѣчаетъ происходящаго изъ мелкаго дворянства жандармскаго офицера Николая де-ла-

Моттъ, который вскорѣ на ней женится — надо сознаться, болѣе чѣмъ своевременно, ибо уже спустя мѣсяць послѣ вѣнчанія у нея рождается двойня. Съ этимъ чрезвычайно снисходительнымъ супругомъ (онъ и впоследствии никогда не ревновалъ) госпожа де-ла-Моттъ могла бы, въ сущности, спокойно жить скромной мѣщанской жизнью. Но «кровь Валуа» требуетъ своихъ правъ. Съ самаго начала маленькая Жанна помышляетъ только объ одномъ: вверхъ, все равно какъ и какими путями! Она начинаетъ приставать къ своей благодѣтельницѣ маркизѣ де-Буленвилле и какъ-то, посѣтивъ ее въ Цабернѣ, встрѣчается тамъ съ кардиналомъ де-Роганомъ. Съ ея красотой и ловкостью ей удается использовать любезную слабость галантнаго и добродушнаго кардинала. При его посредствѣ мужъ Жанны — должно быть, цѣной невидимыхъ роговъ — получаетъ производство въ ротмистры драгунскаго полка и деньги на уплату всѣхъ долговъ.

Казалось бы, что Жанна можетъ теперь успокоиться. Но и этотъ основательный сдвигъ кверху она считаетъ только ступеню. Мужъ ея возведенъ королемъ въ званіе ротмистра, теперь онъ собственной волей возводитъ себя еще въ санъ графа. Неужели же дамѣ со столь громкимъ титуломъ, какъ графиня Валуа де-ла-Моттъ, прозябать въ провинціи, жить на какую-то жалкую пенсію изъ милости и на маленькое офицерское жалованье? Нелѣпо! Такое имя, равнозначуще ежегодному доходу въ сто тысячъ лировъ для красивой, ни предъ чѣмъ не останавливающейся женщины, которая рѣшилась основательно ошипать всѣхъ тщеславныхъ дурней. Достойная парочка снимаетъ въ Парижѣ цѣлый домъ на улицѣ Невъ-Санъ-Жиль, рассказываетъ ростовщикамъ турысы на колесахъ объ огромныхъ имѣніяхъ, на которыя вправѣ претендовать графиня въ качествѣ потомка Валуа, устраиваетъ блестящіе приемы (серебряная посуда для этихъ приемовъ берется на три часа напрокатъ изъ софдняго магазина). Когда парижскіе кредиторы начинаютъ на нее очень насѣдать, графиня Валуа де-ла-Моттъ

сообщаетъ имъ, что отправляется въ Версаль, чтобы заявить тамъ при дворѣ свои притязанія.

Само собой разумѣется, что при дворѣ у нея нѣтъ ни одной знакомой души, и она могла бы, не жалѣя своихъ красивыхъ ногъ, ждать недѣлями, но не быть допущенной даже въ переднюю королевы. Однако, ловкая авантюристка все же придумала фортель. Вмѣстѣ съ другими просительницами она появляется въ передней тетушки короля, Елизаветы, и тамъ внезапно падаетъ въ обморокъ. Всѣ устремляются къ ней, мужъ ея называетъ ея громкій титулъ и со слезами на глазахъ рассказываетъ, что многолѣтнее недоѣданіе и вызванная этимъ потеря силъ являются причиной обморока. Здоровую больную относятъ домой на носилкахъ, влѣдъ за нею посылаютъ двѣсти ливровъ, а ея пенсія повышается съ восьмисотъ до тысячи пятисотъ ливровъ.

Но развѣ это не жалкая подачка для женщины изъ рода Валуа? Она инсценируетъ второй обморокъ въ передней графини Артуа, третій обморокъ въ зеркальной галлерей, черезъ которую должна пройти королева. Къ сожалѣнію, Марія-Антуанетта, на великодушіе которой авантюристка особенно рассчитываетъ, не знаетъ ничего объ этомъ происшествіи, а инсценировать въ Версали четвертый обморокъ было бы рискованно. Достоянная парочка возвращается въ Парижъ со скромной добычей. Они далеко не достигли того, о чемъ мечтали. Само собой, однако, разумѣется, что они не пробалтываются объ этомъ, а наоборотъ, распространяются съ восторгомъ на тему о томъ, какъ сердечно, по родственному, приняла ихъ королева. И такъ какъ въ Парижѣ есть достаточно людей, для которыхъ пользующаяся расположеніемъ королевы графиня Валуа является чрезвычайно цѣннымъ знакомствомъ, то скоро находятъ нѣсколько поддающихся стрижкѣ жирныхъ овецъ, и кредитъ супруговъ на время опять возстановленъ.

Увязшіе по уши въ долгахъ нищіе заводятъ себѣ цѣлый придворный штатъ во главѣ съ секретаремъ, именуемымъ себя Рето-де-Вильетъ (который является не только ихъ компаньономъ по мошенничествамъ, но и ком-

паньономъ де-ла-Мотта по супружескому ложу) и вторымъ секретаремъ Лотомъ, который даже принадлежитъ къ духовному сословію. Затѣмъ нанимаются кучера, лакеи, камеристки и вскорѣ на улицѣ Невъ-Санъ-Жиль начинается не жизнь, а масленица. Тамъ ведется и высокая карточная игра, правда, не особенно прибыльная для тѣхъ простачковъ, которые попадаютъ на удочку, но чрезвычайно привлекательная благодаря присутствію довольно двусмысленныхъ дамъ.

Къ сожалѣнію, снова начинаютъ надоѣдать навязчивые кредиторы и судебные пристава, требующіе, чтобы имъ, наконецъ, уплатили старые долги, а досточтимая парочка исчерпала все свое искусство по раздобыванію денегъ. Необходимо прибѣгнуть къ какой-нибудь комбинаціи крупнаго масштаба.

Предпосылкой всякаго крупнаго мошенничества являются двѣ вещи: большой плуть и большой дурень. Къ счастью, дурень уже имѣется подъ рукой, это не кто иной, какъ свѣтлѣйшій членъ французской Академіи, его свѣтѣйшество епископъ Страсбургскій, великій духовникъ Франціи кардиналъ де-Роганъ. Человѣкъ своей эпохи, не умнѣе, но и не глупѣе другихъ, этотъ внѣшне-обворожительный князь церкви страдаетъ болѣзнию его времени — легковѣріемъ. Человѣчество не въ состояніи жить продолжительное время безъ вѣры. Такъ какъ кумиръ того вѣка Вольтеръ вывелъ изъ моды религіозную вѣру, то на ея мѣсто въ салоны проникаетъ суевѣріе. Для алхимиковъ, каббалистовъ, розенкрейцеровъ, шарлатановъ, некромантовъ и чудодѣйственныхъ цѣлителей настаетъ золотой вѣкъ. Ни одинъ аристократъ, ни одна свѣтская дама не упустятъ возможности побывать въ ложѣ Калиостро, поужинать съ графомъ Сенъ-Жерменъ, присутствовать на магнетическихъ сеансахъ Месмера. Именно потому, что они обладаютъ такимъ свѣтлымъ умомъ, такъ остроумно фривольны, именно потому, что генералы не относятся съ прежней серьезностью къ своей службѣ, королева къ своему достоинству и священники къ своему Богу, эти «просвѣщенные» бонвиваны нуждаются для за-

полненія своей безграничной пустоты въ какой-нибудь игрѣ съ метафизическимъ, мистическимъ, сверхчувственнымъ, непонятнымъ и, не взирая на всю свою пронизательность и все свое остроуміе, попадаютъ на глупѣйшія удочки наглѣйшихъ обманщиковъ.

Самый легковѣрный изъ этихъ отличающихся духовнымъ убожествомъ аристократовъ, его святѣйшество кардиналъ де-Роганъ, попадаетъ какъ разъ въ сѣти самаго большого пройдохи шарлатанства, папы всѣхъ обманщиковъ, «божественнаго Калиостро». Тотъ свилъ себѣ уютное гнѣздышко въ Цабернскомъ дворцѣ и мастерски наполняетъ колдовствомъ свои карманы и опустошаетъ голову хозяина. Авгуры и мошенники всегда узнаютъ другъ друга по первому взгляду — то же произошло при встрѣчѣ Калиостро съ госпожей де-ла-Моттъ. Черезъ посредство этого кудесника, которому открыты всѣ тайные помыслы кардинала, госпожа де-ла-Моттъ узнаетъ о завѣтной мечтѣ Рогана стать премьеръ-министромъ Франціи, и ей становится также извѣстно, какого препятствія къ осуществленію этой мечты онъ больше всего опасается: совершенно ему непонятной явной антипатіи Маріи-Антуанетты къ его особѣ.

Узнать слабое мѣсто мужчины для опытной женщины равнозначуще тому, чтобы держать его въ своихъ рукахъ. Въ апрѣлѣ 1784 года госпожа де-ла-Моттъ начинаетъ изрѣдка отпускать замѣчанія насчетъ того, какъ нѣжно ей довѣряетъ «ея милая подруга» королева. Со все большей фантазійей она изобрѣтаетъ различные эпизоды, долженствующіе вызвать у наивнаго кардинала убѣжденіе въ томъ, что эта маленькая хорошенькая женщина могла бы, въ сущности, стать для него идеальной заступницей передъ королевой. Онъ откровенно сознается, что его чрезвычайно огорчаетъ отношеніе къ нему королевы не достаивающей его вотъ уже много лѣтъ даже взглядомъ, тогда какъ для него не было бы большаго счастья, чѣмъ имѣть возможность преданно ей служить. Ахъ, если бы, наконецъ, нашелся человекъ, который раскрылъ бы передъ королевой его душу, разъяснилъ бы ей истинное положеніе вещей.

Растроганная «интимная» пріятельница королевы участливо объщаетъ ему замолвить за него словечко передъ королевой, и ея заступничество имѣеть, очевидно, огромное значеніе, потому что, къ величайшему изумленію Рогана, въ маѣ она уже сообщаетъ ему, что настроеніе королевы радикально измѣнилось и въ ближайшемъ будущемъ она дастъ ему это замѣтить, правда, еще не совсѣмъ открыто: на очередномъ дворцовомъ пріемѣ она на опредѣленный манеръ тайно кивнетъ кардиналу.

Люди охотно вѣрятъ тому, во что имъ хотѣлось бы вѣрить, и охотно замѣчаютъ то, что имъ хотѣлось бы увидеть. Добродушному кардиналу дѣйствительно кажется во время ближайшаго придворнаго пріема, будто королева поклонилась ему на какой-то особый ладъ, онъ замѣчаетъ въ ея кивкѣ особый «нюансъ» и отсыпаетъ своей заступницѣ за это немало лукатовъ.

Но госпожа де-ла-Моттъ, конечно, не удовлетворена такой поверхностной разработкой найденной золотоносной жилы. Для того, чтобы приступить къ болѣе основательной ея эксплуатаціи, необходимо дать кардиналу болѣе вещественное доказательство милости королевы. Не попробовать ли показать ему ея письма? Не напрасно вѣдь въ ея распоряженіи (и постели) имѣется спеціальныи ни предъ чѣмъ не останавливающийся секретарь! И Рето, дѣйствительно, не задумываясь, изготавляетъ нѣсколько писемъ Маріи-Антуанетты къ ея подругѣ Валуа. Такъ какъ наивный кардиналъ принимаетъ эти письма за подлинныя, то не попытаться ли сдѣлать еще одинъ дальнѣйшій шагъ на избранномъ выгодномъ пути? Почему бы не инсценировать тайную переписку между Роганомъ и королевой и такимъ образомъ проникнуть поглубже въ его кошелекъ?

По совѣту госпожи де-ла-Моттъ, ослѣпленный Роганъ излагаетъ подробнѣйшимъ образомъ въ письмѣ все, что можетъ привести въ свое оправданіе, цѣлыми днями перерабатываетъ и исправляетъ эту свою защитительную рѣчь и вручаетъ ее своей воистину неопѣнимой заступницѣ. Ну развѣ она не волшебница и не интимнѣйшая подруга королевы? Вѣдь нѣсколько дней спустя она при-

носить ему письмецо небольшого формата на бѣлой бумагѣ съ золотымъ обрѣзомъ и съ французской королевской лиліей въ верхнемъ углу. Доселѣ недоступная, держащая его на почтительномъ отъ себя разстояніи гордая королева изъ Габсбургскаго дома пишетъ ранѣе презираемому ею кардиналу: «Я очень рада тому, что мнѣ не придется больше смотрѣть на васъ, какъ на провинившагося. Пока я, однако, еще не могу предоставить вамъ просимую аудіенцію. Какъ только обстоятельства измѣнятся, я васъ объ этомъ извѣщу. Держите все въ тайнѣ». Одураченная жертва едва можетъ сдержать свою радость, по совѣту де-ла-Моттъ, кардиналъ пишетъ королевѣ благодарственное письмо, получаетъ отвѣгъ, снова пишетъ и, чѣмъ больше онъ преисполняется гордости и счастья по поводу того, что попалъ въ милость Маріи-Антуанетты, тѣмъ глубже залѣзаетъ госпожа де-ла-Моттъ въ его карманъ. Наглая игра идетъ полнымъ ходомъ.

Жалко только, что одна особа, чрезвычайно важная для успѣха всего предпріятія, все еще не выразила своего согласія на участіе въ разыгрываемой комедіи: сама королева. Но безъ ея выступленія эта рискованная авантюра долго продолжаться не можетъ. Вѣдь невозможно даже самому легковѣрному человѣку постоянно внушать, что королева ему привѣтливо кивнула, тогда какъ она въ дѣйствительности отворачивается отъ этого ей ненавистнаго субъекта и никогда не даритъ его ни однимъ словомъ. Все больше становится опасность, что бѣдный дурень, наконецъ, пойметъ, въ чемъ дѣло. Необходимо придумать какой-нибудь совершенно ошеломляющій грюкъ

Такъ какъ не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы когда-нибудь дѣйствительно убѣдить королеву заговорить съ кардиналомъ, то не попробовать ли убѣдить кардинала въ томъ, что онъ говорилъ дѣйствительно съ самой королевой? Не попробовать ли, использовавъ самое подходящее для всякихъ мошенническихъ продѣлокъ ночное время и надлежащее мѣстечко, вродѣ тѣнистой аллея Версальскаго парка, свести кардинала съ двойникомъ коро-

левы, обученнаго нѣсколькимъ соотвѣтствующимъ словамъ? Ночью всѣ кошки съры, а милѣйшій кардиналъ, доведенный до послѣдней степени возбужденія и волненія, дастъ себя, надо думать, такъ же одурачить, какъ шарлатанскими манипуляціями Каліостро или письмами съ золотымъ обрѣзомъ, писанными рукой малограмотнаго секретаря.

Но гдѣ достать эту статистику, эту, какъ выражаются въ современной фильмѣ, «дублершу»? Само собой разумѣется, тамъ, гдѣ прогуливаются цѣлыми днями съ дѣловыми цѣлями покладистыя дамочки всѣхъ сортовъ и размѣровъ, стройныя и полненькія, худыя и толстыя, блондинки и брюнетки — въ саду Пале-Рояля, въ этомъ раю парижской проституціи. «Графъ» де-ла-Моттъ принимаетъ эту щекотливую обязанность на себя.

Проходитъ нѣмного времени и ему удается подыскать двойника королевы, молодую дамочку по имени Николь — впоследствии баронессу д'Олива, формально модистку по профессіи, въ дѣйствительности же занимающуюся въ значительно большей степени обслуживаніемъ мужской, чѣмъ дамской кліентуры. Уговорить ее исполнить необходимую роль не составило особенно много труда, ибо, какъ заявила госпожа де-ла-Моттъ на судѣ: «она была чрезвычайно глупа». И вотъ 11 августа уступчивую жрицу любви привозятъ въ Версаль, въ специально нанятую квартиру, и «графиня» Валуа собственноручно наряжаетъ ее въ муслиновое платье съ бѣлыми точками, въ точности скопированное съ того, которое носить королева на портретѣ работы мадамъ Виже-Лебрень. Остается только старательно надвинуть на пудренные волосы шляпу съ широкими полями, оставляющими лицо въ тѣни, и затѣмъ — смѣло въ путь съ немножко запуганной модисточкой, которой предстоитъ въ вечернихъ сумеркахъ Версальскаго парка разыгрывать въ теченіе нѣсколькихъ минутъ передъ высшимъ духовнымъ лицомъ королевства роль королевы Франціи. Самая наглая мошенническая продѣлка европейской исторіи въ полномъ ходу.

Тихо, осторожно крадется парочка достойныхъ супруговъ въ сопровожденіи переодѣтой псевдо-королевы по террасѣ Версаля. Небеса имъ благопріятствуютъ, какъ и всѣмъ вообще мошенникамъ, и луна скрывается за тучами. Они спускаются къ боскету Венеры, стоящему въ глубокой тѣни елей, кедровъ и сосенъ, гдѣ можно разобрать только контуры человѣческой фигуры. Боскетъ такимъ образомъ удивительно подходитъ для любовныхъ и особенно для столь фантастическихъ какъ эта, комедій. Маленькая проституточка начинаетъ дрожать. Въ какую авантюру завлекли ее эти чужіе господа? Охотнѣе всего она дала бы отсюда ходу... Въ страхѣ сжимаетъ она въ рукѣ розу и записочку. Ей, согласно предписанію, надлежитъ передать ихъ одному важному господину, который съ ней здѣсь заговоритъ. Но вотъ уже раздается скрипъ гравія. Появляется силуэтъ какого-то человѣка. Это Рето, секретарь, который исполняетъ роль королевскаго слуги и ведетъ за собою Рогана. Внезапно Николь ощущаетъ, какъ ее энергично выталкиваютъ впередъ, и оба сводника скрываются въ темнотѣ. Она стоитъ одна или, вѣрнѣе, уже не одна, такъ какъ ей навстрѣчу приближается, глубоко нагнувъ шляпу на лобъ, какой-то высокій и стройный господинъ. Это кардиналъ.

Какъ эготъ незнакомецъ себя странно держитъ? Онъ почтительно склоняется чуть не до самой земли и цѣлуетъ край платя ничтожной проститутки. Теперь Николь надлежало бы передать ему розу и заготовленное письмецо. Но въ своемъ смятеніи она роняетъ розу, а с письмѣ совсѣмъ забываетъ. Задыхающимся голосомъ бормочетъ она нѣсколько тщательно заученныхъ словъ:

— Вы можете считать, что все прошлое забыто.

Эти слова, повидимому, приводятъ чужого кавалера въ неописуемый восторгъ, онъ нѣсколько разъ склоняется до земли, задыхаясь отъ счастья, бормочетъ о какой-то безмѣрной всеподданнѣйшей благодарности. Бѣдная модисточка даже не понимаетъ, за что онъ ее благодаритъ. Она только смертельно боится, какъ бы ей не

пришлось еще что-нибудь сказать и тѣмъ себя выдать. Но, слава тебѣ, Господи, раздаются чьи-то торопливые шаги, и кто-то говоритъ тихимъ, взволнованнымъ голосомъ:

— Скорѣе, скорѣе уходите! Графиня Артуа уже совсемъ близко.

Пароль возымѣлъ свое дѣйствіе, — кардиналъ пугается и поспѣшно удаляется въ сопровожденіи госпожи де-ла-Моттъ, и въ то же время ея супругъ уводитъ маленькую Николь. Съ сильно бьющимся сердцемъ пробирается псевдо-королева мимо дворца, за черными окнами котораго мирно спитъ ничего не подозревающая настоящая королева.

Продѣлка въ духѣ Аристофана блестяще удалась. Теперь бѣднякъ кардиналъ получилъ такой оглушительный ударъ по черепу, который лишаетъ его всякой сообразительности. До сихъ поръ какъ-никакъ приходилось хлороформировать его подозрѣнія, вѣдь якобы имѣвшій мѣсто кивокъ головы, равно какъ и письма, были только полу-доказательствами. Теперь же, когда одураченный и впрямь думаетъ, что говорилъ съ самой королевой и изъ ея собственныхъ устъ услышалъ, что она его простила, каждое слово графини де-ла-Моттъ приобретаетъ для него значеніе евангельской истины. Теперь онъ пойдетъ за ней на веревочкѣ куда угодно. Нѣтъ въ этотъ вечеръ во всей Франціи челоуѣка, счастливѣе кардинала де-Рогана. Онъ уже видитъ себя въ мечтахъ премьеръ-министромъ и любимцемъ королевы.

Нѣсколько дней спустя госпожа де-ла-Моттъ доставляетъ кардиналу новое доказательство расположенія къ нему королевы. Ея величество — Рогану вѣдь известна доброта королевы — желала бы подарить одной попавшей въ бѣду дворянской семьѣ пятьдесятъ тысячъ ливровъ, но въ настоящій моментъ какъ разъ не имѣетъ свободныхъ денегъ. Не согласится ли кардиналъ оказать взаимнѣе королевы это благодѣяніе несчастной

семья. Осчастливленный Рогань ни на минуту не изумляется тому, что королева, несмотря на ее грандиозные доходы, не имеет свободных денег. Всею Парижу ведь известно, что она кругомъ въ долгахъ. Онъ немедленно приглашаетъ къ себѣ одного еврея по имени Серфъ-Бееръ, получаетъ у него займы пятьдесятъ тысячъ ливровъ и два дня спустя выкладываетъ ихъ на столъ госпожѣ де-ла-Моттъ. Теперь-то шнурокъ, за который можно дергать этого паяца, у нея въ рукахъ. Черезъ три мѣсяца она тянетъ за него еще сильнѣе. Королевѣ снова необходимы деньги. И Рогань услужливо закладываетъ мебель и серебро, чтобы выручить свою покровительницу.

Для графини и графа де-ла-Моттъ наступаютъ чудные дни. Кардиналъ сидитъ далеко, въ Эльзасѣ по его золото весело звенитъ въ ихъ карманахъ. Теперь имъ не о чемъ больше заботиться, они пашли дурня, который за все будетъ платить. Отъ времени до времени они будутъ ему посылать отъ имени королевы письма, а онъ станетъ раскопеливаться. А пока живи во всю и не думай о завтрашнемъ днѣ! Въ эту эпоху не только владѣтельные особы и кардиналы, но и жулики легкомысленны. Торопливо приобрѣтается въ Баръ-сюръ-Объ вилла съ роскошнымъ садомъ и богатыми службами, ѣдятъ на золотѣ пьютъ изъ хрустальныхъ бокаловъ, играютъ и музицируютъ, представители высшаго свѣта добиваются чести быть принятыми у графини де-ла Моттъ. Какъ прекрасенъ мѣръ, въ которомъ существуютъ такіе наивные пижоны!

Случай играетъ въ руку госпожи де-ла-Моттъ. На одномъ изъ ея пріемовъ кто-то рассказываетъ о тяжеломъ финансовомъ положеніи придворныхъ ювелировъ Бомера и Бассанжа. Они, дескать, вложили всѣ свои наличныя деньги и даже залѣзли въ крупные долги для того, чтобы приобрѣсти роскошнѣйшее въ мѣръ бриллиантовое ожерелье. Оно, собственно говоря, предназначалось для мадамъ Дюбарри, и она несомнѣнно купила бы его, если бы оспа не унесла Людовика XV. Ювелиры

предлагали уже это ожерелье испанскому двору и три раза Мари-Антуанеттѣ, которая вѣдь такъ обожаетъ драгоценности и обычно покупаетъ, не справляясь о цѣнѣ. Но Людовикъ XVI съ его бережливостью не хочетъ выложить необходимыя деньги — одинъ миллионъ шестьсотъ тысячъ ливровъ. Теперь вода уже дошла ювелирамъ до горла, проценты съѣдаютъ чудные брилліанты, и имъ, должно быть, придется разобрать замѣчательное кольцо на части и потерять, такимъ образомъ, большую часть своего состоянія. Не можетъ ли графиня Валуа, которая вѣдь такъ дружна съ королевой, уговорить свою подругу купить это ожерелье, разумѣется, въ разсрочку и на выгоднѣйшихъ условіяхъ. Она могла бы при этомъ заработать хорошій кушъ. Госпожа де-ла-Моттъ, озабоченная тѣмъ, чтобы поддержать легенду о ея вліяніи на королеву, великодушно обѣщаетъ свое содѣйствіе, и 29 декабря оба ювелира приносятъ къ ней, чтобы показать, ларецъ съ драгоценнымъ ожерельемъ.

Боже, что за зрѣлище! У госпожи де-ла-Моттъ начинается сердцебіеніе. Ей приходитъ въ голову мысль не менѣ блестящая. чѣмъ эти брилліанты: нельзя ли убѣдить архи-олуха кардинала тайно купить это ожерелье для королевы? Какъ только Роганъ пріѣзжаетъ изъ Эльзаса, де-ла-Моттъ за него принимается. Ему де улыбается новая милость. Королева желала бы, — разумѣется, безъ вѣдома своего супруга, — пріобрѣсти одно драгоценное украшеніе, и ей нуженъ для этой цѣли внушающій полное довѣріе посредникъ. На эту тайную и почетную роль она, въ знакъ своего довѣрія, намѣтила де-Рогана.

Нѣсколько дней спустя де-ла-Моттъ уже можетъ съ триумфомъ сообщить осласливленному Бемеру, что ей удалось найти покупателя на ожерелье: кардинала де-Рогана. 29 января во дворцѣ кардинала совершается продажа: миллионъ шестьсотъ тысячъ имѣютъ быть уплочены въ четыре срока, по четыреста тысячъ каждый шесть мѣсяцевъ. Ожерелье должно быть сдано 1 февраля, и первый платежъ долженъ послѣдовать

1 августа 1785 года. Кардиналь собственной рукой парафируетъ договоръ и вручаетъ его де-ла-Моттъ для передачи ея «подругѣ»-королевѣ. 30 января обманщица возвращаетъ договоръ и сообщаетъ, что королева согласна на эти условія.

Но тутъ столь до сей поры покладистый кардиналь начинаетъ «капризничать». Какъ-никакъ, а дѣло идетъ о милліонѣ шестистахъ тысячахъ ливровъ, это же не фунтъ изюму, даже для такого расточительнаго человѣка, какъ онъ! Принимая на себя гарантію въ уплатѣ такой громадной суммы, онъ хотѣлъ бы имѣть въ рукахъ хоть какое-нибудь подобіе долгового обязательства, хоть какой-нибудь документъ за подписью королевы.

Что-нибудь на бумагѣ? Пожалуйста! Зачѣмъ же у нея имѣется секретарь? На слѣдующій же день де-ла-Моттъ приноситъ снова договоръ, и на немъ имѣется сбоку каждаго параграфа сдѣланная «собственною рукою» королевы помѣтка: «утверждаю», а въ концѣ договора «собственноручная» подпись: «Марія-Антуанетта Французская». Будь у этого члена Французской Академіи и бывшаго посланника хоть немного мозговъ въ головѣ, онъ сейчасъ же долженъ былъ бы вспомнить, что во Франціи королева подписываетъ договоры только своимъ именемъ, и что подпись „Marie Antoinette de France“ сразу обнаруживаетъ не только очевидную, но даже неловкую, малограмотную поддѣлку. Но какъ же можетъ онъ сомнѣваться, разъ королева своей персоной принимала его тайкомъ въ боскетѣ Венеры? Онъ клянется всѣмъ святымъ мошенницѣ въ томъ, что никогда не выпуститъ изъ своихъ рукъ этого документа и никому его не покажетъ.

На слѣдующее утро, 1 февраля, ювелиръ приноситъ ожерелье кардиналу, а тотъ вечеромъ собственноручно передаетъ его де-ла-Моттъ, чтобы лично убѣдиться въ томъ, что оно попадетъ непосредственно къ королевѣ. Кардиналу не приходится долго дожидаться, — на лѣстницѣ уже раздаются мужскіе шаги. Госпожа де-ла-Моттъ приглашаетъ кардинала зайти въ сосѣднюю комнату, откуда онъ черезъ стеклянную дверь сможетъ

убѣдиться въ томъ, что ожерелье передается въ надежныя руки. Входитъ одѣтый въ черное молодой человѣкъ, — разумѣется, опять-таки бравый секретарь Рето — и докладываетъ о себѣ:

— По порученію ея величества королевы.

Что за удивительная женщина эта графиня де-ла Моттъ-Валуа, — думаетъ кардиналъ, — какъ деликатно и искусно она устраиваетъ дѣла своей подруги. — Со спокойной душой передаетъ онъ графинѣ ларецъ, а она вручаетъ его таинственному посланцу. Тотъ исчезаетъ съ драгоценной ношей такъ же скоро, какъ пришелъ, а вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и самое ожерелье — вплоть до Страшнаго Суда. Растроганный кардиналъ прощается съ графиней. Теперь, послѣ такой дружеской услуги съ его стороны, онъ — тайный пособникъ королевы — станетъ, должно быть, въ скорости первымъ слугой короля, премьеръ-министромъ Франціи.

Нѣсколько дней спустя въ парижской полиціи появляется какой-то еврей-ювелиръ. чтобы отъ имени ряда своихъ товарищей по профессіи пожаловаться на нѣкого Рето-де-Вильета, предлагающаго драгоценнѣйшіе брилліанты по такимъ низкимъ цѣнамъ, которыя наводятъ на мысль о томъ, что это краденые камни. Начальникъ полиціи велитъ привести къ нему Рето. Тотъ объясняетъ, что получилъ эти брилліанты для продажи отъ родственницы короля, графини де-ла-Моттъ-Валуа. Графиня Валуа — это громкое имя дѣйствуетъ на чиновника какъ слабительное, онъ немедленно отпускаетъ на свободу до смерти испуганнаго Рето. Но «графиня» сразу соображаетъ, какъ рискованно пытаться и дальше сбывать въ Парижѣ отдѣльные, выломанные изъ ожерелья камни, — они было рѣшили, не откладывая, использовать свою добычу. Она набиваетъ брилліантами карманы своего почтеннаго супруга и отправляетъ его въ Лондонъ. Вскорѣ ювелиры Нью-Бондъ-Стрита и Цикадилли диву даются по поводу огромнаго предложенія рѣдкихъ камней по дешевымъ цѣнамъ.

Ура, теперь деньги имѣются въ изобиліи, во сто кратъ больше, чѣмъ могла бы мечтать самая смѣлая мошенница. Обнаглѣвъ отъ успѣха, госпожа де-ла-Моттъ не стѣсняется щеголять своимъ новымъ богатствомъ. Приобрѣтается роскошная карета, запряженная четверкой англійскихъ рысаковъ, заводятся лакеи въ роскошныхъ ливреяхъ, негръ, съ головы до пятъ расшитый серебряными галунами, ковры, гобелены, бронза, шляпы съ перьями, постель изъ пурпурнаго бархата. Когда въ послѣдствіи достойная парочка переѣзжаетъ въ свою резиденцію Баръ-сюръ-Объ, имъ требуется не меньше сорока двухъ возовъ, чтобы перевезти всѣ наскоро закупленные вещи.

Въ Баръ-сюръ-Объ происходитъ затѣмъ незабываемое по роскоши и блеску празднество изъ тысячи и одной ночи. Впереди процессіи новаго Великаго Могода скачутъ пышные курьеры, затѣмъ слѣдуетъ англійская сѣрая лакированная карета, обитая внутри бѣлымъ сукномъ. На атласныхъ покрывалахъ, въ которыя кутаютъ свои ноги достойные супруги выпить гербъ Валуа — „Rege ab avo sanguinem, nomen et lilia“ (отъ предка — короля я имѣю кровь, имя и лилію). Бывшій жандармскій офицеръ накупилъ себѣ массу вещей — на всѣхъ пальцахъ кольца, на туфляхъ брилліантовыя пряжки, на груди три или четыре золотыхъ цѣпочки, и гардеробъ его вообще состоитъ (какъ это видно изъ судебныхъ актовъ) изъ восемнадцати новенькихъ шелковыхъ или парчевыхъ костюмовъ, украшенныхъ брюссельскими кружевами, съ золотыми чеканными пуговицами и дорогими позументами. Его супруга не уступаетъ ему въ роскоши, она вся усыпана драгоценностями, подобно индійскому идолу.

Такого богатства въ маленькомъ Баръ-сюръ-Объ никогда не видали, и вскорѣ оно оказываетъ свое магическое дѣйствіе. Вся окрестная знать стремится въ домъ де-ла-Моттовъ и принимаетъ участіе въ устраиваемыхъ ими лукулловскихъ пиршествахъ во время которыхъ толпы лакеевъ сервируютъ на серебряной посудѣ изысканнѣйшія яства, музыканты играютъ, и «графъ»,

какъ новый Крезъ, горделиво шествуетъ по роскошнымъ заламъ и пригоршнями разсыпаетъ деньги.

Тутъ исторія съ ожерельемъ припимаетъ снова такой абсурдный фантастическій характеръ, что производитъ совершенно неправдоподобное впечатлѣніе. Неужели же весь этотъ обманъ не раскроется черезъ какихъ-нибудь три, пять, восемь, наконецъ, десять недѣль? Какъ могутъ эти мошенники — задается невольно вопросомъ нормальный разумъ — такъ беззаботно и нагло выставлять напоказъ свое богатство, словно на свѣтъ совсѣмъ нѣтъ полиціи? Но расчетъ г-жи де-ла-Моттъ совершенно правиленъ. Она думаетъ: «Если бы и впрямь приключилась бѣда, то у насъ вѣдь имѣется хорошій защитникъ. И если дѣло всплыветъ наружу, то господинъ кардиналъ де-Роганъ ужъ постарается его замять. Великій духовникъ Франціи поостережется и не допуститъ огласки той исторіи, выставляющей его въ самомъ смѣшномъ видѣ. Онъ скорѣе тихонько и не моргнувъ глазомъ уплатитъ изъ собственнаго кармана за пресловутое ожерелье. Чего же беспокоиться, при наличности такого компаньона можно спокойно спать въ своей атласной постели».

И ни смѣлая госпожа де-ла-Моттъ, ни ея достойный супругъ, ни ловкій каллиграфъ Рето въ усъ себѣ не дуютъ и стараются использовать во всю тѣ проценты, которые имъ принесъ, благодаря ихъ искусству, неисчерпаемый капиталъ людской глупости.

Тѣмъ временемъ добрѣйшій кардиналъ нѣсколько удивленъ одной непонятной мелочью. Онъ думалъ, что на ближайшемъ дворцовомъ приѣмѣ увидитъ королеву уже украшенной драгоцѣннымъ ожерельемъ, быть можетъ, уже рассчитывалъ на благосклонное слово съ ея стороны или хотъ довѣрчивый кивокъ головы, на какой-нибудь незамѣтный для другихъ, но понятный ему жестъ признательности. Но ничего этого нѣтъ! Марія-Антуанетта смотритъ, какъ всегда, холодно мимо него, колье не красуется на ея бѣлой шеѣ. «Почему же королева не надѣваетъ моего ожерелья?» — освѣдомляется онъ, наконецъ, совершенно изумленный, у госпожи

де-ла-Моттъ. Плутовка никогда не лѣзетъ за словомъ въ карманъ: королевѣ непріятно носить ожерелье до тѣхъ поръ, пока оно еще не оплачено. Лишь по окончательной его оплатѣ она хочетъ удивить имъ своего мужа. Терпѣливый оселъ снова утыкается головой въ сѣно и успокаивается.

Но злополучное первое августа, срокъ для взноса первыхъ четырехсотъ тысячъ, подходит все ближе и ближе. Чтобы добиться отсрочки, мошенница придумываетъ новый трюкъ. Королева-де передумала, — рассказываетъ она, — и цѣна кажется ей все же черезчуръ высокой. Если ювелиры не уступятъ двѣсти тысячъ ливровъ, королева рѣшила вернуть ожерелье. Шельма рассчитываетъ на то, что ювелиры пустятся въ переговоры и, такимъ образомъ, удастся выиграть время. Но она заблуждается. Ювелиры, назначившіе очень высокую цѣну и ждущіе денегъ, какъ манны небесной, немедленно и безъ обиняковъ изъясняютъ свое согласіе. Бассенже набрасываетъ посланіе, въ которомъ королева извѣщается о предоставляемой ей скидкѣ и, съ согласія Рогана, Бемеръ передаетъ это посланіе королевѣ 12 іюля, въ день, когда ему предстоитъ вручить ей одну купленную ею драгоценную вещь. Вотъ текстъ этого посланія:

«Ваше величество, мы имѣемъ счастье позволить себѣ рассчитывать, что послѣднія предложенныя намъ и почтительнѣйше принятыя нами условія платежа будутъ сочтены вашимъ величествомъ за новое доказательство нашего вѣрноподданническаго подчиненія повелѣніямъ вашего величества. Мы испытываемъ безграничное удовлетвореніе при мысли, что прекраснѣйшее изъ всѣхъ существующихъ брилліантовыхъ украшеній можетъ служить возвышеннѣйшей и лучшей изъ королевъ».

Посланіе это, по витіеватости выражений, на первый взглядъ не можетъ не показаться совершенно непонятнымъ для непосвященнаго человѣка. Но все же, если бы королева прочла его немножко внимательнѣе и призадумалась надъ нимъ, то она должна была бы съ

удивленіемъ спросить: какія условія платежа? какое брилліантовое украшеніе? Но, какъ это подтверждается сотнями другихъ случаевъ. Марія-Антуанетта вообще рѣдко прочитываетъ со вниманіемъ до конца что бы то ни было, писаное или печатное, ей это слишкомъ скучно, а серьезно призадумываться было вообще не въ ея нравѣ.

Она вскрываетъ письмо ювелировъ лишь послѣ того, какъ Бемеръ уже удалился. Такъ какъ она, не имѣя ни малѣйшаго представленія о всемъ происшедшемъ, не понимаетъ смысла этихъ витіевато - почтительныхъ строкъ, она приказываетъ своей камеръ-фрейлинѣ вернуть Бемера. Но ювелиръ, къ сожалѣнію, уже покинулъ дворецъ. Ладно, какъ-нибудь уже выяснится, что имѣеть въ виду этотъ дурень, Бемеръ. Оставимъ это до слѣдующаго раза, — думаетъ королева и бросаетъ письмо въ огонь.

Это уничтоженіе письма, это пренебреженіе дальнѣйшимъ разслѣдованіемъ кажется, какъ, впрочемъ, и все въ этомъ дѣлѣ съ ожерельемъ, на первый взглядъ неправдоподобнымъ, и даже такіе добросовѣстные историки, какъ Луи Бланъ, усматриваютъ въ немъ косвенную улику того, что королева была нѣсколько освѣдомлена о всей этой темной махинаціи. Въ дѣйствительности же это торопливое сожженіе письма не является ничѣмъ удивительнымъ у женщины, которая всю свою жизнь немедленно уничтожала всякую адресованную ей строчку изъ опасенія передъ собственной небрежностью и шпіонажемъ двора. Даже послѣ штурма на Тюльерійскій дворецъ въ письменномъ столѣ королевы не найдено было ни одного адресованнаго ей письменнаго документа. Но тотъ образъ дѣйствій, который диктовался обычно королевѣ соображеніями осторожности, оказался въ данномъ случаѣ неосторожнымъ.

Итакъ, благодаря цѣлой цѣпи совпадающихъ случайностей, обманъ пока все еще не обнаруживается. Но первое августа приближается, и тутъ ужъ никакіе фокусы не помогутъ, ибо Бемеръ хочетъ во что бы то ни стало получить свои деньги. Госпожа де-ла-Моттъ пу-

скается еще на послѣднее отчаянное средство, она раскрываетъ передъ ювелиромъ свои карты и нагло заявляетъ имъ:

— Вы обмануты. Гарантійная подпись на договорѣ съ кардиналомъ подложна. Но кардиналъ очень богатъ, онъ и самъ можетъ уплатить.

Этимъ маневромъ она рассчитываетъ отвести ударъ, она надѣется — въ сущности, довольно логично — что ювелиры въ гнѣвѣ побѣгутъ сейчасъ же къ кардиналу, доведутъ обо всемъ до его свѣдѣнiя, а тотъ, изъ опасенiя сдѣлаться навсегда посмѣшищемъ двора и всего общества, будетъ стыдливо держать языкъ за зубами и предпочтетъ уплатить милліонъ шестьсотъ тысячъ изъ своего кармана. Но Бемеръ и Бассанжъ не руководствуются логикой или психологiей, а только дрожать за свои деньги. Они не хотятъ имѣть никакихъ дѣлъ съ увязшимъ въ долгахъ кардиналомъ. Королева — они оба еще того мнѣнiя, что Марiя-Антуанетта сама замѣшана въ эту исторiю, — вѣдь оставила же она безъ отвѣта ихъ письмо — является для нихъ болѣе платежеспособнымъ должникомъ, нежели этотъ вѣтрогонъ принцъ де-Роганъ. А кромѣ того, въ самомъ худшемъ случаѣ, — такъ думаютъ они — опять-таки заблуждаясь — самое ожерелье, этотъ драгоценный залогъ, находится вѣдь въ рукахъ королевы.

Теперь насталъ моментъ, когда эта дурацкая струна натянута до предѣльнаго напряженiя. Когда Бемеръ появляется въ Версалѣ и проситъ аудiенціи у королевы, вся эта Вавилонская башня лжи и взаимнаго обманыванiя рушится съ трескомъ. Спустя минуту и ювелиры и королева знаютъ, что они имѣютъ дѣло съ постыднѣйшимъ обманомъ. Но только судебный процессъ обнаружитъ, кто былъ обманщикомъ.

Всѣми документами и свидѣтельскими показанiями этого запутаннѣйшаго изъ всѣхъ судебныхъ процессовъ неопровержимо доказано лишь одно: Марiя-Антуанетта не имѣла ни малѣйшаго представленiя о той подлой игрѣ ея именемъ, ея личностью и ея честью, которая имѣла

мѣсто въ этомъ дѣлѣ. Съ чисто юридической точки зрѣнія она была такъ невинна, какъ это только возможно, являлась исключительно жертвой и ни въ малѣйшей степени соучастницей этой величайшей въ міровой исторіи мошеннической продѣлки. Она никогда не принимала кардинала, она абсолютно не знала мошенницы де-ла-Моттъ, она никогда не держала въ рукахъ ни одного камня этого злосчастнаго ожерелья. Только сознательные клеветники, только злоумышленные ненавистники Маріа-Антуанетты могли утверждать, будто она дѣйствовала въ какомъ-то согласіи съ этой авантюристкой де-ла-Моттъ, съ этимъ глуповатымъ кардиналомъ.

Снова и снова приходится подчеркнуть, что абсолютно ничего не подозрѣвавшая королева была втянута въ эту злостную и безчестную аферу цѣлой бандой жуликовъ, поддѣльвателей, воровъ и дураковъ. Но съ моральной точки зрѣнія Марію-Антуанетту нельзя считать совершенно невиновной. Планъ всего этого колоссальнаго обмана могъ вѣдь возникнуть только потому, что обманщики строили свой успѣхъ на дурной репутаціи королевы, а обманутые заранѣе вѣрили въ возможность всякихъ необдуманыхъ поступковъ съ ея стороны. Безъ долгодѣтней легкомысленной Трианонской эпопеи эта комедія лжи была бы лишена всякихъ предпосылокъ. По отношенію къ подлинной повелительницѣ, напрімѣръ, Маріи-Терезіи, ни одинъ здравомыслящій человекъ не допустилъ бы возможности тайной корреспонденціи за спиной мужа или рандеву въ темномъ боскетѣ дворцоваго парка. Никогда ни Роганъ, ни оба ювелира не попались бы въ грубую, разставленную имъ ловушку, будто королева нуждается въ деньгахъ и хотѣла бы за спиной и безъ вѣдома своего мужа купить въ разсрочку драгоценное ожерелье. Если бы уже до того въ Версалѣ не шушукались о неоплаченныхъ долгахъ королевы, объ обмѣниваемыхъ ею драгоценностяхъ, о ночныхъ прогулкахъ по парку. Никогда не удалось бы де-ла-Моттъ возвести это зданіе лжи, если бы легкомысліе королевы не послужило для него краеугольнымъ камнемъ, а ея дурная репутація не служила точкой опоры.

Нельзя не повторить въ заключеніе еще разъ: во всѣмъ фантастическимъ продѣлкамъ пресловутой аферы съ ожерельемъ Марія-Антуанетта не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія, она въ нихъ абсолютно неповинна. Но то обстоятельство, что такой обманъ могъ вообще быть затѣянъ подъ прикрытіемъ ея имени, было и остается ея исторической виной.

Процессъ и приговоръ

Марія-Антуанетта впервые утратила свою самоувѣренность. Въ то время какъ раньше она презрительно пропускала мимо ушей всѣ сплетни и клеветы, она въ данномъ случаѣ ищетъ защиты у той инстанціи, которой до сихъ поръ пренебрегала: у общественнаго мнѣнія. На протяженіи многихъ лѣтъ она притворялась, будто не слышитъ жужжанія ядовитыхъ стрѣлъ. Настаивая теперь внезапно, въ припадкѣ полуистерическаго гнѣва, на открытомъ разбирательствѣ судомъ дѣла объ ожерельѣ, она обнаруживаетъ, какъ долго и сильно страдала въ дѣйствительности, ея гордость. Пусть же теперь этотъ кардиналъ де-Роганъ, больше всѣхъ уязвившій ея самолюбіе, примѣрно поплатится за всѣхъ.

Роковымъ образомъ она одна вообще все еще вѣритъ въ враждебные замыслы этого бѣднаго дурня. Даже братъ ея Іосифъ недовѣрчиво покачиваетъ головой, когда Марія-Антуанетта изображаетъ ему кардинала, какъ главнаго и закоренѣлаго преступника. Еще меньше вѣритъ въ виновность де-Рогана Версаль, и вскорѣ начинаютъ толки, что путемъ этого грубаго ареста королева только хотѣла избавиться отъ неудобнаго сообщника. Внутренняя матерью пенависть завела Марію-Антуанетту слишкомъ далеко и побудила ее къ необдуманнѣмъ дѣйствіямъ. Вслѣдствіе слишкомъ рѣзкаго, недовкаго движенія съ плечъ ея соскальзываетъ прикрывавшая ее горностаевая мантія, и она становится досягаемой для всеобщей ненависти.

Теперь-то, наконецъ, всѣ тайные враги Маріи-Антуанетты могутъ объединиться вокругъ общаго дѣла. Она слишкомъ неосторожно наступила на цѣлое змѣиное гнѣздо оскорбленныхъ тщеславій. Кардиналь Луи де-Роганъ — какъ могла она это забыть! — является носителемъ одного изъ древнѣйшихъ и славнѣйшихъ именъ Франціи и кровно связанъ съ другими феодальными родами, какъ-то съ Субизами, Марсанами, Конде. Всѣ эти семьи чувствуютъ себя, разумѣется, смертельно оскорбленными тѣмъ обстоятельствомъ, что одинъ изъ ихъ среды арестованъ во дворцѣ короля, какъ какой-нибудь обыкновенный карманный воришка. Возмущено и все высшее духовенство. Слыханное-ли дѣло: какой-то грубый вояка арестовываетъ кардинала, его святѣйшество, въ полномъ церковномъ облаченіи, за нѣсколько минутъ до того, какъ онъ долженъ служить обѣдню предъ лицомъ Всевышняго!

Какъ дворянство, такъ и духовенство считаютъ, что самыя сословія ихъ какъ таковыя поруганы и отправляютъ жалобы въ Римъ. Мощная группа массоновъ тоже рѣшительно выступаетъ на арену, такъ какъ въ Бастилію заточили не только ихъ покровителя кардинала Рогана, но и самого бога безбожниковъ, ихъ главу, великаго мастера Калиостро. Наконецъ-то имъ предоставляется случай нанести нѣсколько ударовъ трону и алтарю.

Зато простой народъ, стоящій обычно вдали отъ празднествъ и пикантныхъ скандаловъ придворнаго свѣта, въ полномъ восторгѣ отъ всего этого дѣла. Наконецъ-то и на его долю выпало грандіозное зрѣлище: настоящій кардиналь на скамьѣ подсудимыхъ, а въ пурпурной тѣни его мантии цѣлое образцовое собраніе мошенниковъ, жуликовъ, обманщиковъ, поддѣльвателей и въ глубинѣ — это главная прелесть! — гордая, высокомерная австріячка!

Для рыцарей пера и карандаша, сочинителей памфлетовъ, каррикатуристовъ, продавцовъ газетъ нельзя даже придумать болѣе занятнаго сюжета, чѣмъ этотъ скандалъ съ «красавцемъ - кардиналомъ». Даже полетъ Монгольфьера, завоевывающаго для всего человѣчества

совсѣмъ новую сферу, не произвелъ ни въ Парижѣ, ни въ цѣломъ свѣтѣ такого фурора, какъ этотъ процессъ королевы, постепенно превращающійся въ процессъ противъ королевы. Такъ какъ по закону защитительныя рѣчи могутъ еще до судебного засѣданія появиться безъ цензуры въ печати, книжныя лавки просто берутся съ бою, такъ что требуется даже вмѣшательство полиціи. Безсмертныя произведенія Вольтера, Руссо и Бомарше не вышли на протяженіи десятилѣтій въ такомъ количествѣ изданій, какъ эти защитительныя рѣчи на протяженіи одной недѣли. Десятки тысячъ еще пахнущихъ свѣжей типографской краской экземпляровъ рвутъ у газетчиковъ прямо изъ рукъ. Въ иностранныхъ посольствахъ цѣлыми днями шнуруютъ пакеты, чтобы доставить безъ промедленія любопытнымъ иноземнымъ властителямъ новѣйшіе памфлеты о послѣднемъ версальскомъ придворномъ скандалѣ. Всѣ хотятъ все прочесть, недѣлями разговоры вращаются только вокругъ одной темы, самыя нелѣпыя предположенія принимаются на вѣру.

Ко дню самого процесса въ Парижъ съѣзжаются изъ провинціи караваны дворянъ, буржуа, адвокатовъ. Въ самомъ городѣ ремесленники и купцы часами оставляютъ свои лавки безъ призора. Народный инстинктъ чувствуетъ, что здѣсь рѣчь идетъ не только о судебномъ разбирательствѣ по поводу одного отдѣльнаго проступка, но что при распутываніи этого грязнаго клубка развернутся всѣ нити, ведущія въ Версаль: злоупотребленіе „lettres de cachet“ — этими произвольными приказами объ арестѣ, расточительство двора, неумѣлое распоряженіе государственными финансами, все это сможетъ быть затронуто, вся нація сможетъ впервые заглянуть черезъ случайно образовавшуюся въ оградѣ трещину въ тайный, недоступный ей міръ. Въ этомъ процессѣ дѣло идетъ больше, чѣмъ объ ожерельѣ, дѣло идетъ о существующей правительственной системѣ, ибо обвиненіе, если его искусно отразить, обрушится рикошетомъ на весь правящій классъ, на королеву и вмѣстѣ съ ней на королевскій режимъ вообще. Сколько грязи на епископ-

скомъ посохъ и королевскомъ скипетръ! Какой триумфъ для идей свободы!

Королева и не подозрѣваетъ, къ сколь пагубнымъ послѣдствіямъ приведетъ одинъ ея необдуманнѣйшій скороспѣлый жестъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда зданіе сгнило и давно подточено, оно можетъ рухнуть вслѣдствіе того, что изъ его стѣны вырванъ одинъ гвоздь.

На судѣ таинственный ящикъ пандоры вскрывается съ чрезвычайной осторожностью. Отъ его содержанія распространяется не слишкомъ благоуханный ароматъ. Чрезвычайно благопріятнымъ для воровки обстоятельствомъ является тотъ фактъ, что ея достойному супругу де-ла-Мотту удалось бѣжать въ Лондонъ съ остатками ожерелья. Фактической улики нѣтъ на лицо, и каждый изъ подсудимыхъ можетъ сваливать на другого какъ воровство, такъ даже и самый незримый объектъ его, а вмѣстѣ съ тѣмъ намекать, что ожерелье, быть можетъ, и теперь еще находится въ рукахъ королевы.

Госпожа де-ла-Моттъ, чуя, что знатные господа будутъ сводить свои счеты на ея спинѣ, обвиняетъ въ кражѣ и запутываетъ въ этотъ процессъ ни въ чемъ неповиннаго Каліостро, желая такимъ образомъ выставить Рогана въ смѣшномъ свѣтѣ и отвлечь подозрѣнія отъ себя. Она не отступаетъ ни передъ чѣмъ, не останавливается ни передъ какимъ средствомъ. Свое внезапное богатство она нагло и безстыдно объясняетъ тѣмъ, будто была любовницей кардинала, — а всѣмъ вѣдь извѣстна щедрость этого галантнаго священнослужителя! Положеніе кардинала становится довольно щекотливымъ, но тутъ удается, наконецъ, поймать Рето и «баронессу д'Олива», маленькую модисточку, и благодаря ихъ показаніямъ все дѣло разъясняется.

Только мимо одного имени и нападеніе, и защита боязливо проскальзываютъ, — мимо имени королевы. Каждый изъ обвиняемыхъ остерегается хоть чѣмъ-нибудь набросить тѣнь вины на Марію-Антуанетту, даже де-ла-Моттъ (впослѣдствіи она заговоритъ иначе) от-

вергаеть, какъ преступное кощунство, самую мысль о томъ, что королева получила ожерелье. Но какъ разъ то обстоятельство, что всѣ они словно по уговору говорятъ о королевѣ столь почтительно и съ такими расшаркиваніями, производитъ на недовѣрчивое общественное мнѣніе обратное впечатлѣніе. Все большее распространение получаетъ слухъ о томъ, что всѣмъ данъ пароль «щадить» королеву. Поговариваютъ о томъ, что кардиналъ великодушно согласился взять всю вину на себя. А тѣ письма, которыя онъ столь поспѣшно и тайнственно сжегъ — были ли они дѣйствительно поддѣльными? Нѣтъ ли все же въ этомъ дѣлѣ чего-то — чего именно никто сказать не можетъ — какъ никакъ, хоть чуточку компрометирующаго королеву? То обстоятельство, что дѣло полностью разъяснено, не имѣетъ никакого значенія. Именно потому, что на судѣ имя Маріи-Антуанетты даже не произносится, она незримо оказывается на скамьѣ подсудимыхъ.

31 мая долженъ, наконецъ, быть вынесенъ приговоръ. Съ пяти часовъ утра передъ дворцомъ правосудія скапливаются необозримыя толпы народа, на лѣвомъ берегу Сены для нихъ не хватаетъ мѣста, множество любопытныхъ заполняютъ новый мостъ и правый берегъ. Кѣнная полиція съ трудомъ поддерживаетъ порядокъ. Уже на пути въ зданіе суда шестьдесятъ четыре судьи понимаютъ по тѣмъ взволнованнымъ взорамъ, которые на нихъ бросаютъ, по страстнымъ выкрикамъ толпы, что приговоръ имѣетъ огромное значеніе для всей Франціи. Но самое внушительное предостереженіе ждетъ ихъ въ вестибюлѣ зала совѣщаній. Тамъ собрались въ траурныхъ одеждахъ девятнадцать представителей рода Рогановъ, Субизовъ и Лотринговъ. Они выстраиваются шпалерами при появленіи судей и низко кланяются имъ при проходѣ. Никто не произноситъ ни слова, никто не выступаетъ впередъ. Ихъ одежда, ихъ манера держать себя говорятъ за нихъ краснорѣчивѣе словъ. И эта нѣмая мольба о томъ, чтобы судъ своимъ приговоромъ вернулъ семьѣ Рогановъ ея честь, произ-

водитъ огромное впечатлѣніе на судей, принадлежащихъ въ своемъ большинствѣ къ высшей французской знати. Прежде чѣмъ приступить къ совѣщанію они знаютъ, что и дворянство, и народъ, вся страна ждутъ оправдательнаго приговора для кардинала.

И все-же совѣщаніе длится шестнадцать часовъ, съ шести часовъ утра до десяти часовъ вечера вынуждены ждать Роганы и десятки тысячъ народа, собравшагося на улицахъ. Ибо судьи должны вынести чреватое послѣдствіями рѣшеніе. Въ отношеніи обманщицы де-ла-Моттъ и ея сообщниковъ приговоръ, въ сущности, напередъ вынесенъ, какъ и въ отношеніи маленькой модисточки, которую они давно рѣшили выпустить на свободу. Въ сущности дѣло идетъ исключительно о кардиналѣ. Всѣ согласны въ томъ, что его слѣдуетъ оправдать, ибо доказано, что онъ является не обманщикомъ, а жертвой обмана. Разногласіе существуетъ лишь по вопросу о формѣ оправдательнаго приговора, ибо эта форма имѣетъ большое политическое значеніе. Придворная партія настаиваетъ — и не безъ основанія — на томъ, чтобы наряду съ оправдательнымъ приговоромъ кардиналъ былъ подвергнутъ какой-нибудь карѣ за то, что онъ позволилъ себѣ подумать, будто королева Франціи и впрямь можетъ назначить ему тайное свиданіе въ укромномъ боскетѣ.

Представитель обвиненія требуетъ, чтобы Роганъ за свое недостаточно почтительное отношеніе къ священной персонѣ королевы принесъ открыто и торжественно извиненіе передъ всѣмъ составомъ присутствія и отказался отъ занимаемыхъ имъ должностей. Противная, настроенная противъ королевы партія настаиваетъ на полномъ прекращеніи производства. Кардиналъ былъ обманутъ, онъ ни въ чемъ не виноватъ, на него не падаетъ ни малѣйшая тѣнь. Но безоговорочное оправданіе де Рогана могло-бы быть истолковано въ чрезвычайно неблагоприятномъ для Маріи-Антуанетты смыслѣ. Вѣдь если признать, что кардиналъ, въ виду всѣмъ извѣстнаго поведенія королевы, имѣлъ основанія допустить, что она

можетъ себѣ позволить тайныя продѣлки за спиной мужа, то тѣмъ самымъ легкомысліе королевы было бы публично заклемено.

Итакъ, если отмѣтить въ приговорѣ хотя бы, что поведеніе Рогана свидѣтельствуесть о недостаткѣ почтительности по отношенію къ королевѣ, то Марія-Антуанетта получитъ извѣстное удовлетвореніе за злоупотребленіе ея именемъ, если-же оправдать Рогана безъ всякихъ оговорокъ, то тѣмъ самымъ вынесено будетъ моральное прицаніе королевѣ. Это отлично понимаютъ парламентскіе судьи, это понимаютъ обѣ партіи, это понимаетъ весь народъ, съ нетерпѣніемъ ожидающій приговора. Здѣсь рѣчь идетъ не о рѣшеніи отдѣльнаго, болѣе или менѣе важнаго казуса. Здѣсь разрѣшается не частный, а общеполитическій вопросъ о томъ, считаетъ ли еще французскій парламентъ личность королевы священной, неприкосновенной, или онъ признаетъ ее въ той же мѣрѣ подчиненной дѣйствию общихъ законовъ, какъ и личность всякаго другого гражданина. Грядущая революція впервые освѣщаетъ своимъ заревомъ окна того зданія, въ которомъ помѣщается, кромѣ парламента, и ужасная тюрьма Консьержери, откуда впоследствии повезутъ на эшафотъ Марію-Антуанетту. Въ одномъ и томъ же зданіи начинается то, что въ немъ же получитъ свое завершеніе. Въ томъ же залѣ, гдѣ сидитъ на скамьѣ подсудимыхъ де-ла-Моттъ, состоится впоследствии и судъ надъ Маріей-Антуанеттой.

Шестнадцать часовъ совѣщаются судьи, продолжается ожесточенный обмѣнъ мнѣніями и не менѣе ожесточенное столкновеніе интересовъ. Обѣ партіи, какъ королевская, такъ и антикоролевская, пустили въ ходъ всѣ средства вплоть до денежныхъ. Уже нѣсколько недѣль пытаются всякими способами оказать воздѣйствіе на парламентскихъ судей, ихъ убѣждаютъ, запугиваютъ, уговариваютъ, угрожаютъ, наконецъ, просто подкупаютъ.

Долголѣтнее безразличное отношеніе короля и королевы къ парламенту принесло свои плоды, среди судей

имѣется не мало такихъ, которые полагаютъ, что наступила пора дать хорошій урокъ самодержавію.

Двадцатью шестью голосами противъ двадцати двухъ, кардиналу выносится безоговорочный оправдательный приговоръ, а равно его другу Каліостро и маленькой модисточкѣ изъ Пале Рояля. По отношенію къ сообщникамъ де-ла-Моттъ выносится очень мягкій приговоръ, они присуждаются только къ изгнанію изъ Франціи. Самое де-ла-Моттъ приговариваютъ къ наказанію розгами, клейменію буквой V (voleuse — воровка) и пожизненному заключенію въ Сальпетріеръ.

Но и еще одной особѣ, не сидѣвшей на скамьѣ подсудимыхъ, выносится этимъ рѣшеніемъ пожизненный приговоръ, Маріи-Антуанеттѣ. Съ этого момента она отдана на моральное растерзаніе своимъ врагамъ, она беззащитна противъ ихъ клеветы и ненависти.

Толпа на улицѣ встрѣчаетъ оправдательный приговоръ восторженными криками. Ликованіе такъ велико, что звуки его доносятся до противоположнаго берега. «Да здравствуетъ парламентъ» — новый возгласъ вмѣсто привычнаго «да здравствуетъ король» — несется по всему городу. Судьи не знаютъ, куда имъ укрыться отъ народныхъ восторговъ. Ихъ обнимаютъ, забрасываютъ цвѣтами. Рыночныя торговки цѣлуютъ имъ руки. Триумфальное шествіе оправданныхъ принимаетъ характеръ грандіозной манифестаціи. Десятки тысячъ людей провожаютъ кардинала, одѣтаго снова въ пурпуръ, до стѣнъ Бастиліи, гдѣ ему еще предстоитъ провести ночь. Вплоть до зари толпятся у Бастиліи ликующія народныя массы. Съ неменьшимъ восторгомъ привѣтствуютъ Каліостро, и полиціи приходится издать особое распоряженіе, воспреещающее иллюминацію города въ его честь. Такъ чествуетъ народъ двухъ людей, которые одѣлали для Франціи только одно — нанесли смертельный ударъ престижу королевы и королевской власти вообще.

Тщетно пытается королева скрыть свое отчаяніе, этотъ ударъ хлыстомъ по лицу слишкомъ силенъ и нанесенъ слишкомъ публично. Ея фрейлина застаётъ ее

въ слезахъ, а Мерси доносить въ Вѣну, что скорбь ея «больше, чѣмъ того заслуживаетъ поводъ». Инстинктъ Маріи-Антуанетты сильнѣе сознательныхъ разсужденій, она чувствуетъ, что этого пораженія никогда уже не изгладить. Впервые съ тѣхъ поръ, какъ она стала королевой, столкнулась она съ мощью, сильнѣе ея воли.

Но окончательное рѣшеніе зависитъ еще отъ короля. Какимъ-нибудь энергичнымъ мѣропріятіемъ онъ могъ бы еще возстановить оскорбленную честь своей супруги и своевременно подавить, запугать глухо нарастающее сопротивленіе. Сильный король, рѣшительная королева должны бы разогнать столь бунтовщическій парламентъ. Такъ поступилъ бы Людовикъ XIV, а можетъ быть и Людовикъ XV. Но у Людовика XVI очень мало мужества. Онъ не рѣшается коснуться парламента, а только, желая дать хоть какое-нибудь удовлетвореніе своей женѣ, отправляетъ кардинала де Рогана въ изгнаніе и высылаетъ Каліостро изъ Франціи. Полумѣра, которая лишь раздражаетъ парламентъ, незатрагивая его непосредственно, и оскорбляетъ правосудіе, не возстанавливая чести королевы. . . . Въ своей постоянной нерѣшительности король избираетъ средній путь, всегда являющійся въ политикѣ самымъ ошибочнымъ. Король безвозвратно упустилъ случай принять исключительной важности рѣшеніе. Направленный противъ королевы приговоръ открываетъ новую эпоху.

По отношенію къ де-ла-Моттъ дворъ придерживается опять-таки роковой тактики полумѣръ. Здѣсь тоже возможны были два пути: или простить преступницу, что произвело бы самое выгодное впечатлѣніе, или наказать ее публично. Но внутренняя неувѣренность сказывается и тутъ избраніемъ промежуточнаго пути. Сначала торжественно возводится помостъ и весь народъ предвкушаетъ варварское зрѣлище публичнаго клейменія. Окна окружающихъ зданій уже сдаются въ наемъ по фантастическимъ цѣнамъ.

Въ послѣднюю минуту дворъ, однако, пугается своего собственнаго мужества. Въ пять часовъ утра, т. е.

нарочито въ такое время, когда не приходится опасаться свидѣтелей, четырнадцать палачей притаскиваютъ пронзительно кричащую и яростно отбивающуюся де-ла-Моттъ къ крыльцу дворца правосудія, гдѣ оглашаютъ приговоръ. Но тутъ приходится имѣть дѣло съ бѣшеной львицей. Истерическая женщина испускаетъ дикіе вопли, осыпаетъ короля, кардинала, парламентъ невѣроятнѣйшей бранью, ея нечеловѣческій ревъ будитъ всѣхъ мирно спящихъ сосѣдей, она кусаетъ палачей, бьетъ ихъ ногами и, въ концѣ концовъ, съ нея вынуждены сорвать платье, чтобы получить возможность приложить клеймо.

Въ тотъ моментъ, когда раскаленное желѣзо касается ея плеча, она конвульсивно скидывается кверху, обнажая на радость зрителей все свое тѣло и буква V. оказывается выжженой не на ея плечѣ, а на груди. Съ душераздирающимъ воемъ вливается она, словно разъяренный звѣрь, зубами въ животъ палача и теряетъ сознание. Обезумѣвшую волокутъ, какъ трупъ въ Сальпетриеръ, гдѣ ей предстоитъ работать всю свою жизнь въ одеждѣ изъ сѣрой дерюги и въ деревянныхъ туфляхъ, питаюсь только чернымъ хлѣбомъ и чечевицей.

Едва становятся извѣстны отдѣльныя жуткія детали этого наказанія, какъ общія симпатіи обращаются сразу въ сторону де-ла-Моттъ. Какихъ - нибудь пятьдесятъ лѣтъ до того (Казанова описываетъ это красочно въ своихъ мемуарахъ) вся французская знать вмѣстѣ съ дамами присутствовала при мучительнѣйшей казни, которой былъ подвергнутъ слабоумный Дамьенъ, поцарапавшій Людовика XV крохотнымъ перочиннымъ ножомъ. Въ продолженіе четырехъ часовъ наблюдали французскіе аристократы, какъ этого несчастнаго человѣка рвали раскаленными щипцами, обдавали кипящимъ масломъ и послѣ безконечной агоніи, во время которой его посѣдѣвшіе отъ мукъ волосы стояли дыбомъ, колесовали. То же самое свѣтское общество, нынѣ подъ вліяніемъ моды филантропически пастроенное, вдругъ проникается трогательнымъ состраданіемъ къ «невинной» де-ла-Моттъ. Дѣло въ томъ, что найдена новая и совершенно безопас-

ная форма фрондировать противъ королевы: путемъ демонстрагинаго открытаго проявленія симпатій къ «жертвѣ», къ «несчастной страдалицѣ».

Герцогъ Орлеанскій организуетъ сборъ денегъ въ пользу де-ла-Моттъ, вся знать шлетъ ей въ тюрьму подарки, изо дня въ день къ Сальпетриеру подъѣзжаютъ шикарныя коляски. Посѣщеніе наказанной воровки становится послѣднимъ крикомъ свѣтской моды. Съ изумленіемъ узнаетъ начальница тюрьмы въ одинъ прекрасный день въ одной изъ посѣтительницъ даже лучшую подругу королевы, принцессу де-Ламбаль. Приѣхала ли она по собственной инициативѣ, или же, какъ шушукуются люди, — по тайному порученію Маріи-Антуанетты? Во всякомъ случаѣ это неумѣстное состраданіе бросаетъ какую-то подозрительную тѣнь на королеву. Что означаетъ это бросающееся въ глаза участіе? — спрашиваютъ всѣ. Не грызетъ ли королеву совѣсть? Не хочетъ ли она тайкомъ сговориться со своей «жертвой»? Толки не унимаются. И когда нѣсколько недѣль спустя де-ла-Моттъ таинственнымъ образомъ удается бѣжать въ Англію — невѣдомыя руки открыли ей ночью двери тюрьмы, — весь Парижъ твердитъ, что королева спасла свою «подругу» изъ благодарности за то, что та великодушно приняла всю вину на себя и не проговори-лась на судѣ объ ея соучастіи въ дѣлѣ съ ожерельемъ.

Организація бѣгства де-ла-Моттъ была, въ дѣйствительности, коварнѣйшимъ изъ ударовъ, которые только могли нанести изъ засады враги королевѣ. Теперь не только находятъ себѣ подтвержденіе злостныя сплетни о соглашеніи, существовавшемъ между воровкой и королевой, но эта понесшая заслуженную кару мошенница можетъ разыгрывать изъ себя въ Лондонѣ обвинительницу, публиковать безнаказанно постыднѣйшія клеветы и выдумки и даже заработать снова изрядныя деньги, такъ какъ безчисленное множество лицъ во Франціи и во всей Европѣ жадно прислушиваются къ подобнымъ «разоблаченіямъ».

Немедленно по прибытіи де-ла-Моттъ въ Лондонъ одинъ изъ тамошнихъ издателей предлагаетъ ей крупную сумму. Тщетно пытается дворъ, сознавшій все пагубное значеніе этихъ клеветническихъ нападокъ, отвести ядовитыя стрѣлы. Фаворитка королевы Полиньякъ командирована въ Лондонъ, чтобы купить за двѣсти тысячъ ливровъ молчаніе воровки.. Но эта продувная бестія второй разъ обманываетъ дворъ: она беретъ деньги, но вскорѣ, безъ малѣйшаго стѣсненія, снова издаетъ, затѣмъ въ третій, четвертый разъ свои «мемуары» и каждый разъ въ новой формѣ и со все новыми сенсаціонными, измышленными добавленіями. Въ этихъ «мемуарахъ» есть все то, чего жадно ждетъ падающая на скандалы публика: весь парламентскій процессъ былъ де сплошной комедіей, бѣдную де-ла-Моттъ гнуснѣйшимъ образомъ предали. Само собою разумѣется, что ожерелье было заказано не кѣмъ инымъ, какъ самой королевой и получено ею отъ Рогана, она, де-ла-Моттъ, только изъ чувства дружбы взяла всю вину на себя, чтобы защитить честь королевы.

Беззастѣнчивая лгунья объясняетъ также публикѣ происхожденіе ея дружбы съ королевой, объясняетъ, разумѣется, на тотъ манеръ, котораго ждутъ любители клубнички: дружба эта — интимнѣйшаго, такъ сказать, постельнаго, лесбійскаго происхожденія. Большинство изъ выдумокъ де-ла-Моттъ настолько не искусно и грубо, что для всякаго непредубѣжденнаго читателя лживость ихъ совершенно очевидна. Такъ, на примѣръ, она утверждаетъ, будто Марія-Антуанетта была уже въ любовной связи съ кардиналомъ еще въ бытность его посланникомъ при вѣнскомъ дворѣ, между тѣмъ, какъ всѣмъ извѣстно, и всякій желающій можетъ это провѣрить, что когда Рогана назначили посланникомъ въ Вѣну, Марія-Антуанетта уже давно жила въ Версалѣ.

Но число желающихъ провѣрять, число непредубѣжденныхъ или благожелательно относящихся къ королевѣ читателей чрезвычайно невелико. Широкая же публика съ восторгомъ читаетъ вплетенныя де-ла-

Моттъ въ свои мемуары любовныя, пахнуція муксомъ, письма Маріи-Антуанетты къ кардиналу, и тѣмъ большее количество извращенностей приписываетъ де-ла-Моттъ королевѣ, съ тѣмъ большимъ интересомъ ждутъ читатели все новыхъ и новыхъ деталей. Пасквили слѣдуютъ за пасквилями, одинъ другого безстыднѣе, пахабнѣе и грубѣе. Скоро выходитъ въ свѣтъ «списокъ» всѣхъ тѣхъ лицъ, съ которыми королева состояла въ интимной связи. Этотъ списокъ содержитъ тридцать четыре имени лицъ обоего пола, въ немъ значатся герцоги, лакеи, актеры, братъ короля, его камердинеръ, принцесса де-Ламбаль, графиня Полиньякъ и въ заключеніе, коротко и ясно, всѣ парижскія лесбіянки, включая и подвергнутыхъ тѣлесному наказанію уличныхъ проститутокъ.

Но этими тридцатью четырьмя лицами не исчерпывается число любовныхъ партнеровъ, приписываемыхъ Маріи-Антуанеттѣ искусственно возбужденнымъ мнѣніемъ салоновъ и улицы. Если какая-нибудь женщина, будь-то королева, фильмовая дива или оперная пѣвица, становится центромъ эротической фантазіи цѣлаго города, цѣлой націи, то фантазія эта разрастается подобно лавинѣ и приписываетъ ей всевозможнѣйшіе эксцессы и извращенности, чтобы въ анонимномъ оргазмѣ и съ притворнымъ возмущеніемъ мысленно пережить вмѣстѣ съ ней всѣ эти измышленные наслажденія сладострастія. Другой пасквиль подъ названіемъ «Скандалъная жизнь Маріи-Антуанетты» повѣствуетъ о какомъ-то богатырскомъ пацдурѣ, который еще при императорскомъ австрійскомъ дворѣ удовлетворялъ ненасытный половой аппетитъ тринадцатилѣтней эрцгерцогини. Третій пасквиль подъ названіемъ «Королевская бордель» описываетъ яркими красками половую распущенность и нравы дворца съ его фаворитами и фаворитками и снабженъ въ изобиліи порнографическими гравюрами, на которыхъ изображена королева съ ея разнообразными партнерами во всевозможныхъ аретиновскихъ любовныхъ позахъ.

Все выше брызжетъ грязь, все злобѣе становятся выдумки, и каждой изъ нихъ вѣрятъ, потому что готовы вѣрить всякой безсмыслицѣ, если она касается этой «преступницы». Черезъ два-три года послѣ дѣла съ ожерельемъ Марія-Антуанетта пользуется репутаціей самой развратной, самой потерянной, самой коварной, самой деспотической женщины Франціи, а заклеянная, отпѣтая обманщица де-ла-Моттъ слыветъ невиной жертвой. И едва только разражается революція, какъ клубы пытаются доставить бѣжавшую де-ла-Моттъ въ Парижъ, чтобы еще разъ искусственно возобновить весь процессъ объ ожерельѣ, на этотъ разъ уже передъ революціоннымъ трибуналомъ и съ де-ла-Моттъ въ роли обвинительницы, а съ Маріей-Антуанеттой въ роли подсудимой. Только неожиданная смерть де-ла-Моттъ — она выбросилась въ 1791 году изъ окна въ внезапномъ припадкѣ маіи преслѣдованія — помѣшала тому, что эту преступницу не пронесли съ триумфомъ черезъ весь Парижъ и не отмѣтили особымъ декретомъ, что она «оказала неоцѣнимыя услуги революціи». Безъ этого вмѣшательства судьбы міру пришлось бы, пожалуй, быть свидѣтелемъ еще болѣе гротескной комедіи правосудія, чѣмъ пресловутый процессъ объ ожерельѣ: видѣть де-ла-Моттъ въ роли привѣтствуемой криками ликования зрительницы казни оклеветанной ею королевы.

И народъ, и королева просыпаются

Міровое значеніе процесса объ ожерельѣ заключается въ томъ, что онъ навелъ яркій лучъ рефлектора общественности на личность королевы и окна Версальскаго дворца. А въ смутныя времена опасно быть слишкомъ на виду. Для того, чтобы перейти въ наступленіе, претвориться въ дѣйствіе, недовольство — само по себѣ чисто пассивное состояніе. — всегда нуждается въ человѣческой фигурѣ, либо въ роли знаменосца идеи, либо въ качествѣ мишени для накопившагося гнѣва — биб-

лейскаго козла отпушенія. Тайнственное существо «народъ» умѣетъ мыслить только антропоморфически, исходя отъ человѣка. Его способность постиженія охватываетъ съ полной отчетливостью только образы, а не понятія. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда «народъ» чувствуетъ вину, онъ хочетъ видѣть виновнаго.

× Французскій народъ уже давно глухо ощущаетъ, что онъ является жертвой какой-то чинимой ему несправедливости. Долго онъ покорно склонялся и съ вѣрой надѣялся на лучшія времена, при вступленіи на престолъ каждаго новаго Людовика онъ снова восторженно размахивалъ флагами, неизмѣнно служилъ своему феодалу и церкви и безропотно платилъ имъ необходимыя подати; но чѣмъ ниже онъ гнулся, тѣмъ сильнѣе его давили, тѣмъ беспощаднѣе высасывали изъ него налоги. Въ богатой Франціи амбары пусты, арендаторы питаются въ самой плодородной странѣ, подъ самымъ богатнымъ небомъ Европы не хватаетъ хлѣба. Кто-нибудь долженъ же быть тому виной. Если у однихъ слишкомъ мало хлѣба, то это происходитъ, должно быть, потому, что другіе слишкомъ много жрутъ. Если одни задыхаются подъ бременемъ своихъ обязанностей, то, очевидно, потому, что другіе захватили слишкомъ много правъ. Во всей странѣ возникаетъ постепенно то глухое безпокойство, которое всегда является творческимъ предвѣстникомъ яснаго мышленія и исканія. Буржуазія, которой Вольтеръ и Руссо открыли глаза, начинаетъ самостоятельно судить, критиковать, порицать, читать, писать, обшаться другъ съ другомъ. Подчасъ уже вспыхиваютъ предшествующія крупной грозѣ зарницы, грабятъ усадьбы и раздаются угрозы по адресу феодальныхъ властителей. Надъ всей страной давно уже виситъ черной тучей недовольство.

Двѣ яркихъ молніи сверкаютъ одна за другой и освѣщаютъ народу положеніе вещей: первая — это процессъ объ ожерельѣ, вторая — это разоблаченіе Калона относительно дефицита. Такъ какъ ему мѣшаютъ провести намѣченныя реформы, а можетъ быть также изъ вражды къ двору, министръ финансовъ впервые на-

зываетъ точныя цифры. Теперь становится извѣстнымъ то, что все время замалчивалось: за двадцать лѣтъ правленія Людовика XVI надѣлали одинъ миллиардъ двѣсти пятьдесятъ миллионъ долговъ.

Весь народъ блѣднѣетъ отъ блеска этой молвіи. Истрачены одинъ миллиардъ двѣсти пятьдесятъ миллионъ — астрономическое число!.. На что и къмъ истрачены эти суммы? Процессъ объ ожерельѣ даетъ отвѣтъ. Во время этого процесса бѣдняки, работающіе словно каторжники, десять часовъ въ день за нѣсколько су, узнаютъ, что въ нѣкоторыхъ кругахъ общества полуторамилліонныя ожерелья считаются подходящими къ случаю любовными подарками, что въ то время, какъ народъ голодаетъ, другіе покупаютъ себѣ замки за десять и двадцать миллионъ. И, такъ какъ всѣ знаютъ, что король, этотъ мѣщанинъ по духу, этотъ скромный человѣкъ, не имѣетъ отношенія къ этимъ фантастическимъ тратамъ, все негодованіе обрушивается, словно водопадъ, на ослѣпительную, расточительную, легкомысленную королеву. Виновникъ государственнаго дефицита найденъ. Теперь понятно, почему бумажныя деньги становятся съ каждымъ днемъ менѣе цѣнными, почему хлѣбъ все дорожаетъ, а налоги все повышаются. Потому, что эта блудница покрыла въ своемъ Трианонѣ цѣлую комнату брилліантами, потому, что она послала своему брагу Юсифу сто миллионъ золотомъ на веденіе войны, потому, что она осыпаетъ своихъ любовниковъ и любовницъ подарками, пенсіями, должностями, концессіями. Несчастье вдругъ обрѣтаетъ свою причину, банкротство — своего виновника, а королева — новое имя. По всей Франціи изъ конца въ конецъ ее зовутъ теперь «мадамъ дефицитъ». И это имя горитъ, какъ клеймо, на ея спинѣ.

Когда королева, вскорѣ послѣ процесса объ ожерельѣ, появляется впервые въ своей ложѣ, ее встрѣчаютъ такимъ дружнымъ шиканьемъ, что она отнынѣ избѣгаетъ театра. Когда художница Виже Лебрень хочетъ выставить въ салонѣ написанный ею портретъ Маріи-

Антуанетты, выясняется, что опасность грубых выходовъ по адресу изображенной «мадамъ дефицитъ» настолько велика, что предпочитаютъ поскорѣе удалить портретъ. Въ будуарахъ, въ зеркальныхъ галереяхъ Версаля, повсюду Марія-Антуанетта ощущаетъ холодную ненависть не только за спиной, но и лицомъ къ лицу.

Въ заключеніе ей приходится пережить еще одинъ позоръ: начальникъ полиціи докладываетъ ей въ витіеватыхъ выраженіяхъ, что было бы предпочтительнѣе, если бы королева въ настоящее время не посѣщала Парижа. нельзя, молъ, поручиться за то, что ее удастся охранить отъ непріятныхъ случайностей.

Вся накопившаяся ненависть цѣлой страны обрушивается съ дикой разнузданностью на одного человѣка. И просыпаясь отъ своей беззаботности, разбуженная шпицрутенами ненависти, королева говоритъ со стономъ отчаянія послѣднимъ еще преданнымъ ей приверженцамъ:

— Чего они отъ меня хотятъ? Что я имъ сдѣлала?

Понадобился ударъ грома, чтобы спугнуть Марію-Антуанетту и вырвать ее изъ ея высокомѣрно-безразличнаго настроенія. Теперь она проснулась, теперь эта женщина доселѣ упорно чуждавшаяся добрыхъ совѣтовъ, начинаетъ соображать, что она упустила, и съ присущей ей внезапной нервной рѣшимостью она торопится наверстать утерянное и исправиться. Въ первую очередь она однимъ росчеркомъ пера сокращаетъ свой чрезмѣрно широкій образъ жизни. Мадемуазель Бертенъ получаетъ отставку, въ расходахъ на туалеты, на содержаніе конюшни, во всемъ домашнемъ бюджетѣ производятся сокращенія, дающія больше милліона экономіи въ годъ. Азартныя игры прекращаются, приостанавливается перестройка дворца Сень-Клу, а рядъ другихъ замковъ продается, уничтожается рядъ должностей и, прежде всего, синекуры ея тріанонскихъ любимцевъ.

Марія-Антуанетта впервые начинаетъ прислушиваться къ общественному мнѣнію и повиноваться ему,

а не старой власти — свѣтской модѣ. Этотъ первый опытъ во многомъ просвѣщаетъ ее насчетъ истинныхъ чувствъ ея прежнихъ друзей, которыхъ она, въ ущербъ собственной репутаціи, годами осыпала благодѣяніями. Эти эксплуататоры относятся, оказывается, чрезвычайно отрицательно къ ея реформамъ, поскольку таковыя невыгодне огражаютъ на нихъ. Одинъ изъ этихъ безсовѣстныхъ фаворитовъ открыто начинаетъ роптать, что немислимо жить въ странѣ, гдѣ нѣтъ увѣренности сохранить до завтра то, чѣмъ обладалъ вчера.

Но Марія-Антуанетта непреклонна. Съ той поры, какъ она смотритъ открытыми глазами, она многое понимаетъ лучше. Она начинаетъ отстраняться отъ рокового общества Полиньяковъ и замѣтно сближается вновь со своими старыми совѣтниками Мерси и давно оставленнымъ Вермономъ. Заднимъ числомъ она отдастъ должное бесплоднымъ увѣщаніямъ Маріи-Терезіи.

Но слишкомъ поздно. Эти роковыя слова являются теперь неизмѣннымъ отвѣтомъ на всѣ ея старанія. Приносимыя ею маленькія жертвы остаются незамѣтными въ общей сумятицѣ, ея горючивыя сбереженія являются каплями въ безбрежномъ морѣ дефицита.

Марія-Антуанетта вкусила отъ горькаго яблока познанія добра и зла, и теперь утратила свою былую увѣренность лунатика. ибо безстрашенъ лишь тотъ, кто не сознаетъ опасности. Она начинаетъ понимать, съ какой громадной отвѣтственностью сопряжено всякое выдающееся положеніе. Корона, которую она доселѣ носила съ такой легкостью, словно это модная шляпка отъ мадемуазель Бертенъ, начинаетъ ее впервые давить. Какъ робки становятся ея шаги съ тѣхъ поръ, какъ она ощущаетъ глухіе подземные вулканическіе раскаты. Ни шагу дальше, лучше повернуть назадъ. Лучше оставаться въ сторонѣ отъ всѣхъ рѣшеній, навсегда уйти отъ политики съ ея темными дѣлами, не вмѣшиваться больше въ кажущіяся столь легкими, а въ дѣйствительности столь чреватые послѣдствіями мѣропріятія.

Все поведеніе Маріи-Антуанетты радикально мѣняется. Она находившая до сихъ поръ удовольствіе только въ шумѣ и суматохѣ, ищетъ теперь покоя и тишины. Она избѣгаетъ театровъ, баловъ и маскарадовъ, она не порывается больше участвовать въ засѣданіяхъ королевскаго совѣта. Только въ кругу своихъ дѣтей она еще можетъ свободно вздохнуть. Въ эту полную дѣтскаго смѣха комнату не проникаютъ зависть и ненависть. Въ роли матери она чувствуетъ себя увѣреннѣе, чѣмъ въ роли королевы. Еще одна тайна раскрывается съ запозданіемъ разочарованной женщины: впервые мужчина настоящій близкій другъ, успокаиваетъ, осчастлиливаетъ, волнуетъ ея чувства. Теперь все могло бы принять хорошій оборотъ, надо только жить мирно и въ тѣснѣйшемъ кругу, не бросать больше вызова судьбѣ — этому таинственному противнику, мощь и коварство котораго она впервые постигла.

Но какъ разъ когда все ея существо жаждетъ покоя, барометръ эпохи показываетъ бурю. Въ тотъ моментъ, когда Марія-Антуанетта начинаетъ сознавать свои ошибки и хочетъ отступить вглубь, слѣлаться невидимой безжалостная воля судьбы голкаетъ ее впередъ на видное мѣсто, въ гущу самыхъ тревожныхъ событій исторіи.

Рѣшающее лѣто

Нація не вѣритъ больше ни объщаніямъ короля, ни его ассигнаціямъ и долговымъ обязательствамъ, она не ждетъ больше ничего ни отъ дворянскаго парламента, ни отъ собранія нотаблей. Необходимо создать хотя бы на время какой-нибудь новый авторитетъ, который сумѣлъ бы возстановить кредитъ и положить предѣлъ анархіи, такъ какъ суровая зима огрубила народные кулаки. Каждый моментъ можетъ произойти взрывъ отчаянія среди голодныхъ голпѣ, бѣжавшихъ изъ деревень и укрывшихся въ городахъ. И король, наконецъ, въ самую послѣднюю минуту рѣшается, послѣ обычнаго длительного колебанія, созвать Генеральные Штаты, явля-

ющієся вотъ уже въ теченіе двухъ вѣковъ дѣйствительнымъ представительствомъ всего народа. Для того, чтобы заранѣе лишить перевѣса первыя два сословія — дворянство и духовенство, въ рукахъ коихъ еще сосредоточены всѣ права и всѣ богатства, король, по совѣту Неккера, удваиваетъ число депутатовъ третьяго сословія. Такимъ образомъ, обѣ силы приведены въ равновѣсіе, и благодаря этому пріобрѣтаетъ рѣшающее значеніе воля монарха. Созывъ Генеральныхъ Штатовъ уменьшить отвѣтственность короля и укрѣпить его авторитетъ.

Такъ думаетъ дворъ. Но народъ думаетъ иначе. Онъ впервые чувствуетъ, что въ немъ нуждаются, и знаетъ, что короли обращаются къ своему народу за совѣтомъ только въ минуты отчаянія, а не по добротѣ сердечной. На націю возлагается исполинская задача, но вмѣстѣ съ тѣмъ ей предоставляются такія возможности, которыя не повгворяются. И народъ твердо рѣшилъ использовать эти возможности. Волны необычайнаго воодушевленія охватываютъ города и деревни, выборы превращаются въ торжества, выборныя собранія становятся средоточіемъ національно-религіознаго подъема. Урагану всегда предшествуютъ особенно яркія и красочныя зори.

Наконецъ, можно приступить къ дѣлу. Въ день открытія Генеральныхъ Штатовъ, 5-го мая 1789 года, Версаль впервые является не только резиденціей короля, но и столицей, мозгомъ, сердцемъ и душой всего государства.

Никогда еще маленькій городокъ Версаль не видѣлъ такого количества людей, какъ въ эти ясные весенніе дни 1789 года. Штатъ короля состоитъ, какъ обычно, изъ четырехъ тысячъ челоувѣкъ, около двухъ тысячъ депутатовъ прислала Франція, къ этому прибавляются несмѣтныя массы любопытныхъ изъ Парижа и сотенъ другихъ мѣстъ Франціи, желающихъ присутствовать на имѣющемъ всемірное значеніе зрѣлищѣ. За туго набитый золотомъ кошелекъ можно съ трудомъ лишь раздобыть себѣ комнату, пригоршню дукатовъ приходится платить за набитый соломой мѣшокъ, сотни лицъ не

нашедших пристанища, спятъ въ подворотняхъ, многіе еще съ ночи, не взирая на проливной дождь, выстраиваются шпалерами, чтобы только не упустить небывалаго зрѣлища. Цѣны на съѣстные припасы вырастаютъ втрое, вчетверо, наплывъ народа становится мало-помалу невыносимымъ. Уже теперь обнаруживается, какъ символъ, что въ этомъ провинціальномъ городкѣ имѣется мѣсто лишь для одного повелителя Франціи, а не для двухъ. Съ теченіемъ времени кто-нибудь долженъ будетъ уступить мѣсто другому: королевская власть Генеральнымъ Штатамъ или наоборотъ.

Первые часы посвящены не этому спору за власть, а великому примиренію короля съ народомъ. Раннимъ утромъ 4 мая звонятъ колокола: прежде чѣмъ люди приступятъ къ совѣщаніямъ, необходимо призвать Божье благословеніе на ихъ великое начинаніе. Весь Парижъ совершилъ паломничество въ Версаль, чтобы имѣть возможность повѣдать дѣтямъ и внукамъ объ этомъ днѣ, знаменующемъ начало новой эры. Изъ украшенныхъ драгоценными драпировками оконъ выглядываютъ тысячи головъ, на крышахъ висятъ, съ опасностью для жизни, цѣлыя грозди человѣческихъ тѣлъ, никто не хочетъ упустить ни одной детали процессіи.

Этотъ парадъ сословіи имѣеть, дѣйствительно, великолѣпный видъ. Въ послѣдній разъ демонстрируетъ Версальскій дворъ весь свой блескъ, чтобы наглядно доказать народу все величіе его истиннаго и прирожденнаго владыки. Въ десять часовъ утра королевская процессія выступаетъ изъ Версальскаго дворца, впереди скачутъ пажы въ своихъ огненно-красныхъ ливреяхъ за ними сокольничіе съ соколами на отвѣсно вытянутыхъ кверху рукахъ, затѣмъ съ величественной медленностью подвигается золоченая карета короля, запряженная восьмеркой кровныхъ рысаковъ, надъ головой которыхъ колышутся султаны изъ яркихъ перьевъ. По правую руку короля сидятъ его старшій братъ, на козлахъ его младшій братъ, на заднемъ сидѣніи юные герцоги

Ангулемскій, Берри и Бурбонъ. Ликующіе крики: «Да здравствуетъ король!» привѣтствуютъ эту первую карету и являются тягостной противоположностью тому ледяному молчанію, посреди котораго движется вторая карета съ королевой и принцессами. Уже въ этотъ ранній утренній часъ общественное мнѣніе проводитъ рѣзкую грань между королемъ и королевой. То же молчаніе встрѣчаетъ и слѣдующіе экипажи, въ которыхъ торжественно ѣдутъ остальные члены королевской семьи въ церковь Нотръ-Дамъ, гдѣ депутаты всѣхъ грехъ сословій, двѣ тысячи человѣкъ съ горящими свѣчами въ рукахъ, ожидаютъ дворъ, чтобы вмѣстѣ пройти процессіей по всему городу.

Кареты останавливаются передъ церковью. Король, королева и весь дворъ выходятъ, и глазамъ ихъ открывается необычное зрѣлище. Депутаты дворянства не являются собой для нихъ ничего новаго, они имъ извѣстны по придворнымъ празднествамъ и баламъ, но производятъ такое импозантное впечатлѣніе въ своихъ роскошныхъ, шитыхъ золотыми шнурами, шелковыхъ мантияхъ и въ лихо загнутыхъ, украшенныхъ бѣлыми перьями шляпахъ. Знакома двору и красочная пышность духовенства, пламенный пурпуръ кардинальскихъ мантий и фіолетовыя епископскія сутаны. Эти два сословія — первое и второе — уже на протяженіи вѣковъ преданно окружаютъ тронъ, издавна являются украшеніемъ придворныхъ празднествъ. Но что эта тамъ за темная масса въ умышленно скромныхъ, черныхъ одеждахъ съ бѣлыми жабо, кто эти чужіе люди съ ихъ обыкновенными треуголками, кто эти невѣдомые люди, еще каждый въ отдѣльности безымянный, столпившіеся плотной, темной стѣной у церкви? Какія мысли таятся въ этихъ чужихъ, ранѣе невиданныхъ головахъ со смѣлыми, ясными и даже строгими глазами?

Король и королева скользятъ взглядами по этимъ сильнымъ своей сплоченностью противникамъ, которые не склоняются передъ ними въ раболѣпныхъ поклонахъ

И не издають привѣтственныхъ кликовъ, а ждутъ въ мужественномъ молчаніи того момента, когда имъ придется на одинаковыхъ правахъ съ высококомѣрными, разряженными, привилегированными, знаменитыми представителями первыхъ двухъ сословій, приступить къ общему дѣлу обновленія. Не напоминаютъ ли они въ своихъ черныхъ одѣяніяхъ, своимъ серьезнымъ, непроницаемымъ видомъ скорѣе судей, чѣмъ совѣтчиковъ. Возможно, что уже при этой первой встрѣчѣ въ душахъ короля и королевы зашевелилось смутное предчувствіе ихъ роковой участи.

Безконечной процессіей, съ серьезными и сосредоточенными лицами, держа зажженные свѣчи въ рукахъ, шествуютъ эти двѣ тысячи человекъ отъ церкви Нотръ Дамъ до собора св. Людовика между блестящихъ шпалеръ французской и швейцарской гвардіи. Надъ ними гудятъ колокола, подлѣ нихъ трещатъ барабаны, сверкаютъ яркіе мундиры, и только пѣніе духовенства придаетъ оттѣнокъ высшей торжественности этому воинскому блеску.

Во главѣ длинной процессіи шествуютъ двумя параллельными рядами депутаты третьяго сословія — послѣдніе да будутъ первыми! — за ними депутаты дворянства и позади представители духовенства. Во время прохожденія послѣднихъ депутатовъ третьяго сословія въ толпѣ возникаетъ движеніе (не случайное), и зрители раздражаются бурными привѣтственными криками восторга. Эти восторги относятся къ герцогу Орлеанскому, отступнику двора, который изъ демагогическихъ соображеній предпочелъ примкнуть къ депутатамъ третьяго сословія, вмѣсто того, чтобы шествовать среди членовъ королевской фамиліи. Даже самого короля, идущаго позади балдахина со Святыми Дарами — ихъ несетъ архіепископъ Парижскій въ усѣянномъ брилліантами церковномъ облаченіи — не привѣтствуютъ съ такимъ ликованіемъ, какъ того человека, который открыто перешелъ отъ королевскаго авторитета на сторону націи.

Для того, чтобы еще болѣе подчеркнуть свою тайную вражду къ двору, нѣкоторые избираютъ нарочно тотъ

моментъ, когда къ нимъ приближается Марія-Антуанетта, чтобы вмѣсто возгласа: «Да здравствуетъ королева!», умышленно произнести имя ея врага и закричать:

— Да здравствуетъ герцогъ Орлеанскій!

Марія-Антуанетта смущается и блѣднѣетъ. Съ трудомъ удается ей овладѣть собой и гордо пройти до конца путь униженія. Но на слѣдующій день, при открытіи Генеральныхъ Штатовъ, ее ждетъ новое оскорбленіе. Въ то время, какъ короля, при его входѣ въ залъ, встрѣчаютъ бурными ликующими привѣтствіями, при ея появленіи не шевелятся ничьи уста, ни одна рука. Ледяное демонстративное молчаніе.

— *Voilà la victime.* — шепчетъ Мирабо на ухо своему сосѣду.

А одинъ непричастный зритель, американскій губернаторъ Моррисъ даже пытается побудить своихъ французскихъ друзей хоть какимъ-нибудь возгласомъ нарушить оскорбительный характеръ этого молчанія. Но безрезультатно. «Королева плакала, — записываетъ въ свой дневникъ этотъ сынъ свободной націи, — и ни одинъ голосъ не раздался въ ея честь. Я бы охотно поднялъ свою руку, но не имѣю здѣсь никакого права выражать свои чувства и тщетно обращался къ моимъ сосѣдямъ съ просьбой сдѣлать это.»

Три часа приходится просидѣть королевѣ Франціи, словно на скамьѣ подсудимыхъ, передъ представителями народа, и никто не обратился къ ней хоть съ какимъ-нибудь привѣтствіемъ, никто не удостоилъ ее вниманія. Лишь въ тотъ моментъ, когда она, по окончаніи безконечной рѣчи Неккера, встаетъ, чтобы вмѣстѣ съ королемъ покинуть залъ засѣданія, нѣсколько депутатовъ, изъ состраданія къ ней, собираются съ духомъ и робко кричатъ: «Да здравствуетъ королева!». Тронутая этимъ вниманіемъ королева благодаритъ поклономъ этихъ немногочисленныхъ рыцарей; и этотъ жестъ вызываетъ, наконецъ, привѣтственные клики всего зала. Но, вернувшись во дворецъ, Марія-Антуанетта не предается иллюзіямъ: слишкомъ остро чувствуетъ она разницу

между этимъ робкимъ привѣтствіемъ состраданія и тѣми восторженными порывами народной любви, которые нѣкогда согрѣвали ея тогда еще полудѣтское сердце, Она ясно сознаетъ, что осталась въ сторонѣ отъ великаго примиренія и что начинается борьба не на жизнь, а на смерть.

Безпокойное и тревожное состояніе Маріи-Антуанетты бросалось въ эти дни всѣмъ въ глаза. Когда она появляется къ открытію Генеральныхъ Штатовъ въ своемъ роскошномъ фіолетово-бѣло-серебряномъ нарядѣ, съ головой, украшенной дивнымъ страусовымъ перомъ, величественная и прекрасная, госпожа де-Сталь подмѣчаетъ въ ея манерѣ себя держать какую-то скорбь и подавленность, доселѣ чуждая этой веселой и кокетливой женщинѣ. И дѣйствительно, Марія-Антуанетта лишь огромнымъ усиліемъ воли заставила себя подняться на приготовленную для нея и короля эстраду, ея чувства и заботы въ эти дни совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ.

Она знаетъ, что въ то время, какъ ей приходится во всемъ блескѣ королевскаго величія и во исполненіе обязанностей королевы часами фигурировать передъ народомъ, ея старшій сынъ, шестилѣтній дофинъ, мучается и лежитъ при смерти въ своей маленькой кроваткѣ въ Медонѣ. Въ прошломъ году ей уже пришлось пережить горе, потерять изъ своихъ четырехъ дѣтей — одиннадцатимѣсячную принцессу Софію-Беатрису, а теперь смерть снова крадется за жертвой въ комнату ея дѣтей. Еще въ 1788 году у дофина оказались признаки предрасположенія къ рахиту. «Мой старшій сынъ внушаетъ мнѣ много заботъ, — писала она тогда своему брату Іосифу, — у него одно бедро немного выше другого, а позвонки на спинѣ нѣсколько сдвинуты и выпячены. Съ нѣкоторыхъ поръ его постоянно лихорадитъ, онъ похудѣлъ и ослабѣлъ.» Затѣмъ одно время, казалось, наступило улучшеніе, но скоро у несчастной матери не остается никакихъ надеждъ.

Торжественная процессія по поводу открытія Генеральныхъ Штатовъ, это красочное необычное зрѣлище,

было послѣднимъ развлеченіемъ бѣднаго больного мальчика: закутанный въ теплый плащъ, лежа на подушкахъ, давно уже не могущій по слабости ходить, онъ еще имѣетъ возможность полюбоваться съ балкона королевской копюшни своимъ отцомъ, матерью и всей блестящей процессіей. Мѣсяць спустя его хоронятъ. Мысль объ этой близкой, неизбѣжной смерти ея ребенка неотступно преслѣдуетъ Марію-Антуанетту всѣ эти дни, всѣ ея заботы посвящены больному.

Нѣтъ поэтому ничего нелѣпѣе постоянно подогрѣваемой легенды, будто Марія-Антуанетта въ эти недѣли мучительнѣйшихъ материнскихъ заботъ и волненій съ утра до вечера была занята какими-то коварными интригами противъ Генеральныхъ Штатовъ. Въ эти дни ея боевой духъ окончательно сломленъ переживаемымъ горемъ и перенесенной ненавистью. Лишь позднѣе, когда ей приходится совершенно одиноко бороться съ энергіей отчаянія за жизнь и королевскій санъ своего мужа и второго сына, она снова обрѣтаетъ волю къ сопротивленію. Теперь же силы ея въ конецъ подорваны.

А въ тѣ дни нужна была бы мощь Бога, а не несчастнаго растеряннаго человѣческаго существа, чтобы удержать лавину судьбы. Ибо событія несутся съ быстротой горнаго потока. Уже нѣсколько дней спустя начинается ожесточенная распря двухъ первыхъ привилегированныхъ сословій дворянства и духовенства съ третьимъ сословіемъ. Третье сословіе отдѣляется, произвольно провозглашаетъ себя Національнымъ Собраніемъ и приноситъ клятву не расходиться до тѣхъ поръ, пока не будетъ прокламирована и проведена въ жизнь конституція. Дворъ въ ужасѣ отъ этого демона-народа, котораго онъ самъ впустилъ въ свой домъ. Король, прислушиваясь къ мнѣніямъ различныхъ прошенныхъ и непрошенныхъ совѣтниковъ, считаетъ сегодня, что право третье сословіе, а завтра — что правы два первыхъ сословія. Въ тотъ моментъ, когда необходимъ максимумъ опредѣленности и рѣшительности, онъ роковымъ образомъ колеблется и склоняется то къ предложеніямъ

грубыхъ воякъ, настаивающихъ на разгонѣ этой черни силой, то къ предложеніямъ Неккера, рекомендующаго идти на уступки. Сегодня онъ запираетъ залъ засѣданій и не пускаетъ въ него депутатовъ третьяго сословія, а завтра испуганно отступаетъ передъ словами Мирабо, что Національное Собраніе уступитъ только силѣ штыковъ.

Но въ средѣ націи царитъ та же нерѣпительность, что и въ дворцовой средѣ. Черезъ ночь нѣмое доселѣ существо — народъ — обрѣло, благодаря свободѣ печати, голосъ. Сотнями брошюръ кричитъ оно о своихъ священныхъ правахъ, въ пламенныхъ газетныхъ статьяхъ даетъ оно исходъ своему долго сдерживавшемуся гнѣву. Въ Пале-Роялѣ собираются ежедневно, подъ эгидой герцога Орлеанскаго, десятки тысячъ говорящихъ, кричащихъ, агитирующихъ и безпрестанно другъ друга науськивающихъ людей. Какіе-то никому невѣдомые люди, рты коихъ были всю жизнь замкнуты, вдругъ открываютъ въ себѣ ораторскіе и писательскіе таланты, сотни праздныхъ честолюбцевъ чувствуютъ, что для нихъ насталъ подходящий моментъ, всѣ политиканствуютъ, дискутируютъ, агитируютъ и сплетничаютъ.

Послѣдующіе дни выжжены несмыаемыми, пламенными буквами на скрижаляхъ міровой исторіи. Лишь въ одной книгѣ нечего пытаться найти ихъ слѣды — въ дневникѣ ничего не подозревающаго короля. Въ дневникѣ этомъ имѣется подъ 11 іюля только слѣдующая запись: «Ничего. Отъѣздъ господина Неккера», а подъ 14 іюля, въ день взятія Бастиліи, въ день окончательнаго крушенія королевской власти, снова то же роковое, трагическое слово «ничего». Это означаетъ, что въ данный день не было охоты, не убитъ ни одинъ олень, а слѣдовательно, не произошло никакихъ выдающихся событій. Парижъ другого мнѣнія объ этомъ днѣ, который еще и понынѣ празднуется всей націей, какъ день рожденія ея свободы.

Раннимъ утромъ 12 іюля по Парижу разпочнется вѣсть объ отставкѣ Неккера. Эта искра попадаетъ въ

бочку съ порохомъ. Въ Пале-Роялѣ одинъ изъ клубныхъ друзей герцога Орлеанскаго, Камилъ Демуленъ, вскакиваетъ на кресло, размахиваетъ пистолетомъ, кричитъ, что король готовится новую Варфоломеевскую ночь и призываетъ народъ къ оружію. Во мгновеніе ока найдены символъ возстанія, кокарда, трехдвѣтное знамя республики. Спустя нѣсколько часовъ начинаются нападенія на войска, грабятъ арсеналь, возводятъ уличныя баррикады. 14 іюля двадцать тысячъ человѣкъ выступаютъ изъ Пале-Рояля противъ ненавистной всему Парижу Бастиліи, черезъ нѣсколько часовъ она взята штурмомъ и голова коменданта, пытавшагося ее защищать, оказывается на остріѣ пики: въ первый разъ засвѣтился этотъ кровавый фонарь революціи, Никто не осмѣливается больше оказывать сопротивленія стихійному взрыву народнаго гнѣва. Войска, не получившія опредѣленныхъ приказаній изъ Версаля, отступаютъ. Къ вечеру весь Парижъ украшается тысячами горящихъ свѣчей въ честь побѣды народа.

Но въ десяти миляхъ отъ этихъ міровыхъ событій — въ Версалѣ никто ничего не подозреваетъ. Неудобному министру дана отставка, теперь наступитъ миръ. Скоро можно будетъ снова отправиться на охоту, быть можетъ даже завтра. Но изъ Національнаго Собранія являются одни за другимъ гонцы: въ Парижѣ волненіе, безпорядки, грабятъ арсеналь, выступили походомъ противъ Бастиліи. Король требуетъ, чтобы ему сдѣлали докладъ, но не принимаетъ никакого рѣшенія. Въ концѣ концовъ, для чего же имѣется это Національное Собрание? Пусть оно посовѣтуетъ.

Установленный традиціей распорядокъ дня ни въ чемъ не мѣняется, какъ всегда этотъ человѣкъ, любящій свои удобства, флегматичный и не отличающійся любопытствомъ (завтра все станетъ своевременно извѣстно), ложится въ десять часовъ въ постель и засыпаетъ сладкимъ, тупымъ, непробуднымъ сномъ, который не могутъ потревожить никакія міровыя событія. Но что это за наглыя, дерзкія, анархическія времена

настали! Люди стали такъ непочтительны, что позволяютъ себѣ тревожить даже сонъ монарха.

Герцогъ Лианкуръ скачетъ на взмыленной лошади въ Версаль, чтобы доставить свѣдѣнія о парижскихъ происшествіяхъ. Ему объясняютъ, что король уже спитъ. Онъ настаиваетъ на томъ, чтобы короля разбудили. Въ концѣ концовъ его впускаютъ въ священную опочивальню. Онъ докладываетъ:

— Бастилія взята штурмомъ. Ея начальникъ убитъ. Его голову носятъ по всему городу на остриѣ пики.

— Но вѣдь это бунтъ, — испуганно бормочетъ несчастный повелитель.

Но злосчастный гонецъ съ неумолимой строгостью вноситъ поправку:

— Нѣтъ, сирѣ, это революція.

Друзья обращаются въ бѣгство

Надъ Людовикомъ XVI часто насмѣхались за то, что онъ, будучи разбуженъ 14 іюля 1783 года отъ сна неожиданной вѣстью о паденіи Бастиліи, не сразу сообразилъ все значеніе этого событія и не понялъ и того слова «революція», которое было тогда впервые произнесено. Но, какъ говоритъ Метерлинкъ въ знаменитой главѣ своей книги «Мудрость и Судьба», людямъ, умнымъ заднимъ числомъ, «легко сообразить, какъ бы надлежало поступить раньше, когда они уже знаютъ о всемъ, что произошло впоследствии».

Въ тотъ моментъ, когда раздались первые штурмовые сигналы, ни Людовикъ XVI, ни Марія-Антуанетта, несомнѣнно, не имѣли даже отдаленнаго представленія о томъ, какъ велико окажется поле разрушенія, охваченное этимъ подземнымъ толчкомъ. Но кто вообще изъ ихъ современниковъ почувалъ въ первый же моментъ, наканунѣ какихъ гигантскихъ событій они стоятъ, кто изъ тѣхъ даже, которые сами являлись зачинщиками наступившей революціи? Всѣ вожаки новаго народнаго

движенія — Мирабо, Байльи, Лафайеттъ — не соображаютъ и въ отдаленнѣйшей степени, какъ далеко за намѣченную ими цѣль заведетъ ихъ противъ ихъ же воли раскованныя ими силы, потому что въ 1789 году даже наиболѣе въ послѣдствіи яростные революціонеры — Робеспьеръ, Дантонъ, Маратъ являются еще убѣжденными монархистами. Только благодаря французской революціи, самое понятіе «революціи» получило тотъ широкій, грозный и всемірно-историческій смыслъ, въ которомъ мы имъ теперь пользуемся.

Удивительный парадоксъ: не то обстоятельство, что Людовикъ XVI не могъ понять революціи, оказалось для него роковымъ, а то, что этотъ одаренный посредственными способностями человѣкъ трогательно пытался ее понять. Людовикъ XVI всегда читалъ съ большой охотой историческія произведенія, и ничто не произвело въ свое время болѣе глубокаго впечатлѣнія на этого тогда еще робкаго мальчика, какъ то, что ему однажды представленъ былъ Давидъ Юмъ, авторъ «Исторіи Англіи», ибо эта книга была его любимѣйшей. Будучи еще дофиномъ. Людовикъ читалъ въ этой книгѣ съ особымъ интересомъ тѣ главы, въ которыхъ описывалась англійская революція и казнь короля Карла. Этотъ примѣръ подѣйствовалъ на пугливаго престолонаслѣдника, какъ грозное предостереженіе. И когда въ его собственной странѣ началось проявленіе недовольства, Людовикъ XVI полагалъ, что наилучшимъ обезпеченіемъ можетъ явиться внимательное изученіе книги Юма, чтобы на ошибкахъ своего несчастнаго предшественника заблаговременно научиться, какъ не долженъ поступать король въ случаѣ возстанія его народа. Людовикъ рѣшилъ быть уступчивымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда Карлъ былъ слишкомъ рѣзокъ и надѣялся такимъ путемъ избѣжать печальнаго конца.

Но именно это желаніе постигнуть французскую революцію по аналогіи съ другой, совершенно иного рода, стало для Людовика роковымъ. Потому что въ минуты всемірно-историческаго значенія монархъ не имѣетъ права руководствоваться при принятіи имъ рѣшеній

старыми, поблекшими рецептами, непригодными образцами и примѣрами. Только гениальная интуиція помогаетъ постичь, что является въ данный моментъ правильнымъ и спасительнымъ, только героическая активность можетъ обуздать дикій напоръ стихійныхъ силъ. Съ бурей никогда нельзя справиться путемъ свертыванія парусовъ, она продолжаетъ въ такихъ случаяхъ неистовствовать съ прежней силой, до тѣхъ поръ, пока не изживетъ, не исчерпаетъ себя и успокоится.

Въ этомъ и заключалась трагедія Людовика XVI: онъ хотѣлъ понять непостижимое, раскрывъ книгу исторіи, какъ школьный учебникъ, и спастись отъ революціи принося ей въ жертву все, что въ немъ было королевскаго. Иначе дѣйствовала Марія-Антуанетта. Она не спрашивала совѣта ни у книгъ, ни у людей. Задумываться о прошломъ или размышлять о будущемъ не было свойственно, даже въ моменты опасности, ея натурѣ. всякіе расчеты и комбинаціи не подходили къ ея импульсивному характеру. Вся ея сила заключалась только въ инстинктѣ. А этотъ инстинктъ съ перваго же момента отнесся къ революціи рѣзко отрицательно.

Рожденная въ королевскомъ дворцѣ, воспитанная въ представленіи о Божьей милости, убѣжденная въ своихъ прерогативахъ, какъ божественномъ порядкѣ, она съ самаго начала смотритъ на всѣ притязанія націи, какъ на nepозволительное возмущеніе черни. Тотъ, кто самъ претендуетъ на всю свободу и всѣ права, меньше чѣмъ кто-либо склоненъ признавать притязанія другихъ на тѣ же блага. Марія-Антуанетта не пускается ни внѣшне, ни внутренне ни въ какія дискуссіи. Подобно своему брату Іосифу, она говоритъ:

— Моя задача состоитъ исключительно въ отстаиваніи точки зрѣнія короля.

Ея мѣсто наверху, а мѣсто народа внизу. Она не хочетъ спуститься внизъ, а народъ не смѣетъ подняться наверхъ. Съ момента штурма Бастиліи и вплоть до эшафота она каждую секунду не сомнѣвалась въ своихъ правахъ. Ни на одно мгновеніе не примиряется она

внутренне съ новымъ движеніемъ, не идетъ на компромиссъ съ нимъ: революція кажется ей только евфемизмомъ возмущенія.

Но это высокомѣрно-жесткое, это непоколебимо-застывшее отношеніе Маріи-Антуанетты къ революціи не содержитъ въ себѣ (по крайней мѣрѣ, въ первое время) ни малѣйшей враждебности къ народу. Выросши въ уютной Вѣнѣ, Марія-Антуанетта смотритъ на народъ, какъ на добродушное, не совсѣмъ разумное существо, она твердо вѣритъ, что въ одинъ прекрасный день эти славные люди сами съ разочарованіемъ отвернутся отъ подстрекателей и фразеровъ и вернутся къ своимъ природеннымъ повелителямъ. Вся ея ненависть направлена поэтому противъ этихъ заговорщиковъ, науськивателей, бунтарей, клубныхъ дѣятелей, демагоговъ, ораторовъ, честолюбцевъ и атеистовъ, которые во имя запутанныхъ идеологій или изъ честолюбивыхъ соображеній хотятъ внушить славному народу какія-то претензіи къ трону и алтарю. Сборищемъ безумцевъ и негодяевъ, дураками и преступниками обзываетъ она представителей, избранныхъ двадцатью милліонами французовъ. Каждый, кто хоть часъ принадлежалъ къ этой бандѣ, для нея конченный человѣкъ, каждый, кто вообще говоритъ съ этими фанатиками реформъ, кажется ей подозрительнымъ. Ни одного слова благодарности не слышитъ отъ нея Лафайеттъ, трижды спасшій съ опасностью для собственной жизни жизнь ея мужа и дѣтей: лучше погибнуть, нежели дать этому гщеславно добивающемуся народнаго благоволенія человѣку спасти себя. Никогда, даже сидя въ тюрьмѣ, она не удостоитъ ни своихъ судей (которыхъ называетъ палачами), ни кого-либо изъ депутатовъ чести обратиться къ нимъ съ просьбой.

Со всѣмъ присущимъ ея характеру упрямствомъ она неуклонно отстраняетъ всякую возможность компромисса. Съ перваго и до послѣдняго момента смотрѣла Марія-Антуанетта на революцію только какъ на нечистую волну грязи, поднятую самыми низменными и грубыми человѣческими инстинктами. Она не поняла

общеисторической правоты, творческой воли революціи, потому что твердо рѣшила понимать и отстаивать только свои королевскія права.

Революція есть врагъ, — такова точка зрѣнія королевы. Королева есть препятствіе, — таково основное убѣжденіе революціи. Своимъ безошибочнымъ инстинктомъ народныя массы чуютъ въ королевѣ единственную противницу, съ самаго начала борьбы вся злоба обращена противъ ея особы. Людовикъ XVI не идетъ въ счетъ ни въ положительномъ, ни въ отрицательномъ смыслѣ, это извѣстно каждому деревенскому мужику, каждому ребенку на улицѣ. Этого робкаго, пугливаго человѣка можно такъ настрашать нѣсколькими ружейными выстрѣлами, что онъ согласится на всякое требованіе. На него можно напялить красный колпакъ, и онъ будетъ его покорно носить, и если ему энергично приказать, чтобы онъ кричалъ: «Долой короля, долой тирана!», онъ, какъ паяцъ, выполнитъ это приказаніе. Одна только воля защищаетъ во Франціи тронъ и его прерогативы, и этотъ «единственный, имѣющійся въ распоряженіи короля мужчина, — по выраженію Мирабо, — его супруга».

Каждый, кто за революцію, долженъ, такимъ образомъ, быть противъ королевы. Для того, чтобы ясно ее выдѣлить и отмѣтить, какъ мишень, всѣ революціонныя листки начинаютъ выставлать Людовика XVI подлиннымъ отцомъ народа, добрымъ, нравственнымъ, благороднымъ, но къ сожалѣнію, только черезчуръ слабымъ и «соблазненнымъ» человѣкомъ. Если бы все шло по волѣ этого друга челоѣчества, между королемъ и націей царилъ бы благодатный миръ. Но эта чужеземка, эта австріячка, находящаяся въ полномъ подчиненіи у своего брата, эта окруженная своими любовниками и любовницами, жаждущая власти тиранка не хочетъ единенія короля съ народомъ, она измышляетъ все новые заговоры, чтобы при помощи иностранныхъ войскъ превратить въ развалины свободолюбивый Парижъ. Путемъ адской лести увлекаетъ она въ свои сѣти офицеровъ и

убѣждаетъ ихъ направить пушки на беззащитный народъ. исполненная жажды крови подзадариваетъ она солдатъ виномъ и подарками устроить новую Варфоломеевскую ночь. Пора-бы, право открыть бѣдному, несчастному королю глаза.

Въ основѣ своей теченіе мыслей народа и королевы одинаково. Для Маріи-Антуанетты народъ хорошъ, но соблазненъ. сбитъ съ пути. Для народа король хорошъ, но ослѣпленъ и натравленъ его женой. Такимъ образомъ, борьба идетъ, въ сущности, между революціонерами и королевой. Но чѣмъ сильнѣе направленная противъ Маріи-Антуанетты ненависть, чѣмъ болѣе несправедливыми и клеветническими ругательствами осыпаютъ ее, тѣмъ больше растетъ ея упрямство. Съ тѣхъ поръ какъ всѣ стали ея врагами, ребяческое высокомеріе Маріи-Антуанетты превращается въ гордость, ея разбѣяныя силы концентрируются и сливаются въ подлинный цѣльный характеръ.

Свою новую силу Марія-Антуанетта можетъ примѣнить только въ цѣляхъ обороны; съ ядромъ на ногѣ нельзя перейти въ наступленіе. Этимъ ядромъ, этой сковывающей движенія Маріи-Антуанетты тяжестью является бѣдный нерѣшительный король. Послѣ удара, нанесеннаго ему въ правую щеку взятіемъ Бастиліи, онъ на другое утро подставляетъ лѣвую щеку. Въмѣсто того, чтобы негодовать, порицать и карать, онъ общается Национальному Собранію отозвать изъ Парижа войска и такимъ образомъ какъ бы отрекается отъ павшихъ въ его защиту. Не осмѣлившись произнести ни одного рѣзкаго слова противъ убійць начальника Бастиліи, онъ тѣмъ самымъ легализуетъ терроръ, легализуетъ возстаніе.

Въ награду за такое униженіе, Парижъ изъявляетъ готовность увѣнчать этого снисходительнаго монарха лаврами и пожаловать ему, — правда, лишь на короткое время, — титулъ «возстановителя французской свободы». У воротъ Парижа городской голова привѣтствуетъ его двусмысленными словами о націи, завоевав-

шей своего короля. Людовикъ XVI покорно принимаетъ вручаемую ему кокарду, которую народъ избралъ въ качествѣ отличительнаго значка при своемъ штурмѣ на королевскій авторитетъ. и даже не замѣчаетъ, что толпа привѣтствуетъ, въ сущности, не его, а свою собственную мощь, сдѣлавшую короля столь послушнымъ. 14-го іюля Людовикъ XVI потерялъ Бастилію, а 17-го онъ бросаетъ ей вслѣдъ еще и свое достоинство и отвѣщаетъ передъ своими противниками столь низкій поклонъ, что теряетъ съ головы корону.

Такъ какъ король принесъ требовавшуюся отъ него жертву, то и Марія-Антуанетта не можетъ отъ него отстать. Она тоже должна явить доказательство своей доброй воли и открыто отречься отъ тѣхъ, кого новый властелинъ — нація съ полнымъ основаніемъ особенно ненавидитъ: отъ своихъ пріятелей по забавамъ, Полиньяковъ и графа Артуа. Они должны навсегда покинуть Францію. Эта разлука сама по себѣ вовсе не была бы тяжела для Маріи-Антуанетты, не будь она вынужденной. Внутренне она уже давно отошла отъ своей легкомысленной компаніи. Лишь теперь, въ моментъ прощанія, воскресаютъ въ ней давно охладѣвшія дружескія чувства къ этимъ спутникамъ ея лучшихъ, беззаботнѣйшихъ лѣтъ. Они тѣшились одними съ ней развлечениями, графиня Полиньякъ дѣлила съ ней всѣ ея тайны, воспитывала ея дѣтей. Теперь она должна уѣхать.

Не ясно-ли, что предстоящее прощаніе является одновременно и прощаніемъ съ собственной, неомраченной заботами юностью? Прощайте навѣки, беззаботные часы прежней жизни; прозрачный, какъ фарфоръ, и гладкій, какъ алебастръ, міръ восемнадцатаго вѣка раздробленъ кулаками революціи; навсегда ушли легкія и нѣжныя наслажденія. Наступаетъ, быть можетъ, и великая, но грубая эпоха, мощное, но убійственное время. Серебряные куранты рококо отзвучали, умчались безоблачные Трианонскіе дни.

Глотая слезы, Марія-Антуанетта не может рѣшиться принять участіе въ проводахъ своихъ бывшихъ друзей, она не выходитъ изъ своей комнаты, такъ она боится своего собственнаго волненія. Но вечеромъ, когда уже поданы кареты для графа Артуа съ его дѣтьми, для герцога Конде, герцога Бурбонскаго, графини Полиньякъ, аббата де Вермона и министровъ, для всѣхъ тѣхъ людей, которые окружали ея молодость, Марія-Антуанетта хватается торопливо со стола листокъ бумаги и пишетъ графинѣ Полиньякъ слѣдующія трогательныя слова: «Прощайте, дорогая подруга. Это страшное слово, но такъ должно быть. Вотъ ордеръ на лошадей. У меня хватается силъ только на то, чтобы обнять васъ.»

Тихо становится вокругъ такъ сильно любившей шумъ королевы. Большое бѣгство началось. Гдѣ всѣ прежніе друзья? Всѣ исчезли подобно растаявшему снѣгу. Гдѣ всѣ эти Лозены, Эстергази, Водрейли, которые шумѣли словно ребятишки, окружающіе столъ съ подарками. гдѣ ея партнеры по карточной игрѣ, танцоры и кавалеры?

Верхомъ или въ коляскахъ покинули они переодѣтыми Версаль. На этотъ разъ переодѣвались они не на маскарадъ, а для того, чтобы народъ не могъ узнать ихъ и подвергнуть суду Линча. Каждый вечеръ выѣзжаетъ за золоченую ограду новая карета, чтобы никогда не вернуться. Все тише и пустыннѣе становится въ кажущихся чрезмѣрно большими залахъ. Нѣтъ больше ни театральныя представленія, ни баловъ, нѣтъ пышныхъ процессій и парадныхъ придворныхъ пріемовъ: только обѣды по утрамъ и затѣмъ долгія безплодныя совѣщанія въ маленькомъ кабинетѣ съ министрами, не знающими, что посовѣтовать. Версаль превратился въ Эскуріаль. Кто уменъ, тотъ отходитъ въ сторону.

Но именно теперь, когда королеву покидаютъ всѣ тѣ, которые въ глазахъ свѣта являлись ея лучшими друзьями, выступаетъ изъ темноты тотъ, кто былъ ея настоящимъ другомъ: Гансъ-Аксель фонъ Ферзепъ. До

тѣхъ поръ. пока считаться фаворитами Маріи-Антуанетты было выгодно, этотъ подлинно ее любившій человекъ робко скрывался, чтобы не набрасывать тѣни на честь любимой женщины, и тѣмъ уберечь глубочайшую тайну ихъ жизни отъ любопытства и сплетенъ. Но теперь, когда дружба къ опальной королевѣ не приносить ни выгоды, ни почета, не вызываетъ зависти, а только требуетъ мужества и безпредѣльной готовности пожертвовать собой, теперь открыто и рѣшительно становится на сторону Маріи-Антуанетты, а вмѣстѣ съ тѣмъ и выступаетъ на историческую сцену этотъ единственный любящій ее и ею любимый человекъ.

Появленіе друга

Имя и образъ Ганса-Акселя фонъ Ферзена были долго окутаны тайной. Это имя не упоминается ни въ открыто напечатанномъ спискѣ «любовниковъ» Маріи-Антуанетты, ни въ донесеніяхъ пословъ, ни въ отчетахъ современниковъ. Ферзенъ не принадлежитъ къ числу извѣстныхъ посѣтителей салона графини Полиньякъ. Нигдѣ, гдѣ свѣтло и ярко освѣщено, его высокой, строгой фигуры не видно. Благодаря своей разумной и разсчитанной сдержанности, онъ не попадаетъ на злой язычекъ придворныхъ сплетницъ, и даже исторія долго его не замѣчаетъ. И быть можетъ глубочайшая тайна жизни Маріи-Антуанетты такъ и осталась бы нераскрытой, если-бы во второй половинѣ прошлаго вѣка вдругъ не разнесся романтическій слухъ, что въ одномъ шведскомъ замкѣ хранятся за печатями цѣлые ворохи интимныхъ писемъ Маріи-Антуанетты. Сначала никто не вѣритъ этому фантастическому слуху. Однако эта секретная корреспонденція неожиданно появляется въ печати. Несмотря на то, что въ этомъ изданіи имѣются огромные пропуски и сокращенія всѣхъ интимныхъ подробностей, неизвѣстный сѣверный дворянинъ выдвигается на самое первое, привилегированное мѣсто среди всѣхъ друзей Маріи-Антуанетты. Опубликованные документы самымъ

существеннымъ образомъ мѣняютъ наше представленіе объ этой женщинѣ, считавшейся до тѣхъ поръ столь легкомысленной.

Передъ нашими взорами раскрывается большая и полная опасностей драма. идиллія на половину въ тѣни королевскаго двора, наполовину уже подъ тѣнью гильотины, одинъ изъ тѣхъ потрясающихъ и невѣроятныхъ романовъ, какіе способна сочинить только неисчерпаемая творческая фантазія исторіи. Два человѣка, беззавѣтно любящихъ другъ друга, вынуждены, въ силу лежащихъ на нихъ обязанностей и изъ соображеній осторожности тщательнѣйшимъ образомъ скрывать свою тайну. Судьба ихъ постоянно разлучаетъ, но они постоянно снова стремятся другъ къ другу, хотя и являются обитателями совершенно различныхъ, отдѣленныхъ космическими пространствами міровъ, ибо одинъ изъ этихъ людей — королева Франціи, а другой — незначительный чужеземный дворянинъ.

А на заднемъ фонѣ этой судьбы двухъ отдѣльныхъ личностей рушайся міръ, апокалиптическія времена, огненная страница исторіи. Все это особенно волнуетъ, потому что истинную картину событій приходится восстанавливать лишь постепенно, на основаніи полустертыхъ и искаженныхъ шифровъ и знаковъ.

Эта большая историческая любовная драма начинается отнюдь не помпезно, а въ совершенно соответствующемъ эпохѣ стилѣ рококо, вступленіе къ драмѣ словно списано у Фоблаза. Молодой шведъ, сынъ сенатора, наследникъ стараго знатнаго дворянскаго рода, отправляется пятнадцати лѣтъ отъ роду въ сопровожденіи домашняго наставника на три года въ путешествіе. Гансъ Аксель посѣщаетъ въ Германіи высшую школу и изучаетъ военное ремесло, штудируетъ въ Италіи медицину и музыку, наноситъ въ Женевѣ неизбѣжный по тому времени визитъ пифіи человѣческой мудрости — Вольтеру, который оказываетъ ему радушный пріемъ.

Встрѣча съ Вольтеромъ является для Ферзена какъ бы сдачей экзамена на званіе бзккалавра. Теперь восем-

надцатилѣтнему юношѣ не хватаетъ только послѣдней свѣтской шлифовки. Парижъ, умѣнье вести непринужденную бесѣду, галантныя манеры — и типичный курсъ образованія молодого дворянина XVIII вѣка сможетъ считаться законченнымъ.. Теперь этотъ образцовый кавалеръ можетъ занять постъ посланника, министра или генерала, двери высшаго свѣта передъ нимъ раскрыты. Помимо дворянскаго званія, умѣнья себя держать, извѣстнаго дѣловаго ума, крупнаго состоянія и ореола иностранца, юный фонъ Ферзенъ обладаетъ еще особымъ аккредитивомъ: онъ поразительно хорошъ собой.

Высокій, широкоплечій, съ развитой мускулатурой, онъ, какъ большинство скандинавцевъ, вообще производитъ чрезвычайно мужественное впечатлѣнiе, не будучи вмѣстѣ съ тѣмъ ни неуклюжимъ, ни массивнымъ. На портретахъ его открытое лицо съ правильными чертами, ясными, строгими глазами и обрамляющими ихъ на подобіе турецкихъ сабель дугами черныхъ бровей производитъ необычайно симпатичное впечатлѣнiе. Высокій лобъ, теплый, чувственный ротъ, который, какъ это нынѣ въ полной мѣрѣ доказано, умѣлъ такъ безупречно молчать. Уже судя по однимъ только портретамъ, становится понятнымъ, что настоящая женщина должна полюбить такого человѣка и, болѣе того, можетъ положить на него.

Ферзенъ не пользуется славой особо блестящаго собесѣдника или веселаго кавалера, но нѣсколько суховатая и доморошенная интеллигентность сочетается въ немъ съ открытымъ характеромъ и природнымъ тактомъ. Еще въ 1774 году шведскій посланникъ можетъ съ гордостью донести королю Густаву: «Изъ тѣхъ шведовъ, которые перебивали здѣсь за мое время, онъ былъ лучше всѣхъ принятъ въ большомъ свѣтѣ».

Къ тому же этотъ юный кавалеръ отнюдь не угрюмый нелюдимъ и не противникъ хорошей кухни, дамы восхваляютъ его горячее сердце подъ ледяной оболочкой, онъ не забываетъ повеселиться, усердно посѣщаетъ всѣ придворныя балы и свѣтское общество. Въ одинъ пре-

красный вечеръ, 30 января 1774 года, на оперномъ балу, мѣстѣ встрѣчи какъ всего элегантнаго, такъ и сомнительнаго свѣта, къ нему подходитъ какая-то особенно элегантно одѣтая стройная, молодая дама, съ тонкой таліей и удивительно граціозной походкой, и подъ прикрытіемъ бархатной маски заводитъ съ нимъ галантный разговоръ. Польщенный этимъ отличіемъ, Ферзепъ оживленно поддерживаеъ веселую бесѣду, находитъ свою партнершу забавной и пикантной, можетъ быть, уже строить интересные планы насчетъ предстоящей ночи. Но вдругъ ему бросается въ глаза, что постепенно вокругъ нихъ собирается много оживленно шушукających дамъ и мужчинъ, и замѣчаетъ, что онъ и его юная, замаскированная собесѣдница стали центромъ необычайнаго вниманія. Наконецъ, положеніе становится воистину щекотливымъ. Галантная, интригующая его дама снимаетъ маску — это Марія-Антуанетта. Небывалый случай въ лѣтописяхъ двора — жена французскаго пресгOLONаслѣдника, сбѣжавшая съ унылаго супружескаго ложа, отправившаяся на маскарадный балъ въ оперу и раздобывшая себѣ здѣсь чужого кавалера для болтовни. Придворныя дамы не даютъ разростись скандалу. Онъ окружаютъ экстравагантную бѣглянку и ведутъ ее обратно въ ея ложу. Но что можетъ остаться тайной въ этомъ болтливомъ Версалѣ?

Съ того вечера юный кавалеръ, отнюдь не занимающій особаго выдающагося положенія, становится желаннымъ гостемъ на версальскихъ балахъ. Возникло ли уже въ ту пору, послѣ столь многообъщающаго начала, между этими двумя молодыми людьми известное влеченіе. Этого никто не знаетъ. Во всякомъ случаѣ, вскорѣ событіе огромной важности прерываетъ этотъ несоизвѣстно невинный флиртъ — маленькая принцесса черезъ ночь становится королевой Франціи. Два дня спустя — дали ли ему на этотъ счетъ совѣтъ? — Гансъ-Аксель фопъ Ферзепъ уѣзжаетъ обратно въ Швецію.

Тѣмъ и заканчивается первый актъ. Это было только галантное вступленіе, прелюдія къ подлинной пьесѣ.

Двое восемнадцатилѣтнихъ встрѣтились и поцѣрились другъ другу. Вотъ и все. Переводя это на языкъ современности: гимназическое увлеченіе, ухаживаніе на урокъ тапцевъ. Ничего существеннаго еще не произошло, глубина чувства еще не затронута.

Второй актъ — четыре года спустя. Въ 1778 году Ферзень снова ѣдетъ во Францію. Отецъ отправилъ своего 22-лѣтняго сына на поиски богатой невѣсты, какой-нибудь дѣвицы фонъ Рейель въ Лондонѣ или мадемуазель Неккеръ, дочергъ женевского банкира, приобрѣвшей въ послѣдствіи міровую славу подъ именемъ мадамъ де Сталь. Но Аксель Фрезенъ не обнаруживаетъ особой склонности къ браку, и скоро становится понятно почему.

Едва прибывъ въ Парижъ, юный дворянинъ надѣваетъ парадный мундиръ и отправляется представляться двору. Знаютъ ли еще его тамъ? Помнить ли еще о немъ тамъ кто-нибудь? Король пренебрежительно киваетъ головой, придворные съ безразличіемъ смотрятъ на этого незначительнаго иностранца, никто не обращается къ нему съ ласковымъ словомъ. Лишь королева, какъ только она его замѣчаетъ, восклицаетъ несдержанно: — Ah, c'est une vieille connaissance!

Нѣтъ, она его не забыла, своего красиваго сѣвернаго кавалера, ея интересъ къ нему снова вспыхиваетъ. Она приглашаетъ Ферзена на свои приемы, осыпаетъ его любезностями. Какъ и въ началѣ ихъ знакомства на оперномъ балу, Марія-Антуанетта дѣлаетъ первый шагъ.

Старая игра возобновляется. Но на этотъ разъ, для королевы, которую весь дворъ стережетъ тысячами аргусовыхъ глазъ, игра уже болѣе опасна. Маріи-Антуанеттѣ надлежало бы быть теперь болѣе осторожной, она вѣдь уже не прежняя маленькая восемнадцатилѣтняя принцесса, которой по молодости лѣтъ все прощалось, а королева Франція. Но ея кровь проснулась. Наконецъ-то, послѣ семи мучительныхъ лѣтъ, ея целовкому супругу удалось выполнить свою супружескую обязанность, онъ превратилъ ее и впрямь въ жену. Но что

должна испытывать эта расцвѣтшая во всей красѣ, тонко чувствующая женщина, сравнивая своего мужа съ этимъ юнымъ, сіяющимъ Адонисомъ.

Сама того не сознавая, впервые страстно влюбившаяся Марія-Антуанетта начинаетъ проявленіемъ чрезмѣрной любезности, а еще болѣе своимъ смущеніемъ выдавать передъ посторонними чувства, питаемая ею къ Ферзену. Марія-Антуанетта вообще не умѣетъ притворяться, не умѣетъ скрывать ни свои симпатіи, ни свои антипатіи. Эта по человѣчеству симпатичная черта ея характера въ данномъ случаѣ грозитъ ей опасностью. Но Ферзенъ — шведъ, настоящій мужчина и цѣльный характеръ. У сѣверныхъ народовъ сильная романтическая склонность можетъ идти рука-объ-руку со спокойнымъ и даже трезвымъ разсудкомъ.

Онъ немедленно замѣчаетъ всю пеловкостъ создавагося положенія. Королева испытываетъ къ нему извѣстную склонность, ему это отлично извѣстно, но какъ ни велики его личныя симпатіи и даже нѣжныя чувства по отношенію къ этой очаровательной молодой женщинѣ, его честному характеру претитъ злоупотребленіе ея чувственной слабостью, и онъ не хочетъ давать поводъ къ сплетнямъ. Открытая любовная связь вызвала бы невѣроятный скандалъ, даже проявленіемъ своей плагонической склонности Марія-Антуанетта уже въ достаточной мѣрѣ себя скомпрометировала. Съ другой стороны, Ферзенъ слишкомъ юнъ и горячъ, чтобы играть роль Іосифа прекраснаго и цѣломудренно отстраняться отъ оказанной благосклонности, проявляемой очаровательной и любимой женщиной. И этотъ воистину благородный человѣкъ находитъ единственно достойный и раціональный выходъ изъ создавагося шекотливаго положенія, — онъ уѣзжаетъ въ Америку и поступаетъ тамъ въ армію адъютантомъ къ Лафайетту. Онъ разрѣзаетъ нить раньше, чѣмъ она сплелась въ трагическій узелъ, котораго не распутать.

Третій актъ — Ферзенъ вновь возвращается. Прямо изъ Бреста, гдѣ онъ послѣ четырехлѣтняго добро-

вольнаго изгнанія высаживается въ 1783 году вмѣстѣ съ вернувшимся изъ Америки вспомогательнымъ корпусомъ, онъ спѣшигъ въ Версаль. Во время своего пребыванія въ Америкѣ онъ, правда, переписывался съ королевой, но любовь гребуетъ живой близости, непосредственнаго общенія. Только бы не разлучаться больше, наконецъ, быть другъ подлѣ друга.

По желанію королевы, Ферзенъ ходатайствуетъ о назначеніи его командиромъ какого-нибудь французскаго полка. Ради какой надобности? — задаетъ себѣ вопросъ его отецъ Почему это Аксель хочетъ непременно оставаться во Франціи? Вѣдь на родилъ ему, какъ опытному солдату, отпрыску хорошаго рода и любимцу короля Густава открыты всѣ пути.

— Почему же непременно во Франціи? — раздраженно допытывается разочарованный сенаторъ.

— Для того, чтобы жениться на богатой наслѣдницѣ, на мадемуазель Неккеръ съ ея милліонами. — торпливо отвѣчаетъ Ферзенъ своему недовѣрчивому отцу.

Но въ дѣйствительности онъ и не помышляетъ ни о какой женитьбѣ, какъ явствуетъ изъ отправленнаго тогда же интимнаго письма къ сестрѣ, въ которомъ онъ открываетъ ей свою душу. «Я принялъ непреклонное рѣшеніе никогда не вступать въ бракъ. Это было бы, противоестественно. . . Той единственной женщинѣ, съ которой я хотѣлъ бы сочегаться и которая меня любить, я принадлежать не могу. Такъ я не хочу никому принадлежать».

Въ этому же времени или къ непосредственно за нимъ слѣдующимъ годамъ можетъ быть съ наибольшей вѣроятностью отнесено начало близкой тѣснѣйшей связи между Маріей-Ангуанеттой и Ферзеномъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ Ферзену, правда, приходится еще, очень противъ своей воли, сопровождать короля Густава въ его путешествіяхъ въ качествѣ адъютанта, но начиная съ 1785 года онъ окончательно осѣдаетъ во Франціи. И эти годы повліяли самымъ рѣшающимъ образомъ на Марію-Антуанетту.

Исторія съ ожерельемъ сдѣлала ее одинокой и открыла ей глаза. Она ушла отъ окружавшихъ ее остроумныхъ, но не положительныхъ людей, вмѣсто многочисленныхъ, ничего не стоящихъ пріятелей ея разочарованное сердце видитъ, наконецъ, подлиннаго друга. Подъ вліяніемъ всеобщей ненависти безконечно возросла ея потребность въ нѣжности, преданности, любви. Теперь она созрѣла, ей нужны уже не прежніе легкомысленные восторги всеобщаго восхищенія, ей нуженъ человекъ съ открытой, мужественной душой, которому она могла бы всю себя отдать.

А Ферзенъ, эта рыцарская натура, начинаетъ любить эту женщину со всей полнотой чувства именно теперь, когда она оклеветана, унижена, преслѣдуема. До тѣхъ поръ, пока она была окружена тысячею льстецовъ, всеобщимъ обожаніемъ, онъ уклонялся отъ ея благоклонности, и только теперь, когда она беспомощна и одинока осмѣливается, онъ ее любитъ. «Она очень несчастна, — пишетъ онъ своей сестрѣ, — и ея мужество, достойное всяческаго преклоненія, дѣлаетъ ее еще привлекательнѣе. Меня огорчаетъ лишь то, что я не могу ее вполне вознаградить за всѣ перенесенныя ею мученія и дать ей все то счастье, котораго она заслуживаетъ.»

Чѣмъ несчастнѣе становится Марія-Антуанетта, тѣмъ больше она покинута и выбита изъ колеи, тѣмъ сильнѣе становится желаніе возмѣстить ей все своей любовью. Чѣмъ ближе надвигается катастрофа, тѣмъ порывистѣе, тѣмъ трагичнѣе сближаются они другъ съ другомъ. Она — чтобы послѣ безчисленнаго количества разочарованій обрѣсти въ немъ свое послѣднее счастье, онъ — чтобы возмѣстить ей своимъ безграничнымъ самопожертвованіемъ и своей рыцарской любовью утерянное ею королевство.

Съ той поры, какъ ихъ нѣкогда поверхностное увлеченіе превратилось въ глубокое чувство, влюбленность въ любовь, оба прилагаютъ всѣ возможныя старанія къ тому, чтобы скрыть свою связь отъ свѣта. Для того, чтобы разсѣять всякое подозрѣніе, Марія-Антуанетта

принимаетъ мѣры, чтобы молодой офицеръ получилъ назначеніе не въ парижскій гарнизонъ, а въ расположенный неподалеку отъ границы Валансьенъ. И когда его «приглашаютъ» (такъ скрытно и сдержанно выражается Ферзенъ въ своемъ дневникѣ) во дворецъ, онъ всяческими способами скрываетъ цѣль своей поѣздки отъ друзей, чтобы не начались сплетни по поводу его пребыванія въ Трианонъ. «Не говори никому, что я тебѣ пишу отсюда, — умоляетъ онъ свою сестру въ своихъ письмахъ къ ней изъ Версаля, — такъ какъ я помѣчаю всѣ свои прочія письма Парижемъ. До свиданія, я спѣшу къ королевѣ.»

Ферзенъ никогда не посѣщаетъ Полиньяковъ, никогда не показывается въ интимномъ трианонскомъ кругу, никогда не принимаетъ участія въ поѣздкахъ на саяхъ, балахъ, пикникахъ, играхъ. Тамъ пусть продолжаютъ блистать мнимые фавориты королевы, такъ какъ именно своимъ бросающимся въ глаза ухаживаніемъ они безсознательно помогаютъ скрыть отъ двора подлинную тайну.. Они господствуютъ днемъ, Ферзенъ царитъ ночью. Они ухаживаютъ и говорятъ комплименты, Ферзенъ любимъ и молчитъ. Только подъ утро, въ тѣни парка, быть можетъ, въ одномъ изъ деревенскихъ домиковъ Трианона можетъ королева поджидать своего Керубино.

Здѣсь, въ боскетахъ Версаля и на извилистыхъ дорожкахъ Трианона таинственно разыгрывается финалъ сцены въ саду изъ «Фигаро» съ ея нѣжно романтичной музыкой. Но за дверью уже раздаются, въ видѣ грандіозной прелюдіи въ тонахъ моцартовскаго «Донъ-Жуана», каменные, грозные шаги командора. Третій актъ постепенно переходитъ отъ нѣжности въ стилъ рококо къ величавому стилю революціонной трагедіи. Но только въ четвертомъ актѣ, озаренномъ мрачными отблесками крови и насилія, достигнетъ эта драма своего „Ciel et terre“ — отчаянія послѣдняго прощанія, экстаза и гибели.

Только теперь, въ моментъ предѣльной опасности, когда всѣ исчезаютъ, выступаетъ впередъ тотъ, кто въ счастливыя времена благородно держался въ тѣни, —

подлинный, единственный другъ, готовый умереть съ нею и за нее. Мужественная фигура скрывавшагося доселѣ Ферзена ярко выдѣляется на фонѣ покрытаго грозовыми тучами неба. Чѣмъ большія опасности угрожаютъ любимой имъ женщинѣ, тѣмъ больше крѣпнеть его рѣшимость. Смѣло переступаютъ они оба ту условную границу, которая отдѣляла принцессу Габсбургской крови и королеву Франціи отъ чужеземнаго шведскаго дворянина.

Ферзенъ ежедневно появляется во дворцѣ, всѣ письма проходятъ черезъ его руки, каждое рѣшеніе обсуждается съ нимъ, на него возлагаются самыя отвѣтственныя порученія, ему довѣряются самыя опасныя тайны. ему одному только извѣстны намѣренія Маріи-Антуанетты, всѣ ея тревоги и надежды, ея слезы и отчаяніе, ея безысходное горе. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда она все теряетъ, Марія-Антуанетта находитъ то, чего она тщетно искала всю свою жизнь: честнаго, открытаго, преданнаго, мужественнаго друга.

Послѣдняя ночь въ Версалѣ

Революція стремится впередъ, она должна идти впередъ, если не хочетъ изсякнуть, ибо революція есть движеніе потока. Всякая остановка явилась бы для нея роковой, всякій поворотъ вспять былъ бы ея концомъ. Для того, чтобы держаться, она должна выставлять все больше требованій, для того, чтобы не оказаться побѣжденной, она должна завоевывать. Этотъ безостановочный маршъ впередъ сопровождается барабаннымъ боемъ газетъ.

Газеты — эти уличные мальчишки революціи — беспорядочно бѣгутъ впереди подлинной арміи. Однимъ росчеркомъ пера дарована свобода печатному и устному слову; та свобода, которая въ начальной стадіи самоупоенія всегда пріобрѣтаетъ характеръ необузданности и чрезмѣрности. Возникаютъ десять, двадцать, тридцать, пятьдесятъ газетъ. Одну издаетъ Мирабо, другую Дему-

лень, третью Бриссо, четвертую Лустало, пятую Марать, и такъ какъ каждая изъ нихъ должна привлечь себѣ барабаннымъ боемъ читателей и хочетъ перешеголять другую въ отношеніи гражданскаго патриотизма, то онѣ барабанятъ во всю. По всей странѣ слышенъ только этотъ барабанный бой. Только бы погромче, только какъ можно болѣе дико, чѣмъ громче, тѣмъ лучше, и побольше ненависти къ королевскому двору. Король замышляетъ предательство! Правительство препятствуетъ подвозу зерна! Приближаются уже чужеземныя войска, чтобы разогнать Національное Собраніе! Грозитъ новая Варфоломеевская ночь! Граждане, проснитесь! Проснитесь, патриоты!

Ратапланъ, ратапланъ, ратапланъ! День и ночь вбиваютъ газеты своимъ барабаннымъ боемъ страхъ, недобѣріе, ярость, озлобленіе въ миллионы сердець. А позади барабанщиковъ тоитъ уже съ пиками и саблями на готовѣ, а главное, вооруженная безграничнымъ гнѣвомъ, невидимая армія французскаго народа.

Съ точки зрѣнія короля все идетъ слишкомъ быстрымъ, съ точки зрѣнія революціи слишкомъ медленнымъ темпомъ. Осторожный, дородный мужчина не можетъ идти въ ногу со стремительнымъ бѣгомъ молодыхъ идей. Версаль колеблется и задерживаетъ ходъ движенія. Слѣдовательно: впередъ, Парижъ! Положи конецъ этимъ продолжительнымъ парламентскимъ дебатамъ, этой невыносимой торговлѣ между королемъ и народомъ, — барабанятъ газеты. У тебя есть сто тысячъ, двѣсти тысячъ кулаковъ, а въ арсеналахъ лежатъ ружья, ждуть пушки — забери ихъ и притащи короля и королеву изъ Версаля, возьми ихъ, а вмѣстѣ съ ними и твою судьбу въ свои руки! Изъ штабъ-квартиры революціи, дворца герцога Орлеанскаго Пале-Рояля дается лозунгъ. Все готово, одинъ изъ дворцовыхъ перебѣжчиковъ маркизъ де-Юрюжъ тайно уже снаряжаетъ экспедицію.

Но отъ дворца къ городу идутъ темные подземные ходы. Клубные патриоты узнаютъ черезъ подкупленныхъ слугъ обо всемъ происходящемъ во дворцѣ, дворецъ же,

въ свою очередь, узнаетъ черезъ своихъ агентовъ о готовящемся нападеніи. Въ Версаль рѣшаютъ дѣйствовать, и такъ какъ на французскія войска, повидимому, вполне положиться нельзя, вызываютъ для защиты дворца Фландрскій полкъ.

Перваго октября войска выступаютъ изъ мѣстъ своей постоянной стоянки въ Версаль, и для того, чтобы ихъ разогрѣть, дворъ подготавливаетъ имъ торжественную встрѣчу. Большой оперный залъ очищается для устройства въ немъ банкета и, не взирая на царящую въ Парижѣ ужасную нужду въ сѣстныхъ припасахъ, на винѣ и вкусныхъ яствахъ не экономятъ: вѣрность, какъ и любовь, часто имѣетъ своимъ исходнымъ пунктомъ желудокъ. Для того, чтобы особенно воодушевить войска, въ залъ банкета являются — небывалая честь! — король и королева съ дофиномъ на рукахъ.

Маріи-Антуанеттѣ всегда было чуждо полезное искусство завоевывать расположеніе людей сознательной хитростью, расчетомъ или лестью. Но ея тѣло и душа отъ природы носятъ отпечатокъ извѣстной величавости, которая дѣйствуетъ самымъ располагающимъ образомъ на всѣхъ тѣхъ, кто съ ней впервые встрѣчается. И отдѣльныя лица, и массы неизмѣнно поддавались этой удивительной силѣ перваго впечатлѣнія. Впослѣдствіи, при болѣе близкомъ знакомствѣ, она разсѣивается.

И на этотъ разъ при величавомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ любезномъ появленіи этой красивой молодой женщины офицеры и солдаты вскакиваютъ со своихъ мѣстъ, шпаги восторженно вылетаютъ изъ ноженъ, въ честь повелительницы и повелителя раздаются громовыя восклицанія, а привѣтственный кличъ въ честь націи при этомъ, повидимому, какъ-то забываютъ провозгласить. Королева обходитъ ряды.

Она умѣетъ обворожительно улыбаться, проявлять какую-то особую, удивительную любезность, обладаетъ, подобно своей матери, братьямъ и всѣмъ почти Габсбургамъ, особымъ искусствомъ (искусство это перешло по наслѣдству ко всей австрійской аристократіи), не взирая на непоколебимое внутреннее высокомеріе, быть на са-

мый естественный манеръ любезной по отношенію именно къ людямъ низшаго происхожденія, не производя въ то же время впечатлѣнія снисходительной пренебрежительности. Съ искренней улыбкой счастья на лицѣ — вѣдь ей такъ давно не приходилось уже слышать возгласа: «Да здравствуетъ королева» — обходитъ она со своими дѣтьми столы, и видъ этой милостиво-благодарной, этой воистину царственной женщины, пришедшей въ гости къ нимъ, грубымъ солдатамъ, повергаетъ офицеровъ и солдатъ въ какой-то вѣрноподанический экстазъ: въ этотъ моментъ каждый изъ нихъ готовъ умереть за Марію-Антуанетту. Но и королева блаженно счастлива, покидая этотъ шумный банкетъ: налитый ей привѣтственный кубокъ наполнилъ ея душу новой вѣрой въ то, что во Франціи еще существуютъ преданные защитники королевскаго трона.

Но уже на слѣдующій день раздается барабанный бой патриотическихъ журналовъ: ратапланъ, ратапланъ, ратапланъ, королева и дворъ наняли и натравили противъ народа убійцъ. Солдатъ опонли краснымъ виномъ, чтобы они послушно проливали красную кровь ихъ согражданъ, раболѣпные офицеры бросали на полъ и топтали трехцвѣтную кокарду, распѣвались холопскія пѣсни — и все это поощрялось вызывающей улыбкой королевы. Вы все еще не понимаете, въ чемъ дѣло, патриоты? Готовится нападеніе на Парижъ, войска уже выступили въ походъ. Подымайтесь-же, граждане, впередъ, на послѣдній, и рѣшительный бой! Собирайтесь, патриоты — ратапланъ, ратапланъ, ратапланъ...

Два дня спустя, 5 октября, въ Парижѣ возникаютъ беспорядки. Истинное происхожденіе ихъ относится къ числу многихъ неразгаданныхъ тайнъ французской революціи. Ибо эти беспорядки, при всей ихъ кажущейся произвольности, удивительно мудро организованы, свидѣтельствуютъ объ огромной политической проницательности. Стрѣла полетѣла столь прямо и мѣтко, изъ надлежащаго мѣста и въ надлежащую цѣль, что она должна была быть пущена очень ловкими и опытными руками.

Геніальнй (и достойной такого психолога, какъ Ходерло-де-Лакло, который, вѣдь, руководилъ изъ Пале-Рояля за герцога Орлеанскаго походомъ за короной) явилась сама по себѣ мысль привести короля насильственно изъ Версаля въ Парижъ не руками мужчинъ, а при помощи арміи женщинъ. Мужчинъ можно назвать бунтовщиками и мятежниками, въ мужчинъ находящейся подъ надлежащимъ командованіемъ солдатъ послушно стрѣляетъ. Но женщины производятъ во время народныхъ волненій только впечатлѣніе отчаявшихся, отъ ихъ мягкой груди отвернется съ дрожью самый острый штыкъ, а кромѣ того подстрекатели отлично знаютъ, что такой пугливый и сантиментальный человѣкъ, какъ Людовикъ XVI, никогда не рѣшится отдать приказъ направить пушки противъ женщинъ.

Итакъ. сначала необходимо довести возбужденіе до наивысшаго напряженія тѣмъ, что (опять-таки неизвѣстно чьими руками и посредствомъ какихъ махинацій) въ продолженіе двухъ дней искусственно задерживается подвозъ къ Парижу хлѣба, и такимъ образомъ возникаетъ голодъ,—эта своеобразная движущая пружина народного гнѣва. А затѣмъ, какъ только волненіе начинается, скорѣе женщинъ впередъ, женщинъ въ первые ряды!

И дѣйствительно, первой врывается утромъ 5 октября въ сторожевое помѣщеніе и хватаетъ барабанъ молодая женщина (и, какъ утверждаютъ, руки ея украшены драгоценными кольцами). Позади нея во мгновение ока образуется цѣлое шествіе быстро сбѣгающихъ со всѣхъ сторонъ женщинъ, громкими криками требующихъ хлѣба. Беспорядки на-лицо. Скоро въ толпу замѣшиваются переодѣтые мужчины и направляютъ ее къ городской ратушѣ. Полчаса спустя ратуша взята штурмомъ, оттуда похищены пистолеты и пики, даже двѣ пушки и внезапно — кто его послалъ и даль указанія? — появляется вожакъ, по имени Майаръ, который превращаетъ беспорядочное сборище въ стройную армію и убѣждаетъ ее идти на Версаль, чтобы забрать тамъ хлѣбъ (въ дѣйствительности, короля).

Какъ всегда съ запозданіемъ появляется на своемъ бѣломъ конѣ начальникъ національной гвардіи Лафайеттъ. Этого благородно-довѣрчиваго и честно-неловкаго человѣка преслѣдуетъ какой-то злой рокъ: онъ всегда на часъ позади событій. Задача Лафайетта состояла-бы, разумѣется, въ томъ, чтобы помѣшать толпѣ — и онъ бы ее честно выполнилъ, но его солдаты не повинуются ему. Ему не остается ничего иного, какъ маршировать со своей національной гвардіей позади арміи женщинъ, чтобы придать этому открытому возстанію хоть видимость законности. Старый борецъ за свободу сознаетъ, что это не слишкомъ почетная обязанность и съ неохотой берется за ея выполнение. Лафайеттъ мрачно плетется на своемъ бѣломъ конѣ позади революціонной арміи женщинъ, являя собою символъ холоднаго, логически разсчитывающаго, безсильнаго человѣческаго разсудка, тщетно пытающагося догнать нелогичныя страсти стихійныхъ силъ.

Версальскій дворъ до полудня и не подозрѣвалъ о надвигающейся на него тысячеголовой опасности. Король велѣлъ какъ всегда осѣдлать своего охотничьяго коня и поскакалъ въ Медонъ. Королева раннимъ утромъ отправилась пѣшкомъ въ Трианонъ. Что ей дѣлать въ Версалѣ, въ этомъ исполинскомъ дворцѣ, изъ котораго давно бѣжали ея лучшіе друзья и неподалеку отъ коего засѣдаетъ Національное Собраніе, гдѣ каждодневно вносятся новыя, продиктованныя ненавистью къ ней, предложенія? Ахъ, она устала отъ всѣхъ этихъ огорченій, отъ этой безплодной борьбы, отъ людей, даже отъ своего королевскаго званія. Ей хочется теперь только отдохнуть, посидѣть спокойно, вдали отъ людей и всякой политики, въ осеннемъ паркѣ съ позлащенной октябрьскимъ солнцемъ листвою. Хочется срывать послѣдніе цвѣты съ клумбъ, раньше, чѣмъ настанетъ грозная зима, да, быть можетъ, покормить куръ и китайскихъ золотыхъ рыбокъ въ маленькомъ прудѣ. А главное, отдохнуть, наконецъ, отдохнуть отъ всѣхъ этихъ волненій и безпокойствъ; ничего не дѣлать, ничего не желать, а

только сидѣть сложа руки въ простомъ утреннемъ туалетѣ на скамьѣ какого-нибудь грота, съ раскрытой, книжкой, даже не читая ея, ощущать усталость природы и осень собственнаго сердца.

Королева сидитъ на каменной скамьѣ грота, — она давно уже забыла, что когда-то онъ именовался «гротомъ любви», — и вдругъ замѣчаетъ на дорожкѣ пажа, направляющагося къ ней съ письмомъ въ рукѣ. Она встаетъ и идетъ ему навстрѣчу. Письмо это отъ министра Сень-При, и въ немъ сообщается, что парижская чернь выступила походомъ на Версаль и что королеву просить вернуться во дворецъ. Она торопливо беретъ свою шляпу и плащъ и спѣшитъ своей юной и граціозной походкой въ Версаль, вѣроятно такъ быстро, что не успѣваетъ даже окинуть еще однимъ прощальнымъ взглядомъ маленькій, любимый ею дворецъ и съ такими усилиями созданный искусственный ландшафтъ.

Какъ можетъ ей придти въ голову, что она въ послѣдній разъ въ жизни видитъ эти сочныя лужайки, этотъ привѣтливый холмъ съ храмомъ любви на немъ и подернутымъ осенней тиной прудомъ, что это уже прощаніе съ Трианономъ навѣки!

Въ Версальскомъ дворцѣ царедворцы и министры въ безпомощномъ смятеніи. Неопредѣленные слухи о походѣ на Версаль доставлены только однимъ опередившимъ толпу слугой, всѣ остальные гонцы задержаны на пути идущими въ Версаль женщинами. Вотъ показывается всадникъ, соскакиваетъ со взмыленнаго коня и бѣжитъ по мраморной лѣстницѣ. Это Ферзенъ. При первомъ признакѣ опасности этотъ всегда готовый на жертву человекъ вскочилъ на лошадь и, скача во весь опоръ, опередилъ армію женщинъ, этихъ «восемь тысячъ Юдифей», по патетическому выраженію Демулена, чтобы въ тревожный моментъ быть подлѣ королевы. Наконецъ, появляется и король. Его отыскивали въ лѣсу и оторвали отъ его любимаго занятія. Сегодняшняя записъ въ его дневникѣ будетъ свидѣтельствовать о плачевныхъ результатахъ охоты: «Прервана ходомъ событій».

Король стоит растерянный, напуганный, и только теперь, когда всѣ возможности уже упущены, когда въ общемъ смятеніи позабыли заградить на Севрскомъ мосту движеніе авангарда возставшей толпы, начинается совѣщаніе. Есть еще два часа времени, можно было-бы еще принять энергичное рѣшеніе. Одинъ изъ министровъ предлагаетъ, чтобы король сѣлъ на коня и во главѣ драгунъ и Фландрскаго полка поскакалъ навстрѣчу недисциплинированной толпѣ. Одно его появленіе побудить эту банду мегеръ повернуть назадъ. Болѣе осторожные предлагаютъ, чтобы король и королева немедленно покинули дворецъ и отправились въ Рамбулье, такимъ образомъ, коварно затѣянный ударъ по трону пришелся-бы по пустому мѣсту. Но вѣчно нерѣшительный Людовикъ колеблется. Вслѣдствіе недостатка рѣшимости онъ вновь даетъ событіямъ подойти къ себѣ, вмѣсто того, чтобы пойти имъ навстрѣчу.

Королева стоитъ, закусивъ губы, посреди этихъ беспомощныхъ мужчинъ. Инстинктъ подсказываетъ ей, что всякое насильственное мѣропріятіе должно дать благопріятный результатъ, потому что съ того момента, какъ пролита первая кровь, всѣ боятся всѣхъ.; *Toute cette révolution n'est qu'une suite de la peur*“. Но какъ можетъ она принять на себя всю отвѣтственность! Внизу, во дворѣ стоятъ запряженные кареты, черезъ какой-нибудь часъ королевская семья вмѣстѣ съ министрами и Національнымъ Собраніемъ, поклявшимся слѣдовать всюду за королемъ, можетъ быть въ Рамбулье. Но король не подаетъ сигнала къ отъѣзду.

Все энергичнѣе и настойчивѣе насѣдаютъ на него министры, въ особенности Сень-При:

— Сиръ, если васъ увезутъ завтра въ Парижъ, то корона потеряна.

Съ другой стороны Неккеръ, которому его популярность дороже сохраненія власти короля, возражаетъ и между этихъ двухъ мнѣній король, какъ всегда, качается на подобіе безвольнаго маятника. Наступаетъ вечеръ, а лошади все еще нетерпѣливо скребутъ во дворѣ копы-

тами, начинается дождь, часами дожидаются лакеи у дворецъ каретъ, а совѣщаніе все продолжается.

Но вотъ съ большой парижской дороги доносится уже смутный тысячеголосый гулъ. Пришли. Прикрывъ передниками и мѣшками свои головы отъ хлещущаго дождя, надвигаются въ ночномъ мракѣ толпы амазонокъ рынка. Гвардія революціи стоитъ подъ Версалемъ. Слишкомъ поздно!

Промокнувъ до костей, дрожа отъ голода и холода, въ ботинкахъ, наполненныхъ жидкой дорожной грязью, подходятъ женщины. Этотъ шестичасовой походъ отнюдь не носилъ характера увеселительной прогулки, хоть по дорогѣ и удавалось дѣлать набѣги на кабачки и немножко согрѣвать свои урчащія животы. Голоса этихъ торговкокъ звучатъ хрипло и грубо, и ихъ выкрики не исполнены особаго дружелюбія по отношенію къ королевѣ. Первый визитъ онѣ наносятъ Національному Собранію. Оно засѣдаетъ съ ранняго утра и для нѣкоторыхъ членовъ его, прокладывающихъ путь герцогу Орлеанскому, этотъ маршъ амазонокъ является не совсѣмъ неожиданнымъ.

Въ первую очередь женщины требуютъ отъ Національнаго Собранія только хлѣба: такъ полагается по программѣ, — сначала ни слова о переѣздѣ короля въ Парижъ. Принимается рѣшеніе отправить во дворецъ депутацію отъ женщинъ, въ сопровожденіи предсѣдателя де-Мунье и нѣсколькихъ членовъ Національнаго Собранія. Шестъ избранныхъ делегатокъ отправляются во дворецъ, гдѣ лакеи вѣжливо распахиваютъ двери передъ этими рыбными торговками, прачками и уличными нимфами. Съ почетомъ вводятъ эту необычную депутацію вверхъ по большой мраморной лѣстницѣ въ покои, въ которые доселѣ имѣли доступъ только представители голубой крови, только просѣянные семь разъ черезъ сито представители высшаго дворянства. Среди членовъ Національнаго Собранія, сопровождающихъ своего предсѣдателя, имѣется, между прочимъ, высокій, дородный, благодушнаго вида господинъ, никому особенно не бро-

саюшійся въ глаза. Но его имя придаетъ этой первой встрѣчѣ короля съ народомъ чрезвычайно символическій характеръ. Ибо вмѣстѣ съ нимъ, докторомъ Гильотеномъ, депутатомъ отъ Парижа. 5 октября 1789 г. дѣлаетъ свой первый визитъ двору гильотина.

Добродушный Людовикъ оказываетъ депутаціи такой любезный пріемъ, что говорившая отъ ея имени молодая дѣвица (обычно продававшая посѣтителямъ Пале-Рояля цвѣты и, вѣроятно, еще кое-что) отъ смущенія падаетъ въ обморокъ. Ее заботливо поятъ виномъ, а добрякъ-король обнимаетъ испуганную дѣвушку, общается женской депутаціи хлѣбъ и все, о чемъ онѣ просятъ, предоставляетъ даже въ ихъ распоряженіе для обратной поѣздки въ Парижъ дворцовые экипажи. Все, повидимому, сошло вполне благополучно. Но внизу, подстрекаемая тайными агентами, толпа женщинъ встрѣчаетъ своихъ собственныхъ депутатовъ криками негодованія, онѣ-де позволили подкупить себя, поддались на обманъ. Не для того брели мы шесть часовъ подъ проливнымъ дождемъ изъ Парижа, чтобы вернуться обратно съ урчащими желудками и пустыми обѣщаніями. Нѣтъ, мы останемся здѣсь и уйдемъ не иначе, какъ забравъ съ собою короля, королеву и всю ихъ банду. Въ Парижѣ ихъ уже отучатъ отъ ихъ интригъ и коварныхъ затѣй. Женщины безцеремонно проникаютъ въ Національное Собраніе и располагаются тамъ ко сну, а находящіяся среди нихъ профессиональныя проститутки, въ первую очередь Теруанде-Мерикуръ, отправляются покорять своими прелестями солдатъ Фландрскаго полка. Подходятъ все новыя, якобы отставшія въ пути лица, какія-то подозрительныя фигуры бродятъ въ мерцающемъ свѣтѣ масляныхъ фонарей подлѣ дворцовой ограды.

Дворъ все еще не пришелъ ни къ какому рѣшенію. Не лучше ли всетаки бѣжать? Но какъ пробраться сквозь эту возбужденную толпу въ тяжелыхъ дворцовыхъ каретахъ? Ужъ слишкомъ поздно. Наконецъ-то, около полуночи издали слышится барабанный бой: подходитъ Лафайеттъ. Первый визитъ онъ дѣлаетъ Національному

Собранию, второй королю. Никто не выражаетъ ему благодарности, меньше всѣхъ Марія-Антуанетта, хоть онъ и склоняется съ искренней почтительностью передъ королемъ и говоритъ ему:

— Сирь, я пришелъ и готовъ пожертвовать своей жизнью, чтобы спасти жизнь вашего величества.

Король заявляетъ, что не имѣетъ больше намѣренія уѣзжать и удаляться отъ Національнаго Собранія. Кажется, что все улажено. Король далъ требуемыя обѣщанія. Лафайеттъ съ вооруженными силами подъ рукой, депутаты Національнаго Собранія расходятся по домамъ, національные гвардейцы и инсургенты прячутся отъ пронизывающаго дождя въ казармахъ и церквахъ, даже въ подворотняхъ и подъ навѣсами лѣстницъ. Постепенно гаснутъ послѣдніе огни, и обойдя всѣ караульные посты, Лафайеттъ отправляется въ четыре часа утра спать въ Отель-де-Ноайль, хоть онъ и обѣщаль стоять на стражѣ королевской безопасности. Король съ королевой тоже удаляются во внутренніе покои.

Они и не подозрѣваютъ, что проводятъ въ Версалѣ послѣднюю ночь.

Похоронная процессія монархіи

Старая власть отошла ко сну. Но революція молода, въ ея жилахъ течетъ горячая, бурная кровь, она не нуждается въ отдыхѣ, съ нетерпѣніемъ дожидается она дневного свѣта и дѣйствій. Вокругъ разложенныхъ посреди улицъ бивуачныхъ костровъ толпятся солдаты парижскаго возстанія, не нашедшіе себѣ пристанища. Никто, въ сущности, не можетъ объяснить, почему они остались въ Версалѣ, а не отправились домой въ свои постели, разъ король все обѣщаль и покорно всему подчинился. Какая-то подземная воля удерживаетъ эту толпу и владѣетъ ею. Какія-то таинственныя тѣни шмыгаютъ взадъ и впередъ, раздаютъ приказанія, и въ пять часовъ утра, когда дворецъ еще объятъ тьмой и

сномъ, отдѣльныя группы, управляемая какой-то освѣдомленной рукой, пробираются окольнымъ путемъ черезъ дворъ часовни подъ самыя окна дворца.

Чего они хотятъ? Кто ведетъ этихъ подозрительныхъ субъектовъ, кто подгоняетъ ихъ, кто толкаетъ ихъ къ какой-то еще непонятной, но ясно намѣченной цѣли? Подстрекатели остаются во мракѣ. Герцогъ Орлеанскій и братъ короля графъ Прованскій предпочли почему-то — должно быть они уже знаютъ почему — провести эту ночь не во дворцѣ бокъ-о-бокъ со своимъ законнымъ поводителемъ.

Какъ бы то ни было, но вдругъ раздается выстрѣлъ, одинъ изъ тѣхъ провокаціонныхъ выстрѣловъ, которые всегда необходимы для созданія умышеннаго столкновенія. Въ мгновеніе ока сбѣгаются со всѣхъ сторонъ возставшіе, десятки, сотни, тысячи, — съ пиками, топорами и ружьями въ рукахъ, полки женщинъ и переодѣтыхъ женщинами мужчинъ. Атака идетъ въ совершенно опредѣленномъ направленіи: прямо на покои королевы! Какимъ это образомъ всѣ эти парижскія торговки рыбой, рыночныя продавщицы, никогда не переступавшія порогъ Версаля, съ такой безошибочностью сразу разбираются въ лабиринтѣ этого исполинскаго дворца съ его десятками лѣстницъ и сотнями комнатъ и направляются прямо къ надлежащему входу? Волна женщинъ и переодѣтыхъ мужчинъ быстро взбирается по лѣстницѣ, ведущей непосредственно въ комнаты королевы. Нѣсколько лейбъ-гвардейцевъ пытаются преградить имъ путь. Двоихъ изъ нихъ стаскиваютъ внизъ, варварски умерщвляютъ и какой-то бородатый мужчина на глазахъ у всѣхъ отрубаетъ трупамъ головы. Нѣсколько мгновеній спустя эти окровавленные головы красуются на исполинскихъ пикахъ.

Но принесшіе себя въ жертву гвардейцы сдѣлали свое дѣло. Ихъ пронзительные предсмертные крики своевременно разбудили обитателей дворца. Одинъ изъ лейбъ-гвардейцевъ вырвался изъ рукъ разъяренной толпы, покрытый ранами онъ взбирается по лѣстницѣ и кричитъ неистовымъ голосомъ:

— Спасайте королеву!

Этотъ крикъ ея дѣйствительно спасаетъ. Одна изъ камеръ-фрейлинъ просыпается, бѣжитъ въ спальню королевы, чтобы предупредить ея о происходящемъ. Наскоро запертыя лейбъ-гвардейцами двери уже трещатъ подъ ударами топоровъ и кирокъ. Надѣть чулки и туфли не хватаетъ времени. Марія-Антуанетта успѣваетъ только набросить платье поверхъ рубашки и накинуть на плечи шаль. Босая, съ чулками въ рукахъ, бѣжитъ она съ тревожно бьющимся сердцемъ черезъ коридоръ, ведущій въ залу Эй-де-Бефъ, и черезъ это огромное помѣщеніе — въ покои короля. Но, о ужасъ! Дверь заперта.

Королева и ея камеръ-фрейлины въ отчаяніи колотятъ кулаками въ дверь, но сколько онѣ ни колотятъ, неумолимая дверь не открывается. Пять минутъ, пять бесконечно долгихъ минутъ, въ теченіе которыхъ наемные убійцы уже врываются въ ея комнаты, роются въ шкафахъ и постеляхъ, приходится дожидаться несчастной королевѣ до тѣхъ поръ, когда какой-то лакей, находящійся по ту сторону двери, наконецъ, услышавъ стукъ, впускаетъ бѣглянокъ. Только теперь можетъ Марія-Антуанетта укрыться въ покояхъ своего супруга, куда гувернантка сейчасъ же приноситъ дофина и дочерей королевы. Семья вся въ сборѣ, жизнь спасена. Но одна только голая жизнь...

Наконецъ, просыпается и тотъ, кому въ эту ночь не надлежало спать и который поэтому носить отнынѣ насмѣшливую кличку «генераль Морфей». Просыпается Лафайеттъ. Онъ съ ужасомъ видитъ къ чему привело его легковѣріе. Только путемъ просьбъ и заклинаній, а не въ силу авторитета приказаній удастся ему спасти отъ смерти захваченныхъ голпою лейбъ-гвардейцевъ. Съ величайшими усиліями онъ выпроваживаетъ возставшую чернь изъ королевскихъ покоевъ.

Теперь когда опасность миновала, появляются также гладко выбритые и напудренные графъ Прованскій и герцогъ Орлеанскій. Странно, удивительно странно — возбужденная толпа почтительно передъ ними разступа-

ется. Теперь можетъ начаться коронный совѣтъ. Но о чемъ тутъ совѣщаться? Стоящіе спаружи десятки тысячъ мятежниковъ держатъ дворецъ въ своемъ черпомъ, окровавленномъ кулакѣ, какъ маленькій хрупкій сосудъ, и изъ этого кулака вырваться невозможно. бѣжать некуда. Не можетъ быть больше рѣчи о переговорахъ и соглашеніяхъ между побѣдителями и побѣжденными. Подъ окнами раздается тысячеголосый ревъ толпы, безпрестанно выкликающей внушенное его клубными агентами требованіе:

— Короля въ Парижъ! Короля въ Парижъ!

Стекла сотрясаются отъ напора этихъ угрожающихъ криковъ, и портреты королевскихъ предковъ испуганно дрожатъ на штофныхъ обояхъ стараго дворца.

Услышавъ повелительные крики толпы, король обращаетъ вопросительный взглядъ на Лафайетта. Долженъ ли онъ повиноваться или, вѣрнѣе, дошло ли дѣло уже до того, что онъ обязанъ повиноваться? Лафайеттъ опускаетъ глаза. Со вчерашняго дня этотъ кумиръ народа знаетъ, что онъ развѣнчанъ. Король все еще надѣется, что ему удастся задержать ходъ событій: для того, чтобы смягчить бѣснующуюся толпу, утолить ея жажду триумфа хоть каплей, онъ рѣшаетъ выйти на балконъ. Едва только Людовикъ появляется передъ толпою, она раздражается бурнымъ ликованіемъ: она всегда встрѣчаетъ короля проявленіями восторга въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ выступаетъ передъ ней въ качествѣ побѣжденнаго. Отчего же толпѣ не ликовать, когда ея повелитель стоитъ передъ нею съ обнаженной головой, дружелюбно кивая по направленію къ тому самому двору, гдѣ только-что двумъ его защитникамъ отрубили головы, какъ телятамъ на бойнѣ, и водрузили ихъ на пики?

Но для этого флегматичнаго, даже въ отношеніи вопросовъ чести хладнокровнаго человѣка никакая моральная жертва не кажется тяжелой. Если-бы послѣ этого его униженія народъ спокойно разошелся по домамъ. то онъ, вѣроятно, часъ спустя сѣлъ бы на коня и мирно отправился на охоту, чтобы наверстать то, что ему вчера

пришлось упустить въ виду «событій». Но народъ не удовлетворенъ этимъ своимъ триумфомъ. Опьяненный сознаниемъ своей силы, онъ жаждетъ еще болѣе крѣпкаго и пламеннаго вина. Пусть выйдетъ на балконъ еще и королева, гордая, нахальная, непреклонная австріячка! Пусть и эта высококомѣрная повелительница подставитъ свою голову подъ невидимое ярмо. Крики становятся все яростнѣе, топотъ ногъ все неистовѣе, все настойчивѣе хриплые возгласы:

— Королеву! Пусть королева выйдетъ на балконъ!

Блѣдная отъ злости, закусивъ въ негодованіи губы, Марія-Антуанетта стоитъ неподвижно. Не страхъ передъ, быть можетъ, уже наведенными на нее ружьями, камнями и ругательствами парализуетъ ея движенія и заставляетъ ея кровь отхлынуть отъ лица, а гордость, наслѣдственное, перушимое чувство непреклонной величавости, неизмѣнно поддерживающее эту красивую голову въ вертикальномъ положеніи. Всѣ въ смущеніи смотрятъ на нею. Наконецъ, — стекла уже сотрясаются отъ рева, сейчасъ камни полетятъ въ окна, — подходить къ ней Лафайеттъ:

— Мадамъ, это необходимо для успокоенія толпы.

— Въ такомъ случаѣ я не колеблюсь, — отвѣчаетъ Марія-Антуанетта, держа обоихъ своихъ дѣтей, одного за правую, второго — за лѣвую ручку.

Съ гордо поднятой головой и строго сжатыми губами выходитъ она вмѣстѣ съ дѣтьми на балконъ. Не какъ умоляющая о милости просительница, а какъ солдатъ, храбро идущій въ атаку, съ твердымъ рѣшеніемъ умереть, не моргнувъ глазомъ. Она показывается народу, но не склоняется передъ нимъ. Но именно эта ея гордая манера держать себя производитъ на народъ обаятельное впечатлѣніе.

Въ устремленныхъ другъ на друга взглядахъ королевы и народа встрѣчаются два потока силы, и напряженность ихъ столкновенія такъ велика, что въ продолженіе минуты на огромной площади царитъ мертвая тишина. Никто не знаетъ, какъ разрядится эта до мучительности напряженная тишина изумленія и испуга,

разъяреннымъ ли воѣмъ толпы, выстрѣломъ или градомъ камней. Тутъ выступаетъ, какъ всегда смѣлый въ минуты крайней опасности, Лафайеттъ, подходитъ къ королевѣ, отвѣшиваетъ ей рыцарскій поклонъ и цѣлуетъ ея руку.

Этотъ жестъ сразу разряжаетъ напряженіе. Происходитъ то, чего всего меньше можно было ждать.

— Да здравствуетъ королева! Да здравствуетъ королева! — несется изъ тысячи глотокъ.

Тотъ же самый народъ, который только-что восхищался податливой слабостью короля, произвольно привѣтствуетъ ликованіемъ гордость и непреклонное упорство этой женщины, показавшей, что она ни одной дѣланной улыбкой, ни однимъ трусливымъ поклономъ не попытается снискать его милость.

Въ комнатахъ всѣ окружаютъ вернувшуюся съ балкона Марію-Антуанетту и поздравляютъ ее, словно она спаслась отъ смертельной опасности. Но послѣ однажды испытаннаго разочарованія она скептически относится къ запоздалому ликованію толпы. Со слезами на глазахъ говоритъ она мадамъ Неккеръ:

— Я знаю, они принудятъ короля и меня отправиться въ Парижъ и будутъ нести впереди на своихъ пикахъ головы нашихъ лейбъ-гвардейцевъ.

Предчувствіе Маріи-Антуанетты оправдалось. Народъ не удовлетворяется больше тѣмъ, что ему отвѣшиваютъ поклонъ. Онъ скорѣе не оставитъ камня на камнѣ въ этомъ дворцѣ, чѣмъ откажется отъ своего требованія. Не напрасно клубы привели въ движеніе эту исполинскую, громоздкую машину, не напрасно эти тысячи маршировали шесть часовъ подъ дождемъ. Ропотъ снова возрастаетъ и принимаетъ угрожающіе размѣры. Прибывшая для защиты королевской семьи національная гвардія обнаруживаетъ склонность взять дворецъ штурмомъ вмѣстѣ съ возставшими.

Дворъ, наконецъ, уступаетъ. Изъ оконъ и съ балкона сбрасываютъ записки, въ которыхъ толпѣ сообщается, что король рѣшилъ переселиться вмѣстѣ со своей семь-

ей въ Парижъ. Большаго народъ и не требоваль. Солдаты устанавливаютъ ружья въ козлы, офицеры смѣшиваются съ народомъ, всѣ обнимаютъ другъ друга, ликуютъ, кричатъ, флаги взвиваются надъ толпой, пики съ окровавленными головами отсылаются въ качествѣ передовыхъ въ Парижъ. Эта угроза теперь излишня.

Въ два часа дня раскрываются большія позолоченныя ворота дворцовой ограды. Исполинская, запряженная шестеркой лошадей, коляска навсегда увозитъ изъ Версаля короля, королеву и всю семью. Глава всемірной исторіи, включающая тысячелѣтній періодъ французскаго самодержавія, закончилась.

Подхлестываемая потоками проливного дождя и подгоняемая порывами вѣтра, выступила 5 октября революція въ бой, чтобы захватить своего короля. Сіяющій день привѣтствуетъ 6 октября ея побѣду. Прозраченъ осенній воздухъ, небо подобно синему атласу. Не колышется вѣтромъ позлащенная листва деревьевъ, природа словно затаила дыханіе, чтобы полюбоваться этимъ на протяженіи вѣковъ невиданнымъ зрѣлищемъ, какъ народъ похищаетъ своего короля.

Какое небывалое представленіе это возвращеніе Людовика XVI и Маріи-Антуанетты въ ихъ столицу. Наполовину похоронная процессія, наполовину масленичный кортежъ. Похороны монархіи и карнавалъ народа. И какой прежде всего, новый, необычный этикетъ. Расшитые галунами скороходы не бѣгутъ, какъ обычно, впереди коляски короля, сокольничіи и лейбъ-гвардейцы въ расшитыхъ шнурами камзолахъ не скачутъ по обѣ ея стороны, не толпится за нею цвѣтъ дворянства въ пышныхъ, золоченыхъ кафтанахъ. Подобно жалкимъ обломкамъ крушенія, печально тащится королевская коляска, влекомая какимъ-то беспорядочнымъ потокомъ. Впереди національные гвардейцы, но не нога въ ногу, а подъ руку, съ трубками въ зубахъ, со смѣхомъ и пѣснями, и у каждаго на штыкъ торчитъ каравай хлѣба. Промежъ нихъ женщины, то сидя верхомъ на пушкахъ, то раздѣлая сѣдло съ услужливыми драгунами, то пѣш-

комъ, подъ руку съ рабочими и солдатами, словно торопятся на танцульку. Позади тащутся повозки съ мукой изъ королевскихъ запасовъ, охраняемыя эскортомъ драгунъ. Безпрерывно скачетъ то взадъ, то впередъ, нарушая движеніе всей кавалькады, предводительница амазонокъ, фанатичка Теруанъ де-Мерикуръ, потрясая саблей и привѣтствуя любопытныхъ зрителей восторженными криками. Посреди этой шумной накипи плыветъ запыленная, мрачная карета, въ которой за полупущенными занавѣсами тѣснятъ малодушный потомокъ Людовика XIV-го — Людовикъ XVI, трагическая дочь Маріи-Терезіи — Марія-Антуанетта, ихъ дѣти и гувернантка. За этой каретой плетутся въ томъ же траурномъ темпѣ кареты принцевъ королевскаго дома, коляски съ придворными и немногочисленными вѣрными друзьями. Старая власть Франціи, захваченная порывомъ новой власти, впервые испытавшей сегодня свою мощь.

Шесть часовъ тянется эта похоронная процессія отъ Версаля до Парижа. По пути изъ всѣхъ домовъ выбѣгаютъ на дорогу любопытные. Они не обнажаютъ почтительно головъ передъ побѣжденными, а лишь въ молчаливомъ недоумѣніи глазѣютъ на проѣзжающихъ. Каждому хочется посмотрѣть на короля и королеву въ ихъ униженіи. Женщины съ возгласами триумфа показываютъ на свою добычу: — «Мы приводимъ ихъ назадъ, булочника, булочницу и маленькаго пекаренка. Теперь голоду конецъ.»

Марія-Антуанетта слышитъ эти возгласы ненависти и издѣвательства и плотнѣе забивается вглубь кареты, чтобы ничего не видѣть и не быть видимой. Глаза ея подернуты слезами. Быть можетъ, она вспоминаетъ во время этой безконечно длинной шестичасовой поѣздки о своихъ многочисленныхъ прежнихъ веселыхъ и легкомысленныхъ поѣздкахъ по той же дорогѣ, въ кабріолетѣ, вдвоемъ съ графиней Полиньякъ, на маскарадѣ, въ оперу, на шумные ужины. Быть можетъ, она ищетъ глазами посреди конвоирующихъ солдатъ сопровождающаго ея карету переодѣтаго всадника Ферзена, ея един-

ственного, настоящего друга. А можетъ быть, она вовсе ни о чемъ не думаетъ и только устала, измучена, ибо медленно, медленно вращаются колеса, но вѣрно и неуклонно — она сознаетъ это — влекутъ они ее къ ея роковой судьбѣ.

Наконецъ, похоронная процессія монархіи достигаетъ городскихъ воротъ Парижа. Здѣсь политическаго мѣртвеца ждетъ еще торжественное отпѣваніе. Въ свѣтъ факеловъ встрѣчаетъ короля и королеву городской голова Байльи и привѣтствуетъ этотъ день 6 октября, превратившій Людовика навсегда въ подданнаго его подданныхъ.

— Какой прекрасный день! — восторженно восклицаетъ Байльи. — Онъ предоставляетъ парижанамъ возможность принять подлѣ своего города ваше величество и всю королевскую семью.

Даже не слишкомъ чувствительный король ощущаетъ сквозь свою слоновью кожу этотъ уколъ и сухо обрываетъ оратора:

— Я надѣюсь, что послѣдствіемъ моего пребыванія здѣсь окажутся миръ, согласіе и подчиненіе законамъ.

Но смертельно усталымъ жертвамъ все еще не даютъ отдохнуть. Онѣ должны еще отправиться въ ратушу, чтобы весь Парижъ могъ полюбоваться своей добычей. Байльи передаетъ собравшейся подлѣ ратуши толпѣ слова короля: «Я всегда пребываю съ удовольствіемъ и довѣріемъ среди жителей моего славнаго Парижа», но забываетъ при этомъ повторить слово «довѣріе». Слѣдкимъ присутствіемъ духа королева замѣчаетъ это упущеніе. Она соображаетъ, какъ важно возложить этимъ словомъ «довѣріе» извѣстныя обязательства на возставшій народъ. Она громко напоминаетъ Байльи, что король говорилъ и о своемъ довѣріи къ населенію.

— Вы слышите, господа, — спохватывается Байльи, — это еще лучше, чѣмъ если бы я самъ передалъ вамъ эти слова.

Въ заключеніе насильственно возвращенныхъ въ Парижъ короля и королеву заставляютъ показаться у

окопъ. Справа и слѣва отъ ихъ лицъ держатъ факелы, чтобы народъ могъ убѣдиться въ томъ, что это не переодѣтыя куклы, а дѣйствительно приведенные изъ Версаля король и королева. И народъ въ восторгѣ отъ своей неожиданной побѣды, онъ буквально опьяненъ ею. Почему бы не выказать теперь и великодушія? Давно неслыханный кличъ: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева!» долго оглашаетъ Гревскую площадь. Въ вознагражденіе за все пережитое Людовикъ XVI и Марія-Антуанетта могутъ теперь отправиться безъ военнаго конвоя въ Тюльери, чтобы тамъ, наконецъ, отдохнуть послѣ этого ужаснаго дня и въ мысляхъ измѣрить ту глубину, на которую онъ ихъ низвергъ.

Покрытыя пылью кареты останавливаются передъ темнымъ, запущеннымъ дворцомъ. Со времепъ Людовика XIV въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ дворъ не жилъ въ этой старой королевской резиденціи — Тюльерійскомъ дворцѣ. Комнаты пустыньны, мебель вынесена, не хватаетъ постелей и освѣщенія. Двери не запираются, вѣтеръ врывается сквозь разбитыя стекла окопъ. При свѣтѣ гдѣ-то раздобытыхъ свѣчей пытаются соорудить на скорую руку импровизированное ложе для свалившейся неожиданно, словно метеоръ съ неба, королевской семьи.

— Какъ здѣсь все некрасиво, мама, — говоритъ 4½-лѣтній дофинъ, выросшій въ блескѣ Версаля и Трианона, привыкшій къ сверкающимъ канделябрамъ и блестящимъ зеркаламъ, богатству и роскоши.

— Дитя мое, — отвѣчаетъ ему королева, — здѣсь жилъ Людовикъ XIV и чувствовалъ себя хорошо. Мы не имѣемъ права быть притязательнѣе его.

Но равнодушный и ко всему безразлично относящійся Людовикъ XVI примиряется безъ всякихъ жалобъ со своимъ новымъ пристанищемъ. Онъ зѣваетъ и лѣниво говоритъ окружающимъ:

— Пусть каждый устраивается, какъ можетъ. Что касается меня, я доволенъ.

Но Марія-Антуанетта вовсе недовольна. Она никогда не будет относиться къ этому не еѳ избранному дому иначе, какъ къ тюрьмѣ, никогда не забудетъ, какимъ унижительнымъ манеромъ ее сюда притащили.

«Никто не повѣритъ тому, — пишетъ она торопливо своему вѣрному Мерси, — что произошло за послѣдніе двадцать четыре часа. Что бы ни рассказывали, все окажется не преувеличеніемъ, а, наоборотъ, гораздо слабѣе дѣйствительно видѣннаго и пережитаго нами.»

Отрезвленіе

Въ 1789 году революція еще не сознаетъ своей силы, еще пугается подчасъ своей смѣлости. Такъ и теперь: Національное Собраніе, городскіе гласные, вся вѣдушъ еще вѣрноподданническая буржуазія Парижа, — всѣ они возмущены авантюрой амазонокъ, отдавшей короля въ ихъ руки. Изъ чувства стыда они дѣлаютъ все возможное, чтобы стереть незаконныя черты этого насильственнаго акта, стараются изо всѣхъ силъ придать заднимъ числомъ похищенію короля характеръ добровольнаго его переѣзда въ Парижъ. Они трогательно соперничаютъ въ украшеніи гроба королевскаго авторитета возможно пышными розами и втайнѣ надѣются, что имъ удастся скрыть, что монархія, въ дѣйствительности, съ 6 октября окончательно умерла и похоронена. Парламентъ командируетъ тридцать делегатовъ, магистратъ города Парижа является съ почтительнымъ визитомъ, городской голова склоняется передъ Маріей Антуанеттой со словами:

— Городъ счастливъ видѣть васъ во дворцѣ его королей и желалъ бы, чтобы король и ваше величество удостоили Парижъ милости избрать его вашей постоянной резиденціей.

Столь же почтительнымъ оказывается и рядъ другихъ учреждений и, наконецъ, 20 октября и само Національное Собраніе. Подъ окнами дворца ежедневно соби-

раются огромныя толпы съ криками: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева!» Всѣ дѣлаютъ все возможное, чтобы доказать монарху свою радость по поводу его «добровольнаго переселенія».

Но неспособная притворяться Марія Антуанетта и послушный ей король, отбиваются съ человѣчески понятнымъ, но политически совершенно неразумнымъ упорствомъ отъ такого прикрашиванія событій. «Мы были бы довольны, еслибы намъ удалось забыть, какимъ образомъ мы сюда попали,» — пишетъ королева посланнику Мерси. Но въ дѣйствительности она вовсе не желаетъ забыть. Слишкомъ много позора пришлось ей испытать. Ее насильно притащили въ Парижъ, ея Версальскій дворецъ взяли штурмомъ, ея лейбъ-гвардейцевъ звѣрски убили, а Національное Собраніе и національная гвардія и пальцемъ не шевельнули. Ее насильственно заточили въ Тюльерійскій дворецъ, пусть же весь міръ узнаетъ объ этомъ неслыханномъ пограніи священныхъ правъ монарха. И король и королева неустанно подчеркиваютъ съ умысломъ свое пораженіе: король отказывается ѣздить на охоту, королева не посѣщаетъ театровъ, они не показываются на улицахъ, не выѣзжаютъ и упускаютъ, такимъ образомъ, возможность снова слискать популярность въ народѣ.

Это упорное затворничество создаетъ весьма опасный прецедентъ. Признавая насиліе надъ собой, дворъ убѣждаетъ народъ въ его силѣ. Демонстративно подчеркивая свое пораженіе, король и впрямь становится побѣжденнымъ. Не народъ и не Національное Собраніе, а король и королева обвели Тюльерійскій дворецъ невидимымъ крѣпостнымъ рвомъ, они сами, изъ неразумнаго упрямства, превращаютъ ихъ никѣмъ еще не оспариваемую свободу въ тюремное заточеніе.

Старый дворецъ съ его темными коридорами, днемъ и ночью освѣщаемыми масляными лампами, съ его узкими витыми дѣсенками, съ его переполненными комнатами для прислуги и, прежде всего, съ постоянно его охраняющими, свидѣтельствующими о власти народа національными гвардейцами, не представляетъ собою

особенно пріятнаго мѣстопробыванія. Но заброшенная сюда волею судьбы королевская семья ведетъ здѣсь болѣе спокойную, болѣе интимную и, пожалуй, даже болѣе удобную жизнь, чѣмъ въ помпезномъ каменномъ ящикѣ Версаля. Послѣ утренняго завтрака королева велитъ приводить къ ней дѣтей, играетъ съ ними; потомъ отправляется къ обѣднѣ и остается одна въ своей комнатѣ до общаго обѣда. Затѣмъ она играетъ съ мужемъ на билліардѣ — это для него слабая гимнастическая замѣна его любимой охоты. Потомъ, когда король спитъ или читаетъ, Марія-Антуанетта снова уходитъ въ свои покои, чтобы поговорить со своими ближайшими друзьями, Ферзенемъ, принцессой де-Ламбаль или другими. Послѣ ужина вся семья собирается въ большой залъ: живущій въ Люксембургскомъ дворцѣ братъ короля графъ Прованскій со своей женой, старыя тетуски, нѣсколько преданныхъ друзей. Въ одиннадцать часовъ гасятъ свѣтъ и король съ королевой отправляются въ свои опочивальни.

Этотъ мирный, размѣренный, мѣщанскій порядокъ дня ничѣмъ не разнообразится, не нарушается ни празднествами, ни парадными приѣмами. Портниха мадемуазель Бертенъ никогда почти не появляется, время ювелировъ прошло, Людовикъ XVI бережетъ свои деньги для болѣе важныхъ цѣлей, для подкуповъ и тайной политической развѣдки.

Изъ оконъ виденъ обнаженный осеннимъ листопадомъ садъ. Теперь время, гянувшееся когда-то по мнѣнію королевы такъ медленно, бѣжитъ быстро. Теперь, наконецъ, ее окружаетъ тишина, которой она прежде боялась, теперь ей впервые предоставляется случай серьезно призадуматься.

Съ наступленіемъ несчастья во внутренней жизни этой странной женщины, начинается новая эпоха. Но несчастье, въ сущности, никогда не измѣняетъ характера. не придаетъ ему новыхъ элементовъ, а только отчетливѣе выявляетъ уже имѣвшіяся предрасположенія. Марія-Антуанетта отнюдь не становится вдругъ интел-

лигентной, активной, энергичной въ эти годы ея послѣдней борьбы. Всѣ эти качества всегда уже таились въ ней, она только, въ силу какой-то ребяческой склонности къ забавамъ, не заботилась о проявленіи этой существенной стороны своей личности.

Она до сихъ поръ только играла жизнью — это не требуетъ силы — и никогда не боролась съ ней. Теперь только, послѣ брошеннаго ей жизнью вызова, вся дремавшая въ ней энергія пріобрѣтаетъ характеръ точеннаго оружія. Марія-Антуанетта думаетъ и размышляетъ лишь съ того момента, когда ей нужно думать. Она работаетъ, потому что принуждена работать. Она становится выше, потому что судьба ее заставляетъ вырасти, угрожая въ противномъ случаѣ безжалостно ее раздавить. Въ Тюльерійскомъ дворцѣ начинается полнѣйшая перестановка ея внѣшней и внутренней жизни.

Та самая женщина, которая на протяженіи двадцати лѣтъ не могла дослушать внимательно до конца ни одного министерскаго доклада, которая не могла безъ торопливости прочесть ни одного письма и никогда не читала книгъ, которая не интересовалась ничѣмъ, кромѣ игры, спорта, моды и. т. п. пустяковъ, превращается теперь свой письменный столъ въ государственную канцелярію, свою комнату въ кабинетъ дипломата. Она совѣщается — вмѣсто своего мужа, отъ котораго всѣ теперь досадливо отстраняются, какъ отъ неизлѣчимо - слабого человѣка, — со всѣми министрами и послами, она контролируетъ ихъ мѣропріятія. она редактируетъ ихъ письма. Она изучаетъ шифры и придумываетъ сложнѣйшіе техническіе трюки для тайныхъ дипломатическихъ сношеній со своими заграничными друзьями. То она пишетъ симпатическими чернилами, то прибѣгаетъ къ системѣ цифръ или прячетъ свои посланія въ газеты, коробки отъ шоколада. Каждое слово старательнѣйшимъ образомъ взвѣшивается, чтобы, оставаясь совершенно непонятнымъ для непосвященныхъ, оно вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло ясный смыслъ для посвященныхъ. Все это она

дѣлаетъ одна, безъ помощниковъ, безъ секретаря, будучи окружена со всѣхъ сторонъ шпионами: одно перехваченное письмо и ея мужъ и дѣти погибли.

Эта непривычная къ труду женщина работаетъ до полного истощенія силъ. «Я безконечно устала отъ всей этой переписки, — вздыхаетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, — я не вижу больше того, что пишу», — жалуется она въ другомъ. Не за свои частные интересы, не за власть или личное счастье борется она теперь: «Что касается насъ лично, то я прекрасно сознаю, что всякая возможность счастья миновала. Но короли обязаны страдать за другихъ, и мы эту свою обязанность свято выполняемъ. Пусть люди когда-нибудь узнаютъ объ этомъ». Хоть и съ опозданіемъ, но до глубины своей души поняла Марія-Антуанетта, что ей суждено стать исторической фигурой и это укрѣпляетъ ея силы.

Когда человѣкъ приближается къ собственнымъ глубинамъ, когда онъ рѣшилъ докопаться до сокровеннѣйшей суги своей личности, онъ пробуждаетъ въ своей крови призрачныя тѣни собственныхъ предковъ. То обстоятельство, что она Габсбургскаго рода, внучка и наследница доблестныхъ императоровъ и ихъ чести, дочь Маріи-Терезіи, волшебнымъ образомъ поднимаетъ эту женщину на огромную высоту. Она чувствуетъ себя обязанной быть «достойной Маріи-Терезіи» и слово «мужество» становится лейтмотивомъ ея предсмертной симфоніи.

Эта гордость, которую она высоко несетъ передъ всѣмъ свѣтомъ наподобіе развѣвающагося знамени, дается Маріи-Антуанеттѣ нелегко. Въ глубинѣ своего существа эта женщина не высокомерна и не сильна, отнюдь не героиня, а женственная натура, рожденная для нѣжности и преданности, но не для борьбы. Выставляя напоказъ свое мужество, она имѣетъ въ виду внушить мужество другимъ, сама она въ глубинѣ своей души не вѣритъ больше въ возможность наступленія лучшихъ дней. Какъ только она возвращается въ свою комнату, руки ея, въ которыхъ она носила знамя гордости, опу-

скаются. Ферзень почти всегда застаётъ ее въ слезахъ. Эти встрѣчи съ безконечно любимымъ и, наконецъ, обрѣтеннымъ другомъ нисколько не походятъ на галантныя рандеву. Глубоко потрясенный Ферзень прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы вырвать любимую женщину изъ той меланхоліи, въ которую она погружена. Ея несчастьи пробуждаетъ въ немъ особенную глубину чувствъ. «Она часто плачетъ, — пишетъ онъ своей сестрѣ, — и очень несчастна. Какъ я ее долженъ любить!» Последніе годы оказались слишкомъ тяжелыми для этого легко-вѣрнаго сердца. «Мы видѣли слишкомъ много ужасовъ и крови, чтобы могли еще когда-нибудь быть счастливы». Противъ обрушивающейся на ея беззащитную голову ненависти она апеллируетъ къ своему единственному защитнику — собственной совѣсти. «Я взываю ко всему свѣту, пусть докажутъ, что я совершила что-нибудь дурное», — пишетъ она. Или: «Я жду справедливаго приговора отъ будущаго, и это помогаетъ мнѣ переносить всѣ мои страданія. Тѣхъ, кто не хочетъ быть справедливымъ по отношенію ко мнѣ, я слишкомъ презираю, чтобы ими заниматься». И все же она вздыхаетъ, «какъ жить съ такимъ сердцемъ въ такомъ мірѣ!» и подчасъ чувствуетъ, что у этой несчастной женщины осталось только одно желаніе: чтобы все поскорѣе пришло къ концу. «О, если-бы то, что намъ теперь приходится выносить и дѣлать, могло хоть когда-нибудь дать счастье нашимъ дѣтямъ! Это единственное желаніе, которое я еще могу себѣ позволить».

Мысль о дѣтяхъ есть единственная мысль, которую Марія-Антуанетта осмѣливается сочетать со словомъ «счастье». «Если-бы я могла вообще еще быть счастливой, то только благодаря моимъ дѣтямъ,» — вздыхаетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ. — «Когда я чувствую себя очень несчастной, то беру къ себѣ моего маленькаго сына,» — говоритъ она въ другомъ письмѣ. Или: «Я весь день одна, и единственнымъ моимъ утѣшеніемъ являются мои дѣти. Я держу ихъ, посколькy возможно, подлѣ себя». Двое изъ четырехъ дѣтей, дарованныхъ

ей судьбою. умерли, теперь ея нѣкогда легкомысленно расточавшаяся всему міру любовь со страстью отчаянія сконцентрировалась на оставшихся двухъ. Особенно много радости доставляетъ ей дофинъ, потому что онъ крѣпышъ, весель, уменъ и нѣженъ, „*son d'amour*“, называетъ она его влюбленно.

Однако, подобно всѣмъ прочимъ чувствамъ этой много перестрадавшей женщины. и нѣжность къ сыну начинается отличатся прозорливостью. Хотя она и обожаетъ ребенка. она все же не балуетъ его. «Наша любовь къ мальчику должна сочетаться со строгостью, — пишетъ она его гувернанткѣ. — Мы не должны забывать, что намъ предстоитъ воспитать изъ него короля». Передавая своего сына въ руки новой воспитательницы мадамъ де-Турзель, она составляетъ той для руководства психологическое описаніе ребенка, въ которомъ неожиданно сказывается во всемъ блескѣ ея доселѣ скрытая способность судить о людяхъ и глубокой педагогической инстинктъ. Если сравнить этотъ написанный матерью документъ съ прежними ея письмами, то съ трудомъ можно повѣрить тому, что ихъ писалъ одинъ и тотъ же человекъ, настолько далека новая Марія-Антуанетта отъ старой. Столь же далека, какъ несчастье отъ счастья и отчаяніе отъ каприза.

Несчастье налагаетъ свое клеймо особенно отчетливо на мягкія, неготовыя, податливыя души. Характеръ Маріи-Антуанетты, напоминавшій доселѣ своимъ непостоянствомъ и расплывчатостью текучую воду, получаетъ ясность и отчетливость. «Когда же ты станешь, наконецъ, самою собой» — говорила всегда въ отчаяніи Марія-Терезія своей дочери. И съ появленіемъ первыхъ сѣдинъ на вискахъ Марія-Антуанетта сдѣлалась, наконецъ, самой собой.

Мирабо

Въ своей борьбѣ съ революціей королева до сихъ поръ имѣла только одного союзника: время. «Только уступчивость и терпѣніе могутъ спасти насъ». Но время не-

надежный, оппортунистически настроенный союзникъ, оно всегда на сторонѣ болѣе сильнаго и предаетъ тѣхъ, кто не дѣйствуетъ самъ и рассчитываетъ только на него. Революція движется впередъ и завербовываетъ каждую недѣлю новыхъ рекрутъ въ городѣ, въ деревнѣ, въ арміи. Вновь учрежденный клубъ якобинцевъ каждый день нажимаетъ рычагъ все сильнѣе, чтобы, наконецъ, опрокинуть монархію. Король и королева начинаютъ понимать, какъ опасно ихъ обособленное положеніе и какъ имъ необходимо искать союзниковъ.

Одинъ чрезвычайно цѣнный союзникъ уже неоднократно предлагалъ въ замаскированной формѣ свои услуги двору — этотъ секретъ тщательно оберегается и извѣстенъ только самому тѣсному кругу лицъ. Съ сентября въ Тюльерійскомъ дворцѣ знаютъ, что вождь Національнаго Собранія, вызывающій всеобщіе восторги графъ Мирабо, этотъ левъ революціи, готовъ полакомиться золотымъ кормомъ изъ руки короля.

— Позаботьтесь о томъ, — сказалъ онъ одному посреднику, — чтобы до дворцѣ узнали, что я больше за нихъ, чѣмъ противъ нихъ.

Но до тѣхъ поръ, пока дворецъ находился въ Версалѣ, онъ чувствовалъ себя въ совершенной безопасности, и королева не учитывала огромнаго значенія этого чело-вѣка, болѣе всѣхъ прочихъ способнаго быть вожакомъ революціи, потому что онъ самъ былъ геніемъ мятежа, живымъ олицетвореніемъ воли къ свободѣ, воплощеніемъ переворота, дышущаго анархіей.

Остальные депутаты Національнаго Собранія — добродетельные ученые, огромные юристы, честные демократы — идеалистически мечтаютъ о порядкѣ и реформѣ. Только для Мирабо государственный хаосъ является спасеніемъ отъ личнаго хаоса. Его исполинской силѣ — онъ назвалъ ее однажды силой десяти чело-вѣкъ — необходима міровая буря, чтобы она могла развернуться во всю. Его матеріальное, моральное и семейное положеніе распатано и ему необходимо распатанное государство, чтобы по его развалинамъ подняться кверху. Всѣ прежніе взрывы его стихійной природы, всѣ эти

памфлеты, похищенія женщинъ, дуэли и скандалы служили только несовершенными отдушинами для его бурнаго темперамента, который не въ состояніи были обуздать всѣ тюрьмы Франціи. Этой дикой душѣ необходимъ большій просторъ. этому мощному духу нужны болѣе грандіозныя задачи.

Подобно застоившемуся въ тѣсномъ сараѣ дикому быку, доведенному до бѣшенства уколами пламенныхъ бандерилій презрѣнія, вырывается онъ на арену революціи и первымъ же натискомъ опрокидываетъ затхлый барьеръ сословныхъ перегородокъ. Національное Собраніе пугается первыхъ громовыхъ раскатовъ его голоса, но склоняется подъ его властное ярмо. Столь же сильный духомъ, какъ и писательскимъ даромъ, мощный кузнецъ Мирабо перековываетъ на протяженіи нѣсколькихъ минутъ самые трудные законы и самыя смѣлыя формулировки въ желѣзныя скрижали. Своимъ пламеннымъ пафосомъ онъ сметаетъ волю всего Національнаго Собранія, и еслибы его прошлое не внушало нѣкоторыхъ подозрѣній еслибъ духъ порядка не побуждалъ Національное Собраніе къ безсознательной самозащитѣ противъ этого вѣстника хаоса, оно съ перваго же дня замѣнило бы свои тысячу двѣсти головъ одною и имѣло бы единого неограниченнаго повелителя.

Но этотъ глашатай свободы самъ несвободенъ: долги сгибаютъ его спину, сѣть грязныхъ процессовъ опутываетъ его руки. Такой человекъ, какъ Мирабо, можетъ жить и дѣйствовать, только расточая себя. Ему необходимы беззаботность, роскошь, полные карманы, звенящее золото, накрытый столъ, секретари женщины, помощники, слуги. Чтобы добиться такой единственно пріемлемой для него свободы травимый со всѣхъ сторонъ кредиторами Мирабо предлагаетъ себя всѣмъ: Неккеру, герцогу Орлеанскому, брату короля и наконецъ двору. Но Марія-Антуанетта особенно ненавидящая перебѣжчиковъ дворянства, считаетъ себя въ бытность свою въ Версалѣ еще достаточно сильной для того, чтобы имѣть право пренебречь продажной милостью этого чудовища. «Я думаю, — отвѣчаетъ она посреднику, графу де ла

Маркъ, — что мы никогда не дойдемъ до такого несчастья, чтобы прибѣгнуть къ такой крайней мѣрѣ и искать помощи у какого-то Мирабо.»

Теперь они, увы, зашли уже такъ далеко, что къ этой помощи приходится прибѣгнуть пять мѣсяцевъ спустя — безконечный промежутокъ времени во время революціи. Графъ де ла Маркъ получаетъ черезъ посредство посланника Мерси сообщеніе о томъ, что королева готова вступить въ переговоры съ Мирабо. т. е. купить его. Къ счастью, еще не слишкомъ поздно: по первому же предложенію Мирабо идетъ на золотую приманку. Съ жадностью слышитъ онъ, что Людовикъ XVI заготовилъ четыре долговыхъ обязательства въ двѣсти пятьдесятъ тысячъ ливровъ каждое, вмѣстѣ на одинъ миллионъ, каковой имѣетъ быть ему выплаченъ по окончаніи сессіи Національнаго Собранія, «если онъ мнѣ будетъ оказывать надлежащія услуги», какъ осторожно выражается бережливый король. 10 мая Мирабо подписываетъ договоръ о продажѣ самого себя и обязуется «лояльно, ревностно и мужественно» служить королю.

Обѣ стороны отлично сознаютъ, что совершаютъ не слишкомъ почтенную, боящуюся яркаго свѣта сдѣлку. Согласно условію, Мирабо не имѣетъ права лично показываться во дворцѣ и долженъ давать королю совѣты только въ письменной формѣ. Для улицы Мирабо долженъ оставаться революціонеромъ, а въ Національномъ Собраніи отстаивать интересы короля. Темная сдѣлка, при которой никто, въ сущности, не выигрываетъ и одинъ контрагентъ не довѣряетъ другому.

Мирабо немедленно приступаетъ къ исполненію своихъ обязанностей и пишетъ монарху нѣсколько писемъ съ совѣтами, но истиннымъ адресатомъ является королева. Мирабо надѣется — онъ скоро уясняетъ себѣ, что король не идетъ въ счетъ — быть понятымъ Маріей-Антуанеттой. «Король. — пишетъ онъ уже во второй своей замѣткѣ, — имѣетъ въ своемъ распоряженіи только одного мужчину, и этотъ мужчина его жена. Для нея не существуетъ увѣренности до тѣхъ поръ, пока не

будетъ возстановленъ королевскій авторитетъ. Мнѣ кажется, что она не могла бы жить безъ короны, но я совершенно увѣренъ, что она не захочетъ сохранить свою жизнь, если не удастся сохранить тронъ. Скоро, вѣроятно, настанетъ тотъ моментъ, когда придется показать, что могутъ сдѣлать женщина и ребенокъ верхомъ на конѣ. Въ ея семьѣ уже былъ такой случай. Но до того времени необходимо все приготовить и не думать, что по счастливой случайности или путемъ мелкихъ комбинацій можно выпугаться изъ необычайнаго кризиса при помощи обычныхъ людей и средствъ.»

Въ качествѣ необычайнаго человѣка Мирабо довольно прозрачно предлагаетъ самого себя. При помощи трезубца словъ онъ надѣется такъ же легко успокоить взбудораженные волны, какъ онъ ихъ возмутилъ. Въ своемъ распаленномъ самомнѣніи онъ уже видитъ себя съ одной стороны предсѣдателемъ Національнаго Собранія, а съ другой стороны первымъ министромъ короля и королевы. Но Мирабо заблуждается. Ни одной минуты не помышляетъ Марія-Антуанетта о томъ, чтобы доставить этому „*mauvais sujet*“ подлинную власть.

Средній человѣкъ относится всегда инстинктивно подозрительно къ демоническому человѣку, и Марія-Антуанетта не понимаетъ грандіозной аморальности этого перваго и послѣдняго встрѣченнаго ею въ жизни генія. Ей не по себѣ отъ смѣлыхъ изгибовъ его характера. Титаническая страсть его больше пугаетъ, чѣмъ привлекаетъ ее. Ея затаенная мечта — какъ только исчезнетъ надобность въ этомъ дикомъ, безудержномъ, не поддающемся никакому учету человѣкѣ, расплатиться съ нимъ, прогнать его прочь. Но разъ его уже купили, то пусть онъ пока отрабатываетъ уплаченные ему крупныя деньги, даетъ совѣты, онъ, вѣдь, уменъ и ловокъ. Эти совѣты будутъ читаться, то, что въ нихъ не слишкомъ эксцентрично и смѣло, будетъ приводиться въ исполненіе и баста. Этого отличнаго агитатора можно будетъ использовать при голосованіяхъ Національнаго Собранія въ качествѣ лазутчика, въ качествѣ посредника, а также для того, чтобы подкупать другихъ. Левъ долженъ ры-

чать въ Національномъ Собраніи и вмѣстѣ съ тѣмъ мирно идти на веревочкѣ за дворомъ.

Таково отношеніе Маріи-Антуанетты къ этому сверхъестественному уму, но она не питаетъ ни капли довѣрія къ этому человѣку, чью полезность она подчасъ признаетъ, но чью мораль она неизмѣнно презираетъ и чьей геніальности съ перваго до послѣдняго момента абсолютно не понимаетъ.

Медовый мѣсяць вѣры въ помощь Мирабо скоро прошелъ. Мирабо замѣчаетъ, что его письма бросаются королемъ въ корзину и не производятъ никакого впечатлѣнія, но не перестаетъ изъ честолюбія или жадности къ общанному милліону насѣдать на дворъ. Такъ какъ онъ видитъ что его письменные совѣты не приводятъ ни къ какому результату, онъ дѣлаетъ послѣднее усиліе. Онъ знаетъ по опыту, что подлинная его мощь лежитъ не въ письмахъ, а въ рѣчахъ, что электризующее вліяніе исходитъ отъ непосредственнаго воздѣйствія его личности. Онъ безпрестанно требуетъ отъ графа де ла Маркъ, чтобы тотъ, наконецъ, далъ ему возможность переговорить съ королевой. Одинъ часъ такой бесѣды, и ея недовѣріе, какъ это происходило съ сотнями другихъ женщинъ, смѣнится восхищеніемъ. Только одну единственную аудіенцію. Опьяненный своимъ самомнѣніемъ, онъ разсчитываетъ, что эта встрѣча не окажется послѣдней: тотъ, кто съ нимъ познакомился непосредственно, не можетъ не поддаться его вліянію.

Марія-Антуанетта долго уклоняется, но, наконецъ, изъявляетъ согласіе и сообщаетъ, что готова принять Мирабо 3 іюля во дворцѣ Сень-Клу. Само собой разумѣется, что эта встрѣча должна держаться подъ секретомъ. Приѣмъ назначается на воскресенье въ восемь часовъ утра, въ такое время, когда весь дворъ еще спитъ, и стража не можетъ ждать никакихъ визитовъ. Мирабо, несомнѣнно взволнованный, проводитъ ночь наканунѣ разговора съ королевой въ домѣ своей сестры въ Пасси. Рано утромъ коляска отвозитъ его въ Сень-Клу. Роль кучера исполняетъ его переодѣтый племянникъ. Коляска

оставляется въ укромномъ мѣстѣ. Мирабо нахлобучиваетъ шляпу пониже, поднимаетъ воротникъ плаща какъ заговорщикъ. и пробирается черезъ заранѣе ему указанную и оставленную незапертой калитку въ королевскій паркъ.

О чемъ говорили въ этотъ часъ королева и Мирабо, остается тайной. Такъ какъ они встрѣтились безъ свидѣтелей, то всѣ сообщенія объ этомъ свиданіи, въ родѣ, напр., разказовъ желающей быть всевѣдущей камеръ-фрейлины Кампанъ, являются либо вымысломъ, либо предположеніями. Извѣстно лишь то, что Мирабо не подчинилъ своей волѣ Марію-Антуанетту, а подчинился ея волѣ. Ея наслѣдственная величавость, усиленная ореоломъ королевской власти, естественное достоинство и живая сообразительность, благодаря которой Марія-Антуанетта при первой съ нею встрѣчѣ всегда казалась болѣе энергичной и рѣшительной, чѣмъ она была въ дѣйствительности, произвели неотразимо чарующее впечатлѣніе на легко воспламеняющуюся широкую натуру Мирабо. Онъ всегда чувствуетъ симпатію къ людямъ, кажушимся ему мужественными. По выходѣ изъ парка онъ въ волненіи хватаетъ за руку своего племянника и говоритъ съ присущей ему страстностью:

— Она удивительная женщина, благородная и очень несчастная, но я ее спасу.

За одинъ часъ Марія-Антуанетта превратила этого подкупленнаго и колеблющагося человѣка въ своего рѣшительнаго защитника. «Никто не сможетъ меня удержать, я скорѣе умру, чѣмъ не сдержу своего общанія», — пишетъ Мирабо посреднику, графу де ла-Маркъ.

Свѣдѣній объ этомъ свиданіи, исходящихъ отъ королевы, не имѣется. Ни однимъ словомъ не выразила она ни своей благодарности, ни довѣрія. Никогда не выразила она желанія снова повидать Мирабо, никогда не написала ему ни строчки. Во время вышеописанной встрѣчи она не заключила съ нимъ никакого союза, а только выслушала его увѣренія въ преданности. Марія-Антуанетта только разрѣшила Мирабо пожертвовать собой ради нея.

Мирабо далъ обѣщаніе, вѣрнѣе, два обѣщанія. Онъ присягнулъ въ вѣрности и королю и націи. Въ самомъ разгарѣ борьбы онъ является одновременно начальникомъ генеральнаго штаба обѣихъ воюющихъ сторонъ. Никогда ни одинъ политикъ не брался за выполнение столь опасной задачи, какъ эта двойная роль, никогда никто не доигралъ такой роли до конца съ большей геніальностью.

Даже съ чисто физической точки зрѣнія дѣятельность Мирабо на протяженіи этихъ драматическихъ недѣль и мѣсяцевъ представляетъ собой нѣчто грандіозное. Онъ ораторствуетъ въ Національномъ Собраніи и въ клубахъ, агитируетъ, ведетъ переговоры, принимаетъ посѣтителей, читаетъ, работаетъ, составляетъ днемъ доклады и проекты для Національнаго Собранія, а вечеромъ — секретныя донесенія для короля. Три-четыре секретаря помогаютъ ему и едва поспѣваютъ угнаться за нимъ.

Но его неистощимой энергіи еще недостаточно всего этого: Онъ хочетъ еще больше работы, еще больше опасностей, еще больше отвѣтственности, а наряду съ тѣмъ хочетъ жить и наслаждаться. Подобно канатному плясуну, старается онъ сохранить равновѣсіе, склоняясь то вправо, то влѣво. Онъ отдаетъ на служеніе обѣимъ сторонамъ оба основныхъ дара своей исключительной натуры — свою политическую прозорливость и свою пламенную страстность. Онъ съ такой молніеносной быстротой смѣняетъ фехтовальныя приемы, клинокъ его шпаги описываетъ круги съ такой стремительностью, что никто не можетъ себѣ уяснить, въ кого онъ мѣтитъ — въ короля или въ народъ, на кого онъ нападаетъ — на старую или новую власть, да и самъ онъ этого быть можетъ, не знаетъ въ моментъ воодушевленія. Но долго такая ненормальная, находящаяся въ противорѣчій съ самой собой дѣятельность продолжаться не можетъ.

Кое въ комъ уже зашевелилось подозрѣніе. Марать считаетъ его подкупленнымъ, Фреронъ грозитъ ему фонаремъ.

— Побольше добродѣтели и поменьше таланта! — кричать ему въ Національномъ Собраніи, но онъ, воистину опьяненный, не знаетъ страха и опасеній, беззаботно расточаетъ онъ — чья задолженность извѣстна всему Парижу — свое новое богатство. Что ему за дѣло до того, что всѣ вокругъ изумляются, шушукуются и спрашиваютъ, изъ какихъ это средствъ онъ вдругъ завелъ себѣ княжескій домъ, даетъ роскошные пиры, купилъ библіотеку Бюффона, осыпаетъ оперныхъ пѣвицъ и проституттокъ брилліантами.

Безстрашно шествуетъ онъ, подобно Зевсу, сквозь грозу, ибо знаетъ, что является господиномъ всѣхъ урагановъ. Если кто-нибудь его затрагиваетъ, онъ, на подобіе новаго Самсона, дубиной своего гнѣва и молніей своей насмѣшки повергаетъ въ прахъ нападающихъ филистимлянъ. Передъ нимъ пропасть, вокругъ него подозрѣніе, позади него смертельная опасность, этотъ исполинъ чувствуетъ себя, наконецъ, въ своей стихіи. Его сверхчеловѣческая сила горитъ въ эти рѣшительные дни ослѣпительно яркимъ пламенемъ и незадолго до того, какъ погаснуть, взвивается еще исполинскимъ огненнымъ столбомъ. Наконецъ-то этому неправдоподобному человѣку задана соотвѣтствующая его гению задача: задержать ходъ неизбежнаго, остановить судьбу. Со всей мощью своей природы бросается онъ въ гущу событий и пытается — одинъ противъ милліоновъ — повернуть вспять то исполинское колесо революціи, которое онъ самъ привелъ въ движеніе.

Такая прямолинейная натура, какъ Марія-Антуанетта, не въ состояніи постичь всю поразительную смѣлость этой борьбы на два фронта, всю грандіозность двойственной политической позиціи Мирабо. Чѣмъ смѣлѣе становятся его докладныя записки, чѣмъ болѣе дьявольскіе планы онъ развиваетъ, тѣмъ больше пугается ея въ основѣ своей трезвый разумъ. Идея Мирабо сводится къ тому, что онъ хочетъ изгнать чорта при помощи сатаны, уничтожить революцію, доведя ее до крайности, замѣнивъ ее анархіей. Такъ какъ обстоятельства улуч-

шить нельзя, то ихъ слѣдуетъ возможно скорѣе ухудшить.

Онъ дѣйствуетъ на подобіе врача, который примѣненіемъ возбуждающихъ средствъ хочетъ вызвать кризисъ и тѣмъ ускорить выздоровленіе. Не отталкивать народное движеніе, а овладѣть имъ, не бороться съ Национальнымъ Собраніемъ сверху, а тайно подстрекать народъ къ тому, чтобы онъ самъ отправилъ Собрание ко всѣмъ чертямъ. Не возлагать надеждъ на миръ и успокоеніе, а, наоборотъ, довести несправедливость и безпокойство страны до точки кипѣнія и такимъ образомъ вызвать жажду порядка, тоску по старомъ, ни передъ чѣмъ не останавливаясь, даже передъ гражданской войной, — вотъ аморальныя, но политически прозорливыя предложенія Мирабо.

Уже библія воспрещаетъ впрягать въ одинъ плугъ быка и коня. Тяжеловѣсное, консервативное мышленіе двора не можетъ идти въ ногу съ пламенно рвущимся впередъ, безпокойно грызущимъ удила темпераментомъ великаго трибуна. Марія-Антуанетта, женщина стараго міра, не понимаетъ революціонной натуры Мирабо, она въ состояніи постичь только прямолинейное, а не безумно смѣлую игру этого гениальнаго авантюриста политики. Но Мирабо до послѣдней минуты не перестаетъ бороться изъ радости борьбы, изъ гордости своей безграничной смѣлости. Одинъ противъ всѣхъ онъ играетъ одновременно всѣми противъ всѣхъ. Съ опустошеннымъ тѣломъ съ горячкой въ крови, онъ снова и снова тащится на арену, чтобы еще разъ навязать свою волю этимъ двѣнадцати сотнямъ депутатовъ, и, наконецъ, въ мартѣ 1791 года — 8 мѣсяцевъ служилъ онъ одновременно королю и революціи — на него обрушивается смерть.

Онъ произноситъ еще одну рѣчь, диктуетъ до послѣдней минуты своимъ секретарямъ, спитъ еще послѣднюю ночь съ двумя оперными пѣвицами, и затѣмъ его сверхчеловѣческая сила сломлена. Толпы народа тѣснятся передъ его домомъ, чтобы прислушаться,

бьется ли еще сердце революціи, и за его гробомъ шествуютъ триста тысячъ человѣкъ. Впервые раскрываются двери Пантеона, чтобы дать вѣчный пріютъ его гробу. Но какъ жалко звучитъ слово «вѣчность» въ такое исполненное стремительности время. Два года спустя, когда раскрылась связь Мирабо съ королемъ, еще не совсѣмъ разложившееся тѣло его вынимаютъ изъ саркофага и выбрасываютъ въ мусорную яму.

Только дворъ реагируетъ абсолютнымъ молчаніемъ на смерть Мирабо и знаетъ, почему онъ молчитъ. Еще въ то время, когда Мирабо лежалъ въ агоніи, къ нему въ домъ посылаютъ изъ дворца довѣреннаго агента, чтобы тотъ забралъ изъ ящика письменнаго стола умирающаго письма, могущія вызвать подозрѣнія. И остался, такимъ образомъ, неразоблаченнымъ союзъ, котораго обѣ стороны стыдились: Мирабо потому, что онъ служилъ двору, и Марія-Антуанетта потому, что она пользовалась его услугами. Но съ Мирабо ушелъ послѣдній человѣкъ, которому, быть можетъ, удалось бы сыграть роль посредника между монархіей и народомъ. Теперь Марія-Антуанетта стоитъ лицомъ къ лицу съ революціей.

Подготовка въ бѣгству

Въ лицѣ Мирабо королевская власть потеряла послѣдняго секунданта въ борьбѣ съ революціей. Дворъ снова одинокъ. Есть двѣ возможности: либо сражаться съ революціей, либо капитулировать передъ ней. Дворъ, какъ всегда, избираетъ самый неудачный путь, средній между этими двумя рѣшеніями: бѣгство.

Еще Мирабо обсуждалъ такой планъ, чтобы король, въ цѣляхъ восстановленія своего утраченнаго авторитета, освободился отъ насильственно ему навязаннаго Парижемъ состоянія безоружности, такъ какъ находящіяся въ плѣну не могутъ вести войну. Для того, чтобы сражаться, необходимо имѣть развязанныя руки и твердую

почву под ногами. Но Мирабо требовалъ, чтобы король не бѣжалъ тайно, ибо это противорѣчило бы его достоинству.

— Короли не бѣгутъ отъ своего народа, — говорилъ онъ, — король можетъ уйти только открыто. на виду у всѣхъ, чтобы такимъ путемъ стать и впрямь королемъ.

Онъ предлагалъ, чтобы король отправился въ своей коляскѣ въ загородную прогулку, гдѣ бы его поджидалъ оставшійся ему вѣрнымъ конный полкъ, и окруженный этимъ полкомъ, верхомъ на конѣ, при яркомъ свѣтѣ дня, направился къ своей арміи и оттуда, какъ свободный человѣкъ, вступилъ въ переговоры съ Национальнымъ Собраніемъ.

Но для такого образа дѣйствій необходимъ, конечно, мужчина, а никогда еще призывъ къ смѣлости не былъ обращенъ къ болѣе нерѣшительному человѣку, чѣмъ Людовикъ XVI. Онъ, правда, интересуется этимъ планомъ. обсуждаетъ его, но въ концѣ концовъ собственныя удобства ему дороже самой жизни. Теперь, когда Мирабо умеръ, истомленная ежедневными униженіями Марія-Антуанетта энергично борется за осуществленіе памфлетнаго плана. Ее не страшатъ опасности, связанныя съ бѣгствомъ, ее пугаетъ лишь отбѣнокъ чего-то недостойнаго, сочетающійся для нея съ понятіемъ бѣгства. Но положеніе настолько ухудшается со дня на день, что выбора не остается.

Помимо самой революціи, грозитъ еще и новая опасность. Французскіе принцы — графъ Артуа, принцъ Конде и прочіе эмигранты бряцаютъ у самой границы своими саблями, осторожности ради не вынимаемыми изъ ноженъ. Они интригуютъ во всѣхъ странахъ, они хотятъ во что бы то ни стало разыгрывать изъ себя героевъ, до тѣхъ поръ, пока это не сопряжено съ опасностью. Они развѣзжаютъ отъ двора къ двору, стараются натравить императора и королей на Францію, не задумываясь о томъ, что этими своими пустыми демонстраціями они подвергаютъ жизнь короля и королевы чрезвычайной опасности.

Эти великіе герои возсѣдаютъ въ Кобленцѣ и Туринѣ за пышно убранными столами и утверждаютъ, что жаждутъ крови якобинцевъ. Королевѣ лишь съ величайшими усиліями удается удержать ихъ отъ крайнихъ глупостей. Король долженъ вернуть себѣ свободу для того, чтобы держать въ уздѣ не только ультра-революціонеровъ, но и этихъ ультра-реакціонеровъ. Король долженъ быть во что бы то ни стало свободенъ, и для достиженія этой цѣли не приходится отказываться даже отъ окольныхъ путей — отъ бѣгства.

Осуществленіе бѣгства беретъ на себя королева, и практическую подготовку его она, разумѣется, поручаетъ тому, отъ кого она ничего не скрываетъ, и къ кому она питаетъ абсолютное довѣріе. т. е. Ферзену. Ему, кто сказалъ: «я живу только для того, чтобы служить вамъ», ему, своему подлинному другу, довѣряетъ она выполненіе того дѣла, которое можетъ быть осуществлено только при максимальномъ напряженіи всѣхъ силъ и готовности пожертвовать собственной жизнью.

Трудности неизмѣримы. Необходимо съ соблюденіемъ всяческой предосторожности принять рядъ спеціальныхъ мѣръ для того, чтобы выбраться незамѣтно изъ охраняемаго національными гвардейцами дворца, гдѣ каждый лакей является вмѣстѣ съ тѣмъ шпиономъ, чтобы пробраться черезъ чужой, враждебно настроенный городъ и столкнуться относительно организациіи проѣзда по странѣ съ единственнымъ военнымъ командиромъ, на котораго можно положиться, — генераломъ Буйе. Генералъ Буйе долженъ, согласно намѣченному плану, размѣстить вдоль половины пути, до крѣпости Монмеди, отдѣльные кавалерійскіе отряды, которые могли бы въ случаѣ опознанія или погони принять подъ свою охрану королевскую карету.

Тутъ возникаетъ новая трудность: необходимо найти какой-нибудь предлогъ, чтобы оправдать эти передвиженія войскъ въ близкой къ границѣ полосѣ. надо, чтобы австрійское правительство стянуло армейскій корпусъ къ границѣ и такимъ образомъ дало генералу Буйе поводъ

для распоряженій о перемѣщеніи войсковыхъ частей. Всѣ эти детали должны быть съ величайшей осторожностью тщательно обсуждены въ цѣломъ рядѣ писемъ, а въдѣ большинство писемъ вскрывается и, какъ выражается Ферзенъ, «все было бы потеряно, если бы было обнаружено хоть мельчайшее изъ намѣчаемыхъ мѣропріятій».

Кромѣ того — въ этомъ новая большая трудность — бѣгство требуетъ крупныхъ денежныхъ суммъ, а король и королева абсолютно не имѣютъ средствъ. Всѣ попытки раздобыть нѣсколько милліоновъ отъ брата Маріи-Антуанетты, отъ другихъ владѣтельныхъ особъ — въ Англии, Испаніи, Неаполѣ или отъ придворнаго банкира кончились неудачей. И эту заботу приходится взять на себя Ферзену, этому незначительному чужестранному дворянину.

Но Ферзенъ черпаетъ силы въ своей любви. Онъ работаетъ десятью головами, десятью руками и однимъ преисполненнымъ преданности сердцемъ. Прокрадываясь ночью или подъ вечеръ тайными путями во дворецъ, онъ часами обсуждаетъ съ королевой всѣ детали бѣгства. Онъ ведетъ переписку съ иностранными владѣтельными особами, съ ген. Буйе, онъ подбираетъ тѣхъ дворянъ, которые, переодѣтые курьерами, должны сопровождать королевскую семью въ ея бѣгствѣ, и тѣхъ, которые доставляютъ по адресу тайную корреспонденцію. Онъ заказываетъ на свое имя карету, раздобываетъ фальшивые паспорта, беретъ займы у одной русской и одной шведской дамы по триста тысячъ ливровъ подъ залогъ своего собственнаго имущества и, въ заключеніе, беретъ еще три тысячи ливровъ въ долгъ у собственнаго камердинера.. Онъ постепенно переноситъ въ Тюльерійскій дворецъ отдѣльныя части необходимыхъ для переодѣванія туалетовъ и тайкомъ выноситъ изъ дворца брилліанты Маріи-Антуанетты.

День и ночь, недѣля за недѣлей, онъ въ неусыпномъ напряженіи корреспондируетъ, ведетъ переговоры, вырабатываетъ планы, раздѣзжаетъ по Франціи и все это съ чрезвычайнымъ рискомъ для своей жизни. Если ослабнетъ хоть одна петля сѣти, растянутой имъ по всей

странѣ, если хоть кто-нибудь изъ посвященныхъ въ тайну нарушитъ оказанное ему довѣріе, если будетъ подслушано хоть одно слово, будетъ перехвачено хоть одно письмо, — жизнь его потеряна. Смѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ съ трезвой отчетливостью неустанно выполняетъ этотъ незаметный герой, руководимый только любовью, свою отвѣтственную роль въ одной изъ величайшихъ драмъ міровой исторіи.

Но король все еще колеблется, все еще надѣется, что какое-нибудь благопріятное событіе избавитъ его отъ необходимости привести въ исполненіе эту непріятную и утомительную затѣю. Напрасныя мечты. Карета заказана, необходимыя деньги кое-какъ раздобыты, переговоры съ ген. Буйе насчетъ эскорта завершены. Не хватаетъ лишь одного: демонстративнаго повода, моральнаго предлога для этого какъ-никакъ не слишкомъ рыцарскаго бѣгства. Надо еще придумать что-нибудь такое, что наглядно доказало бы всему міру, что король и королева бѣжали не изъ трусливости, а что къ этому бѣгству ихъ побудилъ терроръ. Для того, чтобы создать необходимый предлогъ, король доводитъ до свѣдѣнія Національнаго Собранія и городского управленія, что онъ намѣренъ провести пасхальную недѣлю въ Сень-Клу.

Немедленно, какъ на это и рассчитывали, якобинская пресса начинаетъ бить тревогу, дворъ де хочетъ выѣхать въ Сень-Клу для того, чтобы тамъ отслужить обѣдню и получить отпущеніе грѣховъ отъ священниковъ, отказавшихся отъ принесенія гражданской присяги, а кромѣ того король легко можетъ изъ Сень-Клу бѣжать. Газетныя статьи производятъ свое дѣйствіе. Девятнадцатаго апрѣля, когда король собирается сѣсть въ поджидающую его парадную коляску, ее окружаетъ толпа народа, арміи Марата и клубовъ, чтобы силой воспрепятствовать отъѣзду.

Именно о такомъ открытомъ проявленіи насилія только и мечтали королева и ея совѣтчики. Всему міру должно быть наглядно доказано, что Людовикъ XVI есть единственный во всей Франціи челоувѣкъ, не могущій

даже свободно уѣхать въ окрестности подышать свѣжимъ воздухомъ. Вся королевская семья демонстративно усаживается въ коляску и ждетъ, чтобы запрягли лошадей. Но толпа и національная гвардія становятся у дверей конюшни. Наконецъ, появляется неизмѣнный «спаситель» Лафайеттъ и въ качествѣ начальника національной гвардіи приказываетъ, чтобы королю дали дорогу. Никто его не слушается. Мэръ, которому онъ предлагаетъ развернуть въ знакъ предостереженія красное знамя, смѣется ему въ лицо. Лафайеттъ хочетъ обратиться къ народу съ рѣчью, но толпа заглушаетъ своими криками его слова и не даетъ ему говорить. Анархія открыто заявляетъ себя сторонницей несправедливости.

Въ то время, какъ начальникъ національной гвардіи тщетно пытается призвать свои войска къ порядку, король, королева и принцесса Елизавета продолжаютъ сидѣть въ коляскѣ окруженной ревущей толпой. Дикіе возгласы, крики и ругательства оставляютъ Марію-Антуанетту хладнокровной, она даже не безъ удовольствія любитъся тѣмъ, какъ беспомощенъ любимецъ народа, апостоль свободы Лафайеттъ предъ лицомъ возбужденной толпы. Она не вмѣшивается въ споръ этихъ двухъ, ей одинаково ненавистныхъ силъ, спокойно и безстрастно относится она ко всему, происходящему вокругъ нея: эти беспорядки покажутъ всему міру, что національная гвардія утратила всякій авторитетъ, что во Франціи царитъ полная анархія, что чернь можетъ безнаказанно оскорблять королевскую семью, и что король, слѣдовательно, имѣетъ моральное право бѣжать.

Два съ четвертью часа позволяютъ они толпѣ дѣлать, что ей угодно, и затѣмъ только король отдаетъ приказаніе отвезти кареты въ сарай и объявляетъ, что отменяетъ прогулку въ Сенъ-Клу. Только что еще злобствовавшая, бѣсновавшаяся и неистовствовавшая толпа приходитъ, — какъ это всегда бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она оказывается побѣдительницей. — въ восторгъ. Короля и королеву привѣтствуютъ ликующими криками, а національная гвардія, внезапно мѣняя свое настроеніе, обѣщаетъ королевѣ взять ее подъ свою защиту.

Но Марія-Антуанетта отлично знаетъ, какова цѣна этой защиты и громко отвѣчаетъ:

— Разумѣется, на это мы и рассчитываемъ. Но вы должны теперь сознаться, что мы не свободны.

Она умышленно произноситъ эти слова возможно громче. Они какъ будто адресованы къ національной гвардіи, но въ дѣйствительности — ко всей Европѣ.

Если бы непосредственно вслѣдъ за этими событіями, т. е. въ ночь на двадцатое апрѣля, осуществлено было бѣгство, то причина и слѣдствіе, оскорбленіе и возмущеніе, ударъ и контръ-ударъ логически завершили бы кругъ. Двѣ обыкновенныхъ, легкихъ, не бросающихся въ глаза коляски, въ одной изъ нихъ король съ сыномъ, въ другой королева съ дочерью и принцессой Елизаветой — и никто не обратилъ бы ни малѣйшаго вниманія на такіе повседневные кабриолеты съ двумя сѣдоками. Королевская семья могла бы, не возбуждая ничего вниманія, добраться до границы.

Доказательствомъ тому служить произошедшее въ то же время бѣгство брата короля, графа Прованскаго, которому удалось такимъ незамѣтнымъ образомъ выбраться изъ Франціи. Но даже находясь на волосокъ отъ смерти, королевская семья не хочетъ нарушить священные дворцовыя традиціи, даже пускаясь въ самую опасную поѣздку нельзя не взять съ собой въ качествѣ спутника безсмертнаго этикета.

Первая ошибка: рѣшаютъ, что вся семья должна ѣхать вмѣстѣ, король, королева, двое ихъ дѣтей и сестра короля, т. е. именно въ томъ видѣ, въ какомъ они извѣстны всей Франціи, вплоть до самой жалкой деревушки, по многочисленнымъ гравюрамъ и эстампамъ. Но этого мало: г-жа де Турзель напоминаетъ, что она приняла присягу не оставлять дѣтей ни на минуту, а слѣдовательно — вторая ошибка — необходимо взять и ее съ собой. Благодаря такой чрезмѣрной и излишней нагрузкѣ крайне замедляется темпъ поѣздки, тогда какъ дороги каждыя четверть часа, каждая минута.

Третья ошибка: немыслимо, чтобы королева сама себя прислуживала. Следовательно, необходимо взять съ собой еще и двух камеристокъ въ особой коляскѣ. Теперь на лицо уже восемь бѣглецовъ. А такъ какъ въ должностяхъ кучера, фореитора, почтальона и лакея должны быть люди, на которыхъ можно было бы абсолютно положиться и которые, хоть они и не знаютъ дороги, должны принадлежать къ дворянскому сословію. то мы добрались уже благополучно до двѣнадцати персонъ. Причитывая Ферзена и его кучера, получаемъ четырнадцать человѣкъ. — немножко много для тайной поѣздки.

Четвертая, пятая, шестая и седьмая ошибки: необходимо взять съ собой достаточно туалетовъ, чтобы королева и король могли предстать въ Монмеди въ парадной одеждѣ, а не въ дорожныхъ костюмахъ. Следовательно, на каретѣ нагромождаютъ нѣсколько сотъ фунтовъ багажа, упакованнаго въ новенькіе сундуки. — опять-таки замедленіе темпа движенія и вызывающій всеобщее вниманіе видъ каретъ. Постепенно тайное бѣгство пріобрѣтаетъ характеръ помпезной экспедиціи.

Но главная и основная ошибка заключается въ слѣдующемъ: разъ ужъ королю и королевѣ приходится провести 24 часа въ пути, то если даже рѣчь идетъ о бѣгствѣ изъ ада, они должны ѣхать съ возможными удобствами. Итакъ необходимо заказать новую карету, особенно широкую, на особенно мягкихъ рессорахъ, карету, бьющую въ носъ запахомъ свѣжаго лака и богатствомъ, карету, которая на каждой перепряжкѣ не можетъ не вызвать любопытства всѣхъ кучеровъ, почтальоновъ, почтмейстеровъ, конюховъ.

Ферзень — любящіе люди никогда не отличаются дальновидностью — хочетъ, чтобы для Маріи-Антуанетты все было возможно удобнѣе, красивѣе и роскошнѣе. По его личнымъ указаніямъ изготовляется (якобы для нѣкоей баронессы Корфъ) исполинскій дормезъ, маленькій броненосецъ на колесахъ, въ которомъ должно хватить мѣста не только для пяти членовъ королевской семьи, а кромѣ того еще гувернантки, кучера и лакея, но и для всевозможнѣйшихъ предметовъ комфорта, какъ-

— то серебряной посуды, гардероба, съѣстныхъ припасовъ и даже стульчиковъ для отправленія маленькихъ, присутствующихъ и королямъ, потребностей. Въ каретѣ устраивается цѣлый винный погребъ, такъ какъ монархъ отличается непомерной жаждой. Для довершенія нелѣпости вся внутренность кареты обивается свѣтлымъ атласомъ, и остается только удивляться, какъ это позабыли изобразить на дверцахъ кареты королевскій гербъ.

Для того, чтобы подвигаться хоть мало-мальски быстро, въ эту исполинскую и тяжело нагруженную карету приходится впрягать восемь, а то даже двѣнадцать лошадей. Это означаетъ, что въ то время какъ легкая, почтовая, запряженная парой лошадей коляска перепрягается въ пять минутъ, здѣсь на смѣну лошадей уходитъ не меньше получаса и такимъ образомъ въ поѣздкѣ, гдѣ отъ каждой четверти часа зависитъ жизнь или смерть, создается четырех- или пятичасовая задержка. Для того, чтобы вознаградить знатныхъ тѣлохранителей за то, что имъ придется на протяженіи двадцати четырехъ часовъ носить лакейскія одежды ихъ слабжаютъ новехонькими съ иголки, блестящими ливреями, которыя являютъ собою самый рѣзкій контрастъ съ умышленно скромными одѣянїями короля и королевы.

Всѣ эти бросающіяся въ глаза несуразности усугубляются еще тѣмъ, что въ каждомъ изъ маленькихъ городковъ, лежащихъ на пути королевской семьи, внезапно появляются въ абсолютно мирное время отряды драгунъ якобы поджидающіе какой-то денежный «транспортъ». Последней воистину исторической глупостью является то обстоятельство, что герцогъ де-Шуазель поручаетъ функціи офицера связи между отдѣльными отрядами драгунъ невозможнѣйшему человеку воплощенному Фигаро, не кому иному какъ парикмахеру королевы божественному Леонару, который умѣетъ великолѣпно причесывать но абсолютно неспособенъ вести дипломатическіе переговоры и который оставаясь вѣренъ своей роли Фигаро, окончательно запутываетъ и безъ того запутанное положеніе.

Единственнымъ оправданіемъ для всей этой нелѣпицы служить то обстоятельство, что придворные церемоніймейстеры не имѣли, на всемъ протяженіи французской исторіи, случая выработать церемоніаль для бѣгства короля. Какъ полагается ѣхать на крестины, на коронацію, въ театръ, на охоту, какое платье, какія туфли и какія пряжки надлежитъ надѣвать на большомъ и маломъ приѣмѣ для обѣдни, для охоты, для игры — все это до мельчайшихъ деталей предусмотрено церемоніаломъ. Но какъ надлежитъ королю и королевѣ бѣжать переодѣтыми изъ дворца своихъ предковъ, — на этотъ счетъ никакихъ предписаній не имѣется. Здѣсь приходилось принимать рѣшеніе экспромтомъ. Дворъ, абсолютно незнакомый съ реальной жизнью поневолѣ оказался совершенно безсиленъ при первомъ съ нею столкновеніи. Въ тотъ моментъ, когда королю Франціи пришлось надѣть на себя ливрею лакея, чтобы бѣжать, онъ не могъ больше быть вершителемъ своей судьбы.

Послѣ безконечныхъ отсрочекъ днемъ бѣгства назначается, наконецъ, 19 іюня. Пора, давно пора, потому что тайная сѣть, за которую тянутъ столько рукъ, можетъ каждую минуту порваться въ какомъ-нибудь мѣстѣ. Вдругъ тьму приготовленій къ бѣгству прорѣзаетъ яркая молнія статьи Марата, сообщающаго о замышляемомъ похищеніи короля. «Его хотятъ во что бы то ни стало затащить въ Нидерланды подъ тѣмъ предлогомъ, что его дѣло является дѣломъ всѣхъ королей, а вы настолько глупы, что не препятствуете проектируемому бѣгству. Парижане, лишенные разума парижане, я уже усталъ вамъ повторять: держите короля и дофина за оградой и хорошенько стерегите ихъ, заприте австріячку, ея шурина и всѣхъ прочихъ членовъ фамиліи. Одинъ утерянный день можетъ имѣть роковыя послѣдствія для всей націи».

Любопытное пророчество этого человѣка, зрѣніе коего удивительно обострено очками болѣзненной подозрительности. Съ тою лишь разницей, что «одинъ утерян-

ный день» оказывается роковымъ не для націи, а для короля и королевы.

Въ послѣднюю минуту Марія-Антуанетта снова откладываетъ осуществленіе выработаннаго до мельчайшихъ деталей плана бѣгства. Напрасно Ферзень напрягалъ свои послѣднія силы для того, чтобы къ 19-му іюня все было готово. День и ночь вся его страстность на протяженіи недѣль и мѣсяцевъ служила только одному этому дѣлу. Путемъ безконечной переписки съ генераломъ Буйе онъ уже сговорился въ точности о мѣстѣ, въ которомъ драгуны и гусары должны поджидать карету короля. Онъ лично испробовалъ уже на дорогѣ въ Венсеннѣ заказанныхъ имъ почтовыхъ лошадей. Всѣ посвященные въ тайну лица вымуштрованы, механизмъ провѣренъ до мельчайшаго колесика. И вдругъ, въ самую послѣднюю минуту королева отмѣняетъ свой прежній приказъ.

Одна изъ ея камеристокъ, поддерживающая связь съ какимъ-то революціонеромъ, внушаетъ ей крайнія подозрѣнія. У этой женщины выходной день какъ разъ 20-го іюня и лучше, поэтому, приурочить бѣгство къ этому дню. Итакъ, снова двадцать четыре часа роковой задержки, контръ-приказъ генералу, гусарамъ приходится разсѣдлать коней, новое напряженіе нервовъ для въ конецъ измотавшагося Ферзена и для едва уже владѣющей собою королевы.

Но, наконецъ, и этотъ послѣдній день миновалъ. Для того, чтобы разсѣять всякое подозрѣніе, королева отправляется послѣ обѣда со своими обоими дѣтьми и принцессой Елизаветой въ увеселительный садъ въ Тиволи. По возвращеніи съ прогулки она съ обычнымъ высокомеріемъ и увѣренностью отдаетъ коменданту дворца распоряженіе на завтрашній день. Она не обнаруживаетъ ни малѣйшаго волненія, и еще меньше обнаруживаетъ его неспособный вообще волноваться король. Въ восемь часовъ вечера Марія-Антуанетта удаляется въ свои покои и отпускаетъ прислуживающихъ ей женщинъ. Дѣтей укладываютъ спать и послѣ ужина все семейство

собирается съ показной беззаботностью въ большомъ залѣ.

Особенно внимательный глазъ могъ бы, пожалуй, только отмѣтить, что королева то и дѣло встаетъ со своего мѣста и смотритъ на часы, какъ будто она устала. Но въ дѣйствительности она никогда не была напряженнѣе, бодрѣе и рѣшительнѣе, чѣмъ въ эту ночь.

Бѣгство въ Вареннъ

Самый скептическій наблюдатель не могъ бы подмѣтить вечеромъ 20 іюня 1731 г. ничего подозрительнаго въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Какъ всегда стоятъ на своихъ постахъ караульные, какъ всегда ушли послѣ ужина въ свои комнаты камеристки и лакеи, а въ большомъ залѣ король, его братъ графъ Прованскій и прочіе члены семьи сидятъ, какъ обычно, мирно за игрой въ триктракъ или бесѣдуютъ. Неужели можетъ обратить на себя вниманіе то обстоятельство, что около десяти часовъ вечера королева посреди разговора поднимается и на время уходитъ? Что же тутъ особеннаго? Быть можетъ, ей необходимо кое о чемъ позаботиться, или написать письмо.

Никто не слѣдуетъ за нею, и, когда она выходитъ въ коридоръ, онъ совершенно пустъ. Но на этотъ разъ Марія-Антуанетта напряженно останавливается, затаивъ дыханіе прислушивается къ шагамъ караульныхъ, затѣмъ поднимается къ комнатѣ дочери и тихо стучитъ въ дверь. Маленькая принцесса просыпается и испуганно зоветъ замѣстительницу гувернантки госпожу Брюнье. Та приходитъ, изумляется странному приказу королевы поскорѣ одѣть ребенка, но не осмѣливается противорѣчить. За это время королева будитъ уже и дофина, откидываетъ драпировки атласнаго балдахина и нѣжно шепчетъ ему:

— Вставай, мы уѣзжаемъ. Мы ѣдемъ въ одну крѣпость, гдѣ много солдатъ.

Не совсѣмъ еще проснувшійся маленькій принцъ бормочетъ что-то о своей саблѣ и мундирѣ, которые ему вѣдь необходимы, разъ онъ ѣдетъ къ солдатамъ.

— Поскорѣе, поскорѣе, мы уѣзжаемъ, — приказываетъ Марія-Антуанетта давно посвященной въ тайну главной гувернанткѣ мадамъ де-Турзель, и та, подѣ предлогомъ, будто они собираются на маскарадный балъ, одѣваетъ принца въ женское платье. Обоихъ дѣтей тихо ведутъ внизъ по лѣстницѣ въ комнату королевы. Тамъ ихъ ожидаетъ веселый сюрпризъ: когда королева открываетъ стѣнной шкафъ, оттуда выходитъ гвардейскій офицеръ де-Мальденъ, котораго туда спряталъ заботливый Ферзенъ. Вчетверомъ направляются они къ неохраняемому выходу.

Дворъ совершенно темень. Длинной вереницей стоятъ экипажи, нѣсколько кучеровъ и лакеевъ слоняются вокругъ или болтаютъ съ національными гвардейцами, которые положили свои тяжелыя ружья и — теплая лѣтняя ночь такъ прекрасна! — не думаютъ ни о своихъ обязанностяхъ, ни объ опасности. Королева сама открываетъ дверь и выглядываетъ наружу, ея самоуверенность не покидаетъ ее въ такія рѣшительныя минуты ни на мгновенье. Изъ тѣни экипажей подкрадывается какой-то переодѣтый кучеромъ господинъ и, не произнеся ни слова, беретъ дофина за руку: это неутомимый Ферзенъ, который съ ранняго утра проявляетъ сверхчеловѣческую энергію.

Онъ заготовилъ почтальоновъ, переодѣлъ трехъ лейбъ-гвардейцевъ курьерами и указалъ каждому его постъ. Онъ вытащилъ изъ дворца всѣ необходимыя вещи, приготовилъ карету и послѣ обѣда утѣшалъ взволнованную до слезъ королеву. Три, четыре, пять разъ мчался онъ, одинъ разъ даже переодѣтый, назадъ и впередъ по Парижу, чтобы все наладить. Теперь онъ рискуетъ своей жизнью, уводя дофина Франціи изъ королевскаго дворца, и не ждетъ никакого иного вознагражденія, кромѣ благодарнаго взгляда любимой женщины, которая только ему одному ввѣряетъ своихъ дѣтей.

Три тѣни скользятъ въ темнотѣ обратно въ домъ и королева тихо запираетъ дверь. Незамѣтно, легкими беззаботными шагами, входитъ она обратно въ салонъ, словно удалилась только на минутку, чтобы захватить какое-нибудь письмо, и продолжаетъ мирно бесѣдовать, въ то время какъ Ферзень благополучно переводитъ дѣтей черезъ большую площадь и усаживаетъ ихъ въ старомодный экипажъ, гдѣ они немедленно погружаются въ сонъ. Въ это же время двѣ камеристки королевы отправляются въ другомъ экипажѣ впередъ въ Клэ. Въ одиннадцать часовъ наступаетъ рѣшительный моментъ. Графъ Прованскій и его супруга, которые сегодня тоже бѣгутъ, покидаютъ какъ обычно дворецъ, а королева и Елизавета отправляются въ свои покои. Для того, чтобы не возбуждать подозрѣній, королева приказываетъ своей камеристкѣ раздѣть себя и заказываетъ на утро экипажъ для прогулки. Въ половинѣ двѣнадцатаго, когда по ея расчетамъ Лафайеттъ уже ушелъ отъ короля послѣ своего обязательнаго вечерняго визита, она даетъ приказъ погасить огни и тѣмъ самымъ сигналъ прислугѣ отправляться въ свои комнаты. Но едва лишь закрывается дверь за камеристкой, королева вскакиваетъ съ постели и быстро одѣвается, выбирая нарочно скромное платье изъ сѣраго шелка и черную шляпу съ фіолетовой вуалью, дѣлающей ея лицо неузнаваемымъ. Теперь осторожно внизъ по маленькой лѣсенкѣ къ двери, гдѣ ее поджидаетъ довѣренное лицо и ведетъ ее черезъ темную площадь Карусель — все идетъ отлично.

Но — какой непріятный случай — вдругъ вспыхиваютъ огни, приближается экипажъ, предшествуемый скороходами и факельщиками: это экипажъ Лафайетта. Онъ видитъ, что все, какъ и всегда, въ полномъ порядкѣ Королева торопливо прячется отъ свѣта въ темноту какой-то подворотни, и коляска Лафайетта проѣзжаетъ такъ близко подлѣ нея, что она могла-бы дотронуться до колесъ рукой. Никто ее не замѣтилъ. Еще нѣсколько шаговъ, и она добирается до той темной кареты, въ которой находятся самыя любимыя ею на свѣтѣ существа: Ферзень и ея дѣти.

Королю удается скрыться далеко не такъ легко. Прежде всего ему предстоитъ еще вынести ежевечерній визитъ Лафайетта, и визитъ этотъ тянется такъ долго, что на этотъ разъ даже такому толстокожему человѣку, какъ Людовикъ XVI, трудно сохранить спокойствіе. Онъ не можетъ усидѣть на мѣстѣ, то и дѣло встаетъ съ кресла и подходитъ къ окну, словно хочетъ полюбоваться вечернимъ небомъ. Наконецъ-то, въ половинѣ двѣнадцатаго, надоѣдливый посѣтитель удаляется. Людовикъ отправляется въ свою спальню и здѣсь начинается послѣдній бой съ чрезмѣрно бережно его охраняющимъ этикетомъ.

По старинному обычаю камердинеръ короля долженъ спать въ одной съ нимъ комнатѣ, и обмотать вокругъ кисти своей руки шнурокъ, за который монархъ держаетъ, когда хочетъ его разбудить. Такимъ образомъ Людовику приходится прежде всего улизнуть какъ-нибудь отъ собственнаго камердинера. Онъ позволяетъ, какъ обычно, раздѣть себя, укладывается въ постель и опускаетъ съ обѣихъ сторонъ балдахинъ, въ знакъ того, что собирается уснуть. Въ дѣйствительности же онъ выжидаетъ только той минуты, когда камердинеръ удаляется въ сосѣднюю комнату съ цѣлью раздѣться, и въ этотъ краткій моментъ — эта сцена достойна пера Бомарше — король тихо вылѣзаетъ изъ-подъ балдахина и босой, въ ночномъ бѣльѣ, убѣгаетъ черезъ другую дверь въ пустую комнату своего сына, гдѣ для него приготовлены простой костюмъ, грубый парикъ и — о новый позоръ! — лакейская шляпа.

Въ это время въ спальню тихо, на цыпочкахъ, возвращается вѣрный камердинеръ, затаивъ дыханіе, чтобы не разбудить своего любимаго спящаго короля и обматываетъ, какъ ежевечерне, шнурокъ вокругъ кисти своей руки. А Людовикъ XVI, потомокъ и наслѣдникъ Людовика Святого, король Франціи и Наварры, крадется въ сѣромъ кафтанѣ и съ лакейской шляпой въ рукѣ по внутренней лѣстницѣ въ нижній этажъ, гдѣ его дожидается спрятанный въ стѣнномъ шкафу лейбъ-гвардеецъ де Мальденъ, который указываетъ ему дальнѣйшій путь.

Накинувъ на себя бутылочно-зеленый верхній плащъ и напяливъ на вѣнчанную главу лакейскую шляпу, пробирается король по пустынному двору своего дворца. Не слишкомъ ревностно относящіеся къ своимъ сторожевымъ обязанностямъ національные гвардейцы не узнаютъ его и выпускаютъ.

Казавшаяся самой трудной часть бѣгства благополучно удалась, и къ полуночи вся семья оказывается въ сборѣ. Переодѣтый кучеромъ Ферзенъ садится на козлы наемнаго экипажа и везетъ переодѣтаго лакеемъ короля и его семью черезъ весь Парижъ къ заставѣ.

Черезъ весь Парижъ, къ сожалѣнію черезъ весь Парижъ! Дворянинъ Ферзенъ привыкъ, чтобы его возили кучера, но не привыкъ самъ возить, ему мало знакомъ запутанный лабиринтъ парижскихъ улицъ. Кромѣ того онъ изъ предосторожности — роковая предосторожность — хотѣлъ-бы, раньше чѣмъ выѣхать за заставу, подѣхать еще на улицу Матиньонъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что изготовленная по его заказу большая карета выѣхала къ мѣсту своего назначенія. Только въ два часа ночи, вмѣсто предполагавшихся двѣнадцати часовъ, вывозитъ онъ свою драгоценную поклажу за ворота Парижа — два невозвратныхъ часа потеряны даромъ.

За заставой должна ихъ поджидать исполинская карета. Первый сюрпризъ: ея тамъ не оказывается. Снова теряется драгоценное время, пока, наконецъ, не удастся отыскать эту карету, стоящую въ сторонѣ съ потушенными фонарями и запряженную четверкой лошадей. Теперь только подѣзжаетъ Ферзенъ въ своемъ наемномъ экипажѣ вплотную къ каретѣ, чтобы королевская семья могла пересѣсть, не пачкая своихъ ботинокъ о французскую уличную грязь — вѣдь это было бы ужасно!

Въ половинѣ третьяго ночи, вмѣсто назначенныхъ двѣнадцати часовъ, карета, наконецъ, двигается въ путь. Ферзенъ не шадитъ кнута и черезъ полчаса они уже въ Бонди, гдѣ ихъ дожидается гвардейскій офицеръ съ семьей свѣжими, хорошо отдохнувшими курьерскими лошадьми. Здѣсь предстоитъ проститься. Это не легко.

Маріи Антуанеттѣ ужасно не хочется разстаться съ единственнымъ человѣкомъ, на котораго она вполне можетъ положиться, но король категорически заявляетъ, что не желаетъ, чтобы Ферзенъ ихъ сопровождалъ дальше. Изъ какихъ соображеній, — остается неизвѣстнымъ. Можетъ быть, потому, что не хочетъ показаться своимъ войскамъ въ сопровожденіи этого слишкомъ интимнаго друга своей супруги, можетъ быть, шадя Ферзена — во всякомъ случаѣ Ферзенъ отмѣчаетъ только „ il n'a pas voulu “.

А кромѣ того, согласно уговору, Ферзенъ долженъ вѣдь немедленно послѣ того, какъ королевская семья доберется до мѣста своего назначенія, посѣтить ее. Значитъ, разлука предстоить лишь самая кратковременная. Ферзенъ подъѣзжаетъ верхомъ еще разъ къ дверцамъ кареты — на горизонтѣ уже свѣтится полоска зари, предвѣщающей горячій лѣтній день, — и нарочито громко, съ цѣлью ввести въ заблужденіе чужого почтальона, кричитъ:

— Прощайте, мадамъ де Корфъ!

Восемь лошадей тянуть лучше, нежели четыре. Бодрой рысью ѣдетъ исполинская карета по сѣрой полосѣ дороги. Всѣ отлично настроены, дѣти прекрасно выспались, король бодрѣе обычнаго. Шутятъ по поводѣ вымышленныхъ фамилій, которыми назвались: госпожа де-Турзель значитъ важной дамой-баронессой де-Корфъ, королева гувернанткой ея дѣтей мадамъ Роше, король ея мажордомомъ Дюранъ, принцесса Елизавета ея камеристкой, дофинъ переодѣтъ дѣвочкой. Въ удобной каретѣ вся семья чувствуетъ себя, собственно говоря, гораздо лучше и свободнѣе, чѣмъ дома, въ Тюльерійскомъ дворцѣ, охраняемомъ сотней лакеевъ и шестьюстами національныхъ гвардейцевъ.

Скоро даетъ о себѣ знать и вѣрный, никогда не покидающій Людовика другъ: аппетитъ. Раздобываются богатые съѣстные припасы, начинается обильная трапеза на серебряномъ сервизѣ, изъ оконъ кареты летятъ куриныя косточки и опорожненныя винныя бутылки,

угощаютъ и бравыхъ тѣлохранителей. Дѣти, въ восторгѣ отъ приключенія, играютъ въ каретѣ. Королева оживленно со всѣми болтаетъ, а король пользуется непредвидѣннымъ случаемъ поближе познакомиться со своей страной: онъ достаетъ географическую карту и съ интересомъ слѣдитъ за передвиженіемъ кареты отъ деревушки до деревушки.

Мало-по-малу всѣми овладѣваетъ чувство полнѣйшей безопасности. На первой перепряжкѣ, въ шесть часовъ утра, всѣ обитатели еще лежатъ въ постеляхъ, никто не спрашиваетъ о паспортахъ баронессы Корфъ. Теперь бы еще только благополучно миновать городъ Шалонъ, тогда игра выиграна, такъ какъ въ четырехъ миляхъ за этимъ послѣднимъ препятствіемъ у Попъ-де-Соммъ-Велъ ихъ уже дожидается первый выдвинутый эшелонъ кавалеріи подъ начальствомъ молодого герцога де-Шуазель.

Наконецъ-то добрались и до Шалона. Четыре часа дня. Передъ почтовой станціей столпилась масса народа, но въ этомъ ничего необычнаго или тревожнаго нѣтъ. Когда прибываетъ изъ Парижа курьерская карета, каждому хочется поскорѣе разспросить почтальоновъ о послѣднихъ парижскихъ новостяхъ, дать имъ письмо или посылочку для доставки на слѣдующую станцію, да и вообще въ маленькомъ, скучномъ провинціальномъ городкѣ тогда, какъ и теперь, люди очень любятъ поболтать, поглазѣть на проѣзжающихъ, полюбоваться красивой каретой, Господи, что же и дѣлать-то въ жаркій лѣтній день!

Знатоки внимательно разсматриваютъ карету. Совершенно новенькая, констатируютъ они съ почтительностью, и удивительно элегантная, обитая атласомъ, шикарный багажъ, должно быть это аристократы ѣдутъ, быть можетъ эмигранты. Собственно говоря, любопытно бы ихъ повидать, побесѣдовать съ ними. Но какъ странно, — почему же всѣ шесть пассажировъ послѣ долгой ѣзды и въ такой прекрасный лѣтній день упорно продолжаютъ сидѣть въ каретѣ, вмѣсто того, чтобы немножко размять ноги или выпить стаканчикъ прохладнаго винца? Отчего эти расшитые галунами лакеи такъ высокомерно пыжатся, словно представляетъ собою нѣчто

особенное? Странно, странно! Начинается недоумѣнное ворчаніе, кто-то подходитъ къ почтмейстеру и шепчетъ ему что-то на ухо. Тотъ кажется изумленнымъ, чрезвычайно изумленнымъ. Но онъ не вмѣшивается ни во что и позволяетъ каретѣ спокойно продолжать свой путь. Черезъ какіе-нибудь полчаса — никто не знаетъ, какъ это произошло, — весь городъ, однако, начинаетъ болтать о томъ, что черезъ Шалонъ проѣхалъ король со своей семьей.

Сидящіе въ каретѣ ничего не подозрѣваютъ. Наоборотъ, несмотря на изрядную усталость, они очень весело настроены, такъ какъ на слѣдующей станціи ихъ вѣдь ожидаетъ уже Шуазель со своими гусарами. Тамъ уже конецъ притворству и игрѣ въ прятки, можно будетъ сбросить съ головы лакейскую шляпу и порвать фальшивые паспорта, тамъ, наконецъ, раздадутся снова такъ давно не слышанные крики: «Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева!»

Исполненная нетерпѣнія, принцесса Елизавета безпрестанно выглядываетъ въ окно, чтобы первой увидѣть и привѣтствовать Шуазеля, курьеры заслоняютъ рукой глаза отъ лучей заходящаго солнца, чтобы издали замѣтить блескъ гусарскихъ сабель. Но ничего не видно. Ничего. Наконецъ появляется одинокій всадникъ, покакавшій впередъ гвардейскій офицеръ.

— Гдѣ Шуазель? — кричатъ ему.

— Уѣхалъ.

— А гдѣ остальные гусары?

— Нѣтъ ни одного человѣка.

Хорошее настроеніе сразу портится. Тутъ что-то неладно. Къ тому же темнѣетъ, приближается ночь. Неуютно, тревожно ѣхать дальше, въ чужомъ мѣстѣ, не зная, что тебя ждетъ. Но возврата нѣтъ и останавливаться тоже нельзя, для бѣглецовъ есть только одинъ путь, — дальше и впередъ. Королева успокаиваетъ своихъ спутниковъ. Не бѣда, что здѣсь не оказалось гусаръ. — въ двухъ часахъ ѣзды, въ Сентъ-Менеулѣ, найдемъ драгунъ и окажемся въ полной безопасности.

Эти два часа тянутся дольше, чѣмъ весь день. Но

— новый тягостный сюрприз — и въ Сентъ-Менеулѣ нѣтъ эскорта. Драгуны долго дожидались, просидѣли весь день въ корчмахъ и тамъ отъ скуки такъ напились и на шумѣли, что взбудоражили все населеніе. Въ концѣ концовъ начальникъ отряда, сбитый къ тому же еще съ толку неясными донесеніями придворнаго парикмахера, счелъ благоразумнѣе вывести своихъ солдатъ изъ городка и заставить ихъ дожидаться дальше позади, самъ же остался въ городѣ.

Наконецъ, помпезно подкатываетъ запряженная восьмеркой карета. а за нею парный кабріолетъ. Для обитателей крошечнаго городка это уже второе необычайное и таинственное происшествіе за этотъ день. Сначала явились эти драгуны, неизвѣстно зачѣмъ и почему, разсѣлись, на шумѣли, теперь эти два важныхъ экипажа съ шикарными ливрейными почтальонами. Поглядите только, съ какимъ почтительнымъ видомъ привѣтствуетъ этихъ странныхъ проѣзжающихъ начальникъ драгунскаго отряда! Нѣтъ, мало сказать почтительно, раболѣпно: во все время своего разговора съ ними онъ держитъ руку подъ козырекъ.

Почтмейстеръ Друэ, членъ яacobинскаго клуба и ярый республиканецъ, внимательно всматривается. Это, несомнѣнно, аристократы или эмигранты — думаетъ онъ — знатная, знатнѣйшая каналья тутъ бы нашему брату, собственно говоря, не вредно вмѣшаться. На всякій случай онъ отдаетъ своимъ почтальонамъ секретное приказаніе не слишкомъ торопиться и ѣхать съ прохладцей, не спѣшить съ доставкой этихъ таинственныхъ пассажировъ, и карета съ дремлющими въ ней сѣдоками сонно плетется дальше.

Но едва проходятъ десять минутъ, какъ внезапно распространяется слухъ, — доставилъ ли кто-нибудь это извѣстіе изъ Шалона, или народъ инстинктивно угадалъ правду? — что въ каретѣ находится королевская семья. Всѣ шумятъ и волнуются, комендантъ драгунъ чувствуетъ опасность и хочетъ послать свой отрядъ вдогонку въ качествѣ эскорта. Но уже слишкомъ поздно озлобленная толпа протестуетъ, и драгуны, которыхъ изрядно

напоили, братаются съ народомъ и отказываютъ въ повиненіи.

Нѣсколько рѣшительныхъ обывателей распоряжаются бить тревогу и въ то время, какъ всё въ смятеніи бросаются куда попало, одинъ единственный человекъ дѣйствуетъ энергично — это почтмейстеръ Друэ. Онъ служилъ когда-то въ кавалеріи, отличный наѣздникъ, велитъ осѣдлатъ коня и въ сопровожденіи еще одного товарища мчится во весь опоръ кратчайшимъ путемъ наперерѣзъ тяжеловѣсной каретѣ въ Вареннъ. Тамъ еще можно подробно побесѣдовать съ этими подозрительными пассажирами, и если это окажется дѣйствительно король, то горе ему и его коронѣ!

И въ этотъ разъ, какъ въ тысячѣ другихъ случаевъ, одинъ энергичный поступокъ одного энергичнаго человека измѣняетъ ходъ міровой исторіи.

А въ это время исполинская карета короля катится и катится по извилистой дорогѣ по направленію въ Вареннъ. Двадцатичетырехчасовая поѣздка въ тѣснотѣ, подъ накаленной зноемъ крышей кареты утомила бѣглецовъ, дѣти давно спятъ, король сложилъ свою карту, королева молчитъ. Еще одинъ часъ, одинъ только часъ всего, и они будутъ подъ вѣрной охраной. Но ихъ вновь ждетъ непріятный сюрпризъ: на условленномъ для перепряжки мѣстѣ, въ сторонѣ отъ городка Вареннъ, нѣтъ лошадей.

Начинаются поиски въ темнотѣ, стукъ въ окна. въ отвѣтъ раздаются нелюбезные голоса. Отправленный впередъ парикмахеръ Леонаръ — не слѣдуетъ избирать въ гонцы Фигаро! — своими путанными донесеніями сбиль съ толку тѣхъ двухъ офицеровъ, которымъ было поручено дожидаться здѣсь короля. Они вынесли изъ его объясненій такое впечатлѣніе, что король не пріѣдетъ, и легли спать. Этотъ сонъ оказался для короля столь же роковымъ, какъ сонъ Лафайетта въ ночь на 6 октября. Приходится ѣхать дальше на усталыхъ лошадяхъ въ Вареннъ, быть можетъ тамъ удастся раздобыть новую упряжку.

Второй сюрпризъ: изъ-подъ городскихъ воротъ выскакиваютъ два молодыхъ человѣка, бросаются къ фюреру и кричатъ «стой!» Въ мгновеніе ока оба экипажа окружены толпой парней. Прибывшіе десять минутъ тому назадъ Друэ и его пріятель взбудоражили всю революціонную молодежь городка.

— Паспорта! — приказываетъ кто-то.

— Мы торопимся, намъ необходимо поскорѣе добраться, — отвѣчаетъ изъ кареты женскій голосъ.

Это голосъ «мадамъ Роше», въ дѣйствительности королевы, которая одна только сохранила присутствіе духа въ этотъ тревожный моментъ. Но протесты бесполезны, проѣзжающимъ приходится подѣхать къ ближайшей харчевнѣ подъ вывѣской — какой злобной ироніи полна міровая исторія — «Къ великому монарху». Тамъ уже стоитъ мэръ, по профессіи лавочникъ, съ вкусной фамиліей Соусъ и проситъ предъявить ему паспорта. Маленькій лавочникъ, въ душѣ преданный королю и опасующійся попасть въ непріятную исторію, бѣгло просматриваетъ паспорта и говоритъ:

— Все въ порядкѣ.

Онъ лично охотно позволилъ бы экипажамъ продолжать свой путь. Но молодой Друэ, чующій, что за птичка попалась, ударяетъ кулакомъ по столу и громко кричитъ:

— Это король и его семья, и если вы выпустите ихъ въ чужіе края, то будете повинны въ государственной измѣнѣ.

Отъ такой угрозы мирному лавочнику не поздоровится, а тутъ еще пріятели Друэ начинаютъ бить въ набатъ, во всѣхъ окнахъ зажигаются огни, весь городъ поставленъ на ноги. Вокругъ кареты собирается все больше народа, безъ примѣненія насилія о дальнѣйшей поѣздкѣ и думать не приходится, да къ тому же и свѣжія лошади еще не впряжены. Для того, чтобы хоть какъ-нибудь выпутаться изъ создавшагося тягостнаго положенія, лавочникъ - мэръ предлагаетъ баронессѣ Корфъ и ея спутникамъ переночевать въ его домѣ, такъ какъ продолжать поѣздку все равно уже слишкомъ поздно. До завтрашняго утра, думаетъ хитрецъ, все

разъяснится въ хорошую или дурную сторону, и съ нея снята будетъ отвѣтственность.

Поколебавшись — ничего другого въ сущности не остается, да и драгуны могутъ пока поспѣть — король принимаетъ приглашеніе. Черезъ какой-нибудь часъ-другой должны прибыть Шуазель или Буйе. И Людовикъ XVI спокойно заходитъ въ своемъ фальшивомъ парикѣ въ домъ лавочника, и его первымъ королевскимъ поступкомъ является требованіе бутылки вина и кусочка сыру.

— Король ли это? Королева ли это? — шушукуются возбужденно старухи и сбѣжавшіеся крестьяне.

Такъ безконечно далека въ ту пору маленькій французскій городокъ отъ большого, недосягаемаго двора, что ни одинъ изъ собравшихся здѣсь вѣрноподанныхъ никогда не видѣлъ лица короля иначе, какъ на монетахъ, и что приходится отправить спеціального гонца за живущимъ въ окрестностяхъ дворяниномъ, чтобы установить, наконецъ, является ли этотъ проѣзжіи господинъ и впрямь лакеемъ баронессы Корфъ, или это христіаннѣйшій король Франціи и Наварры Людовикъ XVI.

Ночь въ Вареннѣ

21-го іюля 1791 года, на тридцать шестомъ году своей жизни, Марія-Антуанетта впервые переступаетъ порогъ французскаго буржуазнаго дома. Это единственный промежуточный пунктъ между дворцомъ и дворцомъ, между тюрьмой и тюрьмой. Путь ея лежитъ черезъ лавочку, пахнущую тухлымъ масломъ, сухой колбасой и пряностями. По крутой скрипящей лѣсенкѣ взбираются на верхній этажъ король или, вѣрнѣе, неизвѣстный господинъ въ фальшивомъ парикѣ и якобы гувернантка баронессы Корфъ на верхній этажъ. Двѣ комнатки, такъ сказать, гостинная и спальня, съ низкими потолками, бѣдно обставленныя и грязныя. У дверей становится стража, весьма непохожая на блестящихъ версальскихъ тѣлохранителей стража: два мужика

съ вилами въ рукахъ. Восемь человѣкъ — король, королева, принцесса Елизавета, двое дѣтей, гувернантка и двѣ камеристки размѣщаются въ этомъ тѣсномъ помещеніи. Уставшихъ до смерти дѣтей укладываютъ въ постель, и они немедленно засыпаютъ подъ охраной госпожи де-Турзель. Королева усаживается въ кресло и опускаетъ на лицо вуаль; никто не сможетъ похвастать, что видѣлъ ея озлобленіе и огорченіе. Король начинаетъ устраиваться по домашнему, усаживается преспокойно за столъ и отрѣзываетъ ножомъ огромные куски сыра. Всѣ молчатъ.

Наконецъ на улицѣ раздается топотъ копытъ, но одновременно съ нимъ дикій крикъ изъ сотенъ глотокъ: «Гусары! Гусары!» Сбитый съ толку невѣрными донесеніями, Шуазель, наконецъ-то, все же добрался до короля. Онъ расчищаетъ себѣ путь нѣсколькими сабельными ударами и окружаетъ домъ своими солдатами. Бравые нѣмецкіе гусары не понимаютъ рѣчи, обращенной къ нимъ Шуазелемъ, они не знаютъ, въ чемъ дѣло, и разобрали только два слова «король» и «королева». Но они все же повинуются и такъ энергично напираютъ на толпу, что карета на минуту оказывается высвобожденной.

Герцогъ де-Шуазель торопливо взбѣгаетъ по лѣстницѣ и дѣлаетъ королю слѣдующее предложеніе. Онъ предоставляетъ въ его распоряженіе семь коней. Пусть король, королева и ихъ свита садятся на этихъ коней и окруженные эскортомъ его гусаръ быстро поскачутъ изъ города до прибытія національной гвардіи. Офицеръ отвѣшиваетъ молодецкій поклонъ и заканчиваетъ свой рапортъ словами:

— Ваше величество, я жду вашихъ распоряженій.

Но отдавать распоряженіе, быстро принимать рѣшеніе никогда не было въ характерѣ Людовика XVI. Можетъ-ли Шуазель поручиться за то, что при прорывѣ сквозь окружающую толпу какая-нибудь шальная пуля не попадетъ въ его жену, сестру или кого-либо изъ дѣтей? Не правильнѣе-ли обождать, пока не соберутся и другіе драгуны, разсѣянные по харчевнямъ?

Въ этихъ переговорахъ проходятъ минуты, драгоценнѣйшія минуты. На соломенныхъ креслахъ маленькой темной комнатки сидитъ королевская семья, сидитъ старое время и колеблется и ведетъ переговоры. Но революція не ждетъ. Изъ окрестныхъ деревень подходить созванная набатомъ полиція, собралась въ полномъ составѣ національная гвардія, съ крѣпостного вала притащили старую пушку, улицу забаррикадировали. Солдаты, двадцать четыре часа не слѣзавшіе съ сѣдла и метавшіеся изъ сторону въ сторону, позволяютъ угощать себя виномъ и постепенно братаются съ населеніемъ. Улицы все больше запружаются народомъ. Изъ всѣхъ окрестностей собираются крестьяне, разносчики, пастухи, рабочіе и маршируютъ въ Вареннъ, какъ будто въ подсознаніе массъ проникло предчувствіе того, что наступили рѣшающіе для народа часы. Дряхлыя старухи бредутъ, опираясь на свои клюки, чтобы хоть разъ повидать короля, и теперь, когда ему приходится раскрыть свое инкогнито, они его ни за что не выпустятъ за ограду своего городка. Всѣ попытки впречь въ карету свѣжихъ лошадей кончаются безрезультатно.

— Въ Парижъ, въ Парижъ, или мы будемъ стрѣлять, мы застрѣлимъ его въ его-же каретѣ! — режутъ дикіе голоса почтальонамъ, а посреди всего этого шума снова раздается звонъ набата. Новая тревога въ эту драматическую ночь: изъ Парижа прибываетъ коляска съ двумя изъ тѣхъ комиссаровъ, которые разосланы Національнымъ Собраніемъ наудачу по всѣмъ направленіямъ, чтобы разыскать короля и которые по счастливой случайности попали въ Вареннъ.

Представителей народной власти встрѣчаютъ безпредѣльнымъ ликованіемъ. Теперь съ жителей Варенна снята отвѣтственность, теперь пекарямъ, портнымъ, сапожникамъ и мясникамъ этого маленькаго городка не приходится брать на себя разрѣшеніе міровыхъ вопросовъ: прибыли делегаты Національнаго Собранія, единственнаго авторитета, признаваемаго народомъ. Съ триумфомъ уводятъ обоихъ посланцевъ Національнаго Со-

бранія въ домъ браваго лавочника Соуса и ведутъ ихъ по лѣсенкѣ къ королю.

Ужасная ночь подходитъ къ концу, уже половина седьмого утра. Одинъ изъ посланцевъ Ромефъ блѣденъ, смущенъ и, видно, не радъ своей миссіи. Въ качествѣ адъютанта Лафайетта онъ часто несъ караульную службу въ Тюльерійскомъ дворцѣ. Марія-Антуанетта, всегда относившаяся къ подчиненнымъ съ естественной добродушной сердечностью, была къ нему очень расположена. Часто и она, и король разговаривали съ нимъ почти по дружески. Въ глубинѣ души этотъ адъютантъ Лафайетта мечтаетъ лишь о томъ, чтобы спасти ихъ.

Но роковая судьба, незримо дѣйствующая противъ короля, устраиваетъ такъ, что спутникомъ Ромефа является очень честолюбивый и крайне революціонно настроенный депутатъ Байонъ. Ромефъ, какъ только они попали на слѣдъ короля, тайно пытался все время тормозить поѣздку, чтобы король успѣлъ пробраться подальше, но неумолимый сыщикъ Байонъ неизмѣнно становился ему поперекъ пути, и теперь Ромефъ стоитъ здѣсь съ залитымъ краской смущенія лицомъ и не рѣшается огласить роковой декретъ Національнаго Собранія, предписывающій ему задержать королевскую семью.

Марія-Антуанетта не можетъ скрыть своего изумленія:

— Какъ? Это вы, сударь? Этого я не могла себѣ представить?

Ромефъ въ смущеніи бормочетъ, что весь Парижъ охваченъ волненіемъ, что государственные интересы требуютъ возвращенія короля. Королева теряетъ терпѣніе и отворачивается, она чувствуетъ что-то недоброе за этой болтовней. Наконецъ, король требуетъ предъявить ему декретъ и читаетъ, что Національное Собраніе отмѣнило его прерогативы, и что всякій курьеръ, встрѣтившій королевскую семью обязанъ принять всѣ возможныя мѣры, чтобы воспрепятствовать ей продолжать свой путь.

Слова: бѣгство, арестъ, задержаніе, правда, искусно затушеваны. Но этимъ декретомъ Національное Собраніе

впервые открыто даетъ понять, что король не свободенъ и подчиненъ его волѣ. Даже не слишкомъ сообразительный Людовикъ XVI чувствуетъ этотъ сдвигъ, имѣющій мировое историческое значеніе. Но онъ не сопротивляется, не протестуетъ.

— Во Франціи вѣтъ больше короля, — произноситъ онъ соннымъ голосомъ, какъ будто дѣло это его лично мало касается, и съ разсѣяннымъ видомъ кладетъ декретъ на постель, въ которой спятъ его дѣти.

Но тутъ внезапно вспыхиваетъ Марія-Антуанетта. Эта женщина, мелочная въ мелочахъ и поверхностная въ вопросахъ внѣшняго распорядка, всегда проявляетъ рѣдкое достоинство въ тѣхъ случаяхъ, когда затронуты ея гордость или честь. Она комкаетъ декретъ Национальнаго Собранія, позволяющаго себѣ распоряжаться ею и ея семьей и бросаетъ его съ презрѣніемъ на полъ:

— Я не желаю, чтобы этотъ листокъ запачкалъ моихъ дѣтей.

Этотъ вызывающій поступокъ Маріи-Антуанетты повергаетъ въ трепетъ маленькихъ эmissаровъ. Для того, чтобы избѣгнуть скандала, Шуазель торопливо поднимаетъ брошенный на полъ декретъ. Въ этой комнатѣ всѣ одинаково смущены: король — смѣлостью своей супруги, оба эmissара Национальнаго Собранія — неловкостью своего положенія. Всѣ въ какомъ-то неопредѣленномъ, нерѣшительномъ настроеніи.

Король вноситъ по видимости примирительное, но въ дѣйствительности довольно коварное предложеніе. Пусть ему дадутъ отдохнуть здѣсь два-три часа, а затѣмъ онъ поѣдетъ обратно въ Парижъ. Они вѣдь не могутъ не видѣть, какъ устали дѣти. Послѣ двухъ такихъ тревожныхъ дней и ночей необходимо же хотъ немного оправиться.

Ромефъ сразу понимаетъ, чего добивается король. Черезъ два часа здѣсь будетъ вся кавалерія Буйе, а за ней прійдетъ и пѣхота съ пушками. Такъ какъ въ глубинѣ души ему хочется спасти короля, то онъ не возражаетъ: въ концѣ концовъ ему вѣдь только дано порученіе приостановить поѣздку. Это онъ исполнилъ. Но

второй эмиссаръ Байонъ сейчасъ же соображаетъ, какая тутъ ведется игра, и рѣшаетъ отвѣтить на коварство коварствомъ. Онъ какъ бы соглашается, лѣниво спускается съ лѣстницы и говоритъ съ притворнымъ вздохомъ осыпающей его вопросами толпѣ:

— Ахъ, они не хотятъ уѣзжать... Буйе уже близости, они дожидаются его.

Эти нѣсколько словъ подливаютъ масла въ огонь.

— Этого не должно быть! Больше мы не дадимъ себя обманывать! Въ Парижъ! Въ Парижъ!

Окна дрожатъ отъ криковъ толпы. Мѣстные власти, въ первую очередь несчастный лавочникъ Соусъ въ отчаяннѣйшій насѣдаютъ на короля, чтобы онъ уѣхалъ, въ противномъ случаѣ они не могутъ поручиться за его безопасность.

Гусары такъ стиснуты толпою, что не могутъ пошевелиться, или перешли на сторону народа, карету съ триумфомъ волокутъ къ дверямъ и впрягаютъ лошадей, чтобы не было никакой задержки. Начинается унижительная игра, такъ какъ дѣло идетъ въ сущности, о минутахъ. Гусары Буйе должны находится уже совсѣмъ близко, каждая выигранная минута можетъ спасти королевскую власть, а поэтому необходимо всѣми возможными способами, вплоть до самыхъ унижительныхъ, задержать отъѣздъ въ Парижъ.

Даже Маріи-Антуанеттѣ приходится идти на компромиссы и впервые въ жизни унизиться до просьбъ. Она обращается къ женѣ лавочника и умоляетъ помочь ей. Но эта бѣдная женщина боится за своего мужа. Со слезами причитаетъ она, что ей несказанно тягостно отказывать въ гостепрѣимствѣ королю и королевѣ Франціи, но у нея есть дѣти, а ея мужу придется заплатить жизнью. Эта маленькая лавочница предчувствуетъ истину, — ея несчастный мужъ и впрямь заплатился впоследствии головой, за то, что помогъ въ эту ночь королю сжечь нѣсколько компрометирующихъ бумагъ.

Король и королева придумываютъ все новые предлоги для задержки, а время идетъ да идетъ, но гусары Буйе все не показываются. Вотъ уже все готово, какъ вдругъ

Людовикъ заявляетъ — какъ низко палъ онъ, если ему приходится разыгрывать подобныя комедіи, — что ему хочется ѣсть. Можно ли отказать королю въ завтракъ? Конечно нѣтъ, но ему стараются принести ѣду возможно быстрѣе, чтобы только не вышло новой задержки. Людовикъ XVI проглатываетъ нѣсколько кусковъ, Марія-Антуанетта презрительно отодвигаетъ тарелку въ сторону.

Теперь всѣ возможности исчерпаны. Но тутъ новый, послѣдній инцидентъ: вся семья уже стоитъ въ дверяхъ, но вдругъ одна изъ камерфрейлинь, госпожа Невиль падаетъ въ симулированныхъ корчахъ на полъ. Марія-Антуанетта немедленно заявляетъ повелительнымъ тономъ, что она не оставитъ своей камеристки на произволъ судьбы. Она не уѣдетъ до тѣхъ поръ, пока не приведутъ врача. Но и врачъ — вѣдь весь городокъ на ногахъ! — является раньше, чѣмъ войска Буйе. Онъ даетъ симулянткѣ нѣсколько успокоительныхъ капель.

Траги-комедія не можетъ больше продолжаться. Король вздыхаетъ и первый спускается по узкой лѣсенкѣ внизъ. За нимъ слѣдуетъ, закусивъ губы, объ руку съ герцогомъ Шуазель, Марія-Антуанетта. Она предчувствуетъ, что имъ всѣмъ придется пережить во время этой обратной поѣздки. Но даже посреди всѣхъ своихъ заботъ она все еще думаетъ о своемъ другѣ: первыя слова, съ которыми она обратилась къ Шуазелю въ моментъ его появленія, были:

— Какъ вы полагаете, Ферзену вѣдь удалось спастись?

Если-бы подлѣ нея находился этотъ настоящій мужчина, то всѣ муки предстоящей адской поѣздки можно было-бы перенести. Тяжело только оставаться сильной посреди всѣхъ этихъ слабыхъ и отчаивающихся людей.

Королевская семья садится въ карету. Они все еще не теряютъ надежды на появленіе Буйе съ его гусарами. Но никого нѣтъ. Только угрожающіе возгласы окружающей ихъ толпы. Наконецъ, громадная карета начинаетъ двигаться. Шестъ тысячъ челоуѣкъ сопровождаютъ ее, весь Вареннъ шествуетъ за своей добычей, крики озлобленія и страха смѣняются криками ликованія.

Подъ звуки революціонныхъ пѣсень, окруженный пролетарской арміей, снимается несчастный корабль монархіи съ той мели, на которую онъ сѣлъ.

Спустя какихъ-нибудь двадцать минутъ, когда еще не совсѣмъ разсѣялось на дорогѣ, ведущей изъ Варенна въ Парижъ, облако пыли, поднятой каретой короля и сопровождающей ее толпой, къ другому концу городка подсакиваетъ галопомъ кавалерія, нѣсколько эскадроновъ. Наконецъ-то прискакали гусары Буйе, которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали. Стоило королю продержаться еще какихъ-нибудь полчаса, и онъ оказался бы окруженнымъ своей арміей, а тѣ, что нынѣ ликуютъ, принуждены были-бы ретироваться со срамомъ. Но когда Буйе узнаетъ, что король малодушно сдался, онъ оттягиваетъ войска. Къ чему бесполезное кровопролитіе? Буйе тоже понимаетъ, что участь монархіи рѣшена малодушіемъ монарха, что Людовикъ XVI больше не король, а Марія-Антуанетта больше не королева Франціи.

Обратная поѣздка

Корабль подвигается быстрѣе въ тихую погоду, чѣмъ въ бурю. Путь отъ Парижа до Варенна карета проѣздила въ двадцать часовъ. На обратную поѣздку ушло три дня. Королю и королевѣ приходится выпить до дна, капля за каплей, всю горькую чашу униженія. До полусмерти утомленные двумя бессонными ночами, не перемигнувъ платья — сорочка короля до того грязна отъ пота, что ему приходится взять чистую у одного изъ сопровождающихъ ихъ солдатъ — сидятъ они стиснутые вѣсперомъ въ каретѣ, накаленной отъ зноя словно печка. Безжалостные отвѣсные лучи іюньскаго солнца падаютъ на крышу кареты, воздухъ полонъ горячей пыли, все растеть и растеть эскортъ, осыпающій осрамившихся пассажировъ злобными насмѣшками.

Октябрьская шестичасовая поѣздка изъ Версаля въ Парижъ ничто въ сравненіи съ этой. Со всѣхъ сторонъ

несутся грубѣйшія ругательства, каждый хочетъ насладиться позоромъ короля и королевы, насильственно возвращаемыхъ домой. Лучше закрыть окна и изнывать отъ духоты и жажды въ этомъ пеклѣ, чѣмъ сносить эти насмѣшливые взгляды, слышать эти оскорбленія. Лица несчастныхъ путешественниковъ покрыты корою сѣрой пыли, глаза воспалены отъ бессонницы, но имъ не разрѣшаютъ держать занавѣски спущенными, на каждой станціи маленькіе мѣры считаютъ себя обязанными обращаться къ королю съ нравоучительными рѣчами, и онъ каждый разъ долженъ завѣрять, что онъ вовсе не имѣлъ намѣренія покинуть Францію.

Въ такіе моменты королева держитъ себя съ большимъ достоинствомъ, чѣмъ остальные спутники. Когда на одной изъ станцій имъ, наконецъ, приносятъ поѣсть, и они опускаютъ занавѣски, чтобы приняться за ѣду и утолить свой голодъ, толпа снаружи неистовствуетъ и требуетъ, чтобы занавѣски были подняты. Принцесса Елизавета хочетъ уже подчиниться, но королева энергично протестуетъ. Она предоставляетъ толпѣ кричать сколько ей угодно и лишь спустя четверть часа, когда уже не можетъ получиться впечатлѣніе, будто она подчиняется приказанію, сама поднимаетъ занавѣску, выбрасываетъ косточки отъ курицы за окно и спокойно говоритъ:

— Надо держаться съ достоинствомъ до самого конца.

Наконецъ проблескъ надежды: вечерняя остановка въ Шалонѣ. Тамъ ихъ дожидается городское населеніе подлѣ каменной триумфальной арки, о, иронія судьбы, той самой арки, которая сооружена была двадцать одинъ годъ тому назадъ въ честь Маріи-Антуанетты, когда она пріѣхала сюда изъ Австріи въ парадной каретѣ, подъ ликующіе крики толпы, къ своему будущему супругу. На каменномъ фризѣ этой арки высѣчены слова: „Perstet aeterna ut amor“ — да стоитъ этотъ памятникъ вѣчно, какъ вѣчна наша любовь.

Увы, любовь болѣе преходяща, чѣмъ хорошій мраморъ и отесанный камень. Какимъ-то сномъ кажется Маріи-Антуанеттѣ, что подъ этой аркой ее нѣкогда встрѣчала пышно разряженная знать, что дорога была усыяна огнями и любопытными, что изъ фонтана въ ея честь лилось вино. Теперь ее встрѣчаетъ сдержанная, въ лучшемъ случаѣ сострадательная вѣжливость, но и это кажется благодѣніемъ, по сравненію съ той наглою, навязчивой ненавистью, съ которой они сталкивались до сихъ поръ. Можно выспаться, переодѣть платье. Но на слѣдующее утро снова печетъ безжалостное солнце, снова необходимо продолжать мучительный путь.

Чѣмъ ближе они къ Парижу, тѣмъ злобнѣе населеніе. Когда король проситъ дать ему мокрую губку, чтобы стереть съ лица грязь и потъ, одинъ изъ чиновниковъ, издѣваясь, говоритъ:

— Вотъ результатъ подобныхъ поѣздокъ.

Когда королева, вышедшая немного размять ноги, поднимается по ступенькамъ обратно въ карету, раздается злобное шипѣніе какого-то женскаго голоса:

— Погоди, голубушка, скоро тебѣ придется всходить по другимъ ступенькамъ.

Какой-то встрѣчный дворянинъ обнажаетъ голову при видѣ короля и королевы. Толка стаскиваетъ его съ коня и избиваетъ. Теперь только Людовикъ и Марія-Антуанетта понимаютъ, что не одинъ Парижъ поддался «революціонному заблужденію», но что на всѣхъ поляхъ ихъ страны пышнымъ цвѣтомъ возшло это сѣмя. А можетъ быть у нихъ не хватаетъ силъ сдѣлать этотъ выводъ: усталость постепенно окончательно притупляетъ ихъ воспріимчивость. Обезсиленные, сидятъ они въ каретѣ, относясь съ полнымъ безразличіемъ къ своей судьбѣ. Наконецъ, наконецъ-то подскакиваютъ курьеры и доносятъ, что навстрѣчу имъ ѣдутъ три члена Національнаго Собранія, чтобы охранять королевскую семью на дальнѣйшемъ пути. Теперь жизнь ихъ спасена, но одна только жизнь.

Карета останавливается посреди дороги: три делегата Національнаго Собранія роялистъ Мобургъ, адвокатъ Барнавъ и якобинецъ Петіонъ идутъ ей навстрѣчу. Королева сама открываетъ дверцу:

— Милостивые государи, — говоритъ она взволнованнымъ голосомъ, подавая имъ руку, — примите мѣры, чтобы не произошло никакого несчастья, чтобы сопровождавшія насъ лица не были принесены въ жертву и ихъ жизнь была охранена.

Безошибочный тактъ, проявляемый ею всегда въ серьезные моменты, подсказалъ ей правильную позицію: королева не можетъ просить о своей защитѣ, а только о защитѣ своихъ преданныхъ слугъ.

Энергичная величавость Маріи-Антуанетты сразу сбиваетъ делегатовъ съ ихъ снисходительно-покровительственной позиціи. Даже якобинецъ Петіонъ вынужденъ противъ воли сознаться въ своихъ замѣткахъ, что произнесенныя королевой слова произвели на него большое впечатлѣніе. Онъ немедленно приказываетъ толпѣ соблюдать тишину и предлагаетъ затѣмъ королю, чтобы двое изъ делегатовъ Національнаго Собранія сѣли въ его карету, для того, чтобы своимъ присутствіемъ охранить королевскую семью отъ возможныхъ непріятностей. Пусть принцесса Елизавета и госпожа де-Турзель пересядутъ въ другой экипажъ. Но король говоритъ, что можно и такъ устроиться, надо только потѣсниться немного, и мѣсто будетъ. Размѣщаются слѣдующимъ образомъ: Барнавъ усаживается между королемъ и королевой, причѣмъ она беретъ на руки дофина, а Петіонъ садится между принцессой Елизаветой и госпожей де-Турзель, которая держитъ на колѣняхъ дочку короля. Тѣсно прижавшись другъ къ другу, сидятъ теперь представители монархіи и представители народа въ одной каретѣ, и можно сказать, что никогда еще королевская семья не приходила въ такое тѣсное соприкосновеніе съ депутатами Національнаго Собранія.

То, что происходитъ затѣмъ въ каретѣ, столь-же неожиданно, сколь естественно. Сначала между этими

двумя полюсами — пятью членами королевской семьи и двумя представителями Національного Собранія, между арестованными и ихъ стражниками, царить враждебно-напряженное настроеніе. Обѣ партіи твердо рѣшили строго охранять одна передъ другой свой авторитетъ.

Марія-Антуанетта, задѣтая тѣмъ, что должна прибѣгнуть къ защитѣ этихъ людей и всецѣло зависѣть отъ ихъ милости, упорно смотритъ въ сторону и не произноситъ ни слова: пусть они не думаютъ, что она — королева — хочетъ снискать ихъ расположеніе. Депутаты-же, въ свою очередь, озабочены тѣмъ, чтобы ихъ вѣжливость не была принята за сознаніе подчиненности: падо во время этой поѣздки показать королю, что члены Національного Собранія, свободные и неподкупные люди, не держатъ себя такъ подобострастно, какъ унижающаяся придворная челядь.

Итакъ — необходимо соблюдать разстояніе — дистанцію! Настроенный на такой ладъ якобинецъ Петіонъ переходитъ даже въ открытое нападеніе. Онъ хочетъ съ самаго-же начала задать маленькій урокъ самой высокомерной изъ спутницъ — Маріи-Антуанеттѣ, чтобы вывести ее изъ равновѣсія. Ему отлично извѣстно, говоритъ онъ, что королевская семья недалеко отъ Тюльерійскаго дворца сѣла въ обыкновенный наемный экипажъ, которымъ управлялъ шведъ по имени . . . шведъ по имени . . .

Петіонъ запинается, словно не можетъ вспомнить имени этого шведа, и спрашиваетъ королеву, какъ его зовутъ. Это ударъ отравленнымъ кинжаломъ, направленный противъ королевы, — вѣдь онъ справляется у нея въ присутствіи ея супруга обѣ имени ея любовника. Но Марія-Антуанетта смѣло парируетъ ударъ:

— Я не имѣю обыкновенія интересоваться именами моихъ кучеровъ.

Послѣ этой первой стычки враждебно-напряженное настроеніе внутри кареты еще возрастаетъ.

Это тягостное настроеніе разрѣшается подъ вліяніемъ слѣдующаго маленькаго инцидента. Дофинъ соскочилъ съ колѣнъ матери, оба чужихъ господина возбуждаютъ

въ немъ живѣйшее любопытство. Онъ хватается своими пальчиками за мѣдную пуговицу на мундирѣ Барнава и читаетъ по складамъ выгравированную на ней надпись: „Vivre libre ou mourir“. Обоихъ эмиссаровъ Національнаго Собранія чрезвычайно забавляетъ, что будущій король Франціи на такой необычный манеръ знакомится впервые съ лозунгомъ революціи. Мало по малу завязывается разговоръ.

И здѣсь происходитъ нѣчто удивительное. Валаамъ, выѣхавшій съ намѣреніемъ проклясть, приходитъ къ необходимости благословить. Каждая изъ сторонъ начинаетъ приходить къ убѣжденію, что противная сторона гораздо симпатичнѣе, чѣмъ она это предполагала. Мелкій буржуа якобинецъ Петіонъ и молодой провинціальный адвокатъ Барнавъ представляли себѣ «тирановъ» напыщенными, недоступными, высокомерными, глупыми и наглыми, они думали, что чадъ придворнаго фиміама заглушаетъ всякую человѣчность. Теперь они поражены той естественной манерой обращенія, тѣмъ простымъ тономъ, который царитъ въ корслевской семьѣ. Даже Петіонъ, пытавшійся разыгрывать изъ себя Катона, пишетъ въ своемъ отчетѣ: «Я нашелъ въ ихъ манерѣ держать себя извѣстную простоту и фамиллярность, которыя мнѣ понравились. Ни слѣда королевской напыщенности, а легкость и домашнее добродушіе.»

Королева называетъ принцессу Елизавету «моя маленькая сестричка», и та ей отвѣчаетъ въ томъ-же тонѣ. Короля принцесса Елизавета зоветъ просто «мой братъ». Королева позволяетъ дофину танцовать у себя на колѣняхъ, молодая принцесса играетъ со своимъ братцемъ, а король наблюдаетъ за всѣмъ этимъ довольными глазами, хоть и нѣсколько тупо.

Оба революціонера убѣждаются къ своему изумленію, что королевскія дѣти такъ же шалятъ и забавляются, какъ и ихъ собственныя, имъ становится даже какъ-то неудобно, что они сами, въ сущности, одѣты гораздо элегантнѣе, чѣмъ повелитель Франціи, носящій грязное бѣлье. Начальное сопротивленіе постепенно все болѣе ослабѣваетъ. Когда король пьетъ, онъ предлагаетъ вѣж-

дивѣйшимъ образомъ свой стаканъ Петіону. Но какимъ-то уже совершенно сверхъестественнымъ обстоятельствомъ кажется изумленному якобину, что когда маленькій дофинъ испытываетъ потребность помочиться, король Франціи и Наварры собственноручно разстегиваетъ своему сынишкѣ панталоны и держитъ во время отправления имъ своей надобности соотвѣтствующій серебряный сосудъ. Эти «тираны», въ сущности, абсолютно такіе-же люди, какъ и мы, — приходитъ къ убѣжденію ярый революціонеръ.

Но точно такъ же изумлена и королева. Они, въ сущности, очень милые и вѣжливые люди, эти монстры изъ Національнаго Собранія! Не кровожадные тигры, не невѣжды и, прежде всего, совсѣмъ не дураки. Наоборотъ, съ ними можно гораздо разумнѣе поболтать, чѣмъ съ какимъ-нибудь графомъ Артуа или его пріятелями.

Не проходитъ и трехъ часовъ совмѣстной поѣздки, какъ обѣ стороны, намѣревавшіяся импонировать другъ другу твердостью и высокоуміемъ, начинаютъ стараться понравиться другъ другу — удивительное и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто человѣческое превращеніе. Королева начинаетъ затрагивать въ разговорѣ политическія темы, чтобы доказать обоимъ революціонерамъ, что въ ея кругахъ люди далеко не такъ ограничены и злобны, какъ это себѣ представляетъ народъ, сбитый съ толку скверными газетами. Оба депутата стараются, въ свою очередь, разъяснить королевѣ, что ей не надлежитъ смѣшивать цѣли Національнаго Собранія съ дикими выкриками Марата, а когда рѣчь заходитъ о республикѣ, то Петіонъ даже осторожно обходитъ эту тему. Ночью, когда утомленная принцесса Елизавета, засыпая, невольно прислоняется къ плечу своего сосѣда, этотъ тщеславный дурень начинаетъ воображать, что одержалъ новую галантную побѣду и отмѣчаетъ въ послѣдствіи въ своихъ запискахъ: «Я могу, конечно, заблуждаться, быть можетъ я спуталъ формы проявленія несчастья съ формами проявленія наслажденія, но думаю все-же, что если-бы мы были наединѣ, то

она упала-бы въ мои объятія и не сопротивлялась велѣніямъ природы.»

Гораздо серьезнѣе этихъ смѣшныхъ эротическихъ фантазій «красавца Петіона» то впечатлѣніе, которое произвело опасное обаяніе королевы на его спутника Барнава. Этотъ юный новоиспеченный адвокатъ, только недавно попавшій изъ провинціи въ Парижъ, этотъ идеалистически настроенный революціонеръ совершенно очарованъ тѣмъ, что королева, королева Франціи скромно позволяетъ ему просвѣщать ее насчетъ основныхъ идей революціи, идей его клубныхъ друзей. Какой удобный случай, думаетъ невольно этотъ маркизь Поза, внушить монархинѣ почтеніе и уваженіе къ священнымъ принципамъ, быть можетъ привить ей конституціонныя идеи. Пламенный молодой адвокатъ ораторствуетъ — онъ охотно слушаетъ самого себя! — и вдругъ — онъ никогда и не помыслилъ бы объ этомъ! — эта поверхностная женщина (Богъ знаетъ, быть можетъ ее оклеветали!) прислушивается съ участіемъ и вниманіемъ къ его словамъ, вставляетъ чрезвычайно умныя замѣчанія.

Своей австрійской любезностью, своей кажущейся готовностью поддаться его убѣжденіямъ, Марія-Антуанетта совершенно очаровываетъ этого наивно-довѣрчиваго человѣка. Какъ несправедливо относились къ этой благородной женщинѣ, какъ неправы были по отношенію къ ней, — чувствуетъ изумленный Барнавъ. Она вѣдь хочетъ только добра, и если бы только нашелся кто-нибудь, который давалъ ей надлежащія указанія, то все могло-бы отлично наладиться во Франціи. Королева не оставляетъ въ немъ сомнѣній на тотъ счетъ, что она ищетъ такого совѣтчика и была бы ему благодарна, если-бы онъ согласился въ будущемъ руководить ею и просвѣщать ее. Да, отнынѣ его задачей станетъ передавать этой женщинѣ, неожиданно оказавшейся благоумной, подлинныя желанія народа, а съ другой стороны, убѣдить Національное Собраніе въ томъ, что королева настроена чрезвычайно демократически.

Во время длительной бесѣды въ архіепископскомъ дворцѣ въ Мо, гдѣ они останавливаются на отдыхъ, Маріи-Антуанеттѣ удается настолько очаровать Барнава своей любезностью, что онъ ставитъ себя въ ея распоряженіе для любыхъ услугъ. Такимъ образомъ — кто бы могъ это ожидать! — бѣгство въ Вареннъ приноситъ королевѣ огромную политическую выгоду. Въ то время, какъ прочіе только потѣются, ѣдятъ, мучаются отъ усталости и безсилія, она одерживаетъ послѣднюю побѣду въ интересахъ королевской власти.

Ужаснѣе всего третій, послѣдній день поѣздки. Небо Франціи тоже за націю и противъ короля. Съ ранняго утра до поздняго вечера солнце нещадно палитъ четырехколесную, покрытую толстымъ слоемъ пыли и тѣсно набитую печку-карету, раскаленная крыша ея ни на секунду не попадаетъ хотя бы въ прохладную тѣнь облачка. Наконецъ, процессія добирается до воротъ Парижа, но всѣ тѣ сотни тысячъ, которыя желаютъ увидѣть притащенного на галерѣ домой короля, должны еще получить свое, а потому короля и королеву не везутъ въ Тюльерійскій дворецъ прямо черезъ ворота Санъ-Дени, а огромнымъ обходнымъ путемъ черезъ безконечные бульвары.

Во время всего этого переѣзда не раздается въ ихъ честь ни одного привѣтственнаго крика, но и ни одного ругательства, такъ какъ на огромныхъ плакатахъ значится, что всякій, кто будетъ привѣтствовать короля, достоинъ презрѣнія, но всякій, кто посмѣетъ оскорбить плѣнника націи, будетъ избитъ. Безграничнымъ ликованіемъ встрѣчается зато коляска позади королевской кареты: въ ней сидитъ человекъ, которому народъ обязанъ всѣмъ этимъ триумфомъ, — почтмейстеръ Друэ, смѣлый охотникъ, хитростью и упорствомъ выслѣдившій королевскую дичь.

Опаснѣе всего послѣдній моментъ поѣздки, тѣ два метра, которые отдѣляютъ карету отъ входныхъ дверей Тюльерійскаго дворца. Такъ какъ королевская семья охраняется депутатами, а народное негодованіе требу-

еть во что бы то ни стало искупительной жертвы, то толпа бросается на ни въ чемъ неповинныхъ трехъ лейбъ-гвардейцевъ, которые помогли «увозу» короля. Ихъ стаскиваютъ съ козелъ, и на мгновение кажется, что королевѣ снова придется видѣть окровавленные головы своихъ слугъ на пикахъ у воротъ ея дворца, но тутъ въ дѣло вмѣшивается національная гвардія и расчищаетъ штыками подходъ къ дворцу. Теперь только раскрывается заслонка «печи», и первымъ выходитъ изъ нея тяжелой поступью усталый, грязный, потный король, а за нимъ королева. Сейчасъ же подымается опасный ропотъ по адресу «австріячки», но она быстрыми шагами проходитъ небольшое пространство, отдѣляющее карету отъ дверей дворца. За нею слѣдуютъ дѣти. Ужасная поѣздка окончена.

Внутри дворца торжественно выстроились въ рядъ лакеи. Столъ накрытъ какъ обычно, порядокъ мѣстъ соблюденъ. Вернушіеся могутъ подумать, что имъ снился сонъ. Но въ дѣйствительности прошедшіе 5 дней больше поколебали основы королевской власти, чѣмъ пять лѣтъ реформъ, потому что плѣнники не могутъ считаться коронованными особами. Король снова спустился ступенькой ниже, революція снова поднялась на одну ступень вверхъ.

Но усталого Людовика это, повидимому, мало волнуетъ. Онъ безразличенъ ко всему, а слѣдовательно и къ собственной участи. Его рука не дрожитъ, когда онъ записываетъ въ дневникъ только: «Отъѣздъ изъ Мо въ половинѣ седьмого. Приѣздъ въ Парижъ въ восемь часовъ. Безъ остановки». Это все, что Людовикъ XVI находитъ сказать по поводу величайшаго позора его жизни. Петіонъ тоже пишетъ: «Онъ былъ такъ спокоенъ, словно ничего не произошло. Можно было подумать, что онъ возвратился изъ поѣздки на охоту».

Марія-Антуанетта понимаетъ, что все потеряно. Муки этой безплодной поѣздки должны были потрясающимъ образомъ подѣйствовать на ея гордость. Но настоящая женщина и воистину любящая, со всей жертвенностью поздней и безповоротно-последней страсти,

она и въ этомъ аду думаетъ единственно о томъ, кто вдали отъ нея, она боится, что ея другъ Ферзенъ черезчуръ беспокоится за нее. Опасности грозятъ ей со всѣхъ сторонъ, но ее больше всего беспокоитъ то, что Ферзенъ можетъ испытывать тревогу. «Не беспокойтесь за насъ, — набрасываетъ она наскоро на клочкѣ бумаги, — мы живы.»

Всѣ обманываютъ другъ друга

Бѣгство въ Вареннѣ открываетъ новую главу въ исторіи революціи. Въ этотъ день родилась новая партія — республиканская. До 21 іюня 1791 года все Національное Собраніе было настроено роялистски, такъ какъ оно состояло исключительно изъ дворянства и буржуазіи. Но уже къ слѣдующимъ выборамъ за буржуазнымъ третьимъ сословіемъ начинаетъ пробиваться впередъ четвертое сословіе — пролетаріатъ, огромная, бурная, стихійная масса, которой буржуазія настолько же пугается, насколько королевская власть въ свое время испугалась буржуазіи.

Исполненный страха и поздняго сожалѣнія широкій классъ имущихъ начинаетъ понимать, съ какихъ демоническихъ силъ онъ снялъ оковы, а потому желаетъ поскорѣе установить посредствомъ конституціи границы королевской и народной власти. Для того, чтобы получить на это согласіе Людовика XVI, необходимо шадить его, а потому умѣренныя партіи добиваются того, что ему не дѣлаютъ никакихъ упрековъ по поводу его попытки бѣжать. Король, дескать, покинулъ Парижъ не по своей доброй волѣ, притворно заявляютъ они, а былъ «увезенъ».

А когда якобинцы организуютъ на Марсовомъ полѣ манифестацію съ требованіемъ сверженія короля, вожаки буржуазіи Байльи и Лафайеттъ впервые рѣшаются принять энергичныя мѣры и разогнать демонстрантовъ при помощи кавалеріи и пушечныхъ залповъ. Но коро-

лева — со времени бѣгства въ Вареннѣ она не имѣетъ больше права запираеть свою дверь, и національные гвардейцы строго слѣдятъ за каждымъ ея шагомъ — не предается иллюзіямъ по поводу значенія этихъ запоздалыхъ мѣропріятій.

Слишкомъ часто приходится ей слышать подъ своими окнами вмѣсто стараго возгласа «Да здравствуетъ король» новый возгласъ «Да здравствуетъ республика». И она понимаетъ, что эта республика можетъ возникнуть лишь послѣ того, какъ она, ея супругъ и ея дѣти погибнутъ.

Король скоро убѣждается въ томъ, что подлиннымъ несчастьемъ Вареннской ночи является не столько неудача его собственнаго бѣгства, сколько удача предпринятаго одновременно бѣгства его младшаго брата графа Прованскаго. Едва добравшись до Брюсселя, графъ Прованскій сбрасываетъ такъ долго и съ такимъ грузомъ носимую имъ маску братской преданности, провозглашаетъ себя регентомъ, законнымъ представителемъ королевской власти на все то время, въ теченіе коего Людовикъ XVI остается плѣнникомъ Парижа, и тайно дѣлаетъ все отъ него зависящее, чтобы по возможности продлить этотъ срокъ. «По поводу задержанія короля здѣсь проявляли въ чрезвычайно неподходящей формѣ радость, — пишетъ изъ Брюсселя Ферзенъ, — графъ Артуа просто сіялъ». Теперь они, вынужденные такъ долго униженно гарцовать позади короля, сидятъ, наконецъ, прочно въ сѣдлѣ, теперь они могутъ бряцать саблями и призывать къ войнѣ. Если при этой okazji Людовикъ XVI и Марія-Антуанетта, а возможно и Людовикъ XVII погибнутъ — тѣмъ лучше: тогда однимъ прыжкомъ перепрыгнуты двѣ ступени къ трону, тогда, наконецъ, графъ Прованскій сможетъ назвать себя Людовикомъ XVIII.

Маріи-Антуанеттѣ приходится бороться одновременно съ двумя опасностями — внутренней и внѣшней, съ республиканскими тенденціями внутри страны и съ военными происками принцевъ на границѣ. Эта сверхчело-

вѣческая задача совершенно неразрѣшима для одинокой, слабой, теряющейся и покинутой всѣми друзьями женщины. Здѣсь былъ бы необходимъ геніальный человекъ, одновременно Одиссей и Ахиллесъ, хитрый и смѣлый, новый Мирабо. Но въ такое критическое время въ распоряженіи королевы имѣются только маленькіе помощники и къ нимъ ей приходится обратиться.

На обратномъ пути изъ Варенна Марія-Антуанетта подмѣтила своимъ зоркимъ взоромъ, какъ легко маленькій провинціальный адвокатъ Барнавъ, съ такимъ успѣхомъ ораторствующій въ Національномъ Собраніи, поддается на удочку лъстивыхъ словъ, поскольку они исходятъ отъ королевы. Она рѣшаетъ использовать эту слабость и обращается къ Барнаву тайно съ письмомъ. Барнавъ показываетъ это письмо своимъ друзьямъ, которые одновременно и радуются ему, и напуганы, но, наконецъ, рѣшаютъ отнынѣ сообща стать тайными консультантами королевы. Людовикъ XVI вообще не принимается ими въ расчетъ.

Прежде всего они просятъ королеву повліять на принцевъ, чтобы тѣ вернулись во Францію и убѣдить своего брата императора признать французскую конституцію. Королева притворяется будто согласна съ ними, и идетъ на всѣ ихъ предложенія. Она посылаетъ своему брату продиктованныя этими совѣтчиками письма, она дѣйствуетъ по ихъ указаніямъ. Только въ томъ пунктѣ, гдѣ на карту ставятся честь и благодарность, она не уступаетъ. И новые политическіе наставники уже думаютъ, что въ лицѣ Маріи-Антуанетты они обрѣли внимательную и послушную ученицу.

Но какъ основательно заблуждаются эти славные люди! Въ дѣйствительности Марія-Антуанетта ни минуты не помышляетъ о томъ, чтобы подчиниться имъ, всѣ эти переговоры должны служить только одной цѣли, должны помочь выиграть время до той поры, пока ея брату удастся созвать намѣченный «вооруженный конгрессъ». Она ведетъ двойную и не слишкомъ для нея почетную игру.

Но не одна только королева обманывается. Въ это критическое, предшествующее рѣшительному моменту время всѣ партнеры этой крупной политической игры обманываютъ другъ друга. Рѣдко безнравственность всякой тайной политики выступаетъ съ большей отчетливостью, чѣмъ въ корреспонденціи тогдашнихъ правительствъ, владѣтельныхъ особъ, пословъ и министровъ. Всѣ подводятъ подкопы другъ подъ друга, каждый дѣйствуетъ только въ своихъ личныхъ интересахъ.

А тѣмъ временемъ событія идутъ своимъ бурнымъ чередомъ, темпъ революціи не подчиняется ухищреніямъ старой дипломатіи. Необходимо принять какое-нибудь рѣшеніе. Національное Собраніе выработало, наконецъ, проектъ конституціи и представило его на утвержденіе Людовику XVI. Необходимо дать какой-нибудь отвѣтъ. Марія-Антуанетта понимаетъ, что эта «чудовищная» конституція — такъ она ее характеризуетъ въ письмѣ своемъ къ Екатеринѣ Великой — равнозначуща «моральной смерти, которая въ тысячу кратъ хуже смерти физической, избавляющей отъ всѣхъ бѣдъ». Она знаетъ также, что утвержденіе этой конституціи будетъ воспринято въ Кобленцѣ и при иностранныхъ дворахъ, какъ отреченіе короля отъ своихъ правъ, какъ актъ трусости, но такъ низко уже пала королевская власть, что даже гордая Марія-Антуанетта вынуждена совѣтовать королю подчиниться. Не остается никакого выбора.

«Отклонить конституцію было бы благороднѣе, — пишетъ она Ферзену, — но это при настоящихъ условіяхъ представлялось невозможнымъ. Я желала бы, чтобы она оказалась принятой болѣе слабымъ большинствомъ голосовъ. Къ сожалѣнію, всегда вокругъ больше зловредныхъ личностей. Но увѣряю васъ, что прошла еще наименѣе плохая редакція. Безуміе принцевъ и эмигрантовъ оказало не малое вліяніе на нашъ образъ дѣйствій. При утвержденіи конституціи приходилось слѣдить за тѣмъ, чтобы исключена была всякая строч-

ка, которая могла бы быть истолкована въ томъ смыслѣ, будто мы приняли ее не по доброй волѣ.»

Благодаря неискреннему, а, слѣдовательно, притворному пріятію конституціи, королевская семья получила передышку. Вотъ весь результатъ — и какъ скоро скажется печальный результатъ! — этой двойственной игры. Каждый облегченно притворяется, будто дѣйствительно вѣрить лжи другого. На секунду разрываются и исчезаютъ грозовыя тучи. Еще одинъ разъ обманчиво сіяетъ надъ головами Бурбоновъ солнце народнаго расположенія. Немедленно послѣ того, какъ король 13 сентября сообщаетъ, что на слѣдующій день принесетъ въ Національномъ Собраніи торжественную присягу конституціи, удаляютъ стражу, охранявшую доселѣ королевскій дворецъ, и открываютъ публикѣ свободный доступъ въ Тюльерійскій садъ. Заточеніе кончено и — какъ это скороспѣло заключаетъ наивное большинство — наступилъ конецъ революціи. Въ первый разъ послѣ безконечныхъ недѣль и мѣсяцевъ, но и въ послѣдній разъ слышитъ Марія-Антуанетта совсѣмъ, казалось бы, позабытые возгласы:

— Да здравствуетъ король! Да здравствуетъ королева!

Послѣднее появленіе друга

Съ принятіемъ конституціи кризисъ кажется разрешившимся. Революція стала закономъ, безпокойство застыло въ твердой формѣ. Наступаютъ нѣсколько дней, нѣсколько недѣль обманчиваго благополучія. На улицахъ ликуютъ, въ Національномъ Собраніи всѣ охвачены воодушевленіемъ, театры гремятъ отъ рукоплесканій. Но Марія-Антуанетта давно утратила наивную до вѣрчивость своей молодости.

— Какъ жаль, — говоритъ она со вздохомъ воспитательницѣ своихъ дѣтей, возвращаясь во дворецъ изъ ярко иллюминированнаго города, — что вся эта красота

можетъ вызвать въ нашихъ сердцахъ только чувство скорби и безпокойства.

Она слишкомъ часто принуждена была разочаровываться и не хочетъ больше обольщаться. «Въ настоящій моментъ все спокойно, — пишетъ она другу своего сердца Ферзену, — но это спокойствіе виситъ на волоскѣ, и народъ попрежнему готовъ каждую минуту на всякіе ужасы. Насъ увѣряютъ, будто все это устраивается для насъ. Я ничему этому не вѣрю, по крайней мѣрѣ въ отношеніи меня лично. Я знаю, какъ все это расцѣпывать. Въ большинствѣ случаевъ за все заплачено, и народъ насъ любитъ лишь постольку, поскольку мы дѣлаемъ то, что онъ требуетъ. Невозможно, чтобы такъ продолжалось еще много времени. Въ Парижѣ теперь еще менѣе безопасно, чѣмъ было раньше, потому что уже привыкли видѣть насъ униженными.»

И дѣйствительно, вновь избранное Національное Собраніе приноситъ разочарованіе, оно, по мнѣнію королевы, «въ тысячу разъ хуже прежняго», и однимъ изъ первыхъ его постановленій является лишеніе короля титула «величества». Черезъ нѣсколько недѣль руководство Національнымъ Собраніемъ переходитъ къ жирондистамъ, которые открыто симпатизируютъ республикѣ, и священная радуга примиренія скоро скрывается за тучами, вновь покрывающими небо. Снова начинается борьба.

Только одинъ человекъ понимаетъ, что Марія-Антуанетта не въ силахъ спасти себя. Онъ знаетъ, что подлѣ нея никого нѣтъ, такъ какъ Людовикъ XVI, въ виду его нерѣшительности, въ счетъ не идетъ. Принцесса Елизавета тоже не является той преданной, покорной Господу единомышленницей и союзницей Маріи-Антуанетты, каковой ее выставляетъ роялистская легенда. «Моя сестра такъ неосторожна, такъ окружена интригами и, главное, до такой степени находится подъ вліяніемъ ея находящихся за границей братьевъ, что съ нею вовсе нельзя говорить, иначе пришлось бы цѣлый день спорить.» И еще жестче, еще откровеннѣе. «Наша семей-

ная жизнь стала адомъ, невозможно обмѣняться другъ съ другомъ ни однимъ разумнымъ словомъ.»

Находящійся вдали Ферзенъ все отчетливѣе ощущаетъ, что теперь королевъ могъ бы помочь лишь одинъ человекъ, и что этотъ единственный, пользующійся ея довѣріемъ, человекъ не ея супругъ, не ея братъ и не кто-нибудь изъ родныхъ, а только онъ самъ. Еще нѣсколько дней тому назадъ Марія-Антуанетта подала ему тайнымъ образомъ черезъ графа Эстергази вѣсть о своей неизмѣнной любви: «Если вы будете ему писать, то скажите ему, что ни пространство, ни чужія государства не могутъ разлучить сердець, и что я съ каждымъ днемъ больше сознаю эту истину.» И второй разъ: «Я не знаю, гдѣ онъ. Для меня безконечно мучительно не имѣть вѣстей и даже не знать, гдѣ находятся тѣ, кого любишь».

Эти слова любви сопровождались подаркомъ — маленькимъ золотымъ кольцомъ и выгравированными на его поверхности тремя лиліями и надписью: «Трусъ тотъ, кто ихъ оставляетъ». Кольцо это заказано Маріей-Антуанеттой по своему пальцу, и она носила его два дня передъ тѣмъ, какъ отослать, какъ бы для того, чтобы пропитать холодное золото теплотой, исходящей отъ ея собственной крови.

Ферзенъ носитъ это кольцо любимой женщины на рукѣ, и оно своей надписью ежедневно взываетъ въ его совѣсти и побуждаетъ предпринять что-нибудь для ея спасенія. Ея письма исполнены такого отчаянія, что онъ чувствуетъ, какая растерянность начинаетъ овладѣвать любимой женщиной, сознающей свою покинутость. Ферзенъ рѣшается на героическій поступокъ. Такъ какъ они путемъ переписки не могутъ столкнуться, онъ навѣститъ Марію-Антуанетту въ Парижѣ, хоть это и грозитъ ему вѣрной смертью.

Узнавъ о рѣшеніи Ферзена, Марія-Антуанетта приходитъ въ ужасъ. Нѣтъ, она не хочетъ, чтобъ ея другъ принесъ ей такую непоправимую, такую поистинѣ героическую жертву. Какъ подлинно любящей женщины, жизнь ея друга ей дороже собственной жизни и того

несказаннаго успокоенія и счастья, которое могла бы ей принести его близость. Она торопливо пишетъ ему 7 декабря: «Вашъ прїездъ представляется въ настоящій моментъ абсолютно невозможнымъ. Это означало бы поставить на карту наше счастье. Если я такъ говорю, то можете мнѣ повѣрить, потому что мнѣ безконечно хотѣлось бы увидѣть васъ.»

Но Ферзенъ не унимается, онъ сознаетъ, что «совершенно необходимо вырвать ее изъ ея теперешняго состоянія». вмѣстѣ со шведскимъ королемъ онъ выработалъ новый планъ бѣгства, онъ чувствуетъ въ щимъ сердцемъ, какъ она по немъ тоскуетъ и какъ ожила бы душа этой одинокой женщины, если бы они могли послѣ этой осторожной и тайной переписки хоть одинъ разъ опять свободно и открыто поговорить. Въ началѣ февраля Ферзенъ рѣшаетъ не ждать больше и поѣхать къ Маріи-Антуанеттѣ.

Это рѣшеніе, въ сущности, равно самоубійству. Сто шансовъ противъ одного, что онъ не вернется изъ этой поѣздки, ибо ничья голова не расцѣнивается теперь во Франціи такъ дорого, какъ его. Ничье имя не произносится тамъ съ большей ненавистью, онъ заочно осужденъ, приказъ объ его арестѣ давно изданъ, примѣты его опубликованы во всеобщее свѣдѣніе, стоитъ любому человѣку узнать его по дорогѣ или въ Парижѣ, и смерть неминуема. Но Ферзенъ — и это во стократъ возвышаетъ его героизмъ — вовсе не хочетъ прятаться въ Парижѣ въ какомъ-нибудь потаенномъ уголкѣ, а имѣетъ намѣреніе пробраться въ неприступную пещеру Минотавра, въ Тюльери, во дворецъ, охраняемый день и ночь двѣнадцатю сотнями національныхъ гвардейцевъ, гдѣ каждый лакей, каждая камеристка, каждый кучеръ его прекрасно знаютъ въ лицо.

Но теперь или никогда этому любящему представляется случай доказать справедливость своего обѣта: «я живу только для того, чтобы служить вамъ». Онъ держитъ свое слово и 11 февраля пускается въ одно изъ самыхъ отчаянно-смѣлыхъ предпріятій рево-

люціонной исторіи. Въ парикѣ, съ фальшивымъ паспортомъ, на которомъ онъ поддѣлываетъ подпись шведскаго короля, отправляется Ферзенъ якобы съ дипломатической миссіей въ Лиссабонъ въ сопровожденіи одного только офицера, за слугу котораго онъ себя выдаетъ. Какимъ-то чудомъ ему удается пробраться 13 февраля въ половинѣ шестого дня въ Парижъ.

Хотя у него имѣется тамъ подруга или, вѣрнѣе, возлюбленная, на которую можно вполне положиться и которая готова съ рискомъ для собственной жизни спрятать его, онъ отправляется прямымъ путемъ въ Тюльери. Зимой рано темнѣетъ, и подъ покровомъ темноты смѣльчакъ пробирается во дворецъ. Потайная дверь, отъ которой онъ имѣетъ ключъ, оказывается — о счастливая случайность! — не охраняемой. Ферзенъ входитъ. Послѣ восьми мѣсяцевъ ужаснѣйшей разлуки и невѣроятнѣйшихъ пертурбацій — весь міръ сталъ за это время инымъ! — любящіе опять вмѣстѣ. Ферзенъ снова и въ послѣдній разъ у Маріи-Антуанетты.

Объ этомъ достопамятномъ посѣщеніи имѣются двѣ записи, исходящія обѣ отъ Ферзена, но въ значительной мѣрѣ другъ отъ друга различающіяся: одна официальная и одна интимная. Именно разница этихъ записей необычайно поучительна для характеристики отношеній Ферзена и Маріи-Антуанетты.

Въ официальномъ письмѣ своему монарху Ферзенъ доноситъ, что прибылъ 13 февраля въ шесть часовъ вечера въ Парижъ и въ тотъ же вечеръ видѣлся и говорилъ съ ихъ величествами — во множественномъ числѣ, т. е. съ королемъ и Маріей-Антуанеттой, а второй разъ встрѣтился съ ними на слѣдующій вечеръ.

Но этому донесенію, предназначавшемуся для короля Швеціи, который, какъ это было извѣстно Ферзену, отличался болтливостью и которому онъ не можетъ ввѣрить женскую честь Маріи-Антуанетты, противорѣчитъ многозначительная интимная записка въ дневникѣ Ферзена. Тамъ значитъ, во-первыхъ: «Отправился къ ней. Пошелъ обычнымъ путемъ. Опасенія насчетъ національ-

ныхъ гвардейцевъ. Ея помѣщеніе восхитительно.» И такъ, опредѣленно сказано «къ ней», а не «къ нимъ». Далѣе въ дневникѣ значатся еще два слова, которыя въ послѣдствіи къ-то замазаны чернилами. Къ счастью, эти чернила удалось смыть и обнаружались два слова „gesté là“ т. е. остался тамъ.

Эти два слова раскрываютъ всю картину той Тристановской ночи. Ферзенъ былъ принятъ въ тотъ вечеръ не ихъ величествами, какъ онъ сообщалъ шведскому королю, а одной Маріей-Антуанеттой и — это тоже не подлечитъ сомнѣнію — провелъ всю ночь въ покояхъ королевы. Уходить ночью изъ Тюльери, затѣмъ возвратиться, затѣмъ снова уходить было бы безумствомъ, такъ какъ въ коридорахъ день и ночь дежурили національные гвардейцы. Но покои Маріи-Антуанетты, расположенные въ уровень съ землей, состояли, какъ извѣстно, только изъ двухъ помѣщеній — спальни и крошечной уборной.

Итакъ, остается только одно, задѣвающее стражей нравственности объясненіе: Ферзенъ провелъ всю эту ночь и весь слѣдующій день до полуночи въ спальнѣ королевы, единственномъ мѣстѣ во дворцѣ, скрытомъ отъ взоровъ какъ національныхъ гвардейцевъ, такъ и многочисленной челяди.

Объ этихъ часахъ, проведенныхъ съ глазу на глазъ, Ферзенъ, всегда умѣвшій хранить молчаніе, не упоминаетъ ничего даже въ своемъ интимномъ дневникѣ. Послѣдуемъ же его примѣру. Никому не возбраняется вѣрить, что эта ночь была проведена въ разговорахъ о политикѣ. Но для того, кто чувствуетъ сердцемъ, кто мыслить ясно, кто вѣритъ въ силу крови, какъ извѣчный законъ, несомнѣнно, что если-бы даже Ферзенъ не былъ уже давно любовникомъ Маріи-Антуанетты, онъ сталъ бы имъ въ эту роковую ночь, въ эту безповоротно послѣднюю ночь, завоеванную предѣльной смѣлостью.

Первая ночь принадлежала всецѣло любящимъ и лишь слѣдующій вечеръ политикѣ. Въ шесть часовъ, т. е. ровно черезъ двадцать четыре часа послѣ пріѣзда Ферзена, терпѣливый супругъ входитъ въ комнату королевы, что-

бы переговорить съ посланцемъ-героемъ. Предложенный Ферзеномъ планъ бѣгства отклоняется Людовикомъ, во первыхъ потому, что онъ считаетъ его практически невыполнимымъ, а кромѣ того и изъ соображеній чести: онъ торжественно обѣщаль Національному Собранію оставаться въ Парижѣ и не хочетъ нарушить свое слово (въ своемъ дневникѣ Ферзень отмѣчаетъ по этому поводу: «Потому, что онъ благородный человѣкъ»).

Затѣмъ король откровенно, какъ мужчина мужчинѣ, объясняетъ вѣрному другу все положеніе.

— Мы одни — и можемъ говорить. Я знаю, что меня обвиняютъ въ слабости и нерѣшительности, но никто еще никогда не находился въ такомъ положеніи, какъ я. Я знаю, что упустилъ подходящий моментъ для бѣгства еще 14 іюля, и съ того дня мнѣ никогда эта возможность больше не представлялась. Весь міръ меня покинулъ.

Ни королева, ни король не питаютъ больше никакихъ надеждъ на спасеніе. Пусть иностранныя державы предпринимаютъ всевозможныя попытки, не заботясь при этомъ объ ихъ личной судьбѣ. Но пусть онѣ не удивляются, что онъ здѣсь изъявляетъ свое согласіе на нѣкоторыя мѣропріятія: въ томъ крайнемъ положеніи, въ которомъ они находятся теперь, имъ иногда приходится дѣлать вещи, къ которымъ не лежитъ ихъ душа. Они сами могутъ только стараться выиграть время, спасеніе же должно придти извнѣ.

До полуночи остается Ферзень во дворцѣ. Переговорено обо всемъ возможнымъ. Затѣмъ наступаетъ самый тягостный моментъ изъ этихъ тридцати часовъ, — нужно проститься. Обоимъ жутко объ этомъ подумать, оба чувствуютъ безошибочно: навсегда! Никогда больше въ этой жизни имъ не суждено встрѣтиться! Для того, чтобы утѣшить несчастную женщину, онъ обѣщаетъ ей, при малѣйшей къ тому возможности, вернуться, и счастливъ отъ сознанія, что ему удалось хоть немного успокоить ее своимъ присутствіемъ.

По темному, къ счастью пустынному коридору провожаетъ королева Ферзена до дверей. Они еще не обмѣнялись ни послѣдними словами, ни послѣдними объятіями,

какъ вдругъ раздаются чужіе шаги. Жизнь въ опасности! Ферзень, укутавшись въ плащъ, надвинувъ парикъ на брови, выскальзываетъ наружу. Марія-Антуанетта бѣжитъ обратно въ свою комнату. Любящіе видѣли другъ друга въ послѣдній разъ.

Война какъ послѣдняя надежда

Когда государства и правительства не въ состояніи справиться съ внутреннимъ кризисомъ, они стараются отвлечь напряженіе. Это старый, испытанный рецептъ. Въ соотвѣтствіи съ этимъ вѣчнымъ закономъ вожаки революціи, чтобы пзбѣжать надвигающейся гражданской войны, настаиваютъ уже нѣсколько мѣсяцевъ на объявленіи войны Австріи.

Принявъ конституцію, Людовикъ XVI, правда, ограничилъ свои королевскія прерогативы, но зато упрочилъ ихъ. Теперь революція — по мнѣнію такихъ наивныхъ людей, какъ Лафайеттъ, — окончательно завершена. Но партія жирондистовъ, играющая руководящую роль въ Національномъ Собраніи, въ душѣ своей республиканская партія. Она хотѣла бы совсѣмъ устранить королевскую власть, а для этого нѣтъ лучшаго средства, чѣмъ война, такъ какъ война неизбежно должна привести къ конфликту между королевской семьей и націей. Вѣдь авангардъ иностранныхъ армій состоитъ изъ обонхъ бряцающихъ оружіемъ братьевъ короля, а непріятельскіе генеральные штабы подчинены брату королевы.

Марія-Антуанетта понимаетъ, что открытая война не поможетъ, а скорѣе помѣшаетъ дѣлу короля. Каковъ бы ни былъ исходъ военного столкновенія, результаты его окажутся для королевской власти невыгодными. Если революціонныя арміи одержатъ побѣду надъ эмигрантами, королями и императоромъ, то Франція, несомнѣнно, не потерпитъ дальнѣйшаго пребыванія «тирана» у власти. Если же національныя войска будутъ

разбиты родственниками короля и королевы, то возбужденная или подстрекаемая парижская чернь, несомненно, возложить ответственность за это поражение на Тюльерійскихъ узниковъ. Если побѣдитъ Франція — они потеряютъ тронъ; если побѣдятъ иноземныя власти — они потеряютъ жизнь.

Изъ этихъ соображеній Марія-Антуанетта въ безконечномъ количествѣ писемъ закликаетъ своего брата Леопольда быть повоздержаннѣе, и этотъ осторожный, колеблющійся, расчетливый и въ глубинѣ души пессимистическій къ войнѣ монархъ дѣйствительно отстранилъ отъ себя бряцающихъ саблями принцевъ и эмигрантовъ и избѣгаетъ всего, что могло бы быть воспринято какъ вызовъ. Но счастливая звѣзда Маріи-Антуанетты давно закатилась. Всѣ сюрпризы судьбы направлены противъ нея.

Какъ разъ теперь, 1-го марта, ея братъ Леопольдъ умираетъ отъ внезапной болѣзни, а черезъ четырнадцать дней выстрѣломъ заговорщика сраженъ лучшій защитникъ роялистской идеи среди монарховъ Европы — шведскій король Густавъ. Война стала неизбежной, ибо преемникъ Густава не думаетъ о поддержкѣ дѣла монархіи, преемникъ же Леопольда II не заботится о своихъ родственникахъ, а руководствуется исключительно своими личными интересами. Марія-Антуанетта не встрѣчаетъ ни капли пониманія, ни даже желанія понять у этого двадцатичетырехлѣтняго глуповатаго, холоднаго, совершенно безчувственнаго императора Франца, въ душѣ котораго нѣтъ больше ни искорки отъ духа Маріи-Терезіи. Къ ея посланцамъ онъ относится холодно, къ ея письмамъ безразлично. Его нисколько не интересуетъ расколъ, происходящій въ душѣ его родственницы, не интересуетъ, не могутъ ли его мѣропріятія угрожать опасностью ея жизни. Онъ видитъ только удобный случай для расширенія своей власти и съ вызывающей холодностью отвергаетъ всѣ предложенія Национальнаго Собранія.

Это вода на мельницу жирондистовъ. Двадцатаго апрѣля Людовикъ XVI вынужденъ, послѣ долгаго сопро-

тивленія — и, какъ утверждаютъ, даже со слезами на глазахъ, — объявить войну «королю Венгріи». Арміи выступаютъ, и судьба вступаетъ въ свои права.

Парижъ не имѣетъ, въ сущности, никакого подтвержденія тому, что Марія-Антуанетта мечтаетъ о побѣдѣ иноземныхъ войскъ и предаетъ свою страну. Но если народъ, какъ масса, и лишень способности логично и планомѣрно мыслить, то онъ зато обладаетъ какимъ-то элементарнымъ, животнымъ и гораздо болѣе развитымъ чутьемъ, чѣмъ отдѣльная личность. Въ своихъ дѣйствіяхъ онъ руководствуется не соображеніями, а инстинктомъ, и инстинкты его почти всегда безошибочны. Французскій народъ съ самаго начала ощущаетъ, что атмосфера въ Тюльери проникнута враждебностью, безъ всякаго внѣшняго тому доказательства онъ чувствуетъ дѣйствительно совершенное Маріей-Антуанеттой военное предательство, предательство интересовъ арміи и народа. Для того, чтобы задать хорошій урокъ этой непреклонной, высокомерной австріячкѣ и королю, якобинцы — передовой отрядъ революціи — выбираютъ символическій день 20 іюня.

Три года тому назадъ въ этотъ день народныя представители впервые торжественно присягнули, что не уступятъ силъ штыковъ и дадутъ Франціи конституцію. Въ этотъ же день, годъ тому назадъ, переодѣтый лакеемъ, король улизнулъ ночью сквозь калитку своего дворца, чтобы не быть принужденнымъ подчиняться предписаніямъ народа. Въ этотъ же день ему покажутъ и вобьютъ ему навсегда въ голову, что онъ ничто, а народъ все.

Подобно тому, какъ это имѣло мѣсто въ 1789 году при штурмѣ Версаля, и штурмъ Тюльери въ 1792 году методически подготовлялся. Но тогда еще приходилось мобилизовать армію амазонокъ подъ покровомъ темноты, втихомолку, противозаконно, а теперь предводительствуемые пивоваромъ Сантерромъ пятнадцать тысячъ человекъ маршируютъ при яркомъ солнечномъ свѣтѣ, подъ звонъ набатнаго колокола. Городское управленіе,

мимо ратуши котораго они проходятъ, украшено флагами, Національное Собрание раскрываетъ передъ ними ворота, а парижскій мэръ Петіонъ, долженствующій заботиться о порядкѣ, притворяется слѣпымъ и глухимъ, чтобы проектируемое униженіе короля могло осуществиться съ большимъ успѣхомъ.

Демонстрація революціонныхъ колоннъ начинается съ торжественнаго дефилированія передъ Національнымъ Собраніемъ. Пятнадцать тысячъ человекъ съ огромными плакатами «Долой вето!» и «Свобода или смерть!» маршируютъ въ ногу, стройными рядами мимо зданія, въ которомъ засѣдаетъ Національное Собрание, и поютъ „*Ça ira*“. Въ половинѣ четвертаго представленіе какъ будто окончено, и участники его начинаютъ расходиться.

Но въ дѣйствительности подлинная демонстрація теперь только начинается. вмѣсто того, чтобы мирно разойтись по домамъ, вся исполинская масса народа, безъ чьихъ бы то ни было приказаній (и все же незримо кѣмъ-то руководимая) устремляется ко входу въ Тюльерійскій дворецъ. Тамъ, правда, стоятъ національные гвардейцы и жандармы съ саблями наголо, но дворъ въ своей обычной нерѣшительности не отдалъ никакихъ распоряженій на этотъ, казалось бы, легко предвидимый случай, солдаты не оказываютъ ни малѣйшаго сопротивленія, и народъ устремляется сплошнымъ потокомъ черезъ узкую воронку двери.

Напоръ толпы такъ великъ, что она какъ бы сама собою поднимается на первый этажъ. Тутъ ужъ ничто не въ состояніи ихъ удержать, двери распахиваются или ломаются замки. И раньше, чѣмъ успѣваютъ принять какія-нибудь предохранительныя мѣры, первые ряды ворвавшихся оказываются лицомъ къ лицу съ королемъ, котораго едва прикрываетъ кучка національныхъ гвардейцевъ. Теперь Людовику XVI приходится противъ воли принять въ собственномъ дворцѣ парадъ возставшаго народа, и только благодаря непоколебимой флегматичности его характера не происходитъ никакихъ столкновений. Онъ терпѣливо даетъ любезные отвѣты на всѣ задаваемые ему вызывающіе вопросы, послушно напяли-

ваетъ на себя красную шапку, которую снялъ со своей головы одинъ изъ санкиюловъ. На протяженіи трехъ съ половиной часовъ онъ выноситъ безъ малѣйшаго протеста, въ адскую жару, ротозѣйство и насмѣшки этихъ враждебныхъ, непрощенныхъ гостей.

Въ это же время другая часть возставшихъ проникла въ покои королевы. Грозитъ, повидимому, повтореніе ужасной сцены, разыгравшейся 5 ноября 1789 года въ Версалѣ. Но такъ какъ положеніе королевы болѣе опасно, чѣмъ положеніе короля, то офицеры быстро вызываютъ солдатъ, оттѣсняютъ Марію-Антуанетту въ уголъ и заслоняютъ ее большимъ столомъ, чтобы предохранить ее, по крайней мѣрѣ, отъ физическихъ оскорбленій. Кромѣ того передъ столомъ выстраиваются въ три ряда національные гвардейцы.

Дико ворвавшіеся мужчины и женщины не могутъ дотронуться до королевы, но находятся все же въ достаточной къ ней близости, чтобы вызывающе глядѣть на «чудовище», чтобы отъ слуха Маріи-Антуанетты не ускользнуло ни одно ругательство, ни одна угроза. Сантерръ, который во всемъ этомъ предпріятіи преслѣдуетъ только ту цѣль, чтобы поосновательнѣе запугать и унижить королеву, но старается избѣжать насилій, приказываетъ гвардейцамъ разступиться, дабы народъ могъ свободно полюбоваться своей жертвой. Одновременно онъ старается успокоить Марію-Антуанетту:

— Мадамъ, васъ вводятъ въ заблужденіе, народъ не замышляетъ противъ васъ ничего плохого. Если бы вы только того пожелали, то каждый любилъ бы васъ, какъ этого ребенка (при этихъ словахъ онъ показываетъ на испуганнаго и съ дрожью прижимающагося къ матери дофина). Не бойтесь, никто не причинитъ вамъ ни малѣйшаго зла.

Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ изъ этихъ людей предлагаетъ королевѣ свою помощь, гордость ея разгорается.

— Меня никто не вводилъ въ заблужденіе и не обманывалъ, — отвѣчаетъ Марія-Антуанетта сухо, — и

я никого не боюсь. Если имѣешь дѣло съ приличными людьми, то бояться никогда не приходится.

Холодно и съ достоинствомъ выдерживаетъ королева враждебные взоры и наглыя рѣчи. Только въ тотъ моментъ, когда ее хотятъ заставить надѣть на голову сына красную шапку, она отворачивается и говоритъ одному изъ офицеровъ:

— Это ужъ черезчуръ, это выше человѣческаго терпѣнія.

Но она остается спокойно стоять и не обнаруживаетъ ни на секунду страха или неувѣренности. Только послѣ того, какъ всякая опасность окончательно миновала, появляется мэръ Петіонъ и предлагаетъ толпѣ разойтись по домамъ, «для того, чтобы не дать повода заподозрить честныя намѣренія народа».

Но только позднимъ вечеромъ удается окончательно очистить дворецъ отъ вторгнувшейся въ него толпы и только теперь ощущаетъ униженная королева всѣ муки своей беззащитности. Теперь она знаетъ, что все потеряно. «Я еще жива, но это какое-то чудо, — пишетъ она торопливо своему другу Гансу-Акселю фонъ Ферзену. — Этотъ день былъ ужасенъ.»

Послѣдніе крики

Съ той поры, какъ она почувствовала на своемъ лицѣ дыханіе ненависти, какъ она увидѣла въ собственной комнатѣ пики революціи и убѣдилась въ безсиліи Національнаго Собранія, въ враждебномъ отношеніи мэра. Марія-Антуанетта знаетъ, что и она и ея семья безповоротно погибнуть, если не явится поскорѣе помощь извнѣ. Только блестящая побѣда пруссаковъ и австрійцевъ можетъ еще спасти ихъ.

Правда, теперь, въ послѣднюю, самую послѣднюю минуту, старые и вновь пріобрѣтенные друзья стараются сьорганизовать бѣгство королевской семьи. Генералъ Лафайеттъ хочетъ, ставъ лично во главѣ кавалерійска-

го отряда, забрать короля и его семейство съ праздника, имѣющаго состояться 14 іюля на Марсовомъ полѣ, и увести ихъ подъ охраной обнаженныхъ сабель изъ Парижа. Но Марія-Антуанетта, продолжающая считать Лафайетта виновникомъ всѣхъ бѣдъ, предпочитаетъ погибнуть, чѣмъ ввѣрить своего мужа, своихъ дѣтей и самое себя въ руки этого легкомысленнаго человѣка.

Изъ болѣе благородныхъ побужденій отклоняетъ она и второе предложеніе — ландграфини Гессенъ-Дармштадтской спасти только ее одну, какъ наиболѣе угрожаемое лицо, увести ее изъ дворца.

— Нѣтъ, принцесса, — отвѣчаетъ Марія-Антуанетта, — я не могу принять ваше предложеніе, хоть и глубоко его цѣню. Моя жизнь принадлежитъ дорогимъ мнѣ лицамъ, несчастную участь коихъ я раздѣляю и которыя, что бы о нихъ ни говорили, заслуживаютъ всяческаго участія, въ виду того мужества, съ которымъ они несутъ свою участь... Пусть когда-нибудь все пережитое нами сдѣлаетъ хоть дѣтей нашихъ болѣе счастливыми, — вотъ единственное пожеланіе, которое я себѣ могу разрѣшить. Прощайте, принцесса! У меня забрали все, кромѣ моего сердца, которое у меня всегда останется, чтобы я могла любить васъ.

Это одно изъ первыхъ писемъ, написанныхъ Маріей-Антуанеттой не столько въ личныхъ своихъ интересахъ, сколько для потомства. Въ глубинѣ души она уже знаетъ, что бѣды ничѣмъ не предотвратитъ, и хочетъ поэтому лишь выполнить свой послѣдній долгъ — погибнуть съ достоинствомъ и гордо поднятой головой. Быть можетъ, она уже безсознательно стремится къ скорой и геройской смерти вмѣсто этого медленнаго засасыванія грязью, вмѣсто этого каждодневнаго и повсечаснаго погруженія все ниже и ниже.

Во время народнаго праздника по случаю годовщины штурма Бастиліи она, отправляясь — въ послѣдній разъ — на Марсово поле для принятія участія въ этой церемоніи, отказывается надѣть подъ платье панцырь, какъ это дѣлаетъ ея осторожный супругъ. Ночью она спитъ одна и безъ охраны, хотя однажды въ ея компань

появляется какая-то подозрительная фигура. Она не выходит больше из дому, такъ какъ давно уже не можетъ выйти въ собственный садъ, чтобы не услышать, какъ народъ поетъ пѣсенку о «мадамъ Вето, обѣщавшей задушить весь Парижъ».

Она почти не спитъ по ночамъ. Каждый разъ, когда раздается на башнѣ ударъ колокола, всѣ во дворцѣ вздрагиваютъ, не звонъ ли это набата для давно проектирующагося рѣшительнаго штурма Тюльери. Каждый день, каждый часъ освѣдомляемый шпионами и развѣдчиками дворъ отлично знаетъ, что творится въ тайныхъ клубахъ и пригородныхъ секціяхъ, знаетъ, что рѣчь идетъ только о дняхъ, о трехъ, восьми, десяти, быть можетъ, четырнадцати дняхъ, по истеченіи которыхъ якобинцы положатъ насильственный конецъ всему. И шпионы эти, въ сущности, не разглашаютъ никакой тайны. Газеты Марата и Эбера во всю глотку кричатъ о необходимости свергнуть короля. Марія-Антуанетта понимаетъ, что спасти ихъ могло бы только чудо или же быстрое и побѣдоносное наступленіе прусскихъ и австрійскихъ войскъ.

Ужасъ, отчаяніе, страхъ этихъ послѣднихъ дней ожиданія и нетерпѣливаго трепета отражаются въ письмахъ королевы къ ея преданнѣйшему другу. Это уже, въ сущности, даже не письма больше, а крики, дикіе, всхлипывающіе возгласы, вопли страха, одновременно и пронзительные и неотчетливые, какъ крики чело-вѣка, котораго травятъ и хватаютъ за горло. Только съ величайшими предосторожностями и ухищреніями возможно теперь вообще посылать изъ Тюльерійскаго дворца какія бы то ни было вѣсти, такъ какъ на прислугу больше положиться нельзя, а подъ окнами и за дверьми стоятъ шпионы.

Ферзенъ получаетъ эти письма отъ любимой женщины въ Брюсселѣ. Можно себѣ представить, какое онъ испытываетъ отчаяніе при чтеніи ихъ. Съ утра до вечера борется онъ съ инертностью и нерѣшительностью королей, военныхъ командировъ, пословъ. Онъ пишетъ

письма за письмами, дѣлаетъ визиты за визитами, настаиваетъ изо всѣхъ силъ на скорѣйшемъ выступленіи, скорѣйшемъ приступѣ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Но главнокомандующій арміей, герцогъ Брауншвейгскій, солдатъ той старой военной школы, которая придерживалась того мнѣнія, что выступленіе должно быть подготовлено за много мѣсяцевъ и послѣдовать въ точно вычисленный день и часъ. Медленно, заботливо, систематически, по давно уже не примѣняемымъ законамъ военного искусства, изученнаго еще во времена Фридриха Великаго, располагаетъ герцогъ Брауншвейгскій свои войска и съ чисто генеральскимъ высококомѣриемъ не позволяетъ политикамъ ни на іоту измѣнить выработанные имъ мобилизаціонные планы. Онъ заявляетъ, что раньше середины августа не сможетъ перейти границу, но зато обѣщаетъ, что потомъ однимъ ударомъ — военная прогулка, это вѣдь вѣчная, излюбленная мечта генераловъ — доберется до самаго Парижа.

Но Ферзенъ, чье сердце обливается кровью подъ вліяніемъ криковъ отчаянія, доносящихся до него изъ Тюльери, знаетъ, что такъ долго ждать невозможно. Что-нибудь должно быть предпринято немедленно для спасенія королевы. И сбитый съ толку своей любовью, онъ дѣлаетъ какъ разъ то, чему суждено было погубить любимую имъ женщину. Именно то мѣропріятіе, которое по его плану должно было задержать нападеніе черни на Тюльерійскій дворецъ, ускоряетъ этотъ штурмъ.

Марія-Антуанетта давно уже требуетъ отъ союзниковъ опубликованія манифеста. По ея совершенно правильной мысли, этимъ манифестомъ надлежало попытаться доказать, что интересы республиканцевъ и якобинцевъ разнятся отъ интересовъ французской націи и, такимъ образомъ, внушить бодрость благомыслящимъ (благомыслящимъ съ ея точки зрѣнія) элементамъ Франціи и напугать этихъ «голоштанниковъ».

Она настаивала въ первую очередь на томъ, чтобы манифестъ этотъ не вмѣшивался во внутреннія французскія дѣла и «избѣгалъ фразъ о королѣ и подчеркивацій, что его хотятъ поддержать». Она мечтала о томъ,

чтобы манифестъ носилъ характеръ деклараціи дружбы ко всему французскому народу и одновременно угрозы террористамъ. Но злополучный Ферзень, знающій, что до реальной военной помощи со стороны союзниковъ пройдетъ еще цѣлая вѣчность, требуетъ, чтобы манифестъ этотъ былъ средактированъ въ самомъ рѣзкомъ духѣ. Онъ лично вырабатываетъ проектъ манифеста, передаетъ его черезъ одного своего друга и, роковымъ образомъ, именно ферзеновскій текстъ принимается!

Пресловутый манифестъ союзныхъ войскъ къ французской арміи составленъ въ такой повелительной формѣ, какъ будто полки герцога Брауншвейгскаго уже побѣдно-носно продвинулись до самаго Парижа. Онъ содержитъ все то, чего королева, ближе посвященная во всѣ обстоятельства дѣла, непременно хотѣла избѣжать. Въ немъ непрерывно говорится о священной особѣ христіаннѣйшаго короля, Національное Собраніе упрекается въ томъ, что оно противозаконно захватило въ свои руки бразды правленія, французскіе солдаты призываются къ немедленному подчиненію власти короля, ихъ законнаго монарха, и городу Парижу угрожаютъ, если бы произошло нападеніе на Тюльерійскій дворецъ, «примѣрной местию, которая навѣки останется въ памяти», военной экзекуціей, полнымъ разореніемъ. Еще не раздался первый выстрѣлъ, а малодушный генераль уже высказываетъ чисто тамерлановскія мысли!

Результатъ этихъ бумажныхъ угрозъ ужасенъ. Даже тѣ, которые до сихъ поръ были лояльными приверженцами короля, сразу становятся республиканцами, какъ только узнаютъ, насколько ихъ король дорогъ врагамъ Франціи, какъ только имъ становится ясно, что побѣда иностранныхъ войскъ привела-бы къ уничтоженію всѣхъ завоеваній революціи, что въ этомъ случаѣ штурмъ Бастиліи оказался бы напраснымъ, присяга, принесенная въ залѣ для игры въ мячъ, безцѣльной и всѣ клятвы на Марсовомъ полѣ никчемными. Рукой Ферзена, рукой любящаго, брошенъ подъ видомъ этой нелѣпой угрозы факель въ тлѣющій костеръ. И подъ вліяніемъ этого без-

смысленнаго вызова вспыхиваетъ гнѣвъ двадцати милліоновъ.

Въ послѣднихъ числахъ іюля въ Парижѣ становится извѣстенъ текстъ злополучнаго манифеста герцога Брауншвейгскаго. Угроза союзниковъ сравнять Парижъ съ землею въ случаѣ нападенія народа на Тюльери воспринимается народомъ, какъ вызовъ къ такому нападенію. Немедленно начинаются приготовленія, и если нападеніе нѣсколько откладывается, то лишь потому, что хотятъ подождать прибытія штурмового отряда, шестисотъ отборныхъ республиканцевъ изъ Марселя. Шестого августа этотъ отрядъ подходитъ, всѣ загорѣвшіе отъ южнаго солнца, дикіе, рѣшительные молодцы, и въ тактъ своихъ шаговъ они распѣваютъ новую пѣсню, ритмъ которой черезъ нѣсколько недѣль всколыхнетъ всю Францію, — Марсельезу, революціонный гимнъ, которымъ въ благословенную минуту осѣнила судьба голову рядового, ничѣмъ не выдающагося офицера. Теперь все готово для нанесенія послѣдняго удара прогнившей монархіи. Штурмъ можетъ начаться:

„Allons, enfans de la patrie . . .“

Десятое августа

Ночь съ девятаго на десятое августа предвѣщаетъ жаркій день. Ни облачка на небѣ, освѣщенномъ мириадами звѣздъ, ни вѣтерка. Улицы спятъ тихимъ сномъ, крыши сверкаютъ въ бѣломъ сіяніи лѣтней луны.

Но эта тишина никого не вводитъ въ заблужденіе. И если улицы такъ необычно пустынные, то это лишь служить подтвержденіемъ того, что готовится нѣчто чрезвычайное и экстраординарное. Революція не спитъ. Въ секціяхъ, въ клубахъ, въ частныхъ квартирахъ за сѣдаютъ вожаки, гонцы съ приказами подозрительно безшумно скользятъ изъ одного района въ другой, генеральный штабъ возстанія — Дантонъ, Робеспьеръ и жирон-

дисты — оставаясь незримымъ, подготавливаетъ нелегальную армію, населеніе Парижа, къ атакѣ.

Но и во дворцѣ никто не спитъ. Вотъ уже нѣсколько дней, какъ тамъ ждутъ возстанія. Они знаютъ, что не напрасно пришли въ Парижъ марсельцы и что согласно послѣднимъ свѣдѣніямъ, на слѣдующее утро должно начаться наступленіе. Окна раскрыты настежь въ эту душную лѣтнюю ночь, и королева съ принцессой Елизаветой напряженно прислушиваются къ происходящему снаружи. Но ничего еще не слышно. Тишиной дышетъ запертый Тюльерійскій паркъ, только мѣрные шаги караульныхъ раздаются во дворѣ, да иногда донесется бряцаніе сабли или топотъ лошадиныхъ копытъ, потому что во дворцѣ расквартировано больше двухъ тысячъ солдатъ, коридоры полны офицеровъ и вооруженныхъ дворянъ.

Наконецъ, въ три четверти перваго утра всѣ бросаются къ окнамъ: раздается звонъ набатнаго колокола, гдѣ-то въ одномъ изъ предмѣстій, затѣмъ второго, третьяго, четвертаго. И затѣмъ откуда-то совсѣмъ издалека доносится барабанная дробь. Нѣтъ больше ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что возстаніе началось. Еще нѣсколько часовъ — и все рѣшится. Взволнованная королева безпрестанно подбѣгаетъ къ окнамъ, чтобы прислушаться, не усиливаются ли угрожающіе сигналы. Никто не спитъ. Въ четыре часа встаетъ, наконецъ, кровавое солнце на безоблачномъ небѣ. Будетъ очень жаркій день.

Во дворцѣ все приготовлено. Въ послѣднюю минуту пришелъ еще самый преданный королю полкъ, девятьсотъ швейцарцевъ, храбрые, непоколебимые, воспитанные въ желѣзной дисциплинѣ, вѣрные своему долгу молодцы. Съ шести часовъ вечера Тюльерійскій дворецъ охраняется кромѣ того шестнадцатю отборными батальонами національной гвардіи и кавалеріи, подъемные мосты опущены, караульные посты усилены втрое и дюжина пушекъ преграждаетъ своими молчаливо-угрожающими жерлами доступъ ко двору. Помимо того разсланы призывы двумъ тысячамъ дворянъ, и ворота оставались — правда, увы, напрасно — до полуночи открытыми.

Явилась лишь небольшая кучка, около ста пятидесяти человекъ, по большей части все пожилые, посѣдѣвшіе люди. За дисциплиной слѣдитъ Манда, храбрый, энергичный офицеръ, рѣшившійся ни предъ чѣмъ не отступить. Но это хорошо извѣстно и революціонерамъ, а потому въ четыре часа утра его вдругъ отзываютъ, требуютъ, чтобы онъ явился въ ратушу. Король его неблагоприятно отпускаетъ, и хотя Манда знаетъ, что ему угрожаетъ, онъ слѣдуетъ призыву.

Его встрѣчаетъ новая революціонная коммуна, самовольно овладѣвшая зданіемъ ратуши, и быстро съ нимъ расправляется: два часа спустя трушъ его съ проломленнымъ черепомъ плыветъ по Сенѣ. Войска, охраняющіе дворецъ, лишены предводителя, твердой руки и рѣшительнаго сердца. Ибо король не предводитель. Этотъ растерявшійся человекъ нерѣшительно бродитъ по дворцу въ своемъ фіолетовомъ кафтанѣ и измятомъ отъ сна парикѣ, окидываетъ пустыми взорами одну комнату за другой и ждетъ, ждетъ. Вчера только условились защищать Тюльери до послѣдней капли крови и съ вызывающей энергіей превратили дворецъ въ крѣпость, въ укрѣпленный лагерь.

Но уже теперь, еще до появленія врага, начинаютъ опять колебаться, и неувѣренность исходитъ отъ Людовика XVI. Всякій разъ, когда необходимо принять рѣшеніе, этотъ самъ по себѣ вовсе не трусливый, но опасующійся всякой отвѣтственности, человекъ чувствуетъ себя больнымъ, а какъ можно ожидать мужества отъ солдатъ, когда они видятъ, что ихъ предводитель дрожитъ? Швейцарскій полкъ, безпрекословно подчиняющійся своимъ офицерамъ, держится непоколебимо, но въ средѣ національныхъ гвардейцевъ начинаютъ проявляться подозрительные симптомы послѣ того, какъ они все слышатъ вопросъ: «будемъ сражаться?» «не будемъ сражаться?»

Королева едва сдерживаетъ свое озлобленіе по поводу проявляемой ея супругомъ слабости. Марія-Антуанетта настаиваетъ на рѣшительномъ исходѣ. Ея перенапря-

женные первы не выдерживаютъ больше этого вѣчнаго напряженія, ея гордость — этого постоянного пребыванія подъ угрозой и недостойной приниженности. За эти два года она успѣла убѣдиться, что уступчивость не ослабляетъ требовательности революціи, а только укрѣпляетъ ея вѣру въ себя. Теперь королевская власть скатилась до послѣдней, низшей ступени, за которой только пропасть. Еще шагъ, и потеряно рѣшительно все, даже честь. Дрожащая отъ гордости женщина охотнѣе всего спустилась бы сама къ малодушнымъ національнымъ гвардейцамъ, чтобы заразить ихъ своей рѣшимостью и побудить ихъ къ исполненію ихъ долга. Но она также знаетъ, что въ моменты, подобные настоящему, жена не имѣетъ права замѣнять своего мужа, королева — короля. Она уговариваетъ Людовика XVI устроить передъ боемъ еще послѣдній смотръ войскамъ и поднять духъ защитниковъ, произнеся имъ напутственную рѣчь.

Это правильная мысль. Инстинктъ Маріи-Антуанетты всегда дѣйствуетъ безошибочно. Нѣсколько пламенныхъ словъ, подобныхъ тѣмъ, которыя находилъ въ моментъ опасности Наполеонъ, клятва короля умереть вмѣстѣ со своими солдатами, какой-нибудь энергичный, убѣдительный жестъ; — и эти еще колеблющіеся батальоны превратились бы въ желѣзную стѣну. Но вмѣсто этого по лѣстницѣ неуклюже спускается близорукой, тяжеловѣсный, неловкій, отнюдь не воинственный человекъ съ шляпой подъ мышкой и бормочетъ нѣсколько несвязныхъ словъ:

— Говорятъ, что они приближаются... Мое дѣло, дѣло всѣхъ благоразумныхъ гражданъ... Не правда ли, мы будемъ храбро сражаться?..

Колеблющійся тонъ, смущенная манера держать себя увеличиваютъ неувѣренность, вмѣсто того, чтобы ослабить ее. Национальные гвардейцы съ презрѣніемъ взираютъ на этого обходящаго неувѣренными шагами ихъ ряды нерѣшительнаго человека. Вмѣсто ожидаемаго возгласа «Да здравствуетъ король!» слова его вызываютъ молчаніе, а затѣмъ раздается двусмысленный крикъ:

— Да здравствуетъ нація!»

А когда король осмѣливается затѣмъ дойти до самой рѣшетки дворца, гдѣ его войска уже братаются съ народомъ, онъ слышитъ открытые призывы къ возмущенію:

— Долой вето! Долой жирную свинью!

Приверженцы и министры короля окружаютъ его и поспѣшно уводятъ обратно во дворецъ.

— Господи, Боже мой, надъ королемъ издѣваются! — кричитъ изъ перваго этажа морской министръ, и Марія-Антуанетта, съ воспаленными отъ бессонницы и красными отъ слезъ глазами, въ отчаяніи отворачивается.

— Все потеряно, — говоритъ она своей камеръ-фрейлинѣ, — король не обнаружилъ энергіи, и этотъ смотръ принесъ больше вреда, чѣмъ пользы.

Борьба закончилась еще до того, какъ она началась.

Въ это утро рѣшительнаго сраженія между монархіей и республикой въ толпѣ, стоящей передъ Тюльерійскимъ дворцомъ, находится, между прочимъ, одинъ молодой лейтенантъ, не имѣющій должности корсиканскій офицеръ, по имени Наполеонъ Бонапартъ, который высмѣялъ бы какъ дурака каждаго, кто сказалъ бы ему, что онъ самъ будетъ впоследствии жить въ этомъ дворцѣ въ качествѣ преемника Людовика XVI. Офицеру этому нечего дѣлать и онъ расцѣпываетъ своимъ пронизательнымъ солдатскимъ взоромъ шансы нападающихъ и защищающихся. Нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, стремительная вылазка — и всѣхъ этихъ каналій (какъ онъ впоследствии на островѣ св. Елены называетъ наступающихъ) можно было бы вымести словно желѣзной метлой.

Если-бы король имѣлъ въ своемъ распоряженіи этого маленькаго артиллерійскаго лейтенанта, онъ смѣлъ бы продержаться противъ всего Парижа. Но никто въ этомъ дворцѣ не обладаетъ желѣзнымъ сердцемъ и быстрой сообразительностью этого маленькаго лейтенанта.

— Не нападать, стойко держаться, храбро защищаться! — вотъ всѣ приказы, которые отдаются солдатамъ.

Это полумѣры, равносильныя полному поражению. Между тѣмъ уже семь часовъ утра. Авангардъ возставшихъ уже подошелъ, — беспорядочная, плохо вооруженная толпа, опасная не своей военной силой, а только своей непреклонной рѣшимостью. Нѣкоторые изъ мятежниковъ собираются у подъемнаго моста. Нельзя дальше медлить. Генераль-прокуроръ Редереръ сознаетъ свою отвѣтственность. Еще часъ тому назадъ онъ совѣтовалъ королю отправиться въ Национальное Собрание и отдаться подъ его защиту. Но тогда этому воспротивилась Марія-Антуанетта.

— Милостивый государь, у насъ здѣсь достаточно силъ, и настало, наконецъ, время показать, кто одержитъ вверхъ, король или мятежники, конституція или революція.

Самъ король не находитъ энергичныхъ словъ. Тяжело дыша, съ растеряннымъ взглядомъ, сидитъ онъ въ глубокомъ креслѣ и ждетъ, ждетъ, онъ и самъ не знаетъ чего. Онъ только хотѣлъ бы еще какъ-нибудь все оттянуть, только бы не принимать окончательныхъ рѣшеній. Но вотъ снова является Редереръ, украшенный своимъ шарфомъ, дающимъ ему повсюду свободный доступъ, и его сопровождаютъ нѣсколько совѣтниковъ городского управленія.

— Сирь, — обращается онъ энергичнымъ тономъ къ королю, — ваше величество не можетъ терять понапрасну и пяти минутъ, для васъ нѣтъ другого безопаснаго мѣста, кромѣ Национальнаго Собранія.

— Но я вовсе не вижу, чтобы на площади Карусель собралось особенно много народу, — отвѣчаетъ Людовикъ XVI, желающій только выиграть время.

— Сирь, громадная толпа съ двѣнадцатю пушками надвигается изъ предмѣстій! . .

Одинъ изъ городскихъ совѣтниковъ, — онъ торговецъ кружевами, и королева раньше у него часто покупала, — присоединяется къ словамъ Редерера.

— Молчите, милостивый государь, — прерываетъ его Марія-Антуанетта (неизмѣнно та же злость, если ее

хочетъ спасти человѣкъ, къ которому она не питаетъ уваженія), — дайте говорить генераль-прокурору.

Затѣмъ она сама обращается къ Редереру:

— Милостивый государь, но вѣдь въ нашемъ распоряженіи имѣются вооруженныя силы.

— Мадамъ, весь Парижъ охваченъ возстаніемъ, сопротивленіе невозможно.

Марія-Антуанетта не въ силахъ больше справиться со своимъ возбужденіемъ, кровь бросается ей въ лицо, она едва сдерживается, чтобъ не обрушиться на всѣхъ этихъ мужчинъ, изъ которыхъ ни одинъ не мыслитъ помужски. Но ея отвѣтственность необычайно велика, въ присутствіи короля Франціи женщина не имѣетъ права отдать приказъ къ бою. И она ждетъ рѣшенія, которое приметъ этотъ вѣчно перѣшителный человѣкъ. Тотъ поднимаетъ, наконецъ, свою тяжелую, опущенную голову, смотритъ нѣсколько секундъ на Редерера, затѣмъ вздыхаетъ и говоритъ, счастливый тѣмъ, что принялъ какое-то рѣшеніе:

— Идемте! . .

И сквозь строй дворянъ, взирающихъ на него безъ всякаго уваженія, мимо швейцарскихъ солдатъ, которыми никто не говоритъ, должны ли они сражаться или нѣтъ, идетъ Людовикъ XVI черезъ густую толпу народа, открыто издѣвающуюся надъ королемъ, его супругой и его многими вѣрными приближенными, и покидаетъ безъ боя дворецъ, выстроенный его предками, въ который ему никогда уже не суждено вернуться. Они идутъ по саду, впереди король съ Редереромъ, а за ними королева объ руку съ морскимъ министромъ и подлѣ нея дофинъ. Съ недостойной торопливостью спѣшатъ они къ манежу, гдѣ нѣкогда дворъ устраивалъ веселыя кавалькады, и гдѣ теперь засѣдаетъ Національное Собраніе, съ гордостью констатирующее, что дрожащій за свою жизнь король ищетъ у него защиты.

Это всего какихъ-нибудь двѣсти шаговъ. Но эти двѣсти шаговъ уводятъ Марію-Антуанетту и Людовика XVI безповоротно отъ королевской власти. Монархія больше не существуетъ.

Національное Собрание относится со смѣшанными чувствами къ тому обстоятельству, что его прежній повелитель, съ которымъ оно, въ сущности, еще связано присягой, вынужденъ искать у него гостепріимства. Въ первоначальномъ порывѣ великодушія предсѣдатель собранія Верніо провозглашаетъ:

— Сирь, вы можете положиться на рѣшимость Національнаго Собрания, его члены поклялись умереть за народныя права и законныхъ носителей власти.

Это серьезное обѣщаніе, такъ какъ согласно конституціи король является однимъ изъ двухъ законныхъ носителей власти, и слѣдовательно, Національное Собрание, несмотря на наступившій хаосъ, рѣшило охранять формально существующій законный порядокъ.

Оно педантично ссылается на параграфъ конституціи, не позволяющій королю присутствовать въ залѣ засѣданій во время совѣщаній. Такъ какъ оно жаждетъ продолжать совѣщаніе, королю отводится въ видѣ убѣжища примыкающая къ залѣ ложа, въ которой обычно помѣщаются писцы. Эта ложа представляетъ собою низкое помѣщеніе, въ которомъ едва можно стоять. Въ ней находятся спереди нѣсколько креселъ и въ глубинѣ соломенные скамьи. Желѣзная рѣшетка отдѣляетъ ее отъ зала засѣданій. Эта рѣшетка теперь, при непосредственномъ содѣйствіи самихъ депутатовъ, наскоро сносится при помощи напильниковъ и молотковъ, такъ какъ считаются съ возможностью того, что чернь захочетъ попытаться насильственно овладѣть королевской семьей. На этотъ крайній случай предусмотрѣно, что совѣщаніе будетъ прервано и депутаты окружатъ своими тѣлами королевскую семью.

Въ этой клѣткѣ, въ которой подъ вліяніемъ августовскаго зноя буквально нечѣмъ дышать, припуждены теперь просидѣть восемнадцать часовъ король, Марія-Антуанетта и ихъ дѣти подъ любопытными, частью сострадательными, частью злобными взорами членовъ Національнаго Собрания. Но еще унизительнѣе всякихъ подчеркнутыхъ и явныхъ проявленій озлобленія является то абсолютное безразличіе, съ которымъ на протяже-

ни всѣхъ этихъ восемнадцати часовъ относится Национальное Собрание къ факту присутствія въ ея средѣ королевской семьи. На нихъ обращаютъ такъ же мало вниманія, какъ если бы то были обычные трибунные зрители. Ни одинъ депутатъ не подходитъ къ нимъ съ привѣтомъ, никто не думаетъ оказать имъ какое-нибудь вниманіе, чѣмъ-нибудь облегчить ихъ пребываніе въ ихъ душной закусѣ. Имъ только разрѣшается слушать, какъ о нихъ говорятъ.

Жуткая сцена, какъ если бы покойнику предоставлено было наблюдать въ окно за собственнымъ погребеніемъ.

Вдругъ собраніемъ овладѣваетъ волненіе. Нѣкоторые депутаты вскакиваютъ съ мѣстъ и напряженно прислушиваются. Распахиваются двери, и отъ Тюльери доносятся ружейные выстрѣлы. Вотъ и стекла задрожали отъ глухого удара: это палятъ изъ пушекъ. Возставшіе наткнулись при проникновеніи во дворецъ на сопротивленіе швейцарской стражи. Въ позорной торопливости бѣгства король совсѣмъ позабылъ отмѣнить свой приказъ, или же, какъ обычно, не могъ прійти къ опредѣленному рѣшенію.

Вѣрная прежнему не отмѣненному приказу швейцарская стража защищаетъ пустое хранилище королевской власти и даетъ нѣсколько залповъ. Ей уже удалось очистить дворъ Тюльерійскаго дворца отъ ворвавшихся было туда мятежниковъ, овладѣть притащенными пушками и, такимъ образомъ, доказать, что рѣшительный монархъ могъ бы съ успѣхомъ защищаться при помощи преданныхъ ему людей.

Но тутъ король этотъ потерявшій голову повелитель, — скоро онъ ее потеряетъ и въ буквальномъ смыслѣ — вспоминаетъ о своемъ долгѣ, предписывающемъ ему не требовать отъ другихъ мужества и пролитія крови, разъ онъ самъ обнаружилъ малодушіе, и отправляетъ швейцарцамъ приказъ пріостановить сопротивленіе. Но — вѣчная, роковая участь этого повелителя — слишкомъ поздно. Его нерѣшительность

или забывчивость уже стоида жизни больше чѣмъ тысячамъ людей.

Озлобленная толпа врывается теперь въ незащищенный дворець. Снова засвѣтились кровавые фонари революціи. На пикахъ носятъ отрубленные головы убитыхъ роялистовъ. Только къ одиннадцати часамъ утра бойня заканчивается. Въ этотъ день не падаетъ больше ни одна голова. Падаетъ только корона.

Стиснутая въ душной ложѣ, не имѣя права проронить ни слова, вынуждена королевская семья переживать все происходящее въ Національномъ Собраніи. Сначала они видятъ, какъ туда вбѣгаютъ вѣрные швейцарцы, закопченные пороховымъ дымомъ и облитые кровью, а слѣдомъ за ними врываются побѣдоносные мятежники, желающіе вырвать королевскую семью изъ-подъ защиты Собранія. Затѣмъ на столъ президіума складываютъ похищенные изъ дворца предметы: серебро, драгоценныя украшенія, письма, шкатулки, ассигнаціи.

Маріи-Антуанеттѣ приходится со стиснутыми губами выслушивать хвалебныя рѣчи по адресу предводителей возстанія. Она принуждена, не роняя ни звука, слушать, какъ представители отдѣльныхъ секцій восходятъ на трибуну и требуютъ въ пламенныхъ рѣчахъ сверженія короля, какъ въ этихъ рѣчахъ искажаются и извращаются факты (напр., будто по распоряженію дворца звонили въ набатный колоколь, будто дворець напалъ на націю, а не нація на дворець).

Ей представляется случай быть свидѣтельницей того неизмѣнно повторяющагося зрѣлища, что политики всегда становятся трусами, когда чувствуютъ, что вѣтеръ подулъ въ другую сторону. Тотъ же самый Верніо, который еще два часа тому назадъ торжественно обѣщаль отъ имени Собранія скорѣе умереть, чѣмъ позволить нарушить права законнаго носителя власти, теперь поспѣшно капитулируетъ и вноситъ предложеніе о немедленномъ отстраненіи носителя исполнительной власти, т. е. короля, и требуетъ переселенія коро-

левской семьи въ Люксембургскій дворець, «подъ охрану гражданъ и закона», что означаетъ арестъ.

Для того, чтобы нѣсколько облегчить роялистски настроеннымъ депутатамъ переходъ къ новому порядку вносится для видимости предложеніе о назначеніи воспитателя наслѣднику престола, но въ дѣйствительности никто и не помышляетъ теперь больше ни о коронѣ, ни о королѣ. У него отнимается его право «вето», его единственная прерогатива. Тѣ самые законы, противъ принятія которыхъ онъ протестовалъ, Національное Собраніе теперь самовольно вводитъ въ силу. Никто и не спрашивается о согласіи такого безпомощнаго, потнаго человѣка, устало развалившагося въ креслѣ ложи писцовъ, который въ глубинѣ своей души, быть можетъ, даже доволенъ, что его больше ни о чемъ не спрашиваютъ.

Начиная съ этого момента, Людовику XVI не приходится больше принимать никакихъ рѣшеній. Отнынѣ принимаются рѣшенія о немъ.

Восемь часовъ, двѣнадцать часовъ, четырнадцать часовъ длится засѣданіе. Пять стиснутыхъ въ ложѣ человѣкъ не сомкнули глазъ всю эту ужасную ночь, и пережили съ утра цѣлую вѣчность. Ничего не понимающія дѣти задремали отъ усталости, у короля и королевы лица мокры отъ пота, Маріи-Антуанеттѣ приходится безпрестанно смачивать водой свой носовой платокъ. Одиный или два раза она выпиваетъ стаканъ ледяной воды, которую имъ подаетъ чья-то сострадательная рука. Усталая и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженно внимательная наблюдаетъ она воспаленными глазами за дѣйствіемъ этой говорильной машины, обтачивающей уже на продолженіи нѣсколькихъ часовъ ея судьбу.

Въ противоположность своему супругу, она ничего не ѣстъ. Людовикъ же велитъ нѣсколько разъ подавать ему ѣду и, не обращая вниманія на любопытные взоры, жуетъ въ своей ложѣ такъ же сосредоточенно и невозмутимо, какъ за уставленнымъ серебромъ версальскимъ столомъ. Даже внѣшняя опасность не можетъ

вытравить изъ этого совсѣмъ не королевскаго тѣла гол-
лодь и сонливость. Мало-по-малу вѣки его слипаются,
и посреди битвы, кончающейся для него потерей коро-
ны, Людовикъ XVI на часокъ засыпаетъ. Марія-Антуа-
нетта отодвигается отъ него вглубь темной ложи.
Въ подобные часы она всегда стыдится недостойной
слабости этого человѣка, болѣе заботящагося о своемъ
желудкѣ, чѣмъ о своей чести, сохраняющаго даже въ
самые унижительные моменты способность со вкусомъ
поѣсть и подремать.

Она смотритъ въ сторону, чтобы не обнаружить
своего возмущенія. Она не глядитъ больше и на Собра-
нiе и охотнѣе всего зажала бы кулаками уши. Она одна
ощущаетъ всю безконечную унижительность этого дня и
всю горечь того, что еще предстоитъ, но ни на секунду
не теряетъ она самообладанія, которымъ всегда отлича-
ется въ моменты, когда чувствуетъ вызовъ. Эти мятеж-
ники не удостоятся увидѣть хотя бы одной ея слезы,
услышать хотя бы одинъ ея вздохъ, и она только все
глубже и глубже забивается въ темноту ложи.

Наконецъ, послѣ ужасныхъ восемнадцати часовъ,
проведенныхъ въ этой раскаленной клѣткѣ, король и ко-
ролева могутъ удалиться въ бывший Фельянскій мона-
стырь, гдѣ имъ на скорую руку стелютъ постели въ
одной изъ голыхъ, покинутыхъ келій. Отъ чужихъ жен-
щинъ королева Франціи получаетъ сорочку и немного
бѣлья, у одной изъ собственныхъ горничныхъ ей при-
ходится занять нѣсколько золотыхъ монетъ, такъ какъ
она забыла или въ суматохѣ потеряла свои деньги.

Теперь, когда они остаются наединѣ, Марія-Антуа-
нетта, наконецъ, сѣдаетъ кое-что. Но за окнами все
еще не наступила тишина, все еще дефилируютъ мимо
— городъ весь охваченъ лихорадкой — всякія банды,
и отъ Тюльери доносится глухое громыханіе экипажей.
Это телѣги, на которыхъ увозятъ группы тысячи уби-
тыхъ людей. Отвратительная ночная работа. Трупъ ко-
ролевской власти уберутъ при яркомъ дневномъ свѣтѣ.

Въ теченіе двухъ послѣдующихъ дней королевская
семья вынуждена тоже присутствовать на засѣданіяхъ

Національнаго Собранія и сидѣть въ той же тѣсной клѣткѣ. Они чувствуютъ, какъ ихъ власть съ часу на часъ все больше таетъ въ этой огненной печи. Вчера еще заговорили о королѣ, а сегодня Дантонъ говоритъ уже о «поработителяхъ народа» и Клотсъ — объ «индивидуумахъ, именуемыхъ королями». Вчера еще «мѣстопробываніемъ» двора избрали Люксембургскій дворецъ и обсуждали предложеніе о назначеніи воспитателя дофину, сегодня уже пущена въ ходъ болѣе рѣзкая формула: короли имѣютъ быть взяты «подъ охрану націи» — эвфемистическое выраженіе, означающее заточеніе. Кромѣ того коммуна — новое революціонное городское управленіе образовавшееся въ ночь на 10 августа, — не даетъ своего согласія на то, чтобы будущей резиденціей королевской семьи былъ Люксембургскій дворецъ или министерство юстиціи, и открыто объясняетъ причину своего несогласія: изъ обоихъ этихъ зданій слишкомъ легко бѣжать. Только въ томъ случаѣ, если королевская семья будетъ жить въ «Тамплѣ», коммуна можетъ поручиться за ея безопасность.

Національное Собраніе, въ душѣ довольное тѣмъ, что можетъ свалить отвѣтственность на чужія плечи, поручаетъ заботу о королѣ коммунаѣ. Послѣдняя обѣщаетъ помѣститъ королевскую семью въ Тамплъ «со всѣмъ тѣмъ уваженіемъ, которое приличествуетъ несчастію». Этимъ, въ сущности, все рѣшено, но мельница словъ продолжаетъ молотъ весь день, до двухъ часовъ ночи, и не раздается ни одного слова въ пользу тѣхъ униженныхъ, которые сидятъ въ тѣни тѣсной лѣжки и въ тѣни своей судьбы.

13 августа Тамплъ готовъ для приѣма гостей. За эти три дня пройденъ колоссальный путь. Отъ абсолютной монархіи до Національнаго Собранія прошло нѣсколько столѣтій, отъ Національнаго Собранія до конституціи два года, отъ конституціи до штурма Тюльери нѣсколько мѣсяцевъ, отъ штурма Тюльери до заточенія въ тюрьму — только три дня. Теперь еще нѣсколько недѣль срока до эшафота, а тамъ одинъ короткій толчокъ въ могилу.

Въ шесть часовъ вечера 13 августа королевская семья доставляется подъ командоваіемъ Петіона въ Тамплъ, — въ шесть часовъ вечера, до наступленія сумерекъ, а не ночью, такъ какъ хотятъ, чтобы побѣдоносный народъ могъ полюбоваться тѣмъ, какъ его прежній властелипъ, а, главное, высокомѣрная королева, отправляются въ тюрьму. Въ продолженіе двухъ часовъ тянется экипажъ съ нарочитой медленностью по городу. Умышленно дѣлаютъ крюкъ и проѣзжаютъ черезъ Вандомскую площадь, чтобы Людовикъ XVI могъ полюбоваться низвергнутой по приказанію Національнаго Собранія и разбитой на куски статуей своего прадѣда Людовика XIV, и понялъ, что пришла къ концу не только его личная власть, но и власть всего его рода.

Но въ ту же ночь, когда бывшій повелитель Франціи мѣняетъ дворецъ своихъ предковъ на тюрьму, мѣняетъ свое мѣстопробываніе и новый повелитель Парижа. Въ ту же самую ночь вывозятъ со двора тюрьмы Консьержи гильотину и устанавливаютъ ее на площади Карусель. Пусть Франція знаетъ, что надъ нею властвуетъ съ 13 августа уже не Людовикъ XVI, а терроръ.

Тамплъ

Страхъ передъ какимъ-нибудь событіемъ по большей части невыносимѣ самого событія. Какъ ни унижительно для короля и королевы ихъ заточеніе, оно гарантируетъ имъ вначалѣ извѣстную личную безопасность. Окружающія ихъ толстыя стѣны, забаррикадированные дворы, караульные посты съ заряженными ружьями препятствуютъ всякой попыткѣ побѣга, но вмѣстѣ съ тѣмъ охраняютъ также отъ всякаго нападенія. Королевской семьѣ не приходится больше, какъ бывало въ Тюльерійскомъ дворцѣ, ежедневно и ежечасно прислушиваться, не прозвучитъ ли звонъ набатнаго колокола или барабанная тревога, не угрожаетъ ли имъ сегодня или завтра штурмъ дворца.

Въ одинокой Тампльской башнѣ сегодня тотъ же распорядокъ дня, какой будетъ и завтра, то же спокойное безвѣтріе, та же отрѣзанность и отдаленность отъ всѣхъ волнующихъ міръ событій. Городское управленіе дѣлаетъ въ началѣ все отъ него зависящее, чтобы заключенная королевская семья чувствовала себя въ физическомъ отношеніи возможно хорошо: будучи безпощадной въ борьбѣ, революція по существу своему вовсе не безчеловѣчна. Послѣ каждаго тяжкаго удара, она всякій разъ даетъ передышку, не подозрѣвая даже, что именно эти паузы, эти кажущіяся ослабленія напряженности заставляютъ побѣжденныхъ еще острѣе ощущать свое пораженіе.

Первые дни послѣ заточенія въ Тампль городское управленіе старается придать этой тюрьмѣ возможно пріятный для узниковъ видъ. Большая башня оклеивается новыми обоями, снабжается мебелью, для короля отводится цѣлый этажъ, состоящій изъ четырехъ комнатъ, королевѣ же, принцессѣ Елизаветѣ и дѣтямъ предоставляются тоже четыре комнаты. Узникамъ разрѣшается выходить по ихъ желанію изъ мрачной, затхлої башни и гулять сколько имъ заблагоразсудится въ саду. Въ первую же очередь коммуна заботится о томъ, что, къ сожалѣнію, особенно важно для хорошаго самочувствія короля, — объ обильной ѣдѣ. Столомъ короля завѣдуютъ цѣлыхъ тринадцать персонъ, къ обѣду каждый день полагается не меньше трехъ сортовъ супа, четырехъ сортовъ закусокъ, двухъ жаркихъ, четырехъ легкихъ блюдъ, затѣмъ компоты, фрукты, вино мальвазія, бордосское и шампанское. За три съ половиной мѣсяца на одну кухню для заключенныхъ уходитъ тридцать пять тысячъ ливровъ.

До тѣхъ поръ, пока на Людовика XVI еще не смотрятъ, какъ на преступника, заключенные снабжаются въ изобиліи также бѣльемъ, платьемъ и мебелью. Въ распоряженіе Людовика предоставляется цѣлая библиотека изъ 257 томовъ, по большей части латинскихъ классиковъ. Въ первый, довольно краткій періодъ заключеніе королевской семьи отнюдь не носитъ харак-

тера наказанія, а потому король и королева, если оставить въ сторонѣ вопросъ объ ихъ психической подавленности, могли бы вести спокойную и почти мирную жизнь.

По утрамъ Марія-Антуанетта велитъ приводить къ себѣ дѣтей, занимается или играетъ съ ними, обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ, послѣ обѣда играютъ партію въ трикъ-тракъ или въ шахматы. Затѣмъ король отправляется съ дофиномъ гулять въ садъ и пускаетъ съ нимъ тамъ змѣевъ, а королева, которая слишкомъ горда, чтобы открыто гулять подъ надзоромъ, по большей части занимается въ своей комнатѣ рукодѣліемъ. По вечерамъ она сама укладываетъ дѣтей спать, затѣмъ еще немного болтаетъ или играетъ въ карты съ королемъ и своей невѣсткой, иногда даже пробуетъ играть на клавесинѣ, какъ въ былые дни, или немного попѣтъ, но отрѣзанность отъ міра, отъ подругъ не даетъ ей обрѣсти разъ навсегда утраченную легкость настроенія. Она мало говоритъ и предпочитаетъ оставаться наединѣ или съ дѣтьми. Ей не хватаетъ того утѣшенія религіи, которое позволяетъ Людовику и сестрѣ его Елизаветѣ, усердно молящимся и строго соблюдающимъ посты, терпѣливо и со смиреніемъ переносить свое положеніе.

Ея волю къ жизни не такъ легко сломить, какъ волю ея безтемпераментныхъ товарищей по заключенію. Ея мысли даже въ этомъ каменномъ мѣшкѣ, все еще направлены въ свѣтскую сторону. Ея привычная къ побѣдамъ душа все еще неспособна къ отреченію отъ міра, она все еще не хочетъ терять надежды. Ея задержанныя плотинной силы концентрируются въ глубинѣ. Только она одна не примиряется съ заточеніемъ, остальные почти не ощущаютъ его, и не будь этой постоянной охраны, постоянного страха за завтрашній день, мѣщанинъ Людовикъ XVI и монахиня Елизавета были бы въ сущности вполне удовлетворены сложившимся укладомъ жизни, вполне отвѣчающимъ ихъ долготѣннымъ бессознательнымъ мечтаніямъ о безотвѣтственной и бездумной пассивности.

Но стража налицо. Узникамъ безпрестанно напоминаютъ о томъ, что ихъ судьбой распоряжается посторонняя власть. Въ столовой коммуна распорядилась вывѣсить на стѣнѣ въ форматѣ фоліо текстъ деклараціи правъ, на которой помѣчена весьма непріятная королю дата: «Въ первый годъ республики». На мѣдныхъ дверкахъ печи выгравированы слова «Свобода и равенство». Во время трапезъ появляется въ качествѣ непрошеннаго гостя какой-нибудь комиссаръ или комендантъ стражи. Каждый кусокъ хлѣба отрѣзается и испытывается чужой рукой, провѣряющей, нѣтъ ли въ немъ какихъ-нибудь спрятанныхъ записокъ. Въ Тамплѣ не пропускается ни одна газета, каждый входящій или выходящій изъ башни подвергается тщательному личному осмотру, двери комнатъ запираются извнѣ. Король и королева не могутъ сдѣлать ни одного шага, безъ того, чтобы ихъ не сопровождалъ караульный съ заряженнымъ ружьемъ, не могутъ ни съ кѣмъ разговаривать безъ свидѣтелей, не могутъ прочесть ни одной цензурированной печатной страницы. Только въ своихъ спальняхъ могутъ они наслаждаться счастьемъ быть наединѣ съ самими собой.

Носилъ ли этотъ надзоръ предумышленно-мучительскій характеръ? Были ли сторожа и инспектора дѣйствительно тѣми палачами-садистами, какими ихъ изображаютъ роялистскіе писатели? Дѣйствительно ли Марію - Антуанетту и ея товарищѣй по заключенію безпрестанно изводили и унижали совершенно излишними придирками и назначали для этой цѣли въ сторожа особенно грубыхъ санкюлотовъ? Отчеты коммуны утверждаютъ противное, но коммуна вѣдь сторона въ данномъ дѣлѣ. При желаніи справедливо рѣшить существенный вопросъ, дѣйствительно ли революція сознательно мучила и изводила побѣжденнаго ею короля, требуется крайняя осторожность.

Страхъ передъ Эберомъ, которому былъ порученъ верховный надзоръ за узниками, дѣйствуетъ, конечно, на сторожевыхъ солдатъ и низшихъ чиновниковъ. Изъ опасенія, что ихъ могутъ еще, пожалуй, счесть недо-

статочно преданными дѣлу революціи, они притворяются болѣе грубыми, чѣмъ они есть въ дѣйствительности. Но, съ другой стороны, именно исполненные ненависти къ королю и королевѣ неистовые выпады противъ нихъ въ Эберовской газетѣ „Père Duchesne“ послужили узникамъ неожиданно на пользу.

Назначенные Эберомъ стражниками недалекіе и, въ сущности, добродушные ремесленники и лавочники постоянно читали въ его газетѣ о «кровожадномъ тиранѣ», о развратной, швыряющей деньгами австріячкѣ. Что же видятъ они, когда являются для несенія возложенной на нихъ караульной службы? Толстаго, добродушнаго мѣщанина, разгуливающаго объ руку со своимъ сыночкомъ по саду и измѣряющаго, сколько квадратныхъ футовъ имѣетъ дворъ. Они видятъ, какъ онъ охотно и много ѣстъ и спитъ, да сидитъ за своими книжками. Скоро они соображаютъ, что этотъ туповатый, мирный семьянинъ неспособенъ, въ сущности, обидѣть и мухи. Такого тирана дѣйствительно трудно ненавидѣть, и если бы только Эберъ не такъ строго за ними слѣдилъ, сторожевые солдаты, вѣроятно, стали бы попросту болтать, шутить и играть въ карты съ этимъ уютнымъ толстякомъ, какъ со своимъ братомъ.

Другое дѣло — соблюдающая дистанцію королева. Марія-Антуанетта ни разу не обращается ни съ однимъ словомъ къ своимъ надсмотрщикамъ, и если ея навѣщаетъ комиссія, чтобы справиться, нѣтъ ли у нея какихъ-нибудь желаній или жалобъ, она неизмѣнно отвѣчаетъ, что ей ничего не нужно, что она ни на что не жалуется. Она готова скорѣе переносить любыя лишенія, чѣмъ просить своихъ тюремщиковъ объ одолженіи. Но именно та величавость, съ которой она переноситъ свое несчастье, производитъ на этихъ простыхъ людей сильнѣйшее впечатлѣніе: страдающая женщина всегда вызываетъ особенно живое сожалѣніе.

Мало-по-малу стражники, являющіеся въ сущности товарищами по заточенію охраняемыхъ ими узниковъ, начинаютъ испытывать извѣстную симпатію къ короле-

въ и всей королевской семьѣ. Только этимъ и объясняются различныя попытки къ побѣгу.

Такимъ образомъ, если даже сторожевые солдаты, какъ это излагается въ мемуарахъ роялистовъ, дѣйствительно держали себя внѣшне грубо и подчеркнута республикански, если они позволяли себѣ подчасъ отпустить грубое ругательство или пѣли и свистали громче положеннаго, то это дѣлалось, въ сущности, лишь для того, чтобы замаскировать свое внутреннее состраданіе отъ взоровъ старшихъ надсмотрщиковъ. Простой народъ понялъ лучше идеологовъ конвента, что къ поверженнымъ надлежитъ относиться съ извѣстнымъ уваженіемъ къ ихъ несчастью, и королева испытала гораздо меньше ненависти и гадостей со стороны якобы столь грубыхъ тампльскихъ солдатъ, чѣмъ въ свое время со стороны галантнаго версальскаго общества.

Но время не стоитъ, а — хоть за каменной оградой это и не ощущается — бурно машетъ своими исполинскими крыльями. Съ границы приходятъ плочія вѣсти, пруссаки и австрійцы, наконецъ, перешли въ наступленіе и при первомъ же столкновеніи разсѣяли революціонныя войска. Въ Вандеѣ возмутились крестьяне, начинается гражданская война, англійское правительство отозвало своего посла, Лафайеттъ, недовольный радикализмомъ имъ же самимъ вызванной революціи, покидаетъ армію. Съѣстныхъ припасовъ становится все меньше, народъ начинаетъ проявлять безпокойство. Опаснѣйшее изъ всѣхъ словъ «измѣна» — повторяется, какъ это всегда бываетъ въ случаѣ пораженія, тысячами языковъ и повергаетъ въ смятеніе весь городъ.

Въ этотъ часъ самый сильный и самый беззащитный изъ дѣятелей революціи — Дантонъ поднимаетъ кровавое знамя террора и принимаетъ ужасное рѣшеніе перерѣзать на протяженіи трехъ дней и ночей сентября всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ маломальски подозрительныхъ людей. Посреди этихъ двухъ тысячъ погибаетъ и подруга королевы принцесса де-Ламбаль.

Заклученная въ Тамплѣ королевская семья не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о разыгравшихся грозныхъ событіяхъ. Она вѣдь живетъ отрѣзанная отъ всѣхъ живыхъ голосовъ, отъ печатнаго слова. Вдругъ они слышатъ звонъ набатныхъ колоколовъ, а Маріи-Антуанеттѣ хорошо знакомы голоса этихъ бронзовыхъ буревѣстниковъ, глашатаевъ несчастья. Она знаетъ, что когда надъ городомъ носятся эти трепетные звуки, — наступаетъ буря, обрушивается какая-нибудь бѣда. Узники тревожно перешептываются въ своей башнѣ. Ужъ не подошелъ ли къ воротамъ Парижа герцогъ Брауншвейгскій со своими войсками? Не вспыхнула ли революція противъ революціи?

Внизу у запертыхъ воротъ Тампля возбужденно совѣщаются сторожа и городскіе чиновники. Они лучше знаютъ, въ чемъ дѣло. Прибѣжавшіе гонцы сообщили, что со стороны предмѣстій надвигается необозримая толпа, впереди которой несутъ на пикѣ отрубленную голову принцессы де-Ламбаль съ развѣвающимися волосами, а за этой пикой волокутъ обнаженное, истерзанное, обезображенное тѣло принцессы. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что безчеловѣчная толпа убійць, опьяненная кровью и виномъ, готовится къ заключительному каннибальскому триумфу: хочетъ показать Маріи-Антуанеттѣ блѣдную голову и обнаженное, опозоренное тѣло ея подруги, то тѣло, съ которымъ королева, по всеобщему убѣжденію, долго предавалась разврату.

Стража въ отчаяніи посылаетъ въ коммуну за военными силами, такъ какъ сама она не въ состояніи справиться съ надвигающейся дикой толпой, но коварный Петіонъ недосыгаемъ, какъ это съ нимъ всегда бываетъ въ минуты опасности. Подкрѣпленіе не подходитъ, а разнузданная банда съ ея ужасными трофеями стоитъ уже подлѣ самыхъ воротъ. Для того, чтобы не довести толпу до крайняго возбужденія и предупредить взломъ воротъ, который могъ бы имѣть самыя печальныя послѣдствія и закончиться убійствомъ королевской семьи, комендантъ старается отвлечь толпу въ сторону, задержать пока хоть немного ея движеніе. Онъ впу-

скаетъ вакхическую процессію во внѣшній дворъ Тампльскаго замка, и толпа грознымъ и грязнымъ потокомъ изливается въ ворота.

Два каннибала тащатъ за ноги обезглавленное тѣло, а третій держитъ въ поднятой кверху рукѣ окровавленную внутренности, четвертый несетъ на пикѣ зеленовато-блѣдную голову несчастной принцессы. Съ этими трофеями они хотятъ войти въ башню, чтобы, по ихъ заявленію, заставить королеву поцѣловать голову ея любовницы. Насилиемъ съ этими бѣсноватыми ничего подѣлать нельзя, а потому одинъ изъ комиссаровъ коммуны рѣшаетъ пуститься на хитрость. Надѣвъ свой депутатскій шарфъ, онъ призываетъ толпу къ молчанію и обращается къ ней съ рѣчью. Для того, чтобы снискать расположеніе толпы, онъ сначала восхваляетъ ее за ея грандіозныя дѣянія, а затѣмъ предлагаетъ пронести отрубленную голову по всему Парижу, чтобы все населеніе могло полюбоваться этимъ «трофеемъ, какъ вѣчнымъ памятникомъ народной побѣды». Лестъ, по счастью, производитъ желанное дѣйствіе, и съ дикимъ улюлюканіемъ пьяная банда удаляется, чтобы протащить опозоренное обнаженное тѣло по улицамъ Парижа до Пале-Рояля.

Тѣмъ временемъ заключенными въ башнѣ начинаютъ овладѣвать нетерпѣніе. Они слышатъ внизу нестройные крики озлобленной толпы и не понимаютъ, въ чемъ дѣло, чего она хочетъ. Этотъ мрачный гулъ знакомъ имъ со времени штурмовъ Версаля и Тюльери, они замѣчаютъ, какъ блѣдные и взволнованные караульные солдаты бѣгутъ на свои посты съ цѣлью предупредить какую-то опасность. Встревоженный король освѣдомляется у одного изъ національныхъ гвардейцевъ.

— Ну, милостивый государь, — отвѣчаетъ тотъ рѣзкимъ тономъ, — если вы уже непременно желаете узнать, въ чемъ дѣло, извольте: вамъ хотятъ показать голову госпожи де-Ламбаль. Я могу вамъ посовѣтовать показаться у окна, если вы не желаете, чтобы народъ поднялся къ вамъ.

При этихъ словахъ раздается глухой крикъ: Марія-Антуанетта падаетъ безъ чувствъ. «Это было единственное мгновеніе, — пишетъ впоследствии ея дочь, — когда энергія оставила ее».

Три недѣли спустя, 21-го сентября, улицы снова гудятъ. Снова прислушиваются узники съ волненіемъ и тревогой къ этому гулу. Но теперь дѣло идетъ не о проявленіи народнаго гнѣва, а народной радости. Внизу газетчики умышленно громкими голосами кричатъ о томъ, что конвентъ провозгласилъ отмѣну королевской власти. На слѣдующій день въ Тамплъ являются делегаты, чтобы довести до свѣдѣнія короля, который уже больше не король, объ его низверженіи. Людовикъ послѣдній — такъ его отнынѣ величаютъ, до тѣхъ поръ, пока не начнутъ презрительно именовать его просто Людовикъ Капетъ — относится къ этому сообщенію такъ же равнодушно, какъ шекспировскій король Ричардъ II.

Ни Людовикъ, воспріимчивость котораго къ униженіямъ давно уже притупилась, ни Марія-Антуанетта не возражаютъ ни слова. Можетъ быть, они оба даже испытываютъ извѣстное облегченіе. Отнынѣ они не несутъ никакой отвѣтственности ни за свою личную судьбу, ни за судьбу государства, они не могутъ уже совершить никакихъ упущеній, никакихъ дурныхъ поступковъ, не должны заботиться ни о чемъ другомъ, кромѣ того маленькаго кусочка жизни, который имъ, быть можетъ, еще оставятъ. Теперь всего цѣлесообразнѣе предаваться маленькимъ человѣческимъ радостямъ, помогать дочери въ ея рукодѣльяхъ или игрѣ на клавишинѣ, исправлять мальчику школьныя работы, которыя тотъ старательно пишетъ своимъ крупнымъ, беспомощнымъ, дѣтскимъ почеркомъ. Правда, имъ теперь приходится сейчасъ же рвать тѣ листы бумаги, на которыхъ шестилѣтній, конечно, абсолютно еще не разбирающійся въ событіяхъ мальчикъ выводитъ съ трудомъ усвоенную подпись „Louis Charles Dauphin“ или же они занимаются рѣшеніемъ загадокъ изъ послѣдняго но-

мера «Меркюръ де Франсъ», гуляютъ въ саду, слѣдятъ за медленнымъ движеніемъ часовой стрѣлки старинныхъ, стоящихъ на каминѣ часовъ, за тѣмъ, какъ вѣетъ дымъ надъ отдаленными крышами, за осенними тучами, предвѣщающими приближеніе зимы. И — прежде всего — стараются позабыть о томъ, чѣмъ были когда-то, и не думать о томъ, что будетъ, что неизбежно наступитъ.

Теперь революція, казалось бы, достигла своей цѣли. Король низверженъ, онъ отрекся безъ протеста отъ своихъ правъ и мирно живетъ со своей женой и дѣтьми въ отведенной ему башнѣ. Но всякая революція представляетъ собою неудержимо катящийся впередъ шаръ. Тотъ, кто хочетъ оставаться ея вожакомъ, долженъ непрерывно бѣжать за нею, чтобы сохранить равновѣсіе. Развитие, носящее характеръ теченія, не знаетъ остановокъ. Это извѣстно всѣмъ партіямъ, и каждая боится, какъ бы не остаться позади другой. Правые боятся умѣренныхъ, умѣренные лѣвыхъ, лѣвые — своего крайняго крыла жирондистовъ, жирондисты, въ свою очередь, маратистовъ, вожаки — народа, генералы — солдатъ, конвентъ — коммуны, коммуна — секцій, и этотъ заразительный страхъ всѣхъ группъ другъ передъ другомъ побуждаетъ ихъ бѣжать взапуски. Только эта всеобщая боязнь не прослыть умѣренными вытолкнула французскую революцію такъ далеко за предѣлы поставленной ею себѣ цѣли и сообщила ей такой порывистый, не могущій уняться за собою характеръ. Немедленно по достиженіи одной цѣли, она, роковымъ образомъ, вынуждена стремиться къ новой.

Сначала ей казалось, что цѣль достигнута отстраненіемъ короля отъ фактической власти, потомъ низверженіемъ его. Но и низверженный, лишенный короны, этотъ несчастный, совершенно неопасный человекъ является собою все же символъ, и если республика вырываетъ даже изъ гробовъ прахъ скончавшихся вѣка тому назадъ властителей, то какъ можетъ она терпѣть хотя бы тѣнь живого короля? И вожаки революціи прихо-

дять къ убѣжденію, что необходимо завершить политическую смерть Людовика XVI еще и его физическимъ уничтоженіемъ, чтобы гарантировать невозможность рецидива.

Съ точки зрѣнія радикально настроеннаго республиканца, зданіе республики лишь тогда можетъ почитаться прочнымъ, если оно скрѣплено цементомъ королевской крови. Вскорѣ и другія, менѣе радикальныя партіи, изъ опасенія отстать въ погонѣ за народнымъ расположеніемъ, присоединяется къ требованію крайнихъ и на декабрь назначается судъ надъ Людовикомъ Капетомъ.

Въ Тамплѣ узнаютъ объ этомъ грозномъ постановленіи вслѣдствіе неожиданнаго появленія комиссіи, требующей выдачи всѣхъ острыхъ предметовъ, какъ-то: ножей, ножницъ, вилокъ. Находившійся доселѣ лишь подъ надзоромъ, Людовикъ переводится тѣмъ самымъ на положеніе подслѣдственнаго. Кромѣ того Людовика XVI разлучаютъ съ его семьей. Хоть онъ и остается жить въ той же башнѣ, только этажемъ ниже своей семьи (что еще усугубляетъ жестокость этой мѣры), онъ отнынѣ лишенъ права встрѣчаться съ женой и дѣтьми.

На всемъ протяженіи слѣдующихъ роковыхъ недѣль Марія-Антуанетта не имѣетъ возможности ни разу поговорить со своимъ мужемъ, не смѣетъ справляться о ходѣ процесса. Ей не позволяютъ читать газеты, она не имѣетъ права задавать какіе-либо вопросы защитникамъ своего мужа. Пребывая въ ужасной неизвѣстности и волненіи, эта несчастная женщина обречена проводить жуткіе часы напряженнаго ожиданія въ полномъ одиночествѣ. Она слышитъ раздающіеся однимъ этажомъ ниже тяжелые шаги своего мужа, отдѣленнаго отъ нея только поломъ, и не смѣетъ взглянуть на него, поговорить съ нимъ: невыразимыя муки, какъ слѣдствіе совершенно безсмысленной мѣры.

И когда 20 января къ Маріи-Антуанеттѣ приходитъ чиновникъ коммунальнаго управленія и подавленнымъ

голосомъ сообщаетъ ей, что ей и дѣтямъ разрѣшается сегодня, въ видѣ исключенія, спуститься въ нижній этажъ къ ея супругу, она сейчасъ же понимаетъ ужасное значеніе этой милости: Людовикъ XVI приговоренъ къ смерти, она и ея дѣти увидятъ его въ послѣдній разъ. Во вниманіе къ трагичности момента — тотъ, кому завтра предстоитъ взойти на эшафотъ, уже не представляетъ опасности — муниципальные чиновники впервые оставляютъ всѣхъ узниковъ — мужа, жену, дѣтей и сестру мужа во время этой послѣдней встрѣчи однихъ въ комнатѣ. Они наблюдаютъ за сценой прощанія только черезъ стеклянную створку двери.

При этой патетической встрѣчѣ Маріи-Антуанетты съ ея супругомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ прощаніемъ съ нимъ навѣки не присутствовалъ никто посторонній. Всѣ появившіеся печатные отчеты о ней являются романтическими измышленіями, равно какъ и сентиментальныя гравюры, на которыхъ этотъ трагическій моментъ изображается въ слащавомъ стилѣ, соотвѣтствующемъ вкусу эпохи, но сводящемъ драматизмъ минуты къ недостойной слезливости. Сомнѣваться въ томъ, что это прощаніе съ отцомъ ея дѣтей было однимъ изъ мучительнѣйшихъ мгновеній въ жизни Маріи-Антуанетты, не приходится, зачѣмъ же еще пытаться усиливать его потрясающій характеръ?

Видѣть осужденнаго на смерть передъ самымъ отправленіемъ его на казнь является несказанно мучительнымъ для всякаго, въ чьей груди сохранилась хоть искра человѣчности, даже въ томъ случаѣ, если этотъ осужденный лицо совершенно постороннее. Марія-Антуанетта, правда, никогда не испытывала страстной любви къ Людовику, и сердце ея давно принадлежить другому, но все же она прожила съ нимъ двадцать пять лѣтъ изо дня въ день, родила отъ него четырехъ дѣтей, и онъ неизмѣнно былъ къ ней добръ и внимателенъ. Эти люди теперь гораздо ближе другъ другу, чѣмъ въ свѣтлые дни счастья: мучительные мѣсяцы, проведенные въ Тамплѣ, перенесенныя совместно несказанныя страданія и горести безконечно сблизили

ихъ. А кромѣ того Марія-Антуанетта сознаетъ, что ей скоро придется послѣдовать за своимъ несчастнымъ супругомъ. Ей самой остается недолго жить.

То полное отсутствіе нервовъ, которое являлось роковымъ недостаткомъ короля на всемъ протяженіи его жизни, сослужило этому несчастному человѣку хорошую службу въ его послѣдніе, мучительные часы. Такъ, раздражавшее ранѣе невозмутимое безразличіе Людовика XVI даетъ ему въ этотъ рѣшительный моментъ возможность подняться на большую моральную высоту.

Онъ не обнаруживаетъ ни страха, ни возбужденія, четыре сидящіе въ сосѣдней комнатѣ комиссара не слышатъ, чтобы онъ хоть разъ повысилъ голосъ или заплакалъ. Во время своего прощанія съ семьей этотъ слабый человѣкъ и недостойный король проявляетъ больше силы, мужества и достоинства, чѣмъ когда-либо на протяженіи своей жизни. Спокойно, какъ каждый вечеръ, поднимается осужденный въ десять часовъ со своего мѣста и тѣмъ даетъ своей семьѣ знакъ удалиться. Марія-Антуанетта не осмѣливается противорѣчить его явно выраженной волѣ, тѣмъ болѣе, что Людовикъ, прибѣгая сознательно къ невинной лжи, говоритъ ей, что завтра въ семь часовъ утра еще подыметъ къ ней.

Затѣмъ настаетъ тишина. Королева одна въ своей комнатѣ. Долгая, безсонная ночь. Наконецъ, брезжитъ утро, и съ нимъ вмѣстѣ пробуждаются шумы, свидѣтельствующіе о подготовкѣ къ чему-то ужасному. Марія-Антуанетта слышитъ, какъ подъѣзжаетъ тяжелая карета, слышитъ шаги поднимающихся и спускающихся по лѣстницѣ людей. Кто это — исповѣдникъ, представители коммуны или уже палачъ? Издали доноситься барабанная дробь марширующихъ полковъ, становится все свѣтлѣе, настаетъ день, все ближе и ближе тотъ страшный часъ, который похититъ у ея дѣтей отца, а у нея самой почтеннаго, добродушнаго и внимательнаго спутника многихъ лѣтъ жизни.

Заключенная въ своей комнатѣ, съ неумолимыми караульными у дверей, эта несчастная женщина не имѣ-

еть возможности спуститься по нѣсколькимъ ступенямъ, отдѣляющимъ ее отъ мужа, ей не дають ни слышать, ни видѣть ничего происходящаго внизу и потому мысленно переживаетъ все происходящее еще въ тысячу разъ мучительнѣе.

Затѣмъ въ нижнемъ этажѣ наступаетъ вдругъ жуткая тишина. Король покинулъ Тамплъ, тяжелая карета увозитъ его по направленію къ мѣсту казни. Часъ спустя гильотина даруетъ Маріи-Антуанеттѣ — нѣкогда австрійской эрцгерцогинѣ, потомъ супругѣ дофина и, въ заключеніе, королевѣ Франціи, — новый титулъ: вдовы Капетъ.

Марія-Антуанетта одна

За сухимъ стукомъ упавшаго ножа гильотины слѣдуетъ смущенная тишина. Казнь Людовика XVI конвентъ желалъ только провести кровавый водораздѣлъ между королевствомъ и республикой. Ни одинъ изъ депутатовъ, большинство которыхъ лишь, скрѣпя сердце и съ тайнымъ сожалѣніемъ, отправило на смерть этого слабого, добродушнаго человѣка, и не помышляетъ сначала о томъ, чтобы возбудить обвиненіе противъ Маріи-Антуанетты. Коммуна безпрекословно предоставляетъ въ ея распоряженіе затребованныя ею траурныя платья, надзоръ за ней замѣтно ослабѣваетъ, и если Марію-Антуанетту и ея дѣтей вообще еще держатъ въ заключеніи, то это происходитъ, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ соображеній, что въ ея лицѣ имѣють драгоцѣннаго заложника, при помощи котораго можно оказывать сильное давленіе на Австрію.

Но расчеты не оправдываются. Французскій конвентъ переоцѣнилъ родственныя чувства Габсбурговъ. Тупой, безчувственный императоръ Францъ, жадный и лишенный всякаго внутренняго величія, и не думаетъ о томъ, чтобы отдать изъ богатой сокровищницы австрійскаго царскаго дома хоть одинъ драгоцѣнный камень въ качествѣ выкупа за свою кровную родственни-

цу. Кромѣ того австрійская военная партія приводитъ въ движеніе всѣ рычаги, чтобы помѣшать переговорамъ и свести ихъ на нѣтъ. Вѣна, правда, торжественно объявила въ свое время, что начинается эту войну только изъ идейныхъ соображеній, а не ради территориальныхъ приобрѣтеній, завоеваній или вообще какихъ-либо выгодъ, но — французская революція скоро тоже отречется отъ своего слова — всякая война по существу своему неизбежно превращается въ войну анексіонную. Генералы никогда не позволяютъ, чтобы имъ мѣшали въ веденіи войны. По ихъ мнѣнію, народы вообще слишкомъ рѣдко даютъ имъ случай проявлять ихъ таланты, а потому, ужь разъ они добрались до войны, то надо вести ее возможно дольше.

Тщетно подстрекаемый Ферзенемъ старикъ Мерси напоминаетъ вѣнскому двору, что Марія-Антуанетта, лишенная титула королевы Франціи, стала вновь австрійской эрцгерцогиней и членомъ императорской семьи, и что, слѣдовательно, императоръ морально обязанъ требовать ея выдачи. Какое значеніе имѣетъ арестованная женщина для міровой войны, какое значеніе имѣетъ вообще живой человекъ для циничной политической игры!

Всѣ сердца остаются холодными и всѣ двери замкнутыми. Каждый изъ вступившихъ въ войну монарховъ утверждаетъ, что глубоко взволнованъ участіемъ Маріи-Антуанетты, и каждый изъ нихъ и пальцемъ не шевелитъ, чтобы помочь ей. Марія-Антуанетта могла бы повторить тѣ слова, которыя нѣкогда сказалъ Людовикъ XVI Ферзену:

— Весь міръ меня покинулъ.

Весь міръ ее покинулъ, — Марія-Антуанетта чувствуетъ это въ своей одинокой запертой комнатѣ. Но воля ея къ жизни еще не сокрушена, и изъ этой воли вырастаетъ рѣшимость помочь себѣ самой. Корону у нея можно было отобрать, но эта усталая и постарѣвшая женщина сохранила свою удивительную магическую способность снискивать расположеніе всѣхъ окру-

жающихъ. Всѣ мѣры предосторожности, принятыя Эберомъ и членами городского управленія, оказываются бессильными противъ той магнетической силы, которая все еще исходитъ для сторожей и мелкихъ должностныхъ лицъ отъ близости и ореола подлинной королевы. Уже спустя нѣсколько недѣль всѣ или почти всѣ стерегушіе ее заклѣтые санкюлоты превращаются изъ сторожей въ тайныхъ пособниковъ и, не взирая на строгія предписанія коммуны, незримая стѣна, отдѣляющая Марію Антуанетту отъ міра, получаетъ трещины.

Благодаря содѣйствію перешедшихъ на ея сторону сторожей, въ Тамплъ и изъ Тампля безпрестанно проникаютъ вѣсти и сообщенія, въ формѣ записочекъ, написанныхъ лимоннымъ сокомъ или симпатическими чернилами, записочекъ, которыя служатъ втулкой для бутылокъ съ водой или экспедируются черезъ печныя трубы. Придумывается особый языкъ знаковъ и жестовъ, при помощи коего, на зло стерегущимъ ее комиссарамъ, королевѣ сообщаются свѣдѣнія о политическихъ и военныхъ событіяхъ. Кромѣ того, по особому уговору одинъ разносчикъ газетъ умышленно выкликаетъ каждый день громкимъ голосомъ всѣ важнѣйшія событія дня подъ окнами Тамплъской башни.

Тайный кругъ сообщниковъ въ средѣ сторожей постепенно растетъ. И теперь, когда нѣтъ подлѣ нея Людовика XVI, который своей вѣчной нерѣшительностью парализовалъ всякое энергичное дѣйствіе, Марія - Антуанетта, всѣми покинутая, рѣшается на свой страхъ и рискъ попытаться бѣжать.

Опасность является превосходнымъ химическимъ реактивомъ для отмежеванія въ человѣческой средѣ храбрецовъ отъ трусовъ, которые въ нормальное время перемѣшаны другъ съ другомъ. Всѣ малодушные представители стараго общества, всѣ эгоистически настроенные элементы знати эмигрировали изъ Франціи послѣ насильственнаго переселенія короля въ Парижъ. Остались только люди, на которыхъ дѣйствительно можно

положиться, потому, что для каждого прежняго слуги короля пребываніе въ Парижѣ представляетъ смертельную опасность.

Къ числу этихъ храбрецовъ относится въ первую очередь генераль Жаржей, жена котораго была гофь-дамой Маріи - Антуанетты. Для того, чтобы имѣть возможность въ каждый данный моментъ прійти на помощь королевѣ, онъ нарочно вернулся въ Парижъ изъ безопаснаго Кобленца и далъ ей знать, что готовъ на всякія жертвы. Черезъ четырнадцать дней послѣ казни короля, 2-го февраля 1793 года, къ Жаржею приходитъ какой-то совершенно ему неизвѣстный человекъ и дѣлаетъ ему неожиданное предложеніе освободить Марію-Антуанетту изъ Тампля. Жаржей весьма подозрительно относится къ этому неизвѣстному, который выглядитъ настоящимъ санкюлотомъ. Онъ думаетъ, что это провокаторъ, шпіонъ. Но тутъ неизвѣстный вручаетъ ему крошечную записочку, написанную несомнѣнно рукой королевы: «Вы можете отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ человекъ, который обратится къ вамъ отъ моего имени и передастъ вамъ эту записку. Его чувства мнѣ хорошо извѣстны и на протяженіи пяти мѣсяцевъ остаются неизмѣнными».

Человекъ этотъ, одинъ изъ постоянныхъ сторожей Тампля-Туланъ, представляетъ собой психологическую загадку. 10-го августа, когда дѣло шло о томъ, чтобы уничтожить королевскую власть, онъ былъ однимъ изъ первыхъ добровольцевъ, пошедшихъ на штурмъ Тюльерійскаго дворца. Медаль за это геройское поведеніе красуется на его груди. Этой своей открыто доказанной приверженности къ республиканскому строю Туланъ обязанъ тѣмъ, что городской совѣтъ поручаетъ ему, какъ особенно испытанному и неподкупному человекъ, охрану королевы.

Но Савль превращается въ Павла. Тронутый несчастьемъ этой женщины, Туланъ становится преданнымъ другомъ той, противъ которой онъ выступалъ съ оружіемъ въ рукахъ, и обнаруживаетъ такую жертвенную готовность служить ей, что Марія-Антуа-

нетта въ своихъ тайныхъ донесеніяхъ всегда именуеть его кличкой «вѣрный». Изъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя замѣшаны въ заговоръ освобожденія королевы, этотъ странный Туланъ единственный, рискующій своей головой не изъ корысти, а изъ какой-то гуманной страсти, быть можетъ изъ склонности къ отважнымъ приключеніямъ: храбрецы всегда любятъ опасность и совершенно соотвѣтствуетъ логикѣ вещей то обстоятельство, что всѣ остальные, искавшіе только своей выгоды, умудряются искусно спастись, какъ только заговоръ раскрывается, а одинъ только Туланъ расплачивается за свою смѣлость жизнью.

Жаржей довѣряеть незнакомому, но все же не вполне. Записка можетъ быть и поддѣльной, всякая корреспонденція представляетъ опасность. Жаржей требуетъ отъ Тулана, чтобы тотъ представилъ ему возможность проникнуть въ Тамплъ и лично переговорить обо всемъ съ королевой. Это сначала кажется абсолютно невыполнимымъ, — какъ провести чужого человѣка, къ тому еще дворянина, въ строго охраняемую башню?! Но тѣмъ временемъ королева завербовала себѣ среди стражи, путемъ обѣщаній денежныхъ наградъ, новыхъ сторонниковъ и уже нѣсколько дней спустя, Туланъ приноситъ генералу новую записку: «Теперь, разъ вы рѣшились прійти сюда, было бы хорошо, если бы это случилось поскорѣе, но ради Бога, остерегайтесь, чтобы васъ не узнали, особенно одна заключенная вмѣстѣ съ нами женщина».

Эту женщину зовутъ Тизонъ, и инстинктъ королевы, что это шпионка, не ошибается: объ ея проницательную внимательность разбивается заговоръ. Но сначала все удается. Жаржей проникаеть контрабандой въ Тамплъ и на такой манеръ, который напоминаетъ детективные романы. Дѣло въ томъ, что въ районъ тюрьмы приходитъ каждый вечеръ фонарщикъ. По приказу городского управления, вся прилегающая къ тюрьмѣ мѣстность должна быть хорошо освѣщена, такъ какъ темнота способствуетъ возможности побѣга. Этого фонарщика Тулану удается убѣдить, что одинъ изъ его друзей изъ

любопытства хотѣлъ-бы какъ-нибудь осмотрѣть Тампль. Не согласится ли фонарщикъ одолжить ему на одинъ вечеръ свою одежду и снаряженіе? Фонарщикъ смѣется, охотно соглашается и отправляется выпить рюмочку на полученныя отъ Тулана деньги.

Переодѣтый фонарщикомъ, Жаржей, проникаетъ къ королевѣ и вырабатываетъ съ ней слѣдующій смѣлый планъ бѣгства: она и принцесса Елизавета должны переодѣться въ мужское платье, въ форму представителей городского управленія и, снабженныя украденными легитимационными документами, выйти изъ Тампльской башни, какъ если бы это были закончившіе инспекціонный обходъ магистратскіе чиновники. Труднѣе вывести дѣтей. Но тутъ приходитъ на помощь счастливый случай: оказывается, что того же знакомаго уже фонарщика во время его обходовъ часто сопровождаютъ его подростки - дѣти. Роль фонарщика будетъ поручена одному смѣлому дворянину, который, послѣ того, какъ онъ зажжетъ фонари, возьметъ за руки королевскихъ дѣтей, переодѣтыхъ въ бѣдныя платья, и спокойно проведетъ ихъ мимо стражи. По близости должны стоять три легкихъ экипажа, одинъ для королевы, дофина и генерала Жаржея, другой — для дочери королевы и второго заговорщика, нѣкоего Лепитра, и третій — для принцессы Елизаветы и Тулана.

Если бѣгство будетъ, какъ они предполагаютъ, обнаружено только черезъ пять часовъ, то, по ихъ расчетамъ, имъ удастся въ этихъ легкихъ экипажахъ уѣхать такъ далеко, что никакая погоня не будетъ страшна.

Отчаянная смѣлость выработаннаго плана не пугаетъ Марію - Антуанетту. Она изъявляетъ свое согласіе, и Жаржей беретъ на себя переговоры съ намѣченнымъ вторымъ пособникомъ бѣгства, Лепитромъ.

Этотъ второй, заговорщикъ Лепитръ, бывшій учитель, болтливый, маленькій, хромоу человѣчекъ (королева сама пишетъ о немъ: «Вы увидите новаго человѣка, наружность его не внушаетъ особыхъ симпатій, но онъ абсолютно необходимъ, и мы должны непременно заручиться его помощью»), играетъ въ этомъ заговорѣ до-

вольно странную роль. Имъ руководить не чувство чело-
вѣчности и не страсть къ приключеніямъ, а желаніе
получить огромную сумму, обѣщанную ему Жаржеемъ.
Послѣдній не имѣетъ этихъ денегъ наготовѣ, такъ какъ,
сколь это ни странно, онъ не состоитъ въ непосредствен-
ной связи съ финансирующимъ контръ - революцію въ
Парижѣ барономъ де Батцъ. Заговоры этихъ двухъ лицъ
разливаются параллельно и почти одновременно, причемъ
иниціаторы ничего не знаютъ одинъ о планахъ дру-
гого. Вслѣдствіе этого пропадаетъ зря время, такъ какъ
необходимо предварительно снестись съ бывшимъ бан-
киромъ королевы. Въ концѣ концовъ, послѣ различныхъ
проволокъ, деньги наготовѣ. Но тѣмъ временемъ Ле-
питръ, который въ качествѣ члена городского совѣта
раздобылъ необходимые фальшивые паспорта, теряетъ
мужество. Распространилось извѣстіе, что парижскія
заставы закрыты, и всѣ проѣзжающіе экипажи будутъ
подвергаться тщательному осмотру. Осторожный Ле-
питръ боится. Быть можетъ, онъ замѣтилъ по какимъ-
нибудь признакамъ, что шпіонка Тизонъ на чеку. Во
всякомъ случаѣ онъ отказывается помогать бѣгству, а
вслѣдствіе этого становится невозможнымъ вывести изъ
Тампля одновременно четырехъ лицъ.

Можно было бы спасти только одну королеву. Жар-
жей и Туланъ пытаются ее убѣдить, но Марія - Антуа-
нетта съ истымъ благородствомъ отклоняетъ предложе-
ніе о спасеніи ея одной. Лучше отказаться отъ надежды
на бѣгство, чѣмъ покинуть дѣтей. Съ искреннимъ вол-
неніемъ объясняетъ она Жаржею причины своего не-
поколебимаго рѣшенія: «Мы лелѣяли дивную мечту,
вотъ и все. Но я уже много выиграла отъ одного то-
го, что по этому поводу могла еще разъ убѣдиться въ
вашей мнѣ преданности. Мое довѣріе къ вамъ безгра-
нично. Вы найдете во мнѣ всегда достаточно мужества
и энергіи, но интересы моего сына это единственное, что
руководитъ мною. И, какъ бы я ни была счастлива
выбраться отсюда, я все же не могу согласиться на
разлуку съ нимъ».

Жаржей выполнилъ свой рыцарскій долгъ, теперь онъ уже не можетъ быть ничѣмъ больше полезенъ королевѣ въ Парижѣ. Еще одну услугу въ состояніи онъ, однако, ей оказать: при его посредствѣ королева можетъ подать послѣднюю вѣсточку любви своимъ заграничнымъ друзьямъ и родственникамъ.

Незадолго до казни Людовикъ XVI хотѣлъ передать черезъ своего камердинера на память своей семьѣ кольцо съ печатью и клокъ волосъ. Члены коммуны, заподозрившіе въ этомъ предсмертномъ дарѣ осужденнаго на смерть какой-то заговорщическій знакъ, задержали эти реликвіи и наложили на нихъ печати. Смѣльчакъ Туланъ, готовый для королевы на любой рискъ, ломаетъ эти печати и приноситъ Маріи-Антуанеттѣ и кольцо, и клокъ волосъ, на память о ея мужѣ. Но она чувствуетъ, что у нея не надежное мѣсто для этихъ вещей, и такъ какъ имѣетъ, наконецъ, гонца, на котораго можно вполне положиться, пересылаетъ кольцо и волосы короля его братьямъ.

Она пишетъ при этомъ графу Прованскому: «Такъ какъ у меня есть вѣрный человекъ, на котораго я могу положиться, я пользуюсь случаемъ, чтобы переслать вамъ, мой братъ и другъ, эти реликвіи, которыя, находясь у васъ, будутъ въ вѣрныхъ рукахъ. Податель этого письма расскажетъ вамъ, какимъ чудеснымъ путемъ попали къ намъ эти драгоценные предметы. Невозможность подать вамъ вѣсточку о себѣ и чрезмѣрность нашего несчастья, заставляють насъ еще острѣе ощущать жестокость нашей разлуки. О, если-бы она скорѣе закончилась. Пока же обнимаю и люблю васъ, и вы знаете, что говорю это отъ всей души».

Аналогичное письмо адресуетъ она и графу Артуа. Но Жаржей все медлитъ покинуть Парижъ, храбрецъ все еще надѣется, что сможетъ своимъ присутствіемъ помочь королевѣ. Наконецъ, дальнѣйшее его пребываніе становится бессмысленной игрой съ опасностью. Передъ самымъ отъѣздомъ онъ еще получаетъ отъ Маріи-Антуанетты черезъ Тулана послѣднее извѣстіе: «Прощайте. Такъ какъ вы рѣшились уѣхать, то я считаю,

что лучше сдѣлать это возможно скорѣе. Господи, какъ я жалѣю вашу бѣдную жену. И какъ я буду счастлива, если намъ удастся скоро снова быть вмѣстѣ. Я никогда не сумѣю отблагодарить васъ надлежащимъ образомъ за все то, что вы для насъ сдѣлали. Прощайте. Какъ ужасно это слово.»

Марія - Антуанетта предчувствуетъ, знаетъ, что это послѣдній случай переслать черезъ вѣрныя руки вѣсть на чужбину. Самый послѣдній, предоставленный ей судьбой случай. Неужели-же некому больше сказать прощальное слово, переслать что-нибудь въ знакъ своей любви, кромѣ этихъ двухъ — графа Прованскаго и графа Артуа, къ которымъ ей не за что ощущать признательность и которые только въ силу кровнаго родства избираются въ хранители королевскихъ реликвій? Неужели у нея нѣтъ потребности передать привѣтъ тому, кто былъ для нея послѣ дѣтей самымъ дорогимъ существомъ на землѣ, — Ферзену, о которомъ она выразилась, что безъ вѣстей отъ него «не въ силахъ жить».

Для того, чтобы неизмѣнно имѣть при себѣ нѣчто напоминающее ей любимаго человѣка, Марія - Антуанетта заказала себѣ въ свое время кольцо съ гербомъ Ферзена, (ему же она тогда - же отдала кольцо съ королевскими тремя лиліями). Подобно тому, какъ онъ носилъ на своемъ пальцѣ девизъ королевы, она носила все это время разлуки гербъ шведскаго дворянина. При каждомъ взглядѣ на свою руку, она вспоминаетъ о своемъ далекомъ возлюбленномъ. Теперь, когда ей, наконецъ, представляется возможность послать ему еще одинъ — она предчувствуетъ, что послѣдній — знакъ любви, она хочетъ показать ему, что вмѣстѣ съ кольцомъ хранить и свое къ нему чувство. Она дѣлаетъ оттискъ герба на горячемъ воскѣ и пересылаетъ этотъ оттискъ черезъ Жаржея Ферзену. Слова излишни — этотъ символъ скажетъ ему все: «Прилагаемый при семъ оттискъ, — пишетъ она Жаржею, — благоволите, пожалуйста, передать той извѣстной вамъ персонѣ, которая прошлой зимой пріѣзжала ко мнѣ изъ Брюсселя. Скажите

ему, что этот девиз никогда не являлся болѣе умѣстнымъ, чѣмъ въ настоящій моментъ».

Но какой же девизъ вырѣзанъ на спеціально заказанномъ Маріей Антуанеттой для себя кольцѣ? На этомъ единственномъ кольцѣ, которое сохранила королева Франціи изъ всѣхъ миллионныхъ драгоценностей и носить даже, находясь въ тюрьмѣ? Пять итальянскихъ словъ образуютъ этотъ девизъ и эти пять словъ, которыя по мнѣнію Маріи Антуанетты даже на порогѣ ея смерти, являются вѣрнымъ отраженіемъ ея помысловъ и чувствъ, гласятъ: „Tutto a te mi guida“ — все ведетъ меня къ тебѣ.

Пламеннымъ трепетомъ небытія, затаеннымъ жаромъ прощанія навѣки пышетъ отъ этого нѣмого привѣта обреченной на смерть женщины, и далекій возлюбленный понимаетъ, что это сердце преисполнено было любви къ нему до послѣдняго своего бѣнія. Въ этомъ прощальномъ привѣтѣ звучитъ мысль о вѣчности, подчеркивается непреходящее значеніе чувства въ нашемъ бренномъ мірѣ. Послѣднее слово этой великой и несравненной любовной трагедіи въ тѣни гильотины произнесено. Теперь занавѣсъ можетъ опуститься.

Предѣльное одиночество

Марія-Антуанетта простилась съ міромъ. Она ни на что больше не надѣется, ничего больше не предпринимаетъ. На вѣнскій дворъ, на побѣду союзныхъ войскъ рассчитывать больше не приходится, а въ Парижѣ уже послѣ того, какъ Жаржей уѣхалъ и преданный Туланъ по распоряженію коммуна смѣщенъ, нѣтъ никого, кто могъ бы ей помочь. Благодаря шпионкѣ Тизонъ, городское управленіе особенно строго слѣдитъ за стражей. Если попытка бѣгства представляла уже и раньше не мало опасности, то теперь она была бы совершенно безсмысленной, прямымъ самоубійствомъ.

Но есть натуры, для которыхъ именно опасность имѣетъ какую-то таинственную притягательную силу, люди, любящіе играть ва-банкъ съ жизнью и лишь тогда

ощущающіе полноту своихъ силъ, когда они пускаются въ невозможное, люди, для которыхъ отчаянно смѣлое приключеніе является единственной соотвѣтствующей ихъ характеру формою бытія. Въ нормальное, будничное время эти люди задыхаются. жизнь для нихъ слишкомъ скучна, слишкомъ тѣсна, каждый поступокъ слишкомъ трусливъ, они рвутся къ безумнымъ задачамъ, достойнымъ ихъ отчаянной смѣлости, къ дикимъ и фантастическимъ цѣлямъ, ихъ сокровеннѣйшая страсть — попытаться свершить что-нибудь невозможное, нелѣпое. Такой человекъ проживаетъ въ ту пору въ Парижѣ — его зовутъ баронъ де Батцъ.

До тѣхъ поръ, пока королевская власть была окружена блескомъ и почестями, этотъ богатый дворянинъ гордо держался въ сторонѣ. Стоитъ ли гнуть голову изъ-за должностей, выгодныхъ откуповъ? Только опасность разжигаетъ въ немъ авантюристическія склонности. Только въ тотъ моментъ, когда всѣ считаютъ, что король безповоротно погибъ, этотъ Донъ-Кихоть вѣрнопопданничества бросается съ бессмысленнымъ героизмомъ въ бой съ цѣлью его спасти. Все время революціи этотъ отчаянный смѣльчакъ остается, конечно, въ самомъ опасномъ мѣстѣ. Скрываясь подъ различными вымышленными именами онъ прячется въ Парижѣ, чтобы одинъ на одинъ вступить въ бой съ революціей. Онъ жертвуетъ всѣмъ своимъ состояніемъ для различныхъ предпріятій, самымъ отчаяннымъ изъ коихъ было слѣдующее. Когда Людовика XVI везутъ на казнь, баронъ де Батцъ вдругъ выскакиваетъ изъ восьмидесятитысячной вооруженной толпы, машетъ саблей и громко кричить:

— Всѣ, кто хочетъ спасти короля, — ко мнѣ!..

Никто къ нему не присоединяется. Во всей Франціи нѣтъ такого безумно смѣлаго человека, который попытался бы вырвать среди бѣла дня короля изъ рукъ цѣлой арміи, всего города. Стража не успѣваетъ оправиться отъ своего изумленія, какъ баронъ де Батцъ снова скрывается въ толпѣ. Но эта неудача не обезкураживаетъ его, и онъ, желая превзойти самого себя, немедленно послѣ

казни короля берется за осуществленіе выработаннаго имъ фантастически-смѣлаго плана спасенія королевы.

Баронъ де Батцъ опытнымъ взоромъ подмѣтилъ слабый пунктъ революціи, ея внутреннюю скрытую язву, которую Робеспьеръ пытается выжечь раскаленнымъ желѣзомъ: начинающуюся коррупцію. Вмѣстѣ съ политической властью революціонеры достигли и государственныхъ должностей, а со всѣми этими должностями связаны деньги, этотъ опаснѣйшій ядъ, осѣдающій на душахъ, какъ ржавчина на стали. Пролетаріямъ, маленькимъ людямъ, никогда не имѣвшимъ дѣла съ крупными суммами, ремесленникамъ, безработнымъ агитаторамъ приходится вдругъ безконтрольно распоряжаться огромными деньгами при распредѣленіи военныхъ поставокъ, при реквизиціяхъ, при продажѣ имѣній эмигрантовъ. Немногіе изъ нихъ обладаютъ катоновскою строгостью нравовъ, благодаря которой они устояли бы противъ такихъ грандіозныхъ искушеній. Между политическими убѣжденіями и дѣловыми комбинаціями возникаютъ какія-то темныя связи, многіе изъ самыхъ отчаянныхъ революціонеровъ не удовлетворяются сознаніемъ крупныхъ заслугъ своихъ передъ республикой, а жаждутъ столь же крупно на ней заработать.

Въ этотъ прудъ, наполненный жадно грызущимися за добычу щуками, баронъ де Батцъ рѣшительно закидываетъ свою удочку: онъ шепчетъ одно магическое слово, которое и тогда не меньше туманило чувства, чѣмъ теперь. Это слово — милліонъ. Милліонъ гѣмъ лицамъ, которые помогутъ освободить королеву изъ Тампля. При помощи такой суммы можно взорвать самыя прочныя тюремныя стѣны, гѣмъ болѣе, что баронъ де Батцъ обращается не къ маленькимъ подчиненнымъ лицамъ, вродѣ фонарщиковъ и отдѣльныхъ караульныхъ солдатъ, какъ поступалъ Жаржей, а смѣло и рѣшительно направляетъ свои удары въ самый центръ.

Онъ подкупаетъ не низшихъ должностныхъ лицъ, а центральные органы всей системы надзора, въ первую очередь, главную персону городского совѣта, прежняго торговца лимонадомъ Мишони, который является инспек-

торомъ всѣхъ мѣстъ заключенія, а слѣдовательно и Тампля. Вторымъ козыремъ въ игрѣ де Батца является военный руководитель секціи Кортей. Теперь этотъ день и ночь разыскиваемый полиціей роялистъ держитъ въ своихъ рукахъ, какъ гражданскую, такъ и военную власть, наблюдающую за Тамплемъ, и можетъ, въ то время, какъ въ конвентѣ и комитетѣ общественной безопасности мечутъ громы и молніи противъ «проклятаго Батца», спокойно приступить къ выполненію своей задачи.

Но помимо холодной расчетливости и умѣнія подкупать этотъ мастеръ заговорщическаго дѣла баронъ де Батцъ обладаетъ еще и пламеннымъ личнымъ мужествомъ. Онъ, за которымъ гонятся по всей странѣ сотни шпионовъ и агентовъ — комитетъ общественной безопасности знаетъ, что де Батцъ строитъ всевозможные планы уничтоженія республики. — поступаетъ подъ именемъ Форге въ качествѣ простаго солдата въ составъ Тампльской стражи, чтобы лично развѣдать почву. Съ ружьемъ въ рукахъ, въ грязномъ обтрепанномъ мундирѣ національнаго гвардейца, этотъ богатый и избалованный аристократъ несетъ наряду съ остальными солдатами караульную службу у дверей королевы.

Неизвѣстно, удалось ли ему проникнуть къ самой Маріи-Антуанеттѣ, но для выполненія плана бѣгства это вовсе не было необходимо, такъ какъ Мишони, который долженъ былъ получить значительную долю ассигнованнаго милліона, несомнѣнно самъ освѣдомилъ обо всемъ королеву. Благодаря содѣйствію подкупленнаго военнаго комеданта Кортей въ ряды солдатъ, входящихъ въ составъ стражи, поступаетъ все больше и больше сообщниковъ барона.

Въ результатѣ получается одна изъ самыхъ поразительныхъ и невѣроятныхъ ситуацій міровой исторіи: въ одинъ прекрасный день 1793 года въ центрѣ объятаго революціей Парижа весь районъ Тампля, куда воспрещенъ доступъ всѣмъ лицамъ, не имѣющимъ на то спеціального разрѣшенія коммунальнаго управленія, и гдѣ содержится арестованная, преданная анафемѣ королева Франціи, охра-

няется исключительно врагами республики, цѣлымъ батальономъ переодѣтыхъ роялистовъ, а предводителемъ ихъ состоитъ преслѣдуемый сотнями декретовъ конвента и комитета общественной безопасности баронъ де Батцъ. Болѣе дикаго и смѣлаго положенія не можетъ придумать самое богатое воображеніе романиста.

Наконецъ, настаетъ, по мнѣнію де Батца, надлежащій моментъ для осуществления намѣченного бѣгства. Если все удастся, то эта ночь окажется одной изъ самыхъ незабвенныхъ и многозначительныхъ для міровой исторіи, потому, что будущій король Франціи Людовикъ XVII будетъ навсегда вырванъ изъ власти революціи. Въ эту ночь баронъ де Батцъ и судьба рѣшаютъ вопросъ о благополучіи или гибели революціи. Наступаютъ сумерки, надвигается темнота, все подготовлено до мелочей. Во дворъ вступаетъ подкупленный Кортей со своимъ отрядомъ и вмѣстѣ съ нимъ руководитель заговора баронъ де Батцъ. Кортей разставляетъ караулъ такимъ образомъ, что самые важные выходы оказываются занятыми исключительно завербованными де Батцомъ роялистами. Одновременно съ этимъ второй изъ подкупленныхъ Мишони вступаетъ въ отправленіе своихъ обязанностей внутри башни и снабжаетъ Марію-Антуанетту, ея дочь и принцессу Елизавету, форменными солдатскими шинелями.

Въ полночь эти три женщины, надѣвъ на себя солдатскія шапки и взявъ въ руки ружья на плечо, должны вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими фальшивыми національными гвардейцами образовать патруль и, окруживъ маленькаго дофина, выйти подъ командой Кортая изъ Тампля. Все, повидимому, налажено, планъ разработанъ до мельчайшихъ подробностей. Такъ какъ Кортей, въ качествѣ коменданта стражи, имѣетъ право отдать распоряженіе объ открытіи воротъ для пропуска патруля, то нѣтъ никакого почти сомнѣнія въ томъ, что предводительствуемый имъ маленькій отрядъ сможетъ безпрепятственно выбраться на улицу. Обо всемъ остальномъ позаботится уже спеціалистъ по заговорамъ де-Батцъ, владѣющій въ окрестно-

стяхъ Парижа пріобрѣтенной имъ на чужое имя виллой, въ которую еще никогда не проникала полиція.

Здѣсь должна будетъ скрываться королевская семья нѣсколько недѣль, а потомъ при первомъ къ тому удобномъ и безопасномъ случаѣ она будетъ переправлена черезъ границу. Кромѣ того на улицѣ передъ Тамплемъ дежурятъ нѣсколько рѣшительныхъ, вѣрныхъ роялистовъ, вооруженныхъ пистолетами, чтобы въ случаѣ неожиданной тревоги задержать преслѣдователей. Какъ ни безуменъ, какъ ни отчаянъ этотъ планъ, но онъ продуманъ до мелочей и можетъ, собственно говоря, считаться уже осуществленнымъ.

Скоро одиннадцать часовъ. Марія-Антуанетта и ея семья готовы по первому знаку послѣдовать за своими освободителями. Они слышатъ, какъ внизу маршируетъ взадъ и впередъ патруль, но эта охрана ихъ не пугаетъ, такъ какъ они знаютъ, что подъ этими санкюлотскими мундирами бьются дружескія сердца. Мишони ждетъ только сигнала барона де-Батца.

И вдругъ — что случилось? Они вздрагиваютъ отъ страха — раздается стукъ въ ворота тюрьмы. Для того, чтобы не возбуждать подозрѣній, пришельца немедленно впускаютъ. Это сапожникъ Симонъ, честный и неподкупный революціонеръ, членъ городского управленія, который вбѣгаетъ съ волненіемъ въ тюрьму, чтобы удостовѣриться въ томъ, не освободили ли королеву. Дѣло въ томъ, что нѣсколько часовъ тому назадъ какой-то жандармъ доставилъ ему записку о томъ, будто Мишони замыслилъ на эту ночь предательство, и онъ сейчасъ же сообщилъ это важное извѣстіе городскому совѣту. Члены коммуны придають мало вѣры этой романтической исторіи, они получаютъ ежедневно десятки подобныхъ доносовъ.

Да и какимъ образомъ можетъ все это произойти, развѣ Тампль не охраняется 280 людьми, находящимися подъ контролемъ вѣрныхъ комиссаровъ? Но на всякій случай — помѣшать вѣдь это не можетъ — они поручаютъ Симону принять на себя въ эту ночь вмѣ-

сто Мишони надзоръ за внутренними помѣщеніями Тампля. Какъ только Кортей замѣчаетъ Симона, онъ понимаетъ, что все пропало. Къ счастью, Симонъ и не подозрѣваетъ, что Кортей является сообщникомъ Мишони.

— Ну, разъ ты здѣсь, то я спокоенъ, — говоритъ онъ ему дружескимъ тономъ и поднимается наверхъ въ башню Мишони.

Баронъ де-Батцъ, который понимаетъ, что одинъ этотъ подозрительный человекъ можетъ разрушить весь его планъ, задумывается на секунду, не нагнать ли ему поскорѣе Симона и не пустить ли ему пулю въ затылокъ. Но это ни къ чему не приведетъ. Выстрѣлъ взбудорожитъ всю сторожевую команду, они сбѣгутся, а среди нихъ, очевидно, имѣются предатели. Королеву нельзя больше спасти, всякое насильственное дѣйствіе только подвергло бы опасности ея жизнь. Теперь надо позаботиться о томъ, чтобы по крайней мѣрѣ увести изъ Тампля тѣхъ, которые туда пробрались переодѣтыми. Кортей — а ему тоже весьма не по себѣ — немедленно формируетъ патруль изъ заговорщиковъ. Патруль этотъ, среди него и баронъ де-Батцъ, спокойно выходитъ съ тампльскаго двора на улицу. Заговорщики спасены, но королева погибла.

Тѣмъ временемъ Симонъ протягиваетъ Мишони къ отвѣту. Пусть тотъ немедленно дастъ отчетъ во всемъ городскому управленію. Мишони, которому удалось спрятать принесенныя имъ шинели, невозмутимъ. Безпрекословно слѣдуетъ онъ за Симономъ предъ очи грознаго трибунала. Но тамъ, какъ это ни удивительно, встрѣчаютъ Симона довольно холодно. Правда, хвалятъ его патріотизмъ, его добрыя намѣренія, его осторожность, но откровенно даютъ ему понять, что ему все померещилось. Городской совѣтъ, очевидно, не принимаетъ всего этого заговора всерьезъ.

Въ дѣйствительности — и это показываетъ, до чего извисты политическія соображенія, — члены коммуны отнеслись къ этой попыткѣ организаціи побѣга коро-

дѣлы чрезвычайно серьезно и только не хотятъ дѣлать шума, не хотятъ, чтобы что-нибудь вышло наружу. Доказательствомъ этому служить одинъ удивительный документъ, въ которомъ комитетъ общественной безопасности предписываетъ публичному обвинителю въ процессѣ противъ Маріи-Антуанетты умолчать о всѣхъ подробностяхъ сорваннаго Симономъ плана бѣгства, организованнаго де-Батцомъ и его сообщниками. Надлежитъ упомянуть только о самой попыткѣ бѣгства, но не вдаваться въ подробности. Городской совѣтъ, очевидно, опасался того, чтобы весь міръ не узналъ о томъ, до какой степени коррупція проникла въ ряды лучшихъ его представителей. Благодаря этому одинъ изъ самыхъ драматическихъ и невѣроятныхъ эпизодовъ міровой исторіи замалчивался на протяжении многихъ лѣтъ.

Но если городской совѣтъ, потрясенный подкупностью ряда своихъ испытанныхъ сочленовъ и не осмѣливается выступить открыто противъ пособниковъ бѣгству, то онъ рѣшаетъ зато начать дѣйствовать энергичнѣе и сдѣлать абсолютно невозможными для этой неустанно борющейся за свою свободу женщины всякія дальнѣйшія попытки къ освобожденію. Прежде всего устраняются всѣ вызывающіе подозрѣнія комиссары и въ первую очередь Туланъ и Лепитръ, а Марію-Антуанетту начинаютъ сторожить съ чрезвычайной строгостью, какъ тяжелую преступницу. Въ одиннадцать часовъ вечера къ давно уже легшимъ спать Маріи-Антуанеттѣ и принцессѣ Елизаветѣ является самый беззастѣнчивый изъ членовъ коммуны Эберъ и дѣйствуя во исполненіе полученнаго приказа, «по своему усмотрѣнію», переворачиваетъ помѣщенія узницъ верхъ дномъ. До четырехъ часовъ утра продолжается тщательнѣйшій обыскъ каждой комнаты, cadaго платья, cadaго ящика и cadaго предмета мебелировки.

Результаты этого обыска совершенно ничтожны: бу-мажникъ красной кожи съ нѣкоторыми невинными адре-сами, карандашъ, кусокъ сургуча, два миниатюрныхъ портрета, старая шляпа Людовика XVI и еще нѣсколь-

во сувенировъ. Обыски нѣсколько разъ возобновляются, но никогда не обнаруживаютъ ничего предосудительнаго. Марія - Антуанетта, неизмѣнно сжигавшая во все время революціи всякіе письменные документы, могущіе скомпрометировать ея друзей и сообщниковъ, не даетъ производящимъ обыски должностнымъ лицамъ ни малѣйшаго матеріала для обвиненія кого бы то ни было.

Городской совѣтъ, обозленный тѣмъ, что ему не удастся изобличить королеву ни въ какомъ проступкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденный въ томъ, что она продолжаетъ свои тайные происки, рѣшается нанести несчастной женщинѣ ударъ по самому большому мѣсту: по ея материнскому чувству. Этотъ ударъ попадаетъ прямо въ сердце. Перваго іюля, нѣсколько дней спустя послѣ раскрытія заговора, комитетъ общественной безопасности издаетъ по ходатайству городского совѣта распоряженіе о томъ, чтобы дофинъ Людовикъ Капетъ былъ помѣщенъ отдѣльно отъ своей матери и былъ лишенъ всякой возможности сношеній съ нею, т. е., говоря попросту, принимаетъ безчеловѣчное рѣшеніе о разлученіи ребенка съ матерью. Городскому совѣту предоставлено подыскать для мальчика подходящаго воспитателя, и совѣтъ, очевидно, изъ благодарности за его услуги по дѣлу о раскрытіи заговора, останавливаетъ свой выборъ на сапожникѣ Симонѣ, этомъ вѣрномъ, санкюлотѣ, не поддающемся ни подкупу, ни сантиментальности.

Этотъ Симонъ простой, неотесанный и грубый чело-вѣкъ изъ народа, настоящій пролетарій, отнюдь, однако-же, не тотъ отвратительный пьяница и моральный садистъ, какимъ его изображаютъ роялисты. Но все же, — какое умышленное издѣвательство въ выборѣ этого воспитателя. Вѣдь онъ, вѣроятно, не прочелъ за всю свою жизнь ни одной книги, онъ, какъ это доказы-вается единственнымъ сохранившимся въ архивѣ письмомъ его, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о правилахъ орфографіи. Онъ просто честный санкюлотъ, и по понятіямъ того времени, это, очевидно, является до-

статочнымъ доказательствомъ его воспитательскихъ способностей.

Духовный уровень революціи рѣзко понизился за шесть мѣсяцевъ, истекшихъ съ той поры, когда Національное Собраніе намѣчало въ качествѣ воспитателя дофина знаменитаго писателя Кондорсэ. Какая страшная разниа между нимъ и сапожникомъ Симономъ. Но изъ трехъ словъ «свобода, равенство и братство» первое со времени учрежденія комитета общественной безопасности и третье — со времени функціонированія гильотины, столь же обезцѣнились, какъ и ассигнаціи. Только идея равенства или, вѣрнѣе, насильственнаго уравниенія сохранила еще значеніе въ послѣднюю радикальную фазу революціи.

Выборомъ Симона хотятъ сознательно подчеркнуть, что изъ молодого дофина вовсе не намѣрены сдѣлать образованнаго или хотя бы только культурнаго человѣка, а желаютъ, чтобъ онъ принадлежалъ къ низшимъ, невѣжественнымъ слоямъ народа. Онъ долженъ позабыть все, чему учился, долженъ забыть о своемъ происхожденіи и, такимъ образомъ, облегчить другимъ забыть его.

Марія - Антуанетта не имѣетъ ни малѣйшаго представленія о жестокомъ рѣшеніи конвента разлучить ее съ сыномъ, когда въ половинѣ десятаго вечера шесть делегатовъ коммуны стучатся въ ворота Тампля. Методъ ужасныхъ внезапныхъ сюрпризовъ входитъ въ Эберовскую систему наказанія. Его инспекціонные обходы носятъ всегда характеръ внезапныхъ нападеній и происходятъ неизмѣнно ночью, безъ предупрежденія.

Ребенокъ давно въ постели, но королева и принцесса Елизавета еще бодрствуютъ. Входятъ делегаты коммуны. Королева недовѣрчиво встаетъ со своего стула: всѣ эти ночные визиты неизмѣнно приносили ей либо новое униженіе, либо печальныя вѣсти. На этотъ разъ явившіеся какъ будто сами смущены. Большинство изъ нихъ сами отцы семействъ и имъ тягостно сообщить матери, что по приказу комитета общественной безопасности

она должна немедленно, безъ какой бы то ни было причины, отдать своего единственнаго сына навсегда въ чужія руки, даже не простившись съ нимъ какъ слѣдуетъ.

О сценахъ, разыгравшихся въ ту ночь между приходившей въ полное отчаяніе несчастной матерью и должностными лицами коммуны мы не имѣемъ никакого другого отчета, кромѣ весьма недостовѣрнаго разсказа единственной очевидицы, дочери Маріи - Антуанетты. Правда ли, что, какъ это описывала въ послѣдствіи герцогиня Ангулемская, Марія - Антуанетта, обливаясь слезами, умоляла этихъ должностныхъ лицъ, исполнявшихъ только возложенное на нихъ порученіе, оставить ей ребенка? Правда ли, что она кричала имъ, чтобы они лучше убили ее, чѣмъ отняли у нея сына? Будто эти члены коммуны (это звучитъ совсѣмъ неправдоподобно, т. к. на такое мѣропріятіе они вовсе не были уполномочены) грозили ей, что въ случаѣ, если она станетъ сопротивляться, они убьютъ дофина и маленькую принцессу и, въ концѣ концовъ, послѣ продолжавшейся чуть ли не часы рукопашной схватки насильно поташили за собой кричавшаго и рыдавшаго ребенка?

Официальное донесеніе ни о чемъ подобномъ не упоминаетъ. Въ несомнѣнно опять таки прикрашенномъ отчетѣ делегатовъ коммуны значится: «Разлука сопровождалась всѣми тѣми выраженіями чувствъ, которыя естественны для такого момента. Представители народа соблюдали всю ту деликатность, которая совмѣщалась съ строгостью возложенной на нихъ обязанности.»

Итакъ, мы имѣемъ два отчета двухъ разныхъ партій, а тамъ, гдѣ говоритъ духъ партійности, рѣдко въ результатѣ получается истина. Въ одномъ не приходится во всякомъ случаѣ сомнѣваться: эта насильственная и бессмысленно - жестокая разлука съ ребенкомъ явилась пожалуй самымъ тягостнымъ моментомъ въ жизни Маріи - Антуанетты. Къ этому бѣлокурому капризному, преждевременно развившемуся ребенку мать была особенно привязана. Этотъ мальчикъ, изъ котораго она мечтала воспитать короля, одинъ только скрашивалъ своей бодрой болтовней, своими любопытными вопросами

мучительные часы, проведенные ею въ мрачной башнѣ. Онъ былъ, несомнѣнно, ближе ея сердцу, чѣмъ ея дочь, отличавшаяся мрачнымъ, непривѣтливымъ характеромъ, мало развитая и незначительная дѣвочка, не столько удовлетворявшая неизбывную потребность Маріи-Антуанетты въ нѣжности какъ ея красивый, живой, нѣжный и развитой сынъ, съ которымъ ее такъ жестоко и грубо разлучили навѣки.

Хотя дофинъ продолжаетъ жить въ районѣ Тампля, въ нѣсколькихъ метрахъ отъ башни, гдѣ заключена Марія-Антуанетта, суровый формализмъ городского совѣта запрещаетъ матери обмѣняться хоть словомъ со своимъ сыномъ. Даже въ случаяхъ его болѣзни ей не дозволяется навѣстить его, словно она зачумленная, съ которой недопустимо какое бы то ни было общеніе. Даже — опять-таки бессмысленная жестокость — съ воспитателемъ сына сапожникомъ Симономъ ей воспрещено разговаривать, ей отказываютъ въ сообщеніи какихъ бы то ни было свѣдѣній о сынѣ.

Обреченная на молчаніе, беспомощная мать, сознающая, что ребенокъ ея находится тутъ же неподалеку, не имѣетъ права даже поздороваться съ нимъ, передать ему привѣтъ и не можетъ имѣть съ нимъ никакого иного общенія, кромѣ, не поддающагося никакимъ запретамъ, духовнаго.

Наконецъ — маленькое, но столь недостаточное утѣшеніе! — Марія-Антуанетта подмѣчаетъ, что изъ одного крохотнаго окошечка, расположеннаго въ третьемъ этажѣ башни, можно увидѣть тотъ дворъ, въ которомъ иногда играетъ дофинъ. И вотъ женщина, подвергнутая тяжкимъ испытаніямъ, бывшая нѣкогда королевой, простаиваетъ безконечное число разъ цѣлые часы у этого оконца и ждетъ, не удастся ли ей тайкомъ (сторожа въ этомъ отношеніи снисходительны) увидѣть во дворѣ тюрьмы хоть мелькомъ очертанія любимаго свѣтлаго образа. Ребенокъ, и не подозревающій о томъ, что изъ-за рѣшетчатаго оконца взоромъ, затуманеннымъ слезами, наблюдаетъ за каждымъ его движеніемъ мать,

продолжетъ весело и беззаботно играть (что знаетъ девятилѣтній ребенокъ о своей судьбѣ?).

Мальчикъ очень скоро, пожалуй, черезчуръ скоро освѣдился съ новой средой, забылъ въ своей беззаботности, чье онъ дитя, какой крови, какого званія. Бодро и весело распѣваетъ онъ, не понимая даже смысла этихъ пѣсенокъ, «Карманьолу» и „Ça ira“, которымъ его обучили Симонъ и его пріятели. Онъ носитъ красный колпакъ санкюлотовъ, и его это чрезвычайно забавляетъ. Онъ шутитъ съ стерегущими его мать солдатами. Этотъ ребенокъ отдѣленъ отъ Маріи-Антуанетты уже не каменными стѣнами, а цѣлымъ міромъ. Но все же сердце матери сильно и горячо бьется всякій разъ, какъ она видитъ своего ребенка, доступнаго только ея взорамъ, но не объятіямъ, весело и беззаботно играющимъ во дворѣ.

Что станется съ бѣдняжкой? Развѣ Эберъ, въ чьи жестокія руки его отдалъ безжалостный конвентъ, не написалъ уже въ своемъ мерзкомъ листкѣ угрожающихъ словъ: «Бѣдная нація, этотъ мальчуганъ будетъ еще имѣть для тебя рано или поздно роковое значеніе. Чѣмъ онъ теперь забавнѣе, тѣмъ опаснѣе можетъ онъ стать. Этого змѣеныша и его сестрицу надо бы поселить на необитаемомъ островѣ. Необходимо во что бы то ни стало раздѣлаться съ нимъ. Да и вообще, какое значеніе можетъ имѣть ребенокъ, когда дѣло идетъ о благополучіи республики?»

Какое значеніе имѣетъ ребенокъ? Для Эбера — почти никакого. Мать это сознаетъ. Поэтому она такъ волнуется каждый разъ, когда не видитъ своего любимца во дворѣ. Поэтому она дрожитъ отъ безсильнаго негодованія всякій разъ, когда къ ней заходитъ этотъ врагъ ея, по чьему настоянію у нея отобрали ребенка и который свершилъ этимъ поступкомъ самое подлое въ мірѣ преступленіе: проявилъ безцѣльную жестокость по отношенію къ побѣжденному.

Тотъ фактъ, что революція отдала Марію-Антуанетту какъ разъ въ руки своего Терсита — Эбера, является одной изъ прискорбнѣйшихъ страницъ ея исторіи,

которую лучше поскорѣе перевернуть. Даже величайшая и чистѣйшая идея становится низменной и маленькой, когда она даетъ маленькимъ людямъ власть совершать ея именемъ безчеловѣчныя поступки.

Долго тянется время и темнѣе стало въ Тампльской башнѣ съ тѣхъ поръ, какъ се не оглашаетъ звонкій смѣхъ ребенка. Ни вѣсточки че проникаетъ изъ внѣшняго міра, послѣдніе помощники исчезли, друзья недосяжимо далеки. Три одинокія женищны сидятъ въ тоскѣ день и ночь — Марія-Антуанетта, ея маленькая дочь и принцесса Елизавета. Имъ давно уже нечего сказать другъ другу, онѣ разучились надѣяться, а, быть можетъ, даже уже и испытывать страхъ.

Хотя на дворѣ уже весна и наступаетъ даже лѣто, онѣ почти не выходятъ больше въ садъ, ихъ тѣла скованы мертвенной усталостью. За эти недѣли крайнихъ испытаній даже лицо Маріи-Антуанетты какъ-то потухаетъ. Она уже не отъ міра сего. Она не пугается даже, когда нѣсколько дней спустя раздается въ два часа ночи стукъ въ дверь. Какое еще зло можетъ ей причинить міръ, послѣ того, какъ у нея уже отобрали мужа, сына, возлюбленнаго, корону, честь и свободу? Она спокойно встаетъ съ постели, одѣвается и впускаетъ явившихся комиссаровъ. Тѣ оглашаютъ декретъ конвента, согласно коему вдова Капетъ, въ виду возбужденнаго противъ нея обвиненія, имѣетъ быть переведена въ тюрьму Консьержери.

Марія-Антуанетта спокойно выслушиваетъ эту вѣсть и ничего не возражаетъ. Она прекрасно знаетъ, что обвиненіе, возбужденное предъ революціоннымъ трибуналомъ, равнозначуще осужденію, и что Консьержери это тюрьма для смертниковъ. Но она ни о чемъ не проситъ, не споритъ, не ходатайствуетъ объ отсрочкѣ. Ни слова не возражаетъ она этимъ людямъ, которые словно лубійцы обрушиваются на нее съ этой ужасной вѣстью посреди ночи. Равнодушно предоставляетъ она имъ рыться въ своихъ платьяхъ и забрать у нея все, что она носитъ. Ей разрѣшается сохранить

только носовой платокъ да маленькій флаконъ съ укрѣпляющими сердце каплями. Затѣмъ ей приходится проститься — какъ часто уже выпадало ей это на долю — на этотъ разъ съ дочерью и невѣсткой. Она знаетъ, что это самое послѣднее прощаніе. Міръ уже причилъ ее къ прощаніямъ.

Не оборачиваясь, гордо выпрямившись, направляется Марія-Антуанетта къ дверямъ и быстро спускается по лѣстницѣ. Она отклоняетъ всякую помощь: незачѣмъ было ей и оставлять флаконъ съ укрѣпляющей эссенціей, на случай, если силы ей измѣнятся: она уже окрѣпла изнутри. Самое тяжелое уже давно перенесено, ничто не можетъ быть хуже, чѣмъ жизнь этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ. Впереди нѣчто болѣе легкое: смерть! Она почти стремится къ ней. Она такъ торопится покинуть эту связанную съ жуткими воспоминаніями башню, что, — можетъ быть, слезы застилаютъ ей глаза — забываетъ нагнуться у низкой выходной двери и сильно ударяется лбомъ о притолоку. Встревоженные спутники подбѣгаютъ къ ней и спрашиваютъ, не больно ли ей.

— Нѣтъ, — отвѣчаетъ она спокойно, — теперь мнѣ уже ничто не можетъ причинить боли.

Тюрьма Консьержери

Въ эту же ночь разбудили еще и другую женищну — госпожу Ришаръ, жену завѣдующаго тюрьмой Консьержери. Поздно вечеромъ ей неожиданно дано было порученіе приготовить камеру для Маріи-Антуанетты. Послѣ князей, герцоговъ, графовъ, епископовъ, буржуа, послѣ жертвъ изъ всевозможныхъ слоевъ общества въ домъ смерти имѣетъ быть заключена теперь и королева. Госпожа Ришаръ испугана. Сердце женщины изъ народа все еще вздрагиваетъ отъ почтенія при словѣ «королева», какъ при звонѣ колокола. Королева подъ одной крышей съ нею. Госпожа Ришаръ сейчасъ же выбираетъ среди своего постельнаго бѣлья самую

тонкія и бѣлыя простыни. Завоеватель Майнца генераль Кюстинъ, надъ головой котораго тоже виситъ ножъ гильотины, долженъ оставить свою камеру, служившую когда-то комнатою для засѣданій совѣта. Это темное помѣщеніе наскоро приспособляется для Маріи-Антуанетты. Желѣзная прикрѣпленная къ стѣнѣ койка, два матраца, два соломенныхъ кресла, подушка, легкое одѣяло, кувшинъ для умыванія, да старый коврикъ, повѣшенный на сырую стѣну, — больше она ничего не рѣшается принести въ камеру. Затѣмъ всѣ дожидаются въ этомъ старинномъ, каменномъ, наполовину подземномъ зданіи прибытія королевы.

Въ три часа ночи раздается стукъ колесъ, подъѣзжаетъ нѣсколько экипажей. Первыми вступаютъ въ темный коридоръ жандармы съ факелами, за ними появляется торговецъ лимонадомъ Мишони. Этотъ ловкій парень счастливо выкрутился изъ дѣла барона де-Батца и сохранилъ свою должность генераль-инспектора тюремъ. Позади Мишони королева въ сопровожденіи ея маленькой собачки, единственнаго живого существа, которое ей разрѣшили взять съ собой. Въ виду поздняго времени и принимая во вниманіе, что притворяются будто не знаютъ, кто она, означало бы играть гнусную комедію, обходятся безъ обычныхъ канцелярскихъ формальностей по пріемкѣ заключенныхъ и разрѣшаютъ Маріи-Антуанеттѣ отправиться прямо въ ея камеру.

Горничная начальника тюрьмы молодая крестьянская дѣвушка Розалія Ламорлиеръ, которая не умѣетъ писать, но которой мы, тѣмъ не менѣе, обязаны самымъ вѣрнымъ и потрясающимъ отчетомъ о тридцати семи послѣднихъ дняхъ жизни Маріи-Антуанетты, охваченная волненіемъ, тихонько идетъ слѣдомъ за блѣдной женщиной, одѣтой въ черное платье, и предлагаетъ ей помочь раздѣться.

— Благодарю тебя, дитя мое, — отвѣчаетъ ей королева, — съ тѣхъ поръ, какъ у меня никого больше нѣтъ, я себѣ сама прислуживаю.

Она вѣшаетъ на стѣну свои часы, чтобы имѣть возможность измѣрять остающееся еще ей короткое, но

вмѣстѣ съ тѣмъ безконечное время. Раздѣвается и ложится въ постель. Послѣдній актъ великой трагедіи начался.

Консьержери — это извѣстно не только Парижу, но и всему міру — служить мѣстомъ заключенія для самыхъ опасныхъ политическихъ преступниковъ. Включеніе чьего-нибудь имени въ списки арестантовъ, содержащихся въ Консьержери, равносильно выдачѣ свидѣтельства о смерти. Изъ Санъ-Лазара, изъ Кармъ, изъ Аббен, и изъ всѣхъ другихъ мѣстъ заключенія люди возвращаются въ міръ, изъ Консьержери — никогда или въ рѣдчайшихъ случаяхъ. Марія-Антуанетта и общественное мнѣніе должны, повидимому, понимать, что переводъ въ эту тюрьму есть первый ударъ смычка пляски смерти.

Въ дѣйствительности же конвентъ вовсе еще и не помышляетъ о томъ, чтобы такъ поспѣшно расправиться съ королевой, этой драгоценнѣйшей заложницей. Этотъ переводъ въ Консьержери долженъ только послужить ударомъ кнута для затянувшихся переговоровъ съ Австріей объ обмѣнѣ заключенными, угрожающимъ жестомъ «поторавливайтесь», средствомъ политическаго давленія. Громко провозглашенное конвентомъ на весь міръ обвиненіе противъ Маріи-Антуанетты въ дѣйствительности кладется подъ сукно.

Въ теченіе трехъ недѣль послѣ драматическаго перевода въ Консьержери, въ это «преддверье смерти», на который всѣ иностранные журналы отозвались, конечно, крикомъ ужаса (этого-то и хочетъ комитетъ общественной безопасности), публичному обвинителю при революціонномъ трибуналѣ Фулье-Тенвилю не вручается ни одинъ документъ и ни въ одномъ открытомъ засѣданіи ни конвента, ни комитета не затрагивается больше въ дебатахъ имя Маріи-Антуанетты. Кто его знаетъ, нельзя ли будетъ использовать еще съ выгодой эту габсбургскую принцессу, можетъ быть, даже очень скоро, ибо іюльскіе дни для французской арміи оказались роковыми. Каждый моментъ союзники могутъ начать насту-

пленіе на Парижъ, зачѣмъ же проливать безцѣльно эту драгоцѣнную кровь.

Конвентъ балансируетъ судьбой Маріи-Антуанетты. Ее не освобождаютъ, но и не осуждаютъ. Надъ ея головой держать только видимый всѣмъ острый мечъ и отъ времени до времени заставляютъ сверкать его лезвіе, такъ какъ надѣются напугать Габсбурговъ и, наконецъ-то, побудить ихъ къ началію переговоровъ.

Роковымъ образомъ вѣсть о переводѣ Маріи - Антуанетты въ Консьержери не производитъ, однако, на ея кровныхъ родственниковъ желаннаго впечатлѣнія. Кауницъ считалъ Марію-Антуанетту активной статьей габсбургскаго политическаго баланса только до тѣхъ поръ, пока она была французской королевой. Развѣчанная королева, просто несчастная женщина, не представляетъ для министровъ, генераловъ и императоровъ никакого значенія. Дипломатія чужда сентиментальности.

Только на одного челоуѣка, совершенно безсильнаго, вѣсть эта производитъ впечатлѣніе удара ножомъ въ сердце. На Ферзена. Но что значитъ этотъ маленькій, не представляющій никакого интереса господинъ фонъ Ферзенъ для всемогущаго генеральнаго штаба, для мудрой и высокой политики? Что иное можетъ дѣлать Ферзенъ, какъ только давать выходъ своему гнѣву, своему озлобленію, своему отчаянію и тому адскому огню, который въ немъ бушуетъ и сжигаетъ его душу, съ безпрестанно возобновляемыми бесполезными просьбами торчатъ въ переднихъ, умолять и заклинать одну за другимъ всѣхъ военныхъ, государственныхъ дѣятелей, принцевъ, эмигрантовъ, чтобы они перестали съ такимъ позорнымъ холоднымъ равнодушіемъ пребывать свидѣтелями того, какъ унижаютъ и убиваютъ французскую королеву, принцессу изъ габсбургскаго дома.

Но онъ наталкивается повсюду на уклончивое вѣжлиное безразличіе. Даже казалось столь преданный Маріи-Антуанеттѣ графъ Мерси необычайно холоденъ. Мерси съ почтительностью, но самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывается противъ вмѣшательства со стороны

Ферзена и даетъ, къ несчастю, какъ разъ по этому поводу исходъ своему личному негодованію по адресу шведа. Онъ никогда не могъ простить Ферзену, что онъ былъ къ королевѣ ближе, чѣмъ это разрѣшается обычаемъ и моралью, и не можетъ допустить, чтобы именно любовникъ королевы—единственный человѣкъ, который ее любитъ и которому и впрямь дорога ея жизнь — давалъ ему какія-бы то ни было указанія.

Но Ферзень не унимается. Ледяной холодъ всѣхъ этихъ людей, такъ разительно отличающійся отъ снѣдающаго его огня, приводитъ его въ бѣшенство. Такъ какъ Мерси его разочаровываетъ, онъ обращается ко второму преданному другу королевской семьи, графу де-ла-Маркъ, который въ свое время велъ переговоры съ Мирабо. Здѣсь онъ встрѣчаетъ больше отзывчивости и пониманія. Графъ де-ла-Маркъ отправляется къ Мерси и напоминаетъ этому старому человѣку про данное четверть вѣка тому назадъ Маріи-Терезіи торжественное обѣщаніе защищать ея дочь до послѣдняго мгновенія.

Они вмѣстѣ составляютъ энергичное письмо принцу Кобургскому, верховному главнокомандующему австрійскихъ армій: «До тѣхъ поръ, пока королевѣ не угрожала еще непосредственная опасность, можно было еще молчать, изъ опасенія, какъ бы не возбудить гнѣва окружающихъ ее дикарей. Теперь, когда она передана въ руки кроваваго трибунала, всякое мѣропріятіе, могущее ее спасти, является вашей прямой обязанностью». Понукаемый де-ла-Маркомъ Мерси требуетъ скорѣйшаго наступленія на Парижъ, чтобы внушить революціонерамъ страхъ. Всѣ прочія военныя операціи должны быть отодвинуты на задній планъ по сравненію съ этой, необходимѣйшей. «Позвольте мнѣ», — пишетъ Мерси, — «упомянуть о томъ сожалѣніи, которое мы всѣ должны будемъ испытать въ томъ случаѣ, если выяснится, что мы были бездѣтельны въ подобный моментъ. Наши потомки не смогутъ себѣ и представить, какъ это въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія отъ побѣдоносныхъ армій

могло быть совершено такое ужасное преступление, а эти арміи не попытались его предупредить».

Этотъ призывъ къ своевременному выступленію на помощь Маріи-Антуанеттѣ обращенъ къ сожалѣнію къ слабому и прежде всего невѣроятно глупому человеку, тупому солдафону. Отвѣтъ верховнаго главнокомандующаго, принца Кобургскаго, составленъ въ соответственномъ духѣ. Такъ, какъ если бы 1793 годъ относился еще къ эпохѣ процессовъ вѣдьмъ или инквизиціи, этотъ славящійся своимъ ничтожествомъ принцъ предлагаетъ «въ случаѣ, если они позволяютъ себѣ малѣйшія насильственные дѣйствія противъ персоны ея величества королевы, колесовать четырехъ недавно взятыхъ въ плѣнъ членовъ конвента». Мерси и де-ла-Маркъ, оба благородные люди и культурные дворяне, откровенно пугаются этой глупости и видятъ, что вести дальнѣйшіе переговоры съ этимъ дуракомъ безсмысленно, а потому де-ла-Маркъ закликаетъ Мерси немедленно отправить курьера къ вѣнскому двору.

«Я задаюсь вопросомъ, совмѣстимо ли съ достоинствомъ и интересами императора оставаться простымъ зрителемъ судьбы, угрожающей его теткѣ, безъ всякихъ попытокъ отстранить отъ нея эту судьбу, спасти ее... Не лежатъ ли на императорѣ при данныхъ условіяхъ извѣстныя обязанности?.. Не слѣдуетъ забывать, что поведеніе нашего правительства будетъ когда-нибудь предметомъ сужденія потомства. Не приходится ли опасаться строгости этого сужденія, если его величество императоръ не сдѣлаетъ никакихъ попытокъ и не принесетъ никакихъ жертвъ для ея спасенія?»

Это письмо, для посла довольно смѣлое, кладется преспокойно въ какую-то папку дворцовой канцеляріи и остается безъ отвѣта. Императоръ Францъ не хочетъ пальца о палецъ ударить, онъ спокойно прогуливается въ Шенбруннскомъ паркѣ, а принцъ Кобургскій столь же спокойно сидитъ въ своей ставкѣ и заставляетъ своихъ солдатъ такъ долго продѣлывать воинскія упражненія, пока изъ ихъ состава не дезертируетъ большее количество людей, чѣмъ онъ могъ бы потерять при самой кро-

вопролитной битвѣ. Всѣ монархи спокойны, равнодушны и беззаботны. Немножко больше или немножко меньше чести, — это для стариннаго славнаго Габсбургскаго рода роли не играетъ! Никто и пальцемъ не шевелить для спасенія Маріи-Антуанетты и въ приступѣ внезапно овладѣвшаго имъ гнѣва старый Мерси говоритъ съ горечью: «Они и тогда не попытались-бы ее спасти, если-бы собственными глазами видѣли, какъ она всходитъ на гильотину».

Такъ какъ нельзя рассчитывать ни на Кобурга, ни на Австрію, ни на принцевъ, ни на эмигрантовъ, ни на родственниковъ, Мерси и Ферзенъ рѣшаются на собственный страхъ и рискъ испробовать послѣднее средство: подкупъ. Черезъ посредство танцмейстера Новерра и какого-то темнаго финансиста они посылаютъ въ Парижъ деньги. Неизвѣстно въ чьихъ рукахъ деньги эти остаются. Сначала пытаются подойти къ Дантону, который — Робеспьеръ правильно чувствовалъ это — пользуется репутаціей доступнаго человѣка. Какъ это ни странно, но нѣкоторые пути ведутъ и къ Эберу. Какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, доказать ничего нельзя, но не странно-ли, что этотъ главный крикунъ, который уже на протяженіи мѣсяцевъ бѣснуется словно эпилептикъ и требуетъ смерти этой „goue“ теперь вдругъ предлагаетъ, чтобы Марію-Антуанетту перевели обратно въ Тамплъ? Кто можетъ сказать, поскольку эти темные переговоры были успѣшны или могли бы привести къ успѣху? Во всякомъ случаѣ стрѣльба золотыми ядрами начата слишкомъ поздно. Въ то время, какъ эти ловкіе друзья Маріи-Антуанетты пытаются ее спасти, одинъ неловкій ея другъ толкаетъ ее въ пропасть. Какъ это было всегда въ ея жизни, друзья ея оказываются для нея болѣе роковыми, чѣмъ враги.

Послѣдняя попытка

Порядки въ Консьержери, этомъ «преддверіи смерти», строже, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ революціон-

ныхъ тюрьмахъ. Старинное каменное зданіе съ неприступными стѣнами и толстыми, обитыми желѣзомъ дверьми, каждое окно съ рѣшеткой, каждый корридоръ снабженъ заставой, вокругъ зданія роты сторожевыхъ солдатъ. На каменныхъ воротахъ этой тюрьмы можно бы высѣчь ту же надпись, что и на Дантовомъ адѣ:

— Оставь надежду, всякъ сюда входящій . . .

Уже черезъ нѣсколько дней по заключеніи въ Консьержери Маріи-Антуанеттѣ, однако, удастся, благодаря чарамъ, исходящимъ частью отъ ея личности, частью отъ ея званія, превратить всѣхъ тѣхъ людей, которые призваны стеречь ее, въ своихъ друзей, помощниковъ, слугъ. Жена завѣдующаго тюрьмой, во исполненіе возложенныхъ на нее обязанностей, должна была бы ограничиваться только тѣмъ, чтобы подметать камеру Маріи-Антуанетты да готовить ей примитивный обѣдъ. Но вмѣсто этого она заботливо варитъ изысканнѣйшія блюда, предлагаетъ Маріи-Антуанеттѣ завивать ее, велитъ спеціально доставлять ежедневно изъ другой части города по бутылкѣ той питьевой воды, которую Марія-Антуанетта предпочитаетъ. Служанка этой женщины въ свою очередь пользуется каждой свободной минутой, чтобы забѣгать къ заключенной и справиться, не нужно-ли той чего-нибудь.

А что дѣлаютъ эти строгіе жандармы съ лихо закрученными усами, широкими гремящими саблями и постоянно заряженными ружьями? Они приносятъ — это установлено однимъ протоколомъ допроса — по собственной инициативѣ королевы ежедневно свѣжіе цвѣты, которые покупаютъ изъ собственныхъ средствъ на рынкѣ. Какъ разъ въ низшихъ слояхъ населенія, которые ближе къ горю, чѣмъ состоятельные круги, пробуждается трогательное состраданіе къ участи той самой королевы, которую они ненавидѣли въ ея счастливые дни. Когда рыночныя торговки въ районѣ Консьержери узнаютъ отъ госпожи Ришаръ, что курица или овощи предназначаются для королевы, онѣ заботливо выбираютъ самый лучшій товаръ, и Фукье-Тенвилю приходится во время процесса съ изумленіемъ констатировать,

что Марія-Антуанетта пользовалась въ Консьержери большими поблажками, чѣмъ въ Тамплѣ. Именно тамъ, гдѣ дыханіе смерти всего грознѣе, растетъ, въ качествѣ противодѣйствія ей, чувство человѣчности въ людскихъ душахъ.

То обстоятельство, что въ отношеніи столь важной политической арестантки, какъ Марія-Антуанетта, надзоръ не носитъ особо строгаго характера, кажется, особенно, въ виду прежнихъ ея попытокъ бѣгства, сначала совершенно удивительнымъ. Но затѣмъ, когда вспомнишь, что главнымъ инспекторомъ этой тюрьмы былъ тотъ самый торговецъ лимонадомъ Мишони, который принималъ участіе въ Тамплѣскомъ заговорѣ, многое становится болѣе понятнымъ. И сквозь толстыя плиты Консьержери соблазняетъ блескъ де Батцовскаго милліона. Мишони все еще продолжаетъ играть свою двойственную роль. Каждый день онъ, во исполненіе своихъ обязанностей, появляется со строгимъ видомъ въ камерѣ королевы, провѣряетъ желѣзныя оконныя рѣшетки, прочность дверей и съ педантической заботливостью доноситъ объ этихъ своихъ посѣщеніяхъ коммунѣ, которая въ восторгѣ, что подыскала такого преданнаго республиканца для роли надсмотрщика и сторожа Маріи-Антуанетты.

Въ дѣйствительности-же Мишони только выжидаетъ того момента, когда жандармы выходятъ изъ камеры, чтобы почти дружески поболтать съ королевой и передать ей столь ее интересующія вѣсти объ ея живущихъ въ Тамплѣ дѣтяхъ. Время отъ времени онъ даже проводитъ къ ней, руководимый иногда корыстолюбіемъ, а иногда просто добродушіемъ, какого-нибудь любопытнаго посѣтителя, разъ какого-то англичанина или англичанку по имени Аткинсъ, разъ какого-то священника, у котораго королева якобы исповѣдалась, разъ того юнаго художника, который написалъ хранящійся теперь въ музеѣ Карнавалѣ портретъ Маріи-Антуанетты. Въ заключеніе впустилъ онъ роковымъ образомъ и того смѣлаго безумца, который своимъ излишнимъ рвеніемъ однимъ

ударомъ свель на нѣтъ всѣ маленькія поблажки, которыми пользовалась несчастная узница.

Этотъ пресловутый «заговоръ гвоздики», который былъ въ послѣдствіи творческой фантазіей Александра Дюма превращенъ въ цѣлый романъ, представляется очень темнымъ дѣломъ. Врядъ-ли удастся когда-нибудь раскрыть до конца эту странную исторію, потому что то, что сообщается о ней въ судебныхъ актахъ, совершенно недостаточно, то же, что рассказываетъ о ней ея главный герой, подозрительно пахнетъ хвастовствомъ. Если вѣрить городскому совѣту и главному инспектору тюремъ Мишони, все это дѣло было совершенно незначительнымъ эпизодомъ. Онъ, Мишони, якобы рассказывалъ однажды своимъ пріятелямъ за ужиномъ о своихъ ежедневныхъ посѣщеніяхъ королевы. Какой-то неизвѣстный ему чужой господинъ обнаружилъ-де при этомъ крайнее любопытство и спросилъ его, не могъ-ли бы онъ его сопровождать во время одного изъ такихъ визитовъ. Будучи хорошо настроенъ, онъ, Мишони, не сталъ особенно углубляться въ это дѣло и разслѣдовать его и взялъ какъ-то чужого господина съ собою во время своего обхода, разумѣется съ тѣмъ условіемъ, чтобы тотъ не обмѣнялся съ королевою ни однимъ словомъ.

Неужели же довѣренный барона де Батца Мишони и впрямь такъ наивенъ, какъ онъ это изображаетъ? Неужели же онъ дѣйствительно даже не позаботился о томъ, чтобы разузнать, кто этотъ чужой человѣкъ, котораго онъ долженъ былъ контрабанднымъ путемъ провести въ камеру королевы? Онъ узналъ-бы, что человѣкъ этотъ добрый пріятель Маріи-Антуанетты кавалеръ де Ружевиль, одинъ изъ тѣхъ дворянъ, которые съ рискомъ для собственной жизни защищали 20 іюня королеву. Очевидно Мишони, который въ свое время являлся тайнымъ пособникомъ барона де Батца, имѣлъ и въ данномъ случаѣ достаточно вѣскія и, главнымъ образомъ, звонкія причины не слишкомъ разспрашивать чужого господина объ его памѣреніяхъ. Должно

быть заговоръ значительно болѣе созрѣлъ, чѣмъ это нынѣ представляется возможнымъ установить по стертымъ его слѣдамъ.

Какъ бы то ни было, но 28 августа удверей камеры королевы раздается звонъ связки ключей. Королева и дежурящіе при ней жандармы поднимаются со своихъ мѣстъ. Она пугается въ первый моментъ всякій разъ, какъ открывается дверь ея камеры, потому что почти всѣ неожиданные визиты должностныхъ лицъ приносили ей въ послѣдніе недѣли и мѣсяцы преимущественно непріятности. Но нѣтъ, это только все тотъ-же тайный ея другъ Мишони, на этотъ разъ въ сопровожденіи какого-то чужого господина, на котораго Марія-Антуанетта первоначально не обращаетъ никакого вниманія. Марія-Антуанетта облегченно вздыхаетъ, разговариваетъ съ Мишони, освѣдомляется о дѣтяхъ: ея первые настоятельные вопросы всегда касаются дѣтей. Мишони любезно отвѣчаетъ, королева становится бодрѣе, почти весела: эти короткія минуты, когда нарушается тягостное, гнетущее ее молчаніе, когда она можетъ поговорить о своихъ дѣтяхъ, дѣлаютъ ее всегда почти счастливой.

Но вдругъ лицо Марія-Антуанетты покрывается смертельной блѣдностью. На одно мгновеніе. Затѣмъ кровь приливаетъ къ ея щекамъ. Она начинаетъ дрожать и съ трудомъ держится на ногахъ. Сюрпризъ слишкомъ великъ: она узнала Ружевиля, человѣка, который сотни разъ былъ подлѣ нея во дворцѣ и о которомъ она знаетъ, что онъ способенъ на самые отчаянные поступки. Что это можетъ означать, — время летитъ слишкомъ быстро, для того, чтобы можно было все продумать, — что этотъ вѣрный и преданный другъ вдругъ оказывается въ ея камерѣ? Не хотятъ ли ее спасти? Хотятъ ей передать что-нибудь? Что-нибудь сообщить? Она не осмѣливается заговорить съ Ружевилемъ, она не осмѣливается даже, изъ страха передъ жандармами и надзирательницей, смотрѣть на него слишкомъ внимательно, и все же она замѣчаетъ, что онъ дѣлаетъ ей какіе-то непонятные знаки. Какое счастье и какая вмѣстѣ съ тѣмъ мука послѣ мѣсяцевъ отрѣзан-

ности увидѣть подля себя гонца изъ внѣшняго міра и не быть въ состояніи понять его вѣсти! Встревоженная женщина ощущаетъ все большее безпокойство и все больше боится выдать себя. Возможно, что Мишони замѣчаетъ это ея безпокойство, во всякомъ случаѣ онъ вдругъ вспоминаетъ, что ему необходимо осмотрѣть еще другія помѣщенія тюрьмы и вмѣстѣ съ незнакомцемъ торопливо покидаетъ камеру королевы, обѣщая, однако, твердо, что еще вернется.

Оставшись одна, Марія-Антуанетта — у нея дрожатъ колѣни — садится и старается вернуть себѣ самообладаніе. Она рѣшаетъ, въ случаѣ возвращенія обоихъ посѣтителей, слѣдить съ большимъ вниманіемъ и спокойствіемъ, чѣмъ при первомъ неожиданномъ визитѣ, за каждымъ жестомъ и знакомъ Ружевиля. Посѣтители и впрямь возвращаются, снова звенятъ ключи и снова входятъ Мишони и Ружевиль. Теперь Марія-Антуанетта уже овладѣла собой. Разговаривая съ Мишони, она внимательнѣе, острѣе, спокойнѣе наблюдаетъ за Ружевилемъ и вдругъ, слѣдя за его движеніями, замѣчаетъ, что онъ бросаетъ что-то, въ уголъ за печкой.

Сердце ея усиленно бьется, она не въ состояніи дожидаться того момента, когда сможетъ прочесть поданную ей вѣсточку. Какъ только Мишони и Ружевиль выходятъ изъ камеры, она подъ какимъ-то предлогомъ высылаетъ за ними и жандарма. Воспользовавшись этимъ моментомъ, когда она остается безъ всякаго надзора, она быстро хватаетъ брошенный въ уголокъ предметъ. Какъ? Только гвоздика? Нѣтъ, въ гвоздикѣ спрятана туго свернутая записка. Она разворачиваетъ ее и читаетъ: «Моя благодѣтельница, я никогда васъ не забуду, я безпрестанно буду искать способовъ доказать вамъ мою готовность пожертвовать собой. Если вамъ нужны триста или четыреста луидоровъ для окружающихъ васъ лицъ, я ихъ замъ въ будущую пятницу принесу.»

Можно представить себѣ, какія чувства овладѣли этой несчастной женщиной, когда передъ нею вновь забрезжилъ этотъ лучъ надежды. Еще разъ рушатся

темные своды, словно под ударомъ архангельскаго меча, въ недоступный мракъ этого дома смерти проникъ черезъ семь или восемь запертыхъ дверей, вопреки всѣмъ запрещеніямъ, на зло всѣмъ мѣропріятіямъ коммуны, одинъ изъ близкихъ ей людей, кавалеръ ордена Людовика, преданный и вѣрный роялистъ. Должно быть спасеніе близко. Вѣроятно это дѣло любящихъ рукъ Ферзена, вѣроятно тутъ замѣшаны могущественные невѣдомые ей сообщники, задавшіеся цѣлью спасти ея жизнь на самомъ краю пропасти. Въ этой уже совсѣмъ было примирившейся со своей печальной участью сѣдой женщиной снова вспыхиваетъ воля къ жизни.

Она снова ощущаетъ притокъ мужества, даже слишкомъ сильный. Она снова вѣритъ, даже слишкомъ вѣрить. Тѣ триста или четыреста дукатовъ, о которыхъ упоминается въ запискѣ, должны пойти на то — сразу понимаетъ она — чтобы подкупить дежурящаго въ ея камерѣ жандарма. — Только это и возложено на нее, обо всемъ остальномъ позаботятся ея друзья. Въ приливѣ вновь воспламенившагося оптимизма она немедленно берется за дѣло. Она разрываетъ предательскую записочку въ мельчайшіе клочки и готовится написать отвѣтъ. У нея отобрали въ свое время перо, карандашъ, чернила, но кусочекъ бумаги у нея все же имѣется. Она беретъ этотъ листокъ бумаги, — нужда дѣлаетъ изобрѣтательнымъ, — иголкой выкалываетъ въ немъ нѣсколько словъ. Этотъ листокъ бумаги, словъ котораго нельзя разобрать, такъ какъ въ немъ впоследствии сдѣланы были еще другіе проколы, хранится и доселѣ какъ реликвія. Своеобразную записочку эту она сейчасъ же передаетъ жандарму Жильберу и общаетъ ему высокое вознагражденіе за то, чтобы онъ вручилъ ее тому незнакомцу при слѣдующемъ его посѣщеніи.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла покрытъ мракомъ. Жандармъ Жильберъ, повидимому, сталъ колебаться. Перспектива получить триста или четыреста лудировъ чрезвычайно соблазнительна для этого бѣднаго парня. Но и ножъ гильотины слѣпить его своимъ грознымъ блескомъ не меньше, чѣмъ золото.

Ему жаль несчастную женщину, но, съ другой стороны, онъ опасается потерять службу. Что дѣлать? Исполнить порученіе значило бы измѣнить республикѣ, но сыграть роль доносчика значило бы обмануть довѣріе этой бѣдной, несчастной женщины. Бравый жандармъ избираетъ средній путь: онъ рассказываетъ обо всемъ женѣ надзирателя, всеильной госпожѣ Ришаръ. Но госпожа Ришаръ раздѣляетъ его колебанія. Она тоже не рѣшается ни молчать, ни открыто заговорить, ни, тѣмъ менѣе, впутаться въ этотъ опасный для жизни заговоръ. Должно быть и до ея ушей донесся уже тайный звонъ милліона.

Въ концѣ концовъ госпожа Ришаръ поступаетъ такъ - же, какъ и жандармъ: она не доноситъ, но и не молчитъ. Подобно жандарму и она хочетъ переложить отвѣтственность на чужія плечи и по секрету сообщаетъ о тайной записочкѣ своему начальнику Мишони, который при этомъ извѣстїи блѣднѣетъ. Дальше слова мракъ. Замѣтилъ ли Мишони уже и прежде, что въ лицѣ Ружевиля онъ провелъ къ королевѣ пособника, или же сообразилъ это только теперь? Былъ ли онъ посвященъ въ заговоръ, или Ружевиля его одурачилъ? Во всякомъ случаѣ ему непріятно, что вдругъ вся эта исторія стала извѣстна еще двумъ лицамъ. Съ притворной строгостью отбираетъ онъ отъ госпожи Ришаръ подозрительную бумажку, прячетъ ее въ карманъ и приказываетъ ей молчать. Онъ надѣется что такимъ путемъ ему удалось сгладить необдуманнѣйшій поступокъ королевы и ликвидировать эту непріятную исторію. Никакихъ дальнѣйшихъ донесеній по начальству онъ не дѣлаетъ. Подобно тому, какъ онъ поступилъ въ заговорѣ де Батца, онъ отстраняется отъ всего дѣла, какъ только замѣчаетъ, что оно становится опаснымъ.

Все, казалось бы, въ порядкѣ. Но обстоятельство это не даетъ почему-то покоя жандарму. Пригоршнѣя золотыхъ монетъ могла бы, пожалуй, заставить его молчать, но денегъ у Маріи - Антуанетты нѣтъ, и онъ постепенно начинаетъ все больше и больше дрожать за свою голову. Послѣ того, какъ онъ въ теченіе пяти

дней (это-то и особенно подозрительно и непонятно) сохранялъ строжайшее молчаніе какъ въ отношеніи своихъ товарищей по службѣ, такъ и въ отношеніи начальства, онъ вдругъ доводитъ 3-го сентябрю обо всемъ происшедшемъ до свѣдѣнія своихъ непосредственныхъ начальниковъ. Два часа спустя въ Консьержери влетаютъ взволнованные комиссары городского совѣта и начинаютъ допросъ всѣхъ участниковъ.

Королева сначала отпирается. Она-де никого не узнала, а когда ее спрашиваютъ, не написала ли она нѣсколько дней тому назадъ записки, она холодно отвѣчаетъ, что у нея нѣтъ никакихъ письменныхъ принадлежностей. Мишони сначала тоже притворяется дурачкомъ и рассчитываетъ на молчаніе должно быть тоже подкупленной госпожи Ришаръ. Но та заявляетъ, что она передала ему листокъ бумаги, и онъ теперь вынужденъ его предъявить. Пока что онъ остроумно искажаетъ текстъ записки посредствомъ цѣлаго ряда дополнительныхъ проколовъ.

Во время второго допроса, на слѣдующій день, королева перестаетъ заператься. Она объясняетъ, что дѣйствительно знаетъ посѣтителя еще со временъ Тюльери, что получила отъ него записочку, спрятанную въ гвоздикъ, и отвѣтила ему. Она не отрицаетъ больше ни своего участія, ни своей вины. Но она охраняетъ по мѣрѣ возможности того человѣка, который готовъ былъ пожертвовать собою въ ея интересахъ, не называетъ имени Ружевиля и утверждаетъ, что не помнитъ, какъ звали этого гвардейскаго офицера. Она великодушно укрываетъ и Мишони и тѣмъ спасаетъ ему жизнь. Но уже спустя двадцать четыре часа имя Ружевиля извѣстно какъ городскому совѣту, такъ и комитету общественной безопасности, и полиція гнетно мечется по всему Парижу, чтобы поймать того человѣка, который хотѣлъ спасти королеву, но только ускорилъ ея гибель.

Этотъ неловко начатый заговоръ служитъ толчкомъ для ускоренія участи Маріи - Антуанетты. Ра-

зомъ прекращаются всѣ поблажки въ обращеніи съ нею, на которыя до сихъ поръ смотрѣли сквозь пальцы. У нея забираютъ всѣ ея вещи, послѣднія кольца, даже маленькіе золотые часики, которые она привезла съ собою еще изъ Австріи на память о матери, а также маленькій медальонъ съ любовно хранившимися въ немъ волосами ея дѣтей. Само собою разумѣется, что у нея отбираютъ также и тѣ иголки, при помощи которыхъ она такъ находчиво написала записку Ружевилю. По вечерамъ ей воспрещается зажигать свѣтъ. Дается отставка снисходительному Мишони, а также госпожѣ Ришаръ, которая замѣняется новой надзирательницей госпожей Бо.

Одновременно съ этимъ магистратъ декретомъ отъ 11 сентября приказываетъ перевести эту рецидивистку въ дѣлѣ покушеній на побѣгъ въ еще болѣе безопасную камеру. Такъ какъ во всей тюрьмѣ Консержери не могутъ подыскать тюремной камеры, которая соответствовала бы желаніямъ напуганнаго магистрата, для Маріи - Антуанетты отводится комната, въ которой помещалась аптека и которая специально снабжается двойной желѣзной дверью. Окно этой комнаты, выходящее на женскій дворъ, замуровывается до половины ея рѣшетки. Подъ окномъ ставятъ двухъ караульныхъ, а дежурящіе день и ночь въ сосѣдней камерѣ жандармы отвѣчаютъ за арестованную своей головой. Теперь въ камеру узницы не можетъ проникнуть никто посторонній . . . кромѣ палача.

Марія - Антуанетта дошла до послѣдней, низшей ступени одиночества. Ни новые тюремные сторожа, въ общемъ расположенные къ ней, ни жандармы не рѣшаются больше обмѣняться ни однимъ словомъ съ этой опасной узницей. Маленькіе часы, отмѣчавшіе своимъ тонкимъ тиканьемъ теченіе безконечнаго времени, исчезли, рукодѣлье забрали, ничего ей не оставили кромѣ собачки. Теперь, спустя двадцать пять лѣтъ, Марія-Антуанетта вспоминаетъ о томъ средствѣ утѣшенія, которое ей столь часто рекомендовала мать. Впервые въ жизни она требуетъ книгъ и читаетъ ихъ одну

за другой своими воспаленными глазами, просто глотает их. Она не хочет ни романовъ, ни драматическихъ произведеній, ничего веселаго, ничего сантиментальнаго, ничего говорящаго о любви, все это могло бы ей напомнить былые счастливые дни. Только приключенія, путешествія капитана Кука, рассказы о кораблекрушеніяхъ, отважныхъ поѣздкахъ, книги, которыя бы захватывали, увлекали, волновали, книги, за чтеніемъ которыхъ можно было бы забыть и время и міръ.

Единственными спутниками ея одиночества являются вымышленные, пригрезившіеся образы. Никто не навѣщаетъ ее больше, цѣлыми днями не слышитъ она ничего, кромѣ звона колоколовъ, расположенной по сосѣдству часовни да скрипа ключей въ замкѣ, а потомъ снова тишина, вѣчная тишина въ этой низкой комнатѣ, тѣсной, сырой и темной, какъ гробъ. Недостатокъ движенія и воздуха ослабляетъ ее тѣло, тяжелыя кровотеченія изнуряютъ ее. Когда ее, наконецъ, приглашаютъ въ судъ, изъ долгой ночи выходитъ на непривычный ей свѣтъ солнца старая женщина съ сѣдыми волосами.

Величайшая гнусность

Низшая ступень достигнута, путь подходит къ концу... Достигнуть предѣлъ противорѣчія человеческой судьбы. Рожденная въ царскомъ дворцѣ и имѣвшая въ своемъ распоряженіи сотни роскошныхъ залъ, принуждена теперь жить въ крошечной, сѣрой, полутемной каморкѣ. Любившая роскошь и окружавшая себя самыми разнообразными произведеніями искусства и драгоценностями лишена теперь даже шкафа, зеркала, кресла и должна ограничиваться только такими абсолютно необходимыми предметами обстановки, какъ столъ, стулъ, желѣзная кровать. Та, которая пользовалась услугами безчисленной челяди, вынуждена теперь сама расчесывать свои посѣдѣвшіе волосы. Та, которая

заказывала по триста новыхъ платьевъ въ годъ, должна теперь сама, полуслѣпая отъ слезъ, чинить подолъ своего разодраннаго тюремнаго балахона. Та, которая искала съ утра до поздней ночи забавъ и развлеченій, сидитъ одна и, проводя безсонныя ночи, ждетъ, пока забрезжигъ заря за рѣшеткой ея камеры.

По мѣрѣ приближенія осени, камера все больше на-поминаетъ гробъ. потому что темнота наступаетъ раньше, а Маріи - Антуанеттѣ воспрещено зажигать по вечерамъ огонь, только изъ коридора сквозь узкое оконце въ верхней части двери сострадательно падаютъ въ тьму камеры жалкіе лучи маслянаго фонаря. Отъ плитъ каменнаго пола несетъ холодомъ, съ близкой Сены сквозь стѣны проникаетъ сырость, пахнетъ гнилью, пахнетъ смертью. Бѣлье распадается, платье расплзается, до мозга костей проникаетъ сырой холодъ, подобный острой ревматической боли. Все утомленнѣе становится эта внутренне замерзающая несчастная женщина, которая когда-то, тысячу лѣтъ тому назадъ, какъ ей кажется, — была королевой этой страны и самой жизнерадостной женщиной Франціи. Она нисколько не испугается, когда ее позоветъ смерть, ибо эта камера пріучила ее еще при жизни къ ощущенію гроба.

Въ этотъ расположенный посреди Парижа обитаемый гробъ не проникаетъ ни вѣтерка того невѣроятнаго урагана, который бушуетъ этой осенью надъ Европой. Никогда еще французская революція не находилась въ такомъ критическомъ положеніи, какъ въ этотъ моментъ. Двѣ ея сильнѣйшія крѣпости — Майнцъ и Валансьенъ — пали, англичане овладѣли ея важнѣйшимъ военнымъ портомъ, второй по размѣрамъ городъ Франціи Ліонъ охваченъ возстаніемъ, колоніи потеряны, въ конвентѣ споры и распри, въ Парижѣ голодъ и подавленное настроеніе: республика на вершокъ отъ гибели.

Лишь одно можетъ ее теперь спасти — отчаянная смѣлость, самоубійственно вызывающее поведеніе. Республика можетъ преодолѣть страхъ, только внушая сама страхъ. «Мы поставили терроръ въ порядокъ дня», — эти ужасныя слова грозно проносятся по залу кон-

зента, и дѣйствія подтверждаютъ ихъ. Жирондисты объявляются внѣ закона, герцога Орлеанскаго и безконечный рядъ другихъ лицъ передаютъ въ руки революціоннаго трибунала. Гильотина работаетъ во всю.

Тутъ поднимается Бильо - Варенпъ и заявляетъ: «Конвентъ только - что далъ хорошій примѣръ строгости, съ которой онъ расправляется съ предателями, подготавливающими гибель ихъ страны. Но на немъ лежитъ обязанность принять еще одно важное рѣшеніе. Одна женщина, являющаяся позоромъ для человѣчества и ея пола, должна наконецъ расплатиться на эшафотъ за всѣ свои грѣхи. Повсюду уже говорятъ, что ее снова перевели въ Тампль, тайно судили и оправдали, какъ будто женщина, на чьей совѣсти кровь тысячъ жертвъ, можетъ быть когда - нибудь оправдана французскимъ трибуналомъ. Я требую, чтобы революціонный трибуналъ еще на этой недѣлѣ вынесъ свой приговоръ на ея счетъ».

Хотя это предложеніе сводится не только къ требованію суда надъ Маріей - Антуанеттой, но, въ сущности, уже и къ вынесенію ей смертнаго приговора, оно безпрекословно принимается конвентомъ. Но, какъ это ни странно, общественный обвинитель Фукье Тенвиль, который обычно работаетъ безъ перебоевъ, холодно и быстро, какъ машина, теперь почему - то подозрительно медлитъ. Ни на этой недѣлѣ, ни на слѣдующей, ни черезъ три недѣли онъ не возбуждаетъ обвиненія противъ королевы.

Неизвѣстно, удерживаетъ - ли кто - нибудь его руку, или же этотъ человѣкъ съ кожанымъ сердцемъ, превращающій съ быстротой фокусника бумагу въ кровь и кровь въ бумагу, дѣйствительно не имѣетъ еще надлежашаго обвинительнаго матеріала? Во всякомъ случаѣ, онъ медлитъ и все дальше и дальше оттягиваетъ обвиненіе. Онъ требуетъ отъ комитета общественной безопасности присылки ему матеріаловъ, а комитетъ, въ свою очередь, обнаруживаетъ непонятную медлительность. Въ концѣ концовъ онъ посылаетъ Фукье - Тен-

вилю нѣсколько маловажныхъ документовъ, протоколъ допроса по дѣлу о гвоздикѣ, списокъ свидѣтелей, судебные акты по процессу короля, по Фукье - Тенвиль все еще не наноситъ удара. Ему чего-то не хватаетъ, не то опредѣленнаго тайнаго приказа начать дѣло, не то какой-нибудь особенно яркой, убѣдительно улики, которая сообщала-бы его обвинительному акту блескъ и огонь истиннаго республиканскаго негодованія, какого-нибудь особенно возмутительнаго проступка обвиняемой какъ женщины или королевы.

Въ послѣдній моментъ Эберъ, этотъ злѣйшій и откровеннѣйшій врагъ королевы, внезапно даетъ въ руки Фукье - Тенвиля ужаснѣйшій и гнуснѣйшій документъ французской революціи. Этотъ толчокъ имѣетъ рѣшающее значеніе, — процессъ начинаетъ идти полнымъ ходомъ.

Что же произошло? Тридцатаго сентября Эберъ неожиданно получаетъ изъ Тампля письмо отъ сапожника Симона, воспитателя дофина. Безъ промедленія спѣшитъ онъ къ Симону. То, что онъ слышитъ тамъ, кажется даже этому толстокожему и ни предъ чѣмъ не останавливавшемуся человѣку столь жуткимъ, что онъ не хочетъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ, а созываетъ комиссію, состоящую изъ городского совѣта въ полномъ его составѣ, во главѣ съ мэромъ, и та отправляется въ Тамплъ, чтобы въ трехъ писанныхъ (и понынѣ еще хранящихся) протоколахъ допроса собрать рѣшающій обвинительный матеріалъ противъ королевы.

Мы подошли теперь къ тому невѣроятному, психологически непостижимому эпизоду въ исторіи Маріи - Антуанетты, который можетъ быть объясненъ, да и то лишь съ грѣхомъ пополамъ, только необычайной напряженностью эпохи и систематическимъ, продолжавшимся цѣлые годы, отравленіемъ общественнаго мнѣнія.

Маленькій дофинъ, преждевременно развитой и капризный мальчуганъ, будучи подъ надзоромъ своей

матери, повредилъ себѣ какъ-то палкой во время игры мошонку, и приглашенный хирургъ приготовилъ для ребенка нѣчто вродѣ грыжеваго бандажа. Этимъ, казалось, дѣло и было исчерпано и забыто. Но вотъ Симонъ или жена его въ одинъ прекрасный день обнаруживаютъ, что избалованный мальчуганъ предается одному порочному занятію, довольно распространенному среди дѣтей. Пойманный на мѣстѣ «преступленія» мальчикъ не можетъ отрицать своей вины. Припертый къ стѣнкѣ настойчивыми разспросами Симона относительно того, кто научилъ его этой скверной привычкѣ, несчастный мальчикъ говоритъ, или повторяетъ подсказанное, будто этому пороку обучили его мать и тетка.

Симонъ, въ представленіи коего эта «тигрица» способна на самые дьявольскіе поступки, разспрашиваетъ и выпытываетъ все дальше и, невѣроятно возмущенный порочностью и развращенностью родной матери, доводитъ, въ концѣ концовъ, ребенка до того, что тотъ начинаетъ утверждать, будто обѣ женщины брали его часто къ себѣ въ постель и мать имѣла съ нимъ половыя сношенія. Разумный человѣкъ въ нормальное время, разумѣется, отнесся-бы къ такому невѣроятному показанію мальчика, не достигшаго еще десятилѣтняго возраста, съ крайнимъ недовѣріемъ. Но убѣжденіе въ эротической ненасытности Маріи - Антуанетты такъ глубоко проникло въ души всѣхъ, благодаря клеветническимъ пасквилямъ революціоннаго времени, что даже нелѣпое обвиненіе, будто родная мать злоупотребляла въ половомъ отношеніи своимъ маленькимъ сыномъ, не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній ни у Симона, ни у Эбера. Наоборотъ, этимъ фанатичнымъ и ослѣпленнымъ санкюлотамъ, все это дѣло кажется логичнымъ и яснымъ. Эта вавилонская архи - блудница Марія - Антуанетта, эта проклятая лесбіянка, привыкла въ своемъ Трианонѣ ежедневно пользоваться услугами пары мужчинъ и пары женщинъ! Что-же можетъ быть естественнѣе того, разсуждаютъ они, что такая волчица, запертая въ Тамплѣ, гдѣ она не можетъ достать себѣ партнеровъ для утоленія своей ненасытной жажды муж-

чинъ, бросается на собственное невинное и беззащитное дитя.

Ни Эберъ, ни его достойные пріатели, ослѣпленные своей ненавистью, ни на мгновение не сомнѣваются въ томъ, что фантастическое обвиненіе, возведенное ребенкомъ на собственную мать, правильно. Теперь только необходимо запротоколировать чернымъ по бѣлому этотъ позоръ, чтобы вся Франція узнала о предѣльной развращенности этой подлой австріячки, для которой гильотина является еще слишкомъ мягкимъ наказаніемъ. Устраиваются три допроса — девятилѣтняго мальчика, пятнадцатилѣтней дѣвочки и принцессы Елизаветы.

Это до того жуткая и безстыдная сцена, что ее можно было - бы счесть вымышленной, если - бы эти позорные акты допроса, правда пожелтѣвшіе, но все-же вполне разборчивые и снабженные собственноручной подписью несовершеннолѣтнихъ дѣтей, не хранились и теперь еще въ парижскомъ національномъ архивѣ.

На первомъ допросѣ отъ 6 октября присутствуютъ мэръ Пашъ, синдикъ Шометь, Эберъ и еще нѣсколько членовъ коммуны, на протоколъ второго допроса отъ 7 октября имѣется среди подписей, между прочимъ, имя знаменитаго художника и вмѣстѣ съ тѣмъ одного изъ аморальнѣйшихъ людей революціи — Давида.

Первымъ допрашивается въ качествѣ свидѣтеля обвиненія маленькій дофинъ. Сначала его спрашиваютъ о разныхъ другихъ происшествіяхъ въ Тамплѣ, и болтливый мальчуганъ, не соображая значенія своихъ показаній, выдаетъ тайныхъ пособниковъ своей матери, въ первую очередь Тулана. Затѣмъ добиваются до основного щекотливаго вопроса и здѣсь въ протоколъ значится слѣдующее:

«Будучи неоднократно застигнутъ Симономъ и его женой въ постели при занятіи неподходящимъ, вреднымъ для здоровья дѣломъ, онъ имъ объяснилъ, что обученъ этому занятію своей матерью и теткой, которыя часто забавлялись тѣмъ, что заставляли его продѣлы-

вать эти дѣйствія въ ихъ присутствіи. Часто это происходило въ то время, какъ онѣ укладывали его спать между ними. Изъ словъ мальчика можно было понять, что однажды мать побудила его приблизиться къ ней настолько, что произошло соитіе, послѣдствіемъ коего явилась припухлость одного изъ его яичекъ, вслѣдствіе чего онъ и до сихъ поръ еще носитъ бандажъ. Его мать запретила ему рассказывать объ этомъ, но съ той поры актъ этотъ неоднократно повторялся. Кроме того, онъ обвиняетъ еще Мишони и нѣкоторыхъ другихъ въ томъ, что они особенно интимно разговаривали съ его матерью.»

Чернымъ по бѣлому, за семью и восемью подписями, зафиксирована эта педѣроятная гнусность. Подлинность акта и фактъ дачи ослѣпленнымъ ребенкомъ этого ужаснаго показанія неопровержимы. Можно было — бы развѣ сдѣлать только то указаніе, что какъ разъ то мѣсто, въ которомъ упоминается о соитіи съ этимъ мальчикомъ, находится не въ самомъ текстѣ, а приписано на поляхъ, — очевидно, у самихъ господъ инквизиторовъ возникли сомнѣнія насчетъ возможности зафиксированія этой мерзости въ официальномъ документѣ. Но неоспоримымъ является то обстоятельство, что подъ показаніемъ имѣется старательно выведенная большими неуклюжими дѣтскими буквами надпись: «Луи Шарль Капетъ». Родное дитя дѣйствительно возбудило передъ совершенно посторонними людьми это гнуснѣйшее изъ всѣхъ возможныхъ обвиненій противъ своей матери.

Но этимъ не ограничивается безуміе, — слѣдственные судьи желаютъ выполнить свою задачу возможно основательнымъ образомъ. Послѣ допроса мальчика, не достигшаго еще девятилѣтняго возраста, вызывается пятнадцатилѣтняя дѣвочка, его сестра. Шометъ спрашиваетъ ее «не дотрагивался ли ея братъ, играя съ нею, до такихъ мѣстъ ея тѣла, которыхъ не долженъ бы касаться, и не укладывали ли ея мать и тетка мальчика спать между ними». Она отвѣчаетъ: «нѣтъ».

Тогда происходитъ ужасная сцена, — очная ставка между обоими дѣтьми, девятилѣтнимъ и пятнадцати-

лѣтней, которыя въ присутствіи инквизиторовъ спорятъ другъ съ другомъ о чести ихъ матери. Маленькій дофинъ остается при своемъ утвержденіи, а пятнадцатилѣтняя дѣвочка, запуганная присутствіемъ этихъ строгихъ чужихъ людей и приведенная въ смущеніе задаваемыми ей неприличными вопросами, все прибѣгаетъ къ такимъ отвѣтамъ, что она де ничего не знаетъ, ничего этого не видѣла.

Тогда приглашается въ качествѣ третьей свидѣтельницы Елизавета, сестра короля. Съ этой энергичной двадцатидевятилѣтней дѣвушкой допрашивающимъ уже не такъ легко совладать, какъ съ запуганными, наивными дѣтьми. Какъ только ей предъявляютъ протоколъ допроса дофина, кровь бросается въ лицо оскорбленной дѣвушки, она съ презрѣніемъ отбрасываетъ отъ себя эту бумагу и говоритъ, что вся эта позорная гнусность настолько ниже ея достоинства, что она вообще отказывается отвѣчать. Тогда — новая адская сцена — ей устраиваютъ очную ставку съ мальчикомъ. Тотъ упрямо и нагло продолжаетъ утверждать, что она и его мать совращали его и побуждали дѣлать эти гадости. Елизавета не въ силахъ больше сдерживаться:

— О, чудовище! — восклицаетъ она въ справедливомъ негодованіи, когда этотъ изолгавшійся, нахальный мальчуганъ обвиняетъ ее въ такихъ безстыдныхъ дѣяніяхъ.

Но комиссары слышали все, что имъ хотѣлось услышать. По поводу этого допроса также составляется аккуратный протоколъ, и Эберъ съ триумфомъ несетъ всѣ три документа слѣдственному судѣ, въ надеждѣ, что теперь — то королева разоблачена передъ современниками и потомствомъ на вѣки заклемена и прикована къ позорному столбу. Съ патріотическимъ пафосомъ и бія себя въ грудь, онъ заявляетъ о своей готовности выступить передъ революціоннымъ трибуналомъ въ качествѣ свидѣтеля по обвиненію Маріи - Антуанетты въ кровосмѣсительномъ позорномъ преступленіи.

Это показаніе ребенка противъ его родной матери, быть можетъ потому, что оно является безпримѣрнымъ въ аналахъ исторіи, всегда относилось біографами Маріи - Антуанетты къ числу величайшихъ загадокъ. Для того, чтобы миновать эту опасную подводную скалу, страстные защитники Маріи - Антуанетты пускались въ самыя окольные объясненія, прибѣгали къ всевозможнымъ искаженіямъ. Эберъ и Симонъ, которые въ ихъ изображеніяхъ всегда рисуются подлинными воплощеніями дьявола, затѣяли дескать сообща этотъ заговоръ и насильно принудили бѣднаго, ничего не подозревающаго ребенка дать это позорное показаніе. Они якобы — первая роялистская версія — всецѣло подчинили себѣ мальчика, частью ласками и лакомствами, частью побоями. Или же вторая, съ психологической точки зрѣнія тоже мало правдоподобная версія, — первоначально опоили его водкой. Его показаніе дано въ состояніи опьяненія, а потому недѣйствительно.

Обоимъ этимъ недоказаннымъ утвержденіямъ противорѣчить прежде всего ясное, отнюдь не пристрастное описаніе этой сцены, данное свидѣтелемъ - очевидцемъ, секретаремъ Данжу, чьей рукой написанъ протоколъ: «Маленькій принцъ, ноги котораго не доставали до полу, сидѣлъ въ креслѣ и размахивалъ своими маленькими ногами назадъ и впередъ. Спрошенный объ извѣстныхъ обстоятельствахъ, онъ отвѣтилъ, что они соотвѣтствуютъ истинѣ» . . .

Все поведеніе дофина свидѣтельствуетъ скорѣе всего о вызывающей, забавляющейся наглости. Изъ текста обоихъ слѣдующихъ протоколовъ тоже съ несомнѣнностью явствуетъ, что мальчикъ отнюдь не дѣйствовалъ подъ внѣшнимъ принужденіемъ, но что онъ, наоборотъ, съ ребяческимъ упрямствомъ — въ его словахъ даже чувствуется извѣстное озлобленіе и желаніе отомстить — повторить по доброй волѣ свое возмутительное обвиненіе противъ тетки.

Какъ все это объяснить? Это не представляетъ особыхъ затрудненій для людей нашего поколѣнія, обладающихъ гораздо болѣе основательными научными и

психологическими свѣдѣніями по вопросу о лживости дѣтскихъ показаній въ половыхъ вопросахъ и привыкшихъ подходить съ гораздо большимъ пониманіемъ къ душевнымъ aberrациямъ малолѣтнихъ. Прежде всего намъ надлежитъ отказаться отъ сентиментальнаго представленія, будто дофинъ отнесся къ переходу въ руки сапожника Симона, какъ къ ужасному униженію, и особенно тосковалъ по своей матери. Дѣти необычайно быстро привыкаютъ къ новой обстановкѣ и, какъ это ни покажется на первый взглядъ ужаснымъ, мальчикъ должно быть чувствовалъ себя у грубаго, но веселаго Симона лучше, чѣмъ въ Тампльской башнѣ, въ обществѣ обѣихъ вѣчно грустящихъ и заплаканныхъ женщинъ, которыя цѣлый день его муштровали, заставляли учиться и пытались искусственно привить ему, какъ будущему королю Франціи, сознаніе достоинства и соотвѣтствующія манеры. У сапожника Симона маленькій дофинъ колызается полной свободой и его отнюдь не обременяютъ науками. Онъ можетъ играть какъ ему угодно, не заботясь о манерахъ и о своемъ внѣшнемъ видѣ. Весьма вѣроятно, что ему было несравненно веселѣе распѣвать съ солдатами карманьолу, чѣмъ повторять за набожной скучной принцессой Елизаветой молитвы.

Всѣмъ дѣтямъ инстинктивно присуще тяготѣніе къ низшимъ слоямъ, протестъ противъ навязываемыхъ имъ культуры и правилъ поведенія, они чувствуютъ себя гораздо лучше въ средѣ примитивныхъ, простодушныхъ, необразованныхъ людей, чѣмъ въ тискахъ принудительнаго образованія и воспитанія. Тамъ, гдѣ больше свободы и непринужденности, тамъ, гдѣ требуется меньше самообладанія и наблюденія за собой, можетъ сильнѣе развиваться анархическая сущность ихъ натуры. Стремленіе къ соціальному подъему начинается проявляться въ дѣтяхъ лишь съ пробужденіемъ интеллекта. До десятаго, а подчасъ и до пятнадцатаго года каждый ребенокъ изъ такъ наз. хорошей семьи, въ сущности, завидууетъ своимъ пролетарскимъ пріятелямъ, которымъ дозволено все то, что ему воспрещается его бережнымъ воспитаніемъ.

Съ присущей всѣмъ дѣтямъ способностью приспособленія своихъ чувствъ къ новой обстановкѣ, дофинъ, по видимому, — этой совершенно естественной черты сентиментальные біографы ни за что не хотятъ допустить — очень быстро оторвался отъ меланхолической материнской сферы и сжился съ болѣе непринужденной, хоть и болѣе низменной, но зато болѣе для него занятой сферой сапожника Симона. Его собственная сестра признаетъ, что онъ громко распѣвалъ революціонныя пѣсли. Другой, несомнѣнно вполне достовѣрный свидѣтель упоминаетъ про такое выраженіе дофина объ его матери и теткѣ, которое вовсе не поддается передачѣ.

По поводу особаго предрасположенія мальчика къ фантазированію имѣется уже совершенно неопровержимое свидѣтельское показаніе. Не кто иной, какъ родная мать сообщала гувернанткѣ о своемъ сынѣ, не достигшемъ тогда еще 5-лѣтняго возраста: «Онъ очень болтливъ, охотно повторяетъ чужія слова и даже, вовсе не желая лгать, прибавляетъ вещи, въ которыя его сила воображенія заставила его повѣрить. Это самый крупный его недостатокъ и въ этомъ отношеніи необходимо его исправить.»

Этой своей характеристикой Марія-Антуанетта даетъ намъ ключъ къ разрѣшенію загадки. Вполнѣ послѣдовательнымъ дополненіемъ является еще одно указаніе принцессы Елизаветы. Какъ извѣстно, почти всегда, дѣти, уличенныя на мѣстѣ преступленія, при совершеніи чего-либо воспрещеннаго, всегда стараются свалить вину на чужія плечи. Они прибѣгаютъ при этомъ инстинктивно къ тому способу защиты (они чувствуютъ, что отвѣтственность неохотно возлагается на дѣтей) что утверждаютъ, будто кто-то ихъ «совратилъ». Въ данномъ случаѣ протоколъ допроса принцессы Елизаветы совершенно разъясняетъ положеніе. Она, между прочимъ, показала — это обстоятельство по большей части весьма неблагоприятно затушевывалось — что ея племянникъ дѣйствительно уже давно предавался извѣстному дѣтскому пороку и она припоминаетъ, что и она лично и мать ребен-

ка часто дѣлали ему за это замѣчанія и сильно бранили его. Тутъ-то мы нападаемъ на вѣрный слѣдъ.

Итакъ мальчикъ уже неоднократно былъ избличаемъ матерью и теткой и, вѣроятно, болѣе или менѣе строго наказываемъ. Будучи спрошенъ Симономъ, кто его научилъ этой скверной привычкѣ, ребенокъ невольно ассоціируетъ въ воспоминаніяхъ самый поступокъ съ моментомъ перваго избличенія и неизбежно думаетъ прежде всего о тѣхъ лицахъ, которыя подвергали его карѣ за этотъ проступокъ. Совершенно безсознательно хочетъ онъ отомстить за напесенное наказаніе и, не подозревая даже о тѣхъ выводахъ, которые могутъ быть сдѣланы изъ его показанія, выдаетъ наказавшихъ его за подстрекателей или же безъ всякаго колебанія, т. е. съ видимостью абсолютной искренности, отвѣчаетъ утвердительно на заданный ему наводящій вопросъ.

Все дальнѣйшее совершенно ясно. Однажды запутавшись во лжи, ребенокъ не можетъ больше повернуть вспять, если же, какъ это имѣло мѣсто въ данномъ случаѣ, онъ къ тому же еще чувствуетъ, что его заявленіямъ охотно и даже радостно довѣряютъ, онъ обрѣтаетъ полную увѣренность и продолжаетъ съ веселой готовностью давать утвердительные отвѣты на задаваемые ему комиссарами вопросы. Съ того момента, какъ онъ замѣчаетъ, что придуманная имъ версія избавляетъ его отъ наказанія, онъ изъ инстинкта самосохраненія продолжаетъ упорно держаться ея.

Даже болѣе опытнымъ психологамъ, чѣмъ этимъ сапожникамъ, отставнымъ актерамъ, малярамъ и писцамъ было бы трудно не поддасться на удочку при наличности столь опредѣленныхъ и ясныхъ показаній. Въ данномъ же случаѣ допрашивавшіе находились къ тому же еще подъ вліяніемъ массоваго гипноза. — Для нихъ это ужасное обвиненіе ребенка вполне совпадало съ inferнальнымъ характеромъ матери, которую распространенныя по всей Франціи порнографическія брошюры изображали какимъ-то исчадіемъ ада. Нѣтъ такого самаго абсурднаго преступленія, приписываемаго Маріи-Антуанеттѣ, которому эти зараженные массовымъ внуше-

ніемъ не повѣрили бы. Вотъ почему они не долго изумлялись, не занимались всестороннимъ обсужденіемъ, а просто и съ той же беззаботностью, съ которой это сдѣлалъ девятилѣтній ребенокъ, поставили свои подписи подъ одной изъ величайшихъ гнусностей, которыя когда-либо были измышлены противъ матери.

Та непроницаемая стѣна, которая отдѣляла Марію-Антуанетту во время ея пребыванія въ Консьержери отъ міра, по счастью уберегла ее отъ возможности заранѣе узнать объ этомъ чудовищномъ обвиненіи, возведенномъ на нее ея ребенкомъ. Лишь въ предпоследній день своей жизни узнаетъ она изъ обвинительнаго акта объ этомъ новомъ предѣльномъ униженіи. Десятилѣтіями выслушивала она разнообразнѣйшія нападкі на ея честь, гнуснѣйшія клеветы, не возражая противъ нихъ ни звука. Но это — видѣть себя оклеветанной и такъ чудовищно оклеветанной собственнымъ ребенкомъ — эта невообразимая мука должна была потрясти ее до глубины души. Эта мучительная мысль неотступно преслѣдовала ее до самаго порога смерти. Еще за 3 часа до гильотины она, невозмутимо владѣвшая собой, пишетъ принцессѣ Елизаветѣ: «Я понимаю, какъ много мукъ причинилъ тебѣ этотъ ребенокъ, но прости его, милая сестра, вспомни, что онъ еще такъ юнъ и подумай о томъ, какъ легко вложить въ уста ребенка то, что хотѣлъ бы изъ нихъ услышать, даже такія вещи, которыя самъ ребенокъ еще вовсе не понимаетъ. Я надѣюсь, что настанетъ день, когда онъ сумѣетъ лучше понять и оцѣнить значеніе твоей любви и нѣжности.»

Эберу не удалось осуществить своего намѣренія обезчестить Марію-Антуанетту передъ всѣмъ міромъ этимъ торжественно провозглашеннымъ обвиненіемъ. Наоборотъ, во время судебного процесса тотъ топоръ, которымъ онъ размахнулся, выскальзываетъ изъ его руки и ударяетъ его самого по затылку. Но одно ему удалось: смертельно ранить ея душу, отравить обреченной на смерть женщинѣ ея послѣдніе часы.

Процессъ начинается

Теперь въ сковородѣ достаточно масла, теперь публичный обвинитель можетъ хорошо зажарить жаркое. Двѣнадцатаго октября Марія-Антуанетта приглашается для перваго допроса въ большой залъ совѣщаній. Противъ нея возсѣдаютъ Фуке-Тенвиль, его помощникъ Германъ и нѣсколько писцовъ. Но подлѣ нея нѣтъ никого. Ни защитника, ни помощника, только стерегущій ее жандармъ. Но за долгія недѣли одиночества Марія-Антуанета собралась съ силами. Опасность научила ее концентрировать свои мысли, хорошо говорить и еще лучше молчать. Каждый ея отвѣтъ удивительно мѣтокъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ остороженъ и уменъ. Спокойствіе не оставляетъ ее ни на минуту: даже самые нелѣпыя или коварныя вопросы не заставляютъ ее потерять самообладаніе. Теперь, въ это послѣднее, самое послѣднее мгновеніе, Марія-Антуанетта постигла ту отвѣтственность, которую возлагаетъ на нее ея званіе.

Она знаетъ, что здѣсь, въ этой полутемной залѣ суда она должна стать той королевой, которой она не въ достаточной мѣрѣ являлась въ пышныхъ залахъ Версальскаго дворца. Она отвѣчаетъ не этому маленькому адвокату, подъ вліяніемъ голода бѣжавшему въ революцію и воображающему, что онъ играетъ роль обвинителя, или этимъ переодѣтымъ судьямъ, вахмистрамъ и писцамъ, — она держитъ отвѣтъ передъ исторіей.

«Когда же ты, наконецъ, сдѣлаешься тѣмъ, кто ты есть въ дѣйствительности?» — писала ей въ отчаяніи ея мать Марія-Терезія двадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ смерти Марія-Антуанетта начинаетъ собственными силами подыматься на ту высоту, на которую она до сихъ поръ была лишь внѣшне вознесена.

На формальный вопросъ о личности она отвѣчаетъ громко и отчетливо:

— Марія-Антуанетта Австрійская и Лотарингская, тридцати восьми лѣтъ отъ роду, вдова короля Франціи.

Тщательно заботясь о сохраненіи всей видимости нормальнаго судебного процесса и желая соблюсти всѣ внѣшнія формальности, Фукье-Тенвиль, придерживаясь въ точности предписаній, регламентирующихъ допросъ обвиняемаго, спрашиваетъ, словно бы ему это было неизвѣстно, гдѣ она жила въ моментъ ареста. Безъ всякой ироніи поучаетъ Марія-Антуанетта ея обвинителя, что она никогда не была подвергнута аресту, а что за ней пришли въ Національное Собраніе съ цѣлью отвести ее въ Тамплъ.

Затѣмъ начинаются подлинныя вопросы и обвиненія въ стилѣ бумажнаго пафоса той эпохи. Она - де до революціи поддерживала политическія сношенія съ «королемъ Богеміи и Венгріи», «ужаснѣйшимъ образомъ» расточала «по соглашенію съ безсовѣстными министрами» Франціи «плоды народнаго пота» на свои удовольствія и интриги, переводила императору милліоны «чтобы онъ использовалъ ихъ въ вредъ тому народу, который ее кормилъ». Она-де съ начала революціи конспирировала противъ Франціи, вела переговоры съ агентами иностранныхъ державъ, побуждая своего супруга пользоваться предоставленнымъ ему правомъ вето. Марія-Антуанетта энергично и чисто дѣловымъ образомъ опровергаетъ всѣ эти обвиненія. Только послѣ одного особенно удачно сформулированнаго Германомъ обвиненія діалогъ становится оживленнымъ.

— Это вы обучили Капета тому искусству глубокаго притворства, при помощи котораго онъ столь продолжительное время вводилъ въ заблужденіе добрыхъ французскихъ гражданъ, тотъ славный народъ, который даже не подозрѣвалъ, до какой степени низости и коварства можно дойти.

На эту пустую тираду Марія-Антуанетта спокойно отвѣчаетъ:

— Да, народъ былъ введенъ въ заблужденіе и жесточайшимъ образомъ. но не моимъ супругомъ и не мной.

— Кѣмъ же былъ введенъ въ заблужденіе народъ?

— Тѣми, для кого это представляло интересъ. Мы не имѣли ни малѣйшаго интереса обманывать народъ.

Германъ хватается за этотъ двусмысленный отвѣтъ. Онъ надѣется, что теперь ему удастся побудить королеву сказать что-нибудь такое, что могло бы быть истолковано, какъ выраженіе враждебнаго отношенія къ республикѣ.

— Кто же, по вашему мнѣнію, тѣ лица, которымъ интересно было обманывать народъ.

Но Марія-Антуанетта искусно уклоняется отъ отвѣта. Она этого не знаетъ. Въ ея личныхъ интересахъ было просвѣщать, а не обманывать народъ. Германъ чувствуетъ иронию этого отвѣта и дѣлаетъ ей замѣчаніе:

— Вы не дали яснаго отвѣта на мой вопросъ.

Но королева не даетъ сбить себя съ занятой ею защитной позиціи:

— Я отвѣтила бы безъ всякихъ увиливаній, если бы знала имена этихъ лицъ.

Послѣ этой первой стычки допросъ снова принимаетъ сухой дѣловой характеръ. Ее спрашиваютъ о деталяхъ бѣгства въ Вареннъ. Она отвѣчаетъ осторожно, причемъ старается выгородить всѣхъ своихъ друзей, которыхъ обвинитель хочетъ пристегнуть къ процессу. Лишь при послѣдующемъ глупомъ обвиненіи Германа она снова энергично его осаживаетъ.

— Вы никогда ни одной минуты не прекращали вашихъ попытокъ уничтожить Францію. Вы хотѣли какой-бы то ни было цѣной продолжать править и черезъ трупы патріотовъ взойти снова на престоль.

На эту нелѣпую галиматью королева отвѣчаетъ гордо и рѣзко (ахъ, почему поручили такому дураку вести допросъ!), что ни мужу ея, ни ей не было необходимости взойти на престоль, такъ какъ они вѣдь на немъ уже находились. и они не могли желать ничего другого, кромѣ блага Франціи.

Тутъ Германъ становится агрессивнѣе. По мѣрѣ того, какъ онъ чувствуетъ, что ему не удастся сбить Марію-Антуанетту съ ея осторожной и прочной позиціи и из-

влечь изъ нея «матеріаль» для публичнаго процесса, онъ все ожесточеннѣе громоздитъ другъ на друга обвиненія: она опоила фландрскіе полки, вела корреспонденцію съ иностранными дворами, вызвала войну, повлияла на Пильницкій договоръ. Марія-Антуанетта внести соответствующія истинныя поправки: войну объявилъ конвентъ, а не ея супругъ, во время банкета въ честь фландрскихъ полковъ она прошла два раза по залѣ.

Самые опасные вопросы, такіе, гдѣ королевѣ придется либо отречься отъ собственныхъ чувствъ и убѣжденій, либо обнаружить свое враждебное отношеніе къ республикѣ Германъ приберегаеть къ концу.

— Какъ вы относитесь къ военнымъ судьбамъ республики и желаете-ли вы успѣха ея оружію.

— Я желаю, прежде всего и больше всего, счастья Франціи.

— Думаете ли вы, что короли необходимы для блага народа?

— Отдѣльная личность не можетъ рѣшить подобные вопросы.

— Вы, безъ сомнѣнія, сожалѣете, что вашъ сынъ потерялъ тронъ, на который онъ могъ бы взойти, еслибы народъ, наконецъ, пресвѣщенный насчетъ его правъ, не разрушилъ этого трона.

— Я никогда не стану сожалѣть ни о чемъ, касающемся моего сына, поскольку это можетъ послужить на пользу его народу.

Слѣдственному судѣ, какъ видите, не везеть. Марія-Антуанетта не могла бы дать болѣе находчиваго и болѣе іезуитскаго отвѣта. Говоря, что она не жалѣеть ни о чемъ, касающемся сына, «поскольку отъ этого получится польза для его народа», она однимъ словомъ «его» открыто отвергла компетенцію республики, сказала въ лицо слѣдственному судѣ этой республики, что она все еще считаетъ Францію законной собственностью ея сына. она даже въ моментъ опасности не отреклась отъ самаго для нея святого — правъ ея сына на корону.

Послѣ этой заключительной стычки допросъ скоро подходитъ къ концу. Ее спрашиваютъ, кого она изби-

раетъ себѣ въ защитники для предстоящаго открытаго судебного засѣданія. Марія-Антуанетта заявляетъ, что не знаетъ ни одного адвоката и не возражаетъ противъ назначенія ей одного или двухъ незнакомыхъ ей казенныхъ защитниковъ. Она понимаетъ, что въ основѣ совершенно безразлично, будутъ ли это друзья или чужіе, такъ какъ во всей Франціи теперь все равно не найти ни одного человѣка, у котораго хватило бы мужества защищать королеву по настоящему. Всякій, кто произнесъ бы хоть одно искреннее или открытое слово въ ея пользу, немедленно былъ бы перемѣщенъ со скамьи защиты на скамью подсудимыхъ.

Теперь, послѣ того, какъ внѣшняя видимость предварительнаго слѣдствія соблюдена, формалистъ Фукье-Тенвиль можетъ приступить къ дальнѣйшей работѣ и составить обвинительный актъ. Перо его легко и быстро скользитъ по бумагѣ: тотъ, кому приходится ежедневно изготовлять обвинительные акты дюжинами, набилъ себѣ руку на этомъ занятіи. Этотъ документъ, отнюдь не могущій считаться образцомъ ораторскаго искусства, передается 13-го октября защитнику Шаво-Лагарду, который немедленно отправляется съ нимъ въ тюрьму къ Маріи-Антуанеттѣ.

Обвиняемая и защитникъ совмѣстно начинаютъ изучать обвинительный актъ. Адвокатъ изумленъ и потрясенъ исполненнымъ ненависти тономъ произведенія Фукье-Тенвиля. Марія-Антуанетта, которая послѣ учиненнаго ей допроса ни на что лучшее и не рассчитывала, остается совершенно спокойной. Но добросовѣстный юристъ просто приходитъ въ отчаяніе, ему абсолютно не представляется возможнымъ разобраться за одну ночь въ этомъ ворохѣ обвиненій и документовъ, и онъ лишь въ томъ случаѣ сможетъ поставить защиту надлежащимъ образомъ, если ему дадутъ время разобраться во всемъ этомъ бумажномъ хаосѣ.

Онъ требуетъ, чтобы королева возбудила ходатайство о трехдневной отсрочкѣ, тогда онъ сможетъ основательно подготовить свою защитительную рѣчь на основаніи над-

лежащаго изученія и провѣрки всего слѣдственнаго матеріала.

— Къ кому я должна для этой цѣли обратиться? — спрашиваетъ Марія-Антуанетта.

— Къ конвенту.

— Нѣтъ, нѣтъ . . . никогда.

— Но, — настаиваетъ Шаво-Лагардъ, — вамъ не слѣдовало бы изъ-за неумѣстнаго въ данномъ случаѣ чувства гордости лишать себя выгоды. Вы обязаны охранять вашу жизнь не только для себя лично, но и ради вашихъ дѣтей.

Разъ апеллируютъ къ ея материнскимъ чувствамъ, королева сдается. Она пишетъ предсѣдателю конвента: «Гражданинъ-президентъ, граждане Шаво и Тронсонъ, которыхъ трибуналъ назначилъ моими защитниками, обращаютъ мое вниманіе на то, что эта обязанность возложена на нихъ только сегодня. Завтра меня должны судить и имъ невозможно за такой короткій срокъ изучить акты судебного производства или хотя бы только прочесть ихъ. Я обязана передъ моими дѣтьми не упускать ни одного средства для полнаго оправданія ихъ матери. Мои защитники просятъ о трехдневной отсрочкѣ. Я надѣюсь, что конвентъ ее предоставитъ.»

Въ этомъ документѣ насъ снова поражаетъ происшедшая въ Маріи-Антуанеттѣ духовная перемѣна. Она, всю жизнь не любившая писать и бывшая плохимъ дипломатомъ, начинаетъ теперь писать по королевски и соответственно мыслить. Даже въ моментъ предѣльной опасности для ея жизни, она не оказываетъ конвенту, къ которому ей приходится обратиться, какъ къ высшей судебной инстанціи, чести просить его. Она не ходатайствуетъ отъ своего собственнаго имени, — нѣтъ, лучше погибнуть! — а только передаетъ ходатайство третьихъ лицъ. «Мои защитники просятъ о трехдневной отсрочкѣ,» — сказано въ этомъ ея прошеніи и далѣе: «Я надѣюсь, что конвентъ ее предоставитъ.» Не сказано: «я прошу объ этомъ».

Конвентъ ничего не отвѣчаетъ. Казнь королевы давно рѣшенное дѣло, къ чему же еще растягивать судеб-

ную процедуру? Каждая заминка была бы только излишней жестокостью. На слѣдующій день въ восемь часовъ утра начинается судебный процессъ и всѣмъ напередъ извѣстно, чѣмъ онъ кончится.

Судебное засѣданіе

Семьдесятъ дней, проведенныхъ Маріей-Антуанеттой въ Консьержери, превратили ее въ старую и больную женщину. Ея красные, воспаленные отъ слезъ глаза болятъ отъ яркаго дневнаго свѣта, отъ котораго она совсѣмъ уже отвыкла, ея губы совершенно блѣдны вслѣдствіе тяжелыхъ безпрестанныхъ кровотеченій, которымъ она подвержена послѣднія недѣли. Ей приходится теперь часто бороться съ припадками одолюющей ее усталости, врачъ принужденъ неоднократно прописывать средства для укрѣпленія сердечной дѣятельности.

Но она знаетъ, что сегодня историческій день, сегодня ей нельзя быть усталой, пусть никто изъ присутствующихъ въ залѣ суда не имѣетъ основанія издѣваться надъ слабостью королевы, дочери императора. Необходимо въ послѣдній разъ напречь свои давно ослабѣвшія чувства, свое истомленное тѣло, затѣмъ оно сможетъ вѣдъ вѣчно отдыхать. Въ этомъ мірѣ Маріи - Антуанетты предстоитъ выполнить еще только двѣ вещи: съ достоинствомъ защищаться и съ достоинствомъ умереть.

Исполненная внутренней рѣшимости, Марія-Антуанетта хочетъ соблюсти передъ судомъ и внѣшнее достоинство. Пусть весь народъ почувствуетъ, что женщина, которая предстанетъ сегодня передъ судомъ, принцесса изъ Габсбургскаго дома и, вопреки всѣмъ декретамъ объ ея низложеніи, — королева. Заботливѣе обычнаго расчесываетъ она свои посѣдѣвшіе волосы. Она надѣваетъ сборчатый, свѣженакрахмаленный бѣлый чепецъ, по обѣ стороны котораго спускается траурная вуаль. Марія-Антуанетта желаетъ предстать предъ революціоннымъ

трибуналомъ, какъ вдова Людовика XVI, послѣдняго короля Франціи.

Въ восемь часовъ собираются въ большомъ залѣ судьи и присяжные, предсѣдатель Германъ и публичный обвинитель Фукье-Тенвиль. Присяжные люди всѣхъ сословій — бывшій маркизь, хирургъ, торговецъ лимонадомъ, музыкантъ, типографъ, парикмахеръ, бывшій священникъ и столяръ. Для наблюденія за процессомъ подлѣ публичнаго обвинителя усаживается нѣсколько членовъ комитета общественной безопасности. Залъ биткомъ набитъ. Вѣдь не часто удается видѣть на скамьѣ подсудимыхъ королеву.

Марія-Антуанетта входитъ величественной поступью и спокойно занимаетъ свое мѣсто. Ей не ставятъ, какъ Людовику XVI, особаго кресла, для нея приготовленъ обыкновенный деревянный стулъ. Судьями являются не какъ въ торжественномъ процессѣ Людовика XVI избранные представители Національнаго Собранія, а повседневный составъ суда, исполняющій свои обязанности, какъ скучное ремесло. Зрители тщательно ищутъ на блѣдномъ, но спокойномъ лицѣ Маріи-Антуанетты признаковъ волненія или страха. Въ рѣшительной и гордой позѣ дожидается она открытія судебного засѣданія. Спокойно глядитъ она на судей и публику и собирается съ силами.

Поднимается Фукье-Тенвиль и оглашаетъ обвинительный актъ. Королева едва слушаетъ, она уже знаетъ все это, вчера она обсуждала со своимъ адвокатомъ всѣ доводы обвиненія. Ни разу, даже при самыхъ рѣзкихъ мѣстахъ обвинительнаго акта, она не поднимаетъ головы, пальцами она играетъ на ручкѣ стула, какъ на «клавесинѣ».

Затѣмъ начинается шествіе сорока одного свидѣтеля, которые должны показывать, согласно принесенной ими присягѣ, «безъ ненависти и безъ страха правду, всю правду и одну лишь правду.» Такъ какъ процессъ подготавливался на-спѣхъ, — Фукье-Тенвиль очень занятъ въ эти дни, на очереди процессъ жирондистовъ, г-жи Роланъ и сотни другихъ, — самыя разнообразныя обвиненія, не

имѣющія между собой ни логической, ни временной связи, сваливаются вперемѣшку въ одну кучу. Свидѣтели говорятъ то о версальскихъ событіяхъ 6 октября 1789 года, то о парижскихъ событіяхъ 10 августа 1792 года, о преступленіяхъ, якобы совершенныхъ до и во время революціи.

Большинство показаній лишено всякаго значенія, а нѣкоторыя прямо смѣшны. Ни одной бумажки, писанной рукой Маріи-Антуанетты. Запечатанный пакетъ, въ которомъ хранятся арестованныя у нея въ Тамплѣ вещи, не содержитъ ничего, говорящаго противъ нея: локоны — волосы ея мужа и дѣтей, миниатюрные портреты принцессы де Ламбаль и подруги дѣтства королевы ландграфини Гессенъ-Дармштадтской, имена, вписанныя въ записную книжку, — это имена врача и прачки.

Ничто не можетъ послужить уликой противъ нея. Публичный обвинитель вынужденъ былъ все время возвращаться къ общимъ мѣстамъ обвиненія, но королева, на этотъ разъ уже подготовленная, отвѣчаетъ еще рѣзче и увѣреннѣе, чѣмъ на первомъ допросѣ. Происходятъ діалоги вродѣ слѣдующаго.

— Откуда вы взяли деньги для постройки и обмеллированія малаго Трианонскаго дворца, гдѣ вы задавали ваши пиры, на которыхъ вы неизмѣнно разыгрывали роль богини?

— Для этихъ расходовъ предназначался особый фондъ.

— Этотъ фондъ долженъ былъ быть чрезвычайно великъ, такъ какъ маленькій Трианонъ поглотилъ колоссальныя суммы.

— Весьма возможно, что маленькій Трианонъ поглотилъ колоссальныя суммы и, вѣроятно, гораздо большія, чѣмъ я бы того желала. Мало-по-малу втягивались во все большіе расходы. Впрочемъ, мнѣ самой хотѣлось бы больше, чѣмъ кому бы то ни было другому, чтобы этотъ вопросъ былъ всесторонне выясненъ.

— Не въ Трианонѣ ли вы встрѣтились въ первый разъ съ г-жой де ла Моттъ?

— Я ее никогда не видѣла.

— Не была ли она вашей жертвой въ дѣлѣ съ пресловутымъ ожерельемъ?

— Она не могла быть ею, такъ какъ я ее вовсе не знала.

— Значитъ, вы продолжаете заператься и утверждать, что никогда не знали ее?

— Запирательство не входитъ въ мою систему защиты. Я сказала правду и буду продолжать говорить ее.

Если бы вообще могла быть рѣчь о надеждѣ, то Марія-Антуанетта могла бы ей предаваться, такъ какъ большинство свидѣтелей не дало рѣшительно никакого матеріала для обвиненія. Ни одинъ изъ тѣхъ, кого она опасалась, не далъ, въ сущности, никакихъ серьезныхъ уликъ противъ нея. Ея замозащита становится все увѣреннѣе. Когда публичный обвинитель утверждаетъ, что она имѣла на своего мужа такое вліяніе, что могла добиться абсолютно всего, чего бы ни пожелала, она возражаетъ:

— Одно дѣло, если человѣку даешь совѣты, и другое дѣло, если понуждаешь его что-нибудь сдѣлать.

Когда во время хода процесса председательствующій обращаетъ ея вниманіе на то, что ея показанія противорѣчатъ показаніямъ ея сына, она замѣчаетъ съ презрѣніемъ:

— Восемилѣтняго ребенка не трудно заставить показывать то, что хотѣлось бы отъ него услышать.

Германъ не имѣетъ ни разу возможности съ триумфомъ изобличить ее во лжи или какомъ-нибудь противорѣчьи, ни разу на протяженіи всѣхъ этихъ долгихъ часовъ изъ рядовъ напряженно слушающей гублики не раздается ни одного злобнаго восклицанія, взрыва ненависти или негодованія, взрыва патріотическихъ рукоплесканій. Процессъ тянется медленно, блѣдно, пусто, съ провалами. Пора-бы появиться какому-нибудь рѣшительному, уничтожающему показанію, чтобы сообщить обвиненію больше блеска, подъема. Эту сенсацію надѣется вызвать Эберъ своимъ ужаснымъ обвиненіемъ въ кровосмѣсительствѣ.

Эберъ выходитъ впередъ для дачи показанія. Рѣшительно, убѣжденно, громкимъ голосомъ повторяетъ онъ свое чудовищное обвиненіе. Но вскорѣ онъ замѣчаетъ, что невѣроятность этого обвиненія производитъ впечатлѣніе неправдоподобія, что никто въ залѣ не обнаруживаетъ своими возгласами возмущенія противъ этой гнусной матери, противъ этой безчеловѣчной женщины. Всѣ сидятъ молча, всѣ поблѣднѣли, смущены. Тогда этотъ жалкій фигляръ считаетъ необходимымъ преподнести еще особеннс рафинированное политически - психологическое толкованіе.

— Можно предположить. — объясняетъ этотъ болванъ, — что въ основѣ преступнаго наслажденія лежала не столько погоня за удовольствіемъ, сколько политическій умыселъ физически и нервно ослабить этого ребенка. Вдова Капетъ надѣялась, что ея сынъ все же взойдетъ еще когда-нибудь на французскій престолъ, и тогда ей удалось бы, путемъ этихъ махинацій, обезпечить себѣ безграничное вліяніе на его поступки.

Но какъ это ни удивительно, даже послѣ выслушанія этого всемірно-историческаго идиотства, публика остается поразительно спокойна. Марія-Антуанетта не отвѣчаетъ ни слова и презрительно смотритъ мимо Эбера. Она сидитъ съ невозмутимымъ видомъ, равнодушно и безразлично, словно этотъ злобный дуракъ говорилъ по китайски. Предсѣдатель Германъ тоже дѣлаетъ видъ, что не слышалъ всего эберовскаго обвиненія. Онъ умышленно забываетъ даже спросить оклеветанную мать, что она имѣетъ возразить по поводу даннаго показанія. — Онъ замѣтилъ, какое тягостное впечатлѣніе произвело все это обвиненіе въ кровосмѣсительствѣ на публику, особенно же на женщинъ и поэтому торопливо пренебрегаетъ имъ. Но тутъ одному изъ присяжныхъ, къ несчастью, приходится въ голову напомнить предсѣдательствующему:

— Гражданинъ-президентъ, я обращаю ваше вниманіе на то, что обвиняемая еще не высказалась по поводу тѣхъ дѣйствій, которыя, согласно показанію гражданина Эбера, имѣли мѣсто между нею и ея сыномъ.

Теперь предсѣдатель не можетъ дольше увилывать. Вопреки собственному желанію, онъ принужденъ задать обвиняемой вопросъ. Марія-Антуанетта гордо, однимъ порывомъ, поднимаетъ голову, (даже сухой отчетъ о процессѣ въ официальномъ «Монитерѣ» отмѣчаетъ: «обвиняемая, очевидно, очень взволнована») — и отвѣчаетъ громко и съ невыразимымъ презрѣніемъ:

— Если я не возражала, то потому, что сама природа протестуетъ противъ возможности отвѣчать на подобное обвиненіе, возводимое на мать. Я апеллирую ко всѣмъ находящимся здѣсь матерямъ.

Какой-то подземный гулъ, какое-то движеніе пробѣгаетъ по всему залу. Женщины изъ народа, работницы, торговки, вязальщицы, поденщицы затаили дыханіе. Онѣ ощущаютъ свою таинственную связь съ обвиняемой, онѣ чувствуютъ, что тутъ нанесено оскорбленіе не только этой женщинѣ, но всему ихъ полу. Предсѣдатель молчитъ, любопытный присяжный смотритъ въ землю. Выраженіе скорбнаго негодованія въ голосѣ оклеветанной женщины производитъ на всѣхъ неотразимое впечатлѣніе.

Не произнося больше ни слова, отправляется Эберъ на свое мѣсто, не слишкомъ гордый своимъ успѣхомъ. Всѣ, а быть можетъ и онъ самъ, чувствуютъ, что его показаніе помогло королевѣ въ этотъ тяжкій для нея часъ одержать моральную побѣду. То, что должно было ее унижить, способствовало ея возвышенію.

Робеспьеръ, который въ тотъ же вечеръ узнаетъ объ этомъ эпизодѣ, не можетъ скрыть своего возмущенія Эберомъ. Онъ, этотъ единственный политическій умъ среди толпы шумныхъ демагоговъ, сейчасъ же соображаетъ, какъ безмѣрно глупо было публично выступать съ этимъ нелѣпымъ, навѣяннымъ страхомъ или сознаніемъ собственной вины обвиненіемъ ребенка, не достигшаго еще девятилѣтняго возраста.

— Этотъ болванъ Эберъ. — говоритъ онъ съ озлобленіемъ одному изъ своихъ пріятелей, — долженъ былъ еще доставить ей триумфъ!

Робеспьеръ давно уже усталъ отъ этого дикаго парня, который своей пошлой демагогійю, своими анархистскими замашками позорить священное для него дѣло революціи. Въ этотъ день онъ приходитъ внутренне къ рѣшенію вытравить это грязное пятно.

Марія-Антуанетта ощущаетъ свой триумфъ. Но она вмѣстѣ съ тѣмъ услышала, какъ кто-то изъ публики про-бормоталъ:

— Видишь, какая она гордая!

Поэтому она обращается къ своему защитнику и спрашиваетъ его:

— Не внесла ли я слишкомъ много достоинства въ мой отвѣтъ?

Тотъ успокаиваетъ ее:

— Мадамъ, оставайтесь такой, какая вы есть, и вы будете на высотѣ.

Еще второй день борьбы предстоить Маріи-Антуанеттѣ. Процессъ тянется тяжело, утомительно для участниковъ и публики. Хотя она чрезвычайно истощена кровотеченіями и во время перерыва не ѣстъ ничего, кромѣ чашки бульона, ея поведеніе и ея духъ остаются энергичными и прямыми. Пятнадцать часовъ борозась она въ первый день процесса. прошло уже двѣнадцать часовъ второго дня, когда предсѣдатель, наконецъ, объявляетъ судебное слѣдствіе законченнымъ и обращается къ ней съ вопросомъ, не желаетъ ли она прибавить еще что-нибудь въ свое оправданіе. Съ сознаниемъ собственного достоинства и полнымъ самообладаніемъ Марія-Антуанетта отвѣчаетъ:

— Вчера я еще не знала свидѣтелей, не знала, что они будутъ показывать противъ меня. Теперь я вижу, что ни одинъ изъ нихъ не привелъ ни одного положительнаго факта въ мое обвиненіе. Я не имѣю добавить ничего, кромѣ того, что я была только женой Людовика XVI и поэтому должна была подчиняться всѣмъ его распоряженіямъ.

Тутъ встаетъ Фуке-Тенвиль и, резюмируя все прошедшее передъ судомъ, обосновываетъ обвиненіе. Оба казенныхъ защитника довольно блѣдно возражаютъ ему.

Они, должно быть, вспоминаютъ, что защитникъ Людовика XVI, ставшій слишкомъ энергично на его сторону, попалъ за это на эшафотъ. Поэтому они предпочитаютъ взывать къ народному милосердію, нежели доказывать невинность королевы. Прежде чѣмъ предсѣдатель Германъ формулируетъ вопросы, которые будутъ поставлены на разрѣшеніе присяжныхъ, Марію-Антуанетту удаляютъ изъ зала, и судьи и присяжные остаются съ глазу на глазъ. Теперь предсѣдатель Германъ, оставляя въ сторонѣ всякія пышныя фразы, становится сухъ и дѣловитъ. Онъ отбрасываетъ десятки неопредѣленныхъ обвиненій и формулируетъ вопросы коротко и сжато. Французскій народъ обвиняетъ Марію-Антуанетту, ибо всѣ политическія событія, происшедшія на протяжении послѣднихъ пяти лѣтъ, ясно свидѣтельствуютъ противъ нея. Въ виду этого онъ ставитъ на разрѣшеніе присяжныхъ слѣдующіе четыре вопроса:

Первый: доказано-ли, что между иностранными державами и врагами республики происходятъ какія-то махинаціи и соглашенія, имѣющія своей цѣлью оказаніе послѣднимъ денежной поддержки, облегченіе имъ занятія французской территоріи и споспѣшествованіе побѣдъ ихъ оружія?

Второй: изобличена-ли Марія-Антуанетта Австрійская, вдова Людовика Капета, въ томъ, что принимала участіе въ этихъ махинаціяхъ и вступала въ подобныя соглашенія?

Третій: доказано-ли существованіе тайнаго заговора, имѣющаго цѣлью вызвать гражданскую войну внутри страны?

Четвертый: изобличена-ли Марія-Антуанетта Австрійская, вдова Людовика Капета, въ томъ, что она принимала участіе въ заговорѣ?

Молча поднимаются присяжные и удаляются въ совѣдную комнату. Проходитъ полночь. Свѣчи безпокойно мигаютъ въ нагрѣтомъ людскими испареніями залѣ, и сердца вздрагиваютъ вмѣстѣ съ ними отъ напряжения и любопытства.

Въ четыре часа утра присяжные возвращаются въ залъ. Въ мертвой тишинѣ ждуть оглашенія ихъ вердикта. Они единогласно признаютъ Марію-Антуанетту виновной въ совершеніи приписываемыхъ ей дѣяній. Предсѣдатель предупреждаетъ присутствующихъ, — ихъ теперь немного, многіе, утомленные долгимъ процессомъ, разошлись по домамъ, — чтобы они воздержались отъ проявленія всякихъ знаковъ одобренія. Затѣмъ вводится Марія-Антуанетта. Она одна только, непрерывно борющаяся вотъ уже второй день съ восьми часовъ утра за свою судьбу, не имѣетъ права быть усталой. Оглашаютъ вердиктъ присяжныхъ. Фукье-Тенвиль требуетъ смертной казни; судьи единогласно выносятъ требуемый имъ приговоръ. Затѣмъ предсѣдатель обращается къ подсудимой съ вопросомъ, не имѣетъ-ли она какихъ-нибудь претензій.

Неподвижно и спокойно выслушала Марія-Антуанетта вердиктъ присяжныхъ и приговоръ судей. Она не обнаруживаетъ ни малѣйшаго признака ни страха, ни злобы, ни слабости. Ни слова не отвѣчаетъ она на обращенный къ ней вопросъ предсѣдателя, только отрицательно качаетъ головой. Не оборачиваясь, ни на кого не глядя, идетъ она среди всеобщей тишины по залу и спускается по ступенямъ; она устала отъ этой жизни, отъ этихъ людей и въ глубинѣ души довольна, что закончились всѣ эти мелкія мучительства. Теперь необходимо лишь одно — сохранить мужество до послѣдняго мгновенія.

Въ темномъ коридорѣ ей измѣняются на секунду утомленные и ослабѣвшіе глаза, нога ея не можетъ найти ступеньки, она шатается. Прежде, чѣмъ она успѣваетъ упасть, жандармскій офицеръ лейтенантъ де-Бушъ, единственный, кто во время судоговоренія осмѣлился поднести ей стаканъ воды, подаетъ ей руку, чтобы поддержать ее. За это, а также за то, что онъ держалъ шляпу въ рукѣ въ то время, какъ провожалъ обреченную на смерть, другой жандармъ немедленно на него доноситъ, и онъ вынужденъ оправдываться.

— Я сдѣлалъ это только для того, чтобы предупредить паденіе; я всякій человѣкъ, обладающій здравымъ

разсудкомъ, не увидить въ этомъ ничего предосудительнаго потому, что если бы она упала на лѣстницѣ, то сейчасъ стали-бы кричать о заговорѣ и предательствѣ.

Обоихъ защитниковъ королевы по окончаніи судебного засѣданія также задержали. Ихъ обыскиваютъ, чтобы убѣдиться, не передала ли имъ ихъ подзащитная тайно какого-нибудь письма. Приказныя душеньки судей опасаются неистребимой энергіи этой женщины и тогда, когда она стоитъ на краю могилы.

Но та обезкровленная и усталая женщина, которая составляетъ предметъ всѣхъ этихъ опасеній и тревогъ, не знаетъ ничего объ этихъ жалкихъ мѣропріятіяхъ. Со спокойнымъ и невозмутимымъ видомъ вернулась она въ свою тюрьму. Теперь жизнь ея исчисляется только часами.

На маленькомъ столикѣ ея полутемной камеры горятъ двѣ свѣчи. Осужденной на смерть оказали эту послѣднюю милость, чтобы она могла провести эту ночь, предшествующую вѣчпой, не въ темнотѣ. Теперь смотритель, соблюдавшій до сихъ поръ сугубую осторожность, не рѣшется отказать ей и еще въ одной просьбѣ: Марія-Антуанетта проситъ ей дать бумаги и чернилъ. Изъ своего послѣдняго и мрачѣйшаго одиночества она хотѣла бы обратиться еще разъ съ нѣсколькими словами къ тѣмъ, кто тревожится за нее. Стрѣлокъ принесть чернила, перо, сложенный листъ бумаги и въ то время, какъ первые лучи утренней зари заглядываютъ черезъ рѣшетку окна ея камеры, Марія-Антуанетта, собираясь съ послѣдними силами, пишетъ:

«Тебѣ, милая сестра моя, пишу я въ послѣдній разъ. Я только-что приговорена не къ позорной смерти, о которой можно говорить лишь въ примѣненіи къ преступникамъ, а къ тому, чтобы вновь обрѣсти твоего брата. Будучи невиновна, подобно ему, я надѣюсь, что буду такой же, какимъ онъ былъ въ свои послѣднія минуты. Я спокойна, какъ бываютъ спокойны люди, которымъ совѣсть не дѣлаетъ никакихъ упрековъ. Я глубоко сожалею о томъ, что мнѣ приходится покинуть моихъ

бѣдныхъ дѣтей. Ты знаешь, что я жила только для нихъ и для тебя, моя добрая, нѣжная сестра. Въ какомъ положеніи оставляю я тебя, которая изъ за дружбы пожертвовала всѣмъ, чтобы оставаться подлѣ насъ!

«Во время судоговоренія я узнала о томъ, что дочь моя разлучена съ тобой. Бѣдная дѣвочка! Я не осмѣливаюсь писать ей, она, вѣроятно, не получила-бы моего письма — вѣдь я даже не знаю, будетъ ли это письмо доставлено тебѣ. Приими мое благословеніе для нихъ обоихъ. Я надѣюсь, что позже, когда они вырастутъ, они когда-нибудь соединятся съ тобой и смогутъ полностью наслаждаться твоей нѣжной заботливостью. Пусть оба они думаютъ о томъ, чему я ихъ неизмѣнно учила: что принципы и точное выполненіе своихъ обязанностей являются важнѣйшимъ фундаментомъ жизни, что дружба и довѣріе, которыя они будутъ оказывать другъ другу, сдѣлаютъ ихъ счастливыми. Пусть дочь моя, какъ старшая, чувствуетъ, что она должна всегда помогать своему брату совѣтами, которые ей подскажутъ ея большая опытность и ея дружба.

«Пусть и сынъ мой въ свою очередь оказываетъ своей сестрѣ всю ту заботливость и тѣ услуги, которыя диктуются чувствомъ дружбы. Пусть, наконецъ, оба они чувствуютъ, что во всякомъ жизненномъ положеніи они могутъ стать воистину счастливыми, если будутъ жить душа въ душу. Пусть они возьмутъ примѣръ съ насъ! Какимъ утѣшеніемъ являлась для насъ въ нашемъ несчастіи наша дружба! Счастье же испытываешь вдвойнѣ, если можешь раздѣлить его съ другомъ. Но гдѣ же можно найти болѣе нѣжнаго и преданнаго друга, чѣмъ въ своей семьѣ? Пусть сынъ мой никогда не забываетъ послѣднихъ словъ своего отца, которыя я ему нарочно повторяю: пусть онъ никогда не помышляетъ о томъ, чтобы отомстить за нашу смерть.

«Я должна поговорить съ тобою объ одной вещи, которая причиняетъ большую боль моему сердцу. Я знаю, какую муку долженъ былъ причинить тебѣ этотъ ребенокъ; прости его, милая сестра, подумай о томъ, какъ онъ еще юнъ и какъ легко заставить ребенка сказать то,

что хотѣли бы отъ него услышать, и даже то, чего онъ самъ вовсе не понимаетъ. Я надѣюсь, что настанетъ день, когда онъ тѣмъ лучше оцѣнитъ твою любовь и нѣжность, которыя ты оказываешь имъ обоимъ.

«Я должна еще довѣрить тебѣ мое послѣднія мысли. Я должна была бы записать ихъ въ самомъ началѣ процесса, но, не говоря уже о томъ, что мнѣ не позволяли писать, процессъ прошелъ такъ быстро, что я фактически не имѣла бы для этого времени.

«Я умираю въ апостолической, римско-католической вѣрѣ, религіи моихъ предковъ, въ которой была воспитана и которую всегда исповѣдывала. Такъ какъ мнѣ не приходится разсчитывать на духовное утѣшеніе, такъ какъ я не знаю, существуетъ ли еще здѣсь вообще духовныя лица этого вѣроисповѣданія, и такъ какъ то мѣсто, въ которомъ я нахожусь, подвергло бы ихъ слишкомъ большимъ опасностямъ въ случаѣ, если бы они захотѣли навѣстить меня, я прошу Господа отъ всего сердца простить мнѣ всѣ тѣ прегрѣшенія, которыя я совершила за мою жизнь. Я надѣюсь, что Онъ въ Его несказанной добротѣ услышитъ мои послѣднія молитвы, какъ и всѣ тѣ молитвы, которыя долго уже къ нему возношу, дабы душа моя приобщилась къ Его состраданію и добротѣ.

«Я прошу у всѣхъ, особенно же у тебя, милая сестра моя, прощенія за все то зло, которое я могла бы вамъ произвольно причинить. Я прощаю всѣмъ моимъ врагамъ все то зло, которое я перенесла по ихъ винѣ. Я шлю послѣдній привѣтъ моимъ тетускамъ и всѣмъ сестрамъ и братьямъ. Я имѣла друзей. Мысль, что я навсегда разлучаюсь съ ними, и сознаніе ихъ горя принадлежитъ къ числу наибольшихъ мукъ, которыя я, умирая, уношу съ собой. Пусть они по крайней мѣрѣ знаютъ, что я до послѣдняго мгновенія думала о нихъ.

«Прощай моя добрая, нѣжная сестра! О, если бы это письмо дошло до тебя! Не забывай меня! Я обнимаю тебя отъ всего моего сердца, какъ и бѣдныхъ любимыхъ дѣтей моихъ! Господи, какъ надрываетъ мою душу необходимость навѣки разлучиться съ ними! Прощай! Про-

щай! Теперь я займусь только еще моими религиозными обязанностями. Так как я несвободна въ моихъ рѣшеніяхъ, то мнѣ, быть можетъ, пришлютъ священника. Но я симъ заявляю, что не скажу ему ни слова и буду обращаться съ нимъ, какъ съ совершенно постороннимъ человѣкомъ».

Здѣсь письмо обрывается, безъ заключительныхъ словъ, безъ подписи. Должно быть, усталость взяла верхъ надъ пишущей. На столѣ все еще продолжаютъ горѣть, мерцаая, восковыя свѣчи. Быть можетъ, ихъ пламя переживетъ живого человѣка.

Это письмо изъ мрака не достигло почти никого изъ тѣхъ лицъ, къ которымъ оно обращалось. Незадолго до прихода палача Марія-Антуанетта вручила его тюремщику Бо для передачи ея новѣсткѣ. У Бо хватило чело-вѣчности дать ей перо и бумагу, но не хватило мужества передать это завѣщаніе по назначенію безъ спеціальнаго на то дозволенія (чѣмъ больше падающихъ головъ видишь, тѣмъ больше опасаясь за свою собственную). Поэтому онъ вручилъ, согласно правиламъ, это письмо Фукье-Тенвилю, который парафировалъ его, но тоже не передалъ по назначенію. Когда два года спустя Фукье-Тенвилю пришлось, въ свою очередь, занять мѣсто въ той повозкѣ, которая по его распоряженію подавалась для столь многихъ содержавшихся въ Консьержери, письмо это оказалось исчезнувшимъ.

Никто въ мірѣ и не знаетъ ничего объ его существованіи, кромѣ одного совершенно незначительнаго человѣка по имени Куртуа. Тотъ депутатъ, не занимавшій никакого выдающагося положенія и не отличавшійся особыми способностями, получаетъ, послѣ ареста Робеспьера, отъ конвента порученіе привести въ порядокъ и опубликовать оставшіяся послѣ Робеспьера бумаги. При этомъ случаѣ Куртуа впервые понялъ, какую власть имѣетъ тотъ, кто распоряжается тайными государственными документами. Всѣ скомпрометированные депутаты униженнѣйшимъ образомъ заискиваютъ вдругъ передъ маленькимъ, незамѣтнымъ Куртуа, съ которымъ еще

недавно едва раскланивались. Они общаются ему все, что онъ хочетъ, если онъ вернетъ имъ ихъ письма къ Робеспьеру.

Бывшій торговецъ деревянной обувью наматываетъ себѣ на усъ, что можетъ извлечь большія выгоды, если припрячетъ побольше чужихъ писемъ. Онъ пользуется всеобщимъ хаосомъ, чтобы захватить всѣ акты революціоннаго трибунала и впослѣдствіи торговать ими. Только попадающее ему при этихъ обстоятельствахъ въ руки письмо Маріи-Антуанетты хитрецъ откладываетъ въ сторонку: кто его знаетъ, какое употребленіе можетъ быть сдѣлано изъ этого драгоценнаго документа, если вѣтеръ когда-нибудь подуетъ въ другую сторону. Двадцать лѣтъ бережетъ онъ свою добычу и дѣйствительно — вѣтеръ начинаетъ дуть въ другую сторону. Снова становится королемъ Франціи одинъ изъ Бурбоновъ — Людовикъ XVIII и голосовавшіе за казнь его брата Людовика XVI, начинаютъ ощущать, что у нихъ чешется шея. Чтобы снискать расположеніе монарха, Куртуа (какъ полезно прикарманивать документы!) предлагаетъ Людовику XVIII въ лицемѣрномъ посланіи подарить ему это «спасенное» имъ предсмертное письмо Маріи-Антуанетты. Этотъ трюкъ ему не помогаетъ: и онъ, подобно остальнымъ, подвергается изгнанію изъ Франціи.

Итакъ письмо нашлось. Черезъ двадцать одинъ годъ послѣ его написанія, это удивительное прощальное посланіе увидѣло свѣтъ Божій.

Но слишкомъ поздно. Почти всѣ тѣ, кому Марія-Антуанетта хотѣла послать привѣтъ въ свой смертный часъ, уже послѣдовали за ней. Принцесса Елизавета окончила свои дни на гильотинѣ, дофинъ либо дѣйствительно умеръ въ Тамплѣ, или же скитался въ то время подъ чужимъ именемъ по свѣту (правда, до настоящаго времени не вышла наружу), не зная самъ, кто онъ такой. Не доходитъ и до Ферзена полный любви привѣтъ. Онъ не названъ въ этомъ прощальномъ письмѣ, но къ кому же другому, какъ не къ нему, относятся эти взволнованныя строки: «Я имѣла друзей. Мысль о томъ, что

я навсегда разлучаюсь съ ними, сознание ихъ горя принадлежитъ къ числу наибольшихъ мукъ, которыя я, умирая, уношу съ собой». Долгъ не позволялъ Маріи-Антуанеттѣ назвать передъ свѣтомъ того, кто ей былъ всѣхъ дороже. Но она надѣялась, что эти строки когда-нибудь попадутся ему на глаза, и возлюбленный даже по этимъ сдержаннымъ словамъ пойметъ, что она до послѣдняго вздоха думала въ неизмѣнной душевной преданности о немъ.

И — таинственное взаимодействие чувствъ на разстояніи — Ферзень, словно чувствуя желаніе Маріи-Антуанетты быть въ послѣднюю минуту подлѣ него, записываетъ въ своемъ дневникѣ, въ моментъ, когда узнаетъ о смерти королевы, что самой мучительной мукой является для него сознание того, «что въ эти послѣднія мгновенія у нея не было утѣшенія имѣть подлѣ себя кого-нибудь, съ кѣмъ она могла бы поговорить».

Подобно тому, какъ она въ ея предѣльномъ одиночествѣ думала о немъ, такъ и онъ думаетъ въ ту же минуту о ней. Раздѣленные сотнями миль и стѣнами, невидимыя и недостижимыя другъ для друга, обѣ души исполнены въ одно и то же мгновение однимъ и тѣмъ же желаніемъ: гдѣ-то въ неспостижимомъ пространствѣ, по ту сторону времени сливаются ихъ взаимныя мысли другъ о другѣ, словно уста въ поцѣлуѣ.

Марія-Антуанетта отложила перо. Самое тяжелое осталось позади: она простилась со всѣми и всѣмъ. Теперь только еще вытянуться на нѣсколько мгновений и отдохнуть, чтобы собраться съ силами. Ей остается свершить въ этой жизни лишь очень немногое. Въ сущности только одно: умереть, и къ тому умереть красиво.

Послѣ двя поѣздка

Въ пять часовъ утра, въ то время, какъ Марія-Антуанетта еще пишетъ свое прощальное письмо, во всѣхъ

сорока восьми парижскихъ сѣдїяхъ начинаютъ бить въ барабаны. Въ семь часовъ утра всѣ вооруженныя силы на ногахъ, заряженныя пушки установлены на мостахъ, караульные отряды съ привинченными къ ружьямъ штыками расхаживаютъ по городу, кавалерія выстраивается шпалерами — несчетное количество солдатъ противъ одной женщины, не желающей уже ничего, кромѣ смерти. Часто власть больше боится своей жертвы, чѣмъ эта жертва боится ополчившейся противъ нея власти.

Въ семь часовъ служанка тюремнаго смотрителя тихо прокрадывается въ камеру Маріи-Антуанетты. На столѣ горятъ еще обѣ восковыя свѣчи, въ углу сидитъ сторожевая тѣнь — жандармскій офицеръ. Сначала Розалія не видитъ королевы, затѣмъ она замѣчаетъ съ испугомъ, что та лежитъ не раздѣтая, въ своемъ черномъ траурномъ платьѣ, на постели. Она не спитъ. Она только устала, истощена безпрестанными кровотечениями.

Маленькая деревенская дѣвушка, охваченная состраданіемъ, останавливается дрожа передъ осужденной на смерть, передъ своей королевой.

— Мадамъ, — робко произноситъ она, — вы не ѣли вчера вечеромъ, да и въ теченіе всего дня почти ничего въ ротъ не взяли. Что вамъ хотѣлось бы получить сегодня утромъ?

— Дитя мое, мнѣ ничего больше не нужно, для меня все кончено, — отвѣчаетъ ей королева, не поднимаясь съ постели.

Но такъ какъ дѣвушка ей настойчиво предлагаетъ супъ, который она спеціально для нея сварила, истомленная узница говоритъ:

— Ну хорошо, Розалія, принесите мнѣ бульону.

Она съѣдаетъ нѣсколько ложекъ, и потомъ молодая дѣвушка помогаетъ ей переодѣться. Маріи-Антуанеттѣ посовѣтовали, чтобы она не ѣхала къ мѣсту казни въ томъ черномъ платьѣ, въ которомъ она предстала передъ судомъ, т. е. этотъ вызывающій траурный нарядъ можетъ возмутить толпу. Маріи-Антуанетта не сопротивляется — какое значеніе имѣетъ для нея теперь на-

рядъ! — и рѣшается надѣть легкій бѣлый утренній пенюаръ.

Но тутъ ее еще ожидаетъ послѣднее униженіе. Всѣ эти дни она безпрестанно теряла много крови, всѣ ея рубашки испачканы кровью. Побуждаемая естественнымъ желаніемъ отправиться въ послѣдній разъ въ путь въ чистомъ видѣ, она желаетъ надѣть чистую рубашку и проситъ дежурнаго офицера удалиться на мгновеніе. Но этотъ человѣкъ, которому строго приказано не выпускать арестованную ни на секунду изъ глазъ, отвѣчаетъ, что онъ не имѣетъ права оставлять свой постъ. Королевѣ приходится присѣсть на корточки въ тѣсномъ пространствѣ между кровати и стѣной, и въ то время, какъ она тамъ переодеваетъ сорочку, маленькая служанка становится передъ нею, чтобы прикрыть ея наготу. Но куда дѣвать испачканную кровью рубашку? Бѣдная женщина стыдится оставить ее на глазахъ у чужого мужчины, ей хотѣлось бы также скрыть ее отъ любопытныхъ нескромныхъ взоровъ тѣхъ, которые скоро придутъ дѣлить оставшееся послѣ нея имущество. Она наскоро комкаетъ грязную сорочку въ небольшой клубокъ и втискиваетъ ее въ небольшое углубленіе позади печи.

Затѣмъ королева съ особенной заботливостью одѣвается. Уже больше года, какъ она не выходила на улицу, не видѣла надъ собой свободнаго широкаго неба. При этомъ своемъ послѣднемъ выходѣ въ свѣтъ, она хочетъ быть прилично и чисто одѣтой. Она руководствуется при этомъ не женскимъ тщеславіемъ, а сознаніемъ необходимости соблюсти достоинство въ исторической моментъ. Она тщательно приглаживаетъ свой бѣлый пенюаръ, повязываетъ шею косынкой изъ легкаго муслина, выбираетъ лучшую обувь. Посѣдѣвшіе волосы она прячетъ подъ чепцомъ съ бантами.

Въ восемь часовъ раздается стукъ въ дверь. Нѣтъ, это еще не палачъ. Это только одинъ изъ его предвѣстниковъ — священникъ, но одинъ изъ тѣхъ, что принесли республиканскую присягу. Королева вѣжливо отказывается у него причаститься, она признаетъ духовными

лицами только не принесли присяги священниковъ, и на его вопросъ, можетъ ли онъ сопровождать ее на ея послѣднемъ пути, она равнодушно отвѣчаетъ:

— Какъ вамъ будетъ угодно.

Это кажущееся безразличіе есть, въ сущности, та защитная стѣна, за которой Марія-Антуанетта готовится свою внутреннюю рѣшительность для послѣдней поѣздки. Когда въ десять часовъ входитъ палачъ Самсонъ, молодой человекъ исполинскаго роста, она позволяетъ ему спокойно связать себѣ за спиной руки и не оказываетъ ни малѣйшаго сопротивленія. Она знаетъ, что жизнь опастн уже невозможно, а только честь. Только бы теперь не обнаружить ни при комъ ни малѣйшей слабости. Только сохранить мужество и показать всѣмъ, кто это желаетъ увидѣть, какъ умираетъ дочь Маріи-Терезіи . . .

Къ одиннадцати часамъ раскрываются двери Консьержери. Снаружи стоитъ повозка, запряженная сильной тяжелой лошадыо. Людовика XVI везли къ мѣсту казни еще торжественно въ его закрытой придворной каретѣ, защищенной зеркальными стеклами отъ грубѣйшаго любопытства и мучительнѣйшей ненависти. За это время республика далеко шагнула впередъ по своему пламенному пути, она требуетъ равенства и для поѣздокъ къ эшафоту: королева не должна умирать съ большими удобствами, чѣмъ всѣ прочіе граждане, простой телѣги вполне достаточно для вдовы Капетъ. Сидѣньемъ служитъ просгая доска безъ всякой обивки или покрывала. Госпожа Роланъ, Дантонъ, Робеспьеръ, Фукье-Тенвиль, Эберъ, всѣ тѣ, которые посылаютъ Марію-Антуанетту на смерть, совершаютъ свою послѣднюю поѣздку на такой же твердой доскѣ. Осужденная только немногимъ опережаетъ своихъ судей.

Первыми выходятъ изъ темнаго коридора Консьержери офицеры, за ними цѣлая сторожевая рота съ ружьями на караулѣ, затѣмъ спокойной и увѣренной поступью идетъ Марія-Антуанетта. Палачъ Самсонъ держитъ ее за длинную веревку, которой связаны за спиной

ея руки, какъ будто можетъ возникнуть опасеніе, что его окруженная сотнями солдатъ и сторожей жертва попытается бѣжать.

Окружающіе невольно изумлены этимъ неожиданнымъ и безцѣльнымъ униженіемъ. Не слышно обычныхъ насмѣшливыхъ возгласовъ. Молча позволяетъ толпа королевѣ дойти до телѣги. Тамъ Самсонъ протягиваетъ ей руку и помогаетъ взойти. Подлѣ нея усаживается священникъ Жираръ въ штатскомъ платьѣ, а палачъ продолжаетъ стоять, вытянувшись во весь ростъ съ застывшимъ лицомъ и держа конецъ веревки въ рукѣ.

Подобно Харону, перевозящему души умершихъ, онъ ежедневно переправляетъ съ полной невозмутимостью свой грузъ на другой берегъ жизни. Но на этотъ разъ и палачъ, и его помощники держатъ во все время поѣздки свои треуголки подъ мышкой, словно извиняются передъ беззащитной женщиной, которую везутъ къ эшафоту, за свое печальное ремесло.

Медленно трясется жалкая повозка на неровной мостовой. Умышленно замедляютъ движеніе, чтобы каждый могъ насмотрѣться на необычное зрѣлище. Сидя на твердой доскѣ, королева страдаетъ отъ каждаго рѣзкаго толчка повозки о камни скверной мостовой, но она сидитъ съ неподвижнымъ блѣднымъ лицомъ, устремивъ вдаль свои воспаленные глаза и не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ ни страха, ни боли, которыми могли бы полюбоваться зрители, стоящіе вдоль всего пути тѣсными рядами. Она напрягаетъ всю свою душевную энергію, чтобы остаться до конца сильной, и тщетно пытаются самые ожесточенные ея враги подмѣтить у нея хоть на мгновеніе отчаяніе или малодушіе. Ничто не смущаетъ Марію-Антуанетту, ни то обстоятельство, что собравшіяся подлѣ церкви св. Рока рыночныя торговли привѣтствуютъ ее обычными насмѣшливыми криками, ни то, что артистъ Граммонъ, чтобы внести настроеніе въ эту мрачную сцену, ѣдетъ верхомъ въ мундирѣ на-

ціонального гвардейца впереди повозки и, размахивая саблей, восклицаетъ:

— Вотъ она, эта подлая Антуанетта. Теперь ей пришелъ конецъ, мои друзья.

Черты ея лица застыли, какъ у изваянія, она какъ будто ничего не слышитъ и ничего не видитъ.

Благодаря стянутымъ за спиной рукамъ, фигура ея выглядитъ еще прямѣе, она смотритъ прямо передъ содой и всѣ эти пестрыя, дикія уличныя картины не проникаютъ въ ея изнутри затуманенные смертью глаза. Губы ея не дрожатъ, тѣло неподвижно, она вполнѣ владѣетъ собою. исполнена гордости и презрѣнія. Даже Эберъ не можетъ не отмѣтить на завтра въ своемъ листкѣ: «Надо сознаться, что эта дѣвка оставалась до самаго конца смѣлой и наглою».

Огромная площадь Революціи, нынѣшняя площадь Согласія, черна отъ народа. Десятки тысячъ съ ранняго утра на ногахъ, чтобы не пропустить рѣдкаго зрѣлища, когда по грубому выраженію Эбера королева «сводится національной бритвой наполовину». Толпа любопытныхъ дожидается уже часами. Чтобы какъ-нибудь разсѣять скуку, болтаютъ съ хорошенькой сосѣдкой, смѣются, рассказываютъ анекдоты, покупаютъ у газетчиковъ журналы и карикатуры, перелистываютъ послѣднія злободневныя брошюры: «Прощанье королевы со своими фаворитами и фаворитками» и т. п. Шушукуются и спорятъ на тему о томъ, чья голова упадетъ здѣсь завтра въ корзину, подкрѣпляютъ свои силы покупаемыми у уличныхъ разносчиковъ бутербродами, орѣхами, лимонадомъ. Предстоящій бала-спектакль настолько интересенъ, что стоитъ потерпѣть.

Надъ колышущимися волнами черной толпы любопытныхъ, покрывающей всю площадь, возвышаются два неподвижныхъ силуэта. Первый — стройныя линіи гильотины, этого деревяннаго моста, ведущаго изъ сего міра въ потусторонній. У верхней перекладки блеститъ въ скупыхъ лучахъ октябрьскаго солнца свѣже отточенный ножъ. Легко и свободно выдѣляется на фонѣ сѣраго

неба эта позабытая какимъ-то грознымъ божествомъ игрушка, и птицы, не понимающія мрачнаго значенія этого отвратительнаго инструмента, беззаботно кружатся надъ нимъ.

Гордо возвышаясь надъ этими воротами смерти, вырисовывается второй силуэтъ — стоящая неподалеку отъ гильотины исполинская статуя свободы, красующаяся на томъ пьедесталѣ, на которомъ еще недавно стоялъ памятникъ Людовика XV. Спокойно возсѣдаетъ неприступная богиня свободы съ челомъ, украшеннымъ фригійскимъ колпакомъ и съ мечемъ въ рукахъ. Высѣченная изъ камня богиня сидитъ неподвижно, устремивъ взоры въ пространство, и мечтаетъ. Ея бѣлые глаза глядятъ поверхъ вѣчно безпокойной, суевающейся у ея ногъ толпы, мимо стоящей по сосѣдству съ нею машины смерти, на что-то далекое и незримое. Она не видитъ окружающаго ее челоуѣчества, жизни, смерти, эта непостижимая и вѣчно любимая богиня съ мечтательными каменными глазами. Она не слышитъ обращенныхъ къ ней криковъ, не ощущаетъ ни возлагаемыхъ на ея колѣни вѣнковъ, ни той крови, которой удобрена почва у ея ногъ. Вѣчно чувствующая себя чужой среди людей, сидитъ она, молча устремивъ взоры вдаль на незримую для насъ цѣль. Она не спрашиваетъ и не знаетъ, что творится во имя нея.

Вдругъ толпа приходитъ въ движеніе, вскипаетъ и затѣмъ разомъ умолкаетъ. Въ наступившей тишинѣ слышны крики, доносящіеся со стороны улицы Сантъ-Онорэ видна приближающаяся кавалерія и наконецъ, изъ-за угла показывается повозка съ сидящей на ней связанной женщиной, бывшей королевой Франціи. Позади нея въ повозкѣ стоитъ палачъ Самсонъ, держа гордо въ одной рукѣ конецъ веревки, а въ другой униженно шляпу. На площади воцаряется мертвая тишина. Смолкаютъ крики разносчиковъ, разговоры и смѣхъ, становится такъ тихо, что слышны лишь тяжелая поступь запряженной въ повозку лошади, да скрипъ колесъ. Эти только-что весело болтавшіе и смѣявшіеся десятки тысячъ людей смущенно смотрятъ теперь съ чувствомъ за-

таеннаго ужаса на блѣдную связанную женщину, не устаивающую ихъ ни единымъ взглядомъ. Она знаетъ: ей осталось еще одно послѣднее испытаніе. Еще пять минутъ умирая и затѣмъ безсмертіе.

Повозка останавливается у эшафота. Спокойно и безъ посторонней помощи, «съ еще болѣе каменнымъ лицомъ, чѣмъ въ моментъ оставленія тюрьмы», всходитъ королева по досчатымъ ступенямъ эшафота. Она взбирается по нимъ въ своихъ черныхъ атласныхъ туфляхъ на высокихъ каблукахъ той же легкой граціозной походкой, какой нѣкогда спускалась по мраморнымъ лѣстницамъ Версаля. Теперь еще одинъ разсѣянный взглядъ въ небеса поверхъ головъ собравшейся у подножія эшафота ненавистной толпы.

Узнаетъ ли она тамъ, неподалеку, въ осеннемъ туманѣ Тюльерійскій дворецъ, въ которомъ она столько выстрадала? Вспоминаетъ ли она въ эту послѣднюю, самую послѣднюю минуту тотъ день, когда эта самая толпа восторженно привѣтствовала ее въ саду этого самага дворца въ качествѣ супруги наследника престола? Никто не знаетъ послѣднихъ мыслей умирающаго.

Еще моментъ, и все кончено. Палачи хватаютъ ее сзади, быстро бросаютъ на доску, голову подъ лезвіе, дергаютъ за веревку, молнія стремительно летящаго сверху ножа, глухой ударъ, и Самсонъ уже держитъ за волосы обезкровленную голову и поднимаетъ ее всѣмъ напоказъ высоко надъ площадью. Ужасъ, спиравшій дыханіе десятковъ тысячъ зрителей, порывисто разряжается въ единомъ дикомъ крикѣ. «Да здравствуетъ республика», — гремитъ, какъ изъ одной глотки, освободившейся отъ сдавливающей ее руки.

Затѣмъ толпа почти торопливо расходится. Ахъ ты, Господи, вѣдь уже четверть перваго, пора обѣдать. Теперь пѣсکورѣе домой, чего тутъ еще стоять. Завтра и почти ежедневно въ теченіе послѣдующихъ недѣль и мѣяцевъ можно вѣдь еще любоваться на этой же площади подобнымъ же зрѣлищемъ.

Толпа разсѣялась. Въ маленькой телѣжкѣ отвозятъ помощники палача трупъ казненной, положивъ отрублен-

ную голову между ногъ. Нѣсколько жандармовъ еще охраняетъ эшафотъ. Никто не заботится о медленно стекающей на землю крови. Площадь пустѣетъ.

Только заточенная въ бѣлый камень богиня свободы остается недвижимо на своемъ мѣстѣ и все также неотрывно глядитъ на свою незримую цѣль. Она ничего не видѣла, ничего не слыхала. Строго взираетъ она поверхъ дикой и нелѣпой людской суеты въ вѣчную даль. Она на знаетъ и не желаетъ знать о томъ, что творится во имя нея.

Надгробныя стenanія

Слишкомъ много событій происходитъ въ эти мѣсяцы въ Парижѣ, чтобы можно было долго думать объ одной смерти отдѣльнаго лица. Чѣмъ быстрѣ летитъ время, тѣмъ короче людская память. Нѣсколько дней, двѣ-три недѣли, и въ Парижѣ абсолютно забыли о томъ, что обезглавили и похоронили какую-то королеву Марію-Антуанетту. На слѣдующій день послѣ казни Эберъ еще кричитъ въ своей газеткѣ: «Я видѣлъ, какъ упала въ мѣшокъ голова Мадамъ Вето, и я хотѣлъ бы, чортъ побери, имѣть возможность изобразить то удовольствіе, которое испытали санкюлоты, когда эту архи-тигрицу везли по Парижу въ повозкѣ изъ тридцати шести жердей... Ея проклятую голову отдѣляютъ, наконецъ, отъ ея бледскаго тѣла, и воздухъ содрагается, чортъ побери, отъ криковъ: «Да здравствуетъ республика!»

Но его почти не слушаютъ, въ эпоху террора каждый дрожитъ за собственную голову. Гробъ съ останками казненной продолжаетъ пока все еще стоять на кладбищѣ непогребеннымъ, не рыть же могилу ради одного челоуѣка. Это было бы слишкомъ дорого. Поджидаютъ новаго транспорта, имѣющаго быть доставленнымъ гильотиной, и только когда собирается достаточная порція, гробъ Маріи-Антуанетты поливаютъ негашенной из-

вестью и зарываютъ вмѣстѣ съ остальными въ одной братской могилѣ. Этимъ все дѣло исчерпано.

Въ тюрьмѣ маленькая собачка королевы бѣгаетъ еще нѣсколько дней безпокойно изъ одной комнаты въ другую и вспрыгиваетъ на всѣ матрацы въ поискахъ своей госпожи, но вскорѣ и собачка успокаивается, и сострадательный тюремный надзиратель забираетъ ее къ себѣ. Затѣмъ въ кассу городского управленія является могильщикъ и представляетъ счетъ — «шесть ливровъ за гробъ для вдовы Капетъ, пятнадцать ливровъ и тридцать пять су за могилу и работу могильщиковъ». Потомъ судейскій чиновникъ собираетъ еще нѣсколько жалкихъ оставшихся послѣ королевы платьевъ и другихъ предметовъ одежды, составляетъ протоколъ и отправляетъ эти вещи въ одинъ изъ госпиталей, старыя больныя женщины донашиваютъ эти платья, не зная и не спрашивая о томъ, кому они раньше принадлежали. Этимъ для современниковъ окончательно ликвидируется все, что имѣетъ отношеніе къ Маріи-Антуанеттѣ. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ въ Парижъ прѣзжаетъ какой-то нѣмецъ и спрашивается о могилѣ Маріи-Антуанетты, ни одинъ человекъ во всемъ городѣ не въ состояніи дать ему справку о томъ, гдѣ похоронена бывшая королева Франціи.

По ту сторону границы казнь Маріи-Антуанетты — ея вѣдь ожидали со дня на день — тоже не производитъ особаго впечатлѣнія. Герцогъ Кобургскій, у котораго не хватило мужества своевременно ее спасти, говоритъ въ приказѣ по арміи въ патетическихъ словахъ о предстоящей мести за эту казнь. Графъ Прованскій, котораго эта казнь подвинула еще на шагъ по пути къ будущему Людовику XVIII — теперь остается еще только спрятать или устранить маленькаго мальчика, живущаго въ Тамплѣ, — велитъ служить торжественныя панихиды. При вѣнскомъ дворѣ императоръ Францъ, которому лѣтъ было написать хоть одно письмо для спасенія Маріи-Антуанетты, объявляетъ теперь глубокой трауръ. Придворныя дамы надѣваютъ черныя платья, его величество нѣсколько недѣль не посѣщаетъ театровъ, газеты, согласно отданнымъ имъ приказаніямъ, мечутъ громъ и

молніи противъ парижскихъ якобинцевъ. Милостиво соглашаются принять брилліанты, ввѣренныя въ свое время Маріей-Антуанеттой посланнику Мерси, а впоследствии обмѣнивають ея дочь на захваченныхъ въ плѣнъ комиссаровъ конвента.

Но когда рѣчь идетъ о возмѣщеніи денегъ, затраченныхъ на попытки спасти Марію-Антуанетту, и о погашеніи выданныхъ ею долговыхъ обязательствъ, вѣнскій дворъ притворяется глухимъ. Вообще не позволяютъ напоминать о казни королевы, и императорская совѣсть нѣсколько смущена тѣмъ, что на глазахъ всего міра кровавая родственница была какъ никакъ оставлена на произволъ судьбы. Еще нѣсколько лѣтъ спустя Наполеонъ отмѣчаетъ: «Въ австрійскомъ императорскомъ домѣ принято за правило не упоминать о французской королевѣ. При имени Маріи-Антуанетты они опускаютъ глаза и даютъ разговору другое направленіе, какъ будто желаютъ уклониться отъ неподходящей, тягостной темы. Это правило строго соблюдается всей семьей и внушено также иностраннымъ представителямъ въ Австрію».

Одного только человѣка вѣсть о казни Маріи-Антуанетты поражаетъ въ самое сердце: Ферзена, преданныйшаго изъ преданныхъ. Ежедневно ждалъ онъ со страхомъ и трепетомъ этой ужасной вѣсти: «Давно уже пытаюсь я приготовить себя къ этому и думаю что смогу, такимъ образомъ, воспринять это извѣстіе безъ особаго потрясенія». Но когда въ Брюссель прибываютъ газеты съ сообщеніемъ о казни, онъ чувствуетъ себя совершенно раздавленнымъ: «Та, которая была мнѣ дороже жизни, — пишетъ онъ своей сестрѣ, — и которую я никогда, никогда, ни на мгновеніе не переставалъ любить, та, ради которой я охотно пожертвовалъ-бы всѣмъ, та, значеніе которой для меня я лишь теперь по настоящему ощущаю и за которую я отдалъ бы тысячу жизней. — не существуетъ больше. Бѣже мой, за что Ты меня такъ наказываешь, чѣмъ заслужилъ я Твой гнѣвъ? Ея больше нѣтъ въ живыхъ, скорбь моя достигла своего предѣла, и я не понимаю, какъ я самъ еще живу. Я не знаю, какъ

вообще сношу я свое горе, ибо оно безпредѣльно и никогда не уляжется. Она будет неизмѣнно жить въ моей памяти и я буду постоянно оплакивать ее. Мой дорогой другъ, о, зачѣмъ я не умеръ подлѣ нея, за нее въ тотъ день 20 іюня, я былъ бы неизмѣримо счастливѣе, чѣмъ теперь, когда я обреченъ страдать всю жизнь и дѣлать себѣ постоянные упреки, которые окончатся только съ моей жизнью, ибо никогда, никогда не изгладится въ моемъ воспоминаніи ея обожаемый образъ.»

Ничто не въ состояніи возмѣститъ ему понесенную имъ утрату. Много мѣсяцевъ спустя записываетъ онъ въ свой дневникъ: «О, я чувствую каждый день, какъ много я потерялъ, и какимъ совершенствомъ во всѣхъ отношеніяхъ она была. Никогда не существовало и не будетъ существовать женщины, подобной ей». Долгіе годы не ослабляютъ его горя, и все служитъ для него поводомъ вспоминать о любимой. Когда онъ въ 1796 году пріѣзжаетъ въ Вѣну и тамъ видитъ при императорскомъ дворѣ впервые дочь Маріи-Антуанетты, встрѣча эта производитъ на него такое сильное впечатлѣніе, что глаза его наполняются слезами. «Колѣни мои дрожали, когда я спускался по лѣстницѣ. Я ощущалъ сильную боль и сильную радость и былъ глубоко потрясенъ».

Всякій разъ, какъ онъ видитъ дочь Маріи-Антуанетты, въ его глазахъ, при воспоминаніи и матери, появляются слезы, его влечетъ къ этой крови отъ ея крови. Но ей ни разу не позволяютъ сказать Ферзена ни единого слова. Послѣдствіе ли это тайнаго уговора о преданіи забвенію принесенной въ жертву, или же результатъ воздѣйствія строгаго духовника, который, быть можетъ, знаетъ о «преступной» связи матери ея съ этимъ чело-вѣкомъ? Австрійскій дворъ относится отрицательно къ пребыванію Ферзена и очень доволенъ, когда тотъ уѣзжаетъ. Этотъ преданнѣйшій изъ преданныхъ никогда не услышалъ слова благодарности отъ Габсбургскаго дома.

Послѣ смерти Маріи-Антуанетты Ферзенъ становится непривѣтливымъ, сухимъ чело-вѣкомъ. Міръ кажется ему холоднымъ и несправедливымъ, жизнь безсмысленной,

его политическое и дипломатическое честолюбіе окончательно сходять на нѣтъ. Въ годы войны онъ скитался по всей Европѣ въ качествѣ посланника, то онъ въ Вѣнѣ, то въ Карлсруэ, въ Раштадтѣ, въ Италіи, въ Швеціи. Онъ заводитъ связи съ другими женщинами, но все это не заполняетъ его внутренне, и въ дневникъ его то и дѣло попадаютъ доказательства того, что истиннымъ смысломъ его жизни является только память о любимой тѣни. Въ день ея смерти, 16-го октября, въ дневникъ его значится много лѣтъ спустя: «Этотъ день является днемъ благоговѣнія. Я никогда не могъ забыть, какую незамѣнимую утрату я понесъ. Мое сожалѣніе будетъ жить такъ долго, какъ я самъ».

Но еще и вторую дату Ферзень неизмѣнно отмѣчаетъ, какъ роковой день своей жизни, 20 іюня. Онъ никогда не могъ простить себѣ, что въ этотъ день подчинился приказу Людовика XVI и оставилъ Марію-Антуанетту. Онъ все больше и больше воспринимаетъ этотъ день, какъ свою личную, неискупленную вину. Было бы гораздо лучше и героичнѣе, упрекаетъ онъ себя неизмѣнно, быть тогда растерзаннымъ въ клочки толпой, чѣмъ пережить ее и жить дальше безъ радости для сердца и съ душой, отягченной укорами.

«Зачѣмъ я не умеръ тогда, 20 іюня, за нее?» — этотъ мистическій упрекъ постоянно повторяется въ дневникъ Ферзена.

Судьба любитъ аналогіи случайностей и таинственную игру чиселъ. Годы спустя она исполняетъ романтическое желаніе Ферзена. Какъ разъ въ этотъ день, 20-го іюня приходитъ къ нему желанная смерть, и какъ разъ съ той формѣ, о которой онъ мечталъ. Ферзень постепенно, самъ къ тому не стремясь, только въ силу своего имени, достигаетъ у себя на родинѣ высокаго положенія: онъ становится маршаломъ дворянства и самымъ вліятельнымъ совѣтникомъ короля, могущественнымъ чело-вѣкомъ. Со дня пресловутаго бѣгства въ Вареннъ, онъ ненавидитъ народъ, похитившій у него его королеву, относится къ нему, какъ къ злобной черни, какъ къ пизкой

сволочи и народъ въ свою очередь ненавидить этого суроваго, гордаго дворянина. Враги его тайно распускаютъ слухъ, будто этотъ наглый феодалъ, желая отомстить Франціи, хочетъ стать королемъ Швеціи, и втянуть народъ въ войну.

Когда въ іюнѣ 1810 года внезапно умираетъ наслѣдникъ шведскаго престола, по всему Стокгольму распространяется какимъ-то таинственнымъ образомъ дикій и опасный слухъ о томъ, будто маршалъ дворянства фонъ Ферзенъ отравилъ наслѣдника, чтобы расчистить себѣ путь къ престолу. Съ этого момента народный гнѣвъ такъ же угрожаетъ жизни Ферзена, какъ онъ угрожалъ жизни Маріи-Антуанетты во время революціи. Въ день похоронъ наслѣдника благожелательные друзья Ферзена, которые слышали о разныхъ темныхъ планахъ, предостерегаютъ его, чтобы онъ не принималъ участія въ погребальной церемоніи, а лучше оставался изъ предосторожности дома. Но это какъ разъ 20-е іюня, мистическій, роковой для Ферзена день . . . Какая-то тайная сила побуждаетъ его пойти навстрѣчу предчувствуемой имъ судьбѣ. И въ Стокгольмѣ происходитъ 20 іюня то же самое, что произошло бы восемнадцать лѣтъ тому назадъ въ этотъ день въ Парижѣ, если бы толпа нашла Ферзена въ каретѣ въ качествѣ спутника Маріи-Антуанетты. Едва карета покидаетъ дворецъ, какъ объятая бѣшенствомъ толпа прорывается сквозь военный кордонъ, вытаскиваетъ сѣдовласаго Ферзена изъ кареты и избиваетъ беззащитнаго человѣка палками и камнями на смерть.

Мерещившееся Ферзену видѣніе 20 іюня осуществилось: растоптанная той же дикой необузданной стихіей, которая вынесла Марію-Антуанетту на эшафотъ, лежитъ передъ Стокгольмской ратушей окровавленный и изуродованный трупъ «красавца Ферзена», послѣдняго паладина послѣдней королевы. Жизнь разлучила ихъ, но въ роковой для обоихъ день онъ хотъ погибаетъ символической смертью, какъ будто за нее.

Съ Ферзеномъ ушелъ изъ міра послѣдній человѣкъ, любовно относившійся къ памяти Маріи-Антуанетты. Но и люди и людскія тѣни воистину живутъ лишь до тѣхъ поръ, пока они дѣйствительно любимы какимъ-нибудь живымъ существомъ на землѣ. Надгробный плачь Ферзена есть послѣднее проявленіе преданности по отношенію къ Маріи-Антуанеттѣ. Затѣмъ наступаетъ полная тишина. Ея оставшіеся еще въ живыхъ друзья умираютъ, Трианонъ приходитъ въ упадокъ, его причудливые сады зарастаютъ, картины и мебель, въ гармоничномъ сочетаніи которыхъ отражалась ея прелесть, продаютъ съ аукціона, и послѣдній вещественный слѣдъ земного бытія Маріи-Антуанетты окончателно стирается.

Неудержимо течетъ время и вмѣстѣ съ нимъ кровь, одни событія смѣняются другими: революція угасаетъ, появляется Бонапартъ, скоро его начинаютъ называть Наполеономъ, затѣмъ онъ становится императоромъ Наполеономъ и беретъ себѣ въ жены снова австрійскую эрцгерцогиню изъ Габсбургскаго дома. Но и она, эта Марія-Луиза, связанная узами крови съ Маріей-Антуанеттой, не справляется ни разу о томъ — для насъ такое тупое безразличіе совершенно непонятно. — гдѣ покоится послѣднимъ сномъ женщина, которая жила и страдала до нея въ тѣхъ же покояхъ Тюльерійскаго дворца. Никогда еще столь недавно ушедшій изъ жизни человѣкъ, никогда еще ни одна королева не была такъ быстро, холодно и жестоко позабыта своими ближайшими родственниками и потомками.

Наконецъ, наступаетъ нѣкоторый поворотъ, обусловленный угрызениями совѣсти. Графъ Прованскій вступаетъ черезъ три милліона труповъ на французскій престолъ подъ именемъ Людовика XVIII. Наконецъ-то, наконецъ онъ достигъ своей цѣли. Такъ какъ всѣ, столь долго преграждавшіе путь его честолюбію. — Людовикъ XVI, Марія-Антуанетта, ихъ несчастный ребенокъ Людовикъ XVII, — устранены, и такъ какъ мертвые не могутъ встать и заявить свои претензіи, то почему бы не возвести имъ пышнаго мавзолея? Теперь, наконецъ, отдается распоряженіе разыскать ихъ могилы, — до того

родной братъ никогда не справлялся о томъ, гдѣ покоится тѣло его убитаго брата.

Но послѣ двадцати двухъ лѣтъ такого потрясающаго безразличія это нелегко сдѣлать, ибо въ злосчастномъ монастырскомъ саду при церкви Мадлены, почву котораго терроръ удобрилъ тысячами труповъ, заваленные работою могильщики не успѣвали отмѣчать отдѣльныя могилы. Они наскоро закапывали, кладя другъ на друга или рядышкомъ всѣхъ покойниковъ ежедневно поставлявшихся имъ ненасытной гильотиной. Ни крестомъ, ни короной не помѣчено мѣсто послѣдняго упокоенія казненныхъ повелителей Франціи. Извѣстно лишь, что конвентъ приказалъ засыпать трупы короля и королевы негашеной известью. Роютъ и роютъ.

Наконецъ, заступъ натывается на твердый слой. И по полусгнившей подвязкѣ узнаютъ, что горсточка сѣрватой пыли, которую съ содроганіемъ вынимаютъ изъ сырой земли, представляетъ собой послѣдній слѣдъ того исчезнушаго существа, которое слыло для своей эпохи богиней граціи и вкуса, а потомъ стало символомъ чело-вѣческаго страданія.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Выдаютъ замужъ дитя	5
Тайна алькова	16
Версальскій дебютъ	21
Борьба за одно слово	27
Завоеваніе Парижа	37
Король умеръ, да здравствуетъ король!	45
Королева Рококо	53
Трианонъ	64
Новое общество	71
Братъ навѣщаетъ сестру	79
Материнство	84
Королева утрачиваетъ симпатіи	93
Молнія ударяетъ въ театръ Рококо	101
Дѣло объ ожерельѣ	112
Процессъ и приговоръ	133
И народъ, и королева просыпаются	146
Рѣшающее гѣто	151
Друзья обращаются въ бѣгство	161
Появленіе друга	169
Послѣдняя ночь въ Версалѣ	178
Похоронная процессія монархіи	188
Отрезвленіе	198
Мирабо	204
Подготовка къ бѣгству	214
Бѣгство въ Вареннъ	225
Ночь въ Вареннъ	236
Обратная поѣздка	243

	Стр.
Всѣ обманываютъ другъ друга	253
Послѣднее появленіе друга	257
Война какъ послѣдняя надежда	264
Послѣдніе крики	269
Десятое августа	274
Тамплъ	287
Марія-Антуанетта одна	300
Предѣльное одиночество	309
Тюрьма Консьержери	323
Послѣдняя попытка	329
Величайшая гнусность	339
Процессъ начинается	352
Судебное засѣданіе	358
Послѣдняя поѣздка	372
Надгробныя стенанія	380

Беллетризованная биография «Мария Антуанетта» увидела свет в 1932 г. В 1933 г. ее издали на английском, датском, итальянском, французском языках, в 1942-м – на испанском, в 1946-м – на шведском, в 1950-м – на греческом и японском. В общей сложности за двадцать лет вышло более пятидесяти изданий. Книга вызвала большую прессу: за 1933–1937 гг. опубликовано около пятидесяти статей. В США в 1938 г. роман был экранизирован.

Судьба книги в нашей стране сложилась далеко не так счастливо. 4 января 1933 г. Ст. Цвейг послал в ленинградское кооперативное издательство «Время», которое в 1927–1932 гг. выпустило двенадцатитомное собрание его сочинений, следующее письмо:

Многоуважаемые господа!

Не знаю, получили ли вы уже мою «Марию Антуанетту», но прошу вас при возможности сообщить мне, реально ли издание этой вещи в России, – ведь речь там все-таки идет о королеве. Одно зарубежное русское издательство, находящееся в Париже, уже обратилось ко мне с предложением издать эту книгу, однако я ответил им отказом, потому что не желаю, чтобы мои вещи печатались сначала на той стороне. Скажите мне, пожалуйста, прямо и открыто, есть ли препятствия к изданию этой книги. Ее успех в Германии был совершенно исключительный; отпечатано уже сорок тысяч экземпляров, и сейчас печатают следующие десять тысяч.

С наилучшими пожеланиями
Ваш Стефан Цвейг.

Ответа на это письмо писатель, по-видимому, не получил: издательство свертывало свою работу и вскоре прекратило существование.

На русском языке «Мария Антуанетта» была впервые издана все же «на той стороне» – в Риге в 1933 г. (издательство «Культурная жизнь», перевод В. Златогорского) со странной надписью на титульном листе: «Обработано для русского издания». В книге нет нескольких глав, очень много купюр. Тираж издания – 700 экземпляров.